1007

К. А. ПАЖИТНОВЪ.

Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи.

Томъ I.

ХАРЬКОВЪ,
ТИПОГРАФІЯ „ПЕЧАТНИКЪ",
РЫБНАЯ, 28.
1913.

К. А. ПАЖИТНОВЪ.

Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи.

Томъ I.

ХАРЬКОВЪ,
ТИПОГРАФІЯ „ПЕЧАТНИКЪ".
РЫБНАЯ, 28.
1913.

6и

Посвящается

моему дорогому другу

О. П.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Глава I. 30-е и 40-е годы.

Появленіе соціалистическихъ идей въ Россіи. Кружокъ Герцена и Огарева; первые сенъ—симонисты и ихъ разногласія съ членами кружка Станкевича. Соціально-политическіе взгляды Бѣлинскаго въ концѣ 30-хъ годовъ, и ихъ дальнѣйшая эволюція. Петрашевскій и его „общество". Успѣхъ фурьеристской пропаганды. „Карманный словарь иностранныхъ словъ"; первая попытка къ устройству фаланстера. Увлеченіе соціально-экономическими вопросами и пренебреженіе къ политикѣ. Вліяніе западныхъ утопистовъ; возникновеніе догмата объ особомъ пути развитія, какъ причина укрѣпленія аполитизма. Книга Гакстгаузена о Россіи и ея вліяніе на радикальную интеллигенцію. Взгляды Гакстгаузена на общину, артель, кустарную промышленность и крупное производство; ихъ ошибочность. 5

Глава II. 50-е годы.

Герценъ; переломъ въ его взглядахъ послѣ пораженія революціи 1848 г. Обоснованіе взгляда на возможность особаго пути развитія для Россіи. Идеализація общины и артели. Консервативный характеръ „русскаго соціализма". Политическія требованія. Программа *Колокола*. Вѣра Герцена въ мирный путь развитія и въ союзъ самодержавія съ народной партіей. Чернышевскій. Критическое отношеніе къ мессіанизму Россіи. Взглядъ на экономическое развитіе страны. Отношеніе къ домашней промышленности и его непослѣдовательность. Эволюція взглядовъ Чернышевскаго на общину. Какой выводъ слѣдуетъ изъ „Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины"? Незаконченность и противорѣчивость аргументаціи автора въ вопросѣ объ общинѣ. Политическіе взгляды Чернышевскаго; отношеніе къ конституціи и абсолютизму. Близость этихъ взглядовъ ко взглядамъ Герцена и общій ихъ утопическій характеръ. 39

Стр.

Глава III. 60-е годы.

Переломъ въ настроеніи радикальной интеллигенціи. Появленіе первыхъ произведеній нелегальной литературы. Эволюція *Колокола*.—Воззваніе „Къ молодому поколѣнію“.—„Молодая Россія“; критика ея со стороны Герцена. „Великоруссъ“; возраженія со стороны Михайлова.—Воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“; его мѣсто въ ряду программъ и значеніе для оцѣнки поворота во взглядахъ Чернышевскаго. Былъ ли послѣдній родоначальникомъ западническаго направленія русской соціалистической мысли? Усиленіе реакціи; учащаяся молодежь, какъ единственно оставшійся очагъ революціоннаго броженія. „Земля и Воля“. „Организація“ и „Адъ“.—Общество „топора или народной расправы“; его программа и тактика въ связи съ позднѣйшими планами Нечаева.—Характеристика взглядовъ Герцена въ послѣдніе годы его жизни; паденіе авторитета его. Усиленіе интереса къ политикѣ; пропаганда въ пользу „Земскаго собора“. 76

Глава IV. 70-е годы.

Бакунинъ; общая характеристика. Взгляды Бакунина въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; близость ихъ ко взглядамъ Герцена. Эволюція въ сторону анархизма; новый взглядъ на государство и революцію. Критическое отношеніе къ политической свободѣ и общинѣ, вѣра въ разрушеніе и деклассированные элементы. Отрицаніе науки; проповѣдь бунтарства. Заговорщическій характеръ дѣятельности.—Лавровъ. „Историческія письма“. *Впередъ*. Подчиненіе политическаго элемента экономическому. Соціальный переворотъ въ Россіи подготовляется развитіемъ капитализма. Отношеніе къ общинѣ и артели. Отрицаніе конституціи. Эволюція отъ анархизма къ государственности; нерѣшительность ея. Отношеніе *Впередъ* къ бакунинскому и марксистскому направленію въ „Интернаціоналѣ“. Подготовительное значеніе интеллигенціи. Общая характеристика Лаврова.—Программа русской вѣтви Интернаціонала.—Пропагандисты и бунтари.—Хожденіе „въ народъ“; его цѣли, характеръ и результаты.—Ткачевъ; его критика Лаврова и Бакунина. *Набатъ*—проповѣдь захвата власти въ качествѣ средства реализаціи соціальной революціи. „Земля и Воля“—какъ синтезъ взглядовъ пропагандистовъ и бунтарей; разложеніе ея подъ вліяніемъ перевѣса боевого настроенія.—„Народная Воля“ и торжество якобинства. Возвеличеніе политическаго момента и разрушеніе одного изъ основныхъ догматовъ стараго народничества.—„Черный передѣлъ“. „Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ“—и особенности его программы. Зарожденіе самостоятельнаго рабочаго движенія.—Общая характеристика движеній семидесятыхъ годовъ. Основная причина ихъ неудачъ. 113

Стр.

Глава V. Народничество въ 80-е и 90-е годы.

Упадокъ настроенія среди передовой интеллигенціи и стремленіе къ пересмотру общественно-экономическихъ идей. Михайловскій; его вѣра въ рѣшающее значеніе разума при выборѣ пути развитія. Враждебное отношеніе къ экономическому прогрессу. Консервативный характеръ рабочаго вопроса въ Россіи. Политическіе взгляды Михайловскаго. Скептическое отношеніе къ возможности избѣжанія капиталистической стадіи. Попытка раставраціи стараго народничества, предпринятая В. В. Невозможность успѣшнаго развитія капитализма въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія внѣшнихъ рынковъ. Упадокъ крупной промышленности. Благопріятныя перспективы для народнаго производства; подъемъ послѣдняго въ Россіи и на Западѣ. Книга Корсака о „формахъ промышленности" и ея вліяніе на В. В. Отреченіе отъ политики и возвращеніе къ мысли о союзѣ между самодержавіемъ и интеллигенціей.—„Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства" Николая—она. Капитализація земледѣльческихъ доходовъ и капитализація промысловъ, какъ основная причина разложенія общины. Отсутствіе благопріятныхъ шансовъ для капитализма. Необходимость вступленія на путь развитія исконныхъ народныхъ началъ.—Возраженія Ф. Энгельса. Письмо К. Маркса къ Н. Михайловскому и дальнѣйшее развитіе спора по вопросу объ особомъ пути развитія для Россіи 204

Глава VI. Возникновеніе марксизма; группа „Освобожденія Труда".

Основаніе группы „Освобожденіе Труда". Условія ея возникновенія и общая характеристика новаго направленія. „Соціализмъ и политическая борьба" Плеханова. Полемика съ народовольцами по вопросу о захватѣ власти. Обоснованіе необходимости самостоятельной рабочей партіи въ Россіи. Отношеніе къ крестьянскому движенію. „Наши разногласія" Плеханова. Общія взгляды марксизма на ходъ экономическаго развитія Россіи и роль буржуазіи; отношеніе къ общинѣ. Остатки утопизма, унаслѣдованные отъ народничества: мысль о недолговѣчности капитализма въ Россіи и о возрожденіи общины при политическомъ переворотѣ. Проектъ соціалъ-демократической программы. Задачи интеллигенціи. Отношеніе къ террору. 246

Предисловіе.

Въ изслѣдованіи, которое предлагается теперь вниманію читателя, я поставилъ себѣ задачей прослѣдить развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи, начиная съ перваго ихъ появленія, т. е. съ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, и кончая началомъ текущаго столѣтія. Такимъ образомъ, настоящее изслѣдованіе не есть исторія революціонныхъ идей, ибо послѣдняя восходитъ къ гораздо болѣе отдаленному времени, точно также какъ оно не является и исторіей соціалистическаго движенія, ибо вопросу о распространеніи указанныхъ идей отводится здѣсь лишь второстепенное мѣсто—это я подчеркиваю для того, чтобы читатель не искалъ въ книгѣ того, чего въ ней нѣтъ.

Несмотря на такое ограниченіе задачи, едва ли нужно много останавливаться на выясненіи ея важности и интереса. Литература по данному вопросу разрослась за послѣдніе годы до огромныхъ размѣровъ, но будучи посвящена главнымъ образомъ изображенію и анализу отдѣльныхъ лицъ, событій и организацій, которыя оставили по себѣ слѣдъ въ исторіи движенія, она до сихъ поръ еще очень бѣдна работами обобщающаго характера. Фактическаго матеріала для исторіи развитія соціалистическихъ идей,—по крайней мѣрѣ по отношенію къ первому пятидесятилѣтію,—накоплено уже въ достаточной мѣрѣ, чтобы можно было отважиться на попытку обозрѣть этотъ процессъ во всей его широтѣ. Въ какой мѣрѣ эта задача выполнена мною, судить конечно не мнѣ. Долгое время единственной книгой, изъ которой русскіе и иностранные читатели почерпали свои свѣдѣнія о соціализмѣ въ Россіи, была извѣстная работа базельскаго профессора А. Туна—«Исторія революціонныхъ движеній

въ Россіи», но въ настоящее время она должна быть признана уже совершенно устарѣвшей вслѣдствіе недостаточнаго знакомства автора съ первоисточниками и скудости матеріала, которымъ онъ располагалъ; къ тому же начальный періодъ развитія соціалистическихъ идей остался вообще внѣ разсмотрѣнія, не говоря уже о позднѣйшемъ. Въ виду этого никакія комментаріи и дополненія, какими была снабжена книга Туна въ недавнее время—какъ ни интересны они сами по себѣ—не могутъ поправить дѣла и вернуть ей ея былое значеніе. Большой коллективный трудъ, предпринятый подъ редакціей Мартова, Маслова и Потресова—«Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX в.» по самому замыслу своему долженъ охватывать лишь послѣдній періодъ и потому въ немъ нѣтъ мѣста для разсмотрѣнія эволюціи соціалистическихъ идей въ прошломъ. Ивановымъ-Разумникомъ, авторомъ «Исторіи русской общественной мысли» была обѣщана въ 1908 г. также «Исторія русскаго соціализма и анархизма», но до сихъ поръ еще—насколько мнѣ извѣстно—ея не появлялось въ печати. На нѣмецкомъ языкѣ издается въ настоящее время изслѣдованіе Л. Кульчицкаго «Geschichte der russischen Revolution» (изъ предположенныхъ авторомъ пяти частей вышло пока двѣ), но оно мало доступно русской публикѣ; къ тому же въ немъ большее вниманіе обращается на исторію организацій и изображеніе хода внѣшнихъ событій, чѣмъ на анализъ идей, лежащихъ въ ихъ основѣ. Недостаточное изученіе первоисточниковъ при характеристикѣ излагаемыхъ доктринъ составляетъ такую же слабую сторону въ книгѣ Кульчицкаго, какъ и у Туна.

Настоящій трудъ является продолженіемъ и завершеніемъ того, который былъ начатъ мною въ 1904 году и имѣлъ своей цѣлью изученіе рабочаго вопроса въ Россіи—см. «Положеніе рабочаго класса» и «Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи». Тамъ были выяснены условія возникновенія и главнѣйшіе моменты развитія у насъ рабочаго движенія; здѣсь выясняется внутренняя сторона этого процесса, его идеологія. Правда, первыя соціалистическія идеи не имѣли

никакого отношенія къ рабочему движенію и долгое время въ кругахъ русской радикальной интеллигенціи господствовало убѣжденіе, что у насъ мыслимъ лишь аграрный соціализмъ. Но вѣдь и на Западѣ первыя соціалистическія системы имѣли въ виду вовсе не наемный пролетаріатъ, а крестьянство и ремесленниковъ; это не помѣшало однако тому, что въ дальнѣйшемъ соціализмъ сталъ отождествляться съ движеніемъ рабочаго класса. У насъ борьба между концепціями аграрнаго и рабочаго соціализма затянулась особенно долго, въ силу общей отсталости нашей страны; вотъ почему такъ много мѣста приходится удѣлять ей на страницахъ настоящей книги. Но теперь эта борьба повидимому приближается уже къ концу. Иллюзіи, которыми былъ такъ богатъ русскій соціализмъ, мало по малу разсѣиваются и этимъ самымъ открывается поле для широкаго развитія положительнаго творчества, котораго ему недоставало до сихъ поръ.

Въ указателѣ литературы, помѣщаемомъ въ концѣ каждой главы, приводятся главнѣйшіе источники, относящіеся къ ней, за исключеніемъ тѣхъ, которые были указаны уже въ предшествующихъ главахъ. Изданія рѣдкія или недоступныя, какъ напр. «Словарь иностранныхъ словъ» Кириллова, Герценъ — «Du développement des idées revolutionnaires en Russie», «Колоколъ» и др. интересующіеся читатели могутъ достать въ Императорской Публичной библіотекѣ и въ Отдѣлѣ освободительнаго движенія при библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ.

Октябрь 1912 г.

ГЛАВА I.

30-ые и 40-ые годы.

Когда Петръ Великій прорубалъ своей мощной рукой окно въ Европу, онъ, конечно, не могъ предвидѣть, сколько усилій будетъ затрачено его преемниками на то, чтобы заколотить его снова, и сколькихъ хлопотъ будетъ имъ стоить борьба съ хлынувшимъ оттуда потокомъ новыхъ идей, воззрѣній и стремленій, выработанныхъ болѣе развитой жизнью Запада. Вслѣдъ за вольнодумствомъ «вольтерьянцевъ», т. е. французскихъ просвѣтителей, и за идеями Великой революціи стали распространяться у насъ—начиная съ 30-хъ годовъ XIX вѣка—и новыя соціальныя ученія, выработанныя великими утопистами начала прошлаго столѣтія—III. Фурье, Сенъ-Симономъ и Р. Оуэномъ. Если тамъ, на Западѣ, это новое умственное теченіе, окрещенное неизвѣстнымъ дотолѣ именемъ соціализма, выросло на почвѣ движеній среди рабочаго класса, какъ результатъ выступленія на историческую сцену четвертаго сословія и какъ первая, несовершенная попытка дать отвѣтъ на предъявленные имъ запросы, то въ Россіи, гдѣ надъ народомъ еще тяготѣло проклятіе крѣпостного права, а общественная жизнь высшихъ классовъ, зажатая въ суровыя тиски Николаевскаго режима, едва-едва теплилась,—соціалистическія идеи, естественно, могли найти себѣ пріютъ только въ узкихъ кругахъ радикальной интеллигенціи. Но въ то удивительное время даже частная критика существующаго строя или простое недонесеніе о ней правительству считались за тяжкое преступленіе, и потому даже въ невинной формѣ чтенія въ кружкахъ увлеченіе новыми идеями подверглось жестокому гоненію и преслѣдованіямъ. Такая судьба постигла въ теченіе Николаевскаго царствованія два кружка — Герцена и Петрашевскаго.

Разгромъ политическаго движенія двадцатыхъ годовъ, связаннаго съ именемъ декабристовъ, вызвалъ сильную реакцію

сверху и совершенно обезсилилъ оппозиціонные элементы дворянства и нарождающейся интеллигенціи. Общественная жизнь замерла: говоря словами кн. Вяземскаго, въ Россіи не было въ то время общества, а было одно народонаселеніе... Правда, образъ декабристовъ оставался въ памяти молодого поколѣнія, и ихъ примѣръ звалъ на продолженіе борьбы за освобожденіе народа. «Въ нравственномъ отношеніи вліяніе событія 14 декабря, говоритъ Герценъ, было огромно; пушки на Исаакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе». Однако, нужно было нѣсколько десятилѣтій, чтобы русская жизнь могла оправиться отъ этого удара, и во всякомъ случаѣ интересъ къ вопросамъ политической свободы, т. е. введенію конституціи въ Россіи, замираетъ почти до конца Николаевскаго царствованія. Робкое пробужденіе общественной мысли начинается послѣ 1830 г.—среди университетской молодежи въ Москвѣ, гдѣ образовалось два получившихъ извѣстность кружка, одинъ изъ которыхъ отражалъ на себѣ вліяніе нѣмецкой философской мысли, а другой—идеи французскихъ соціалистовъ. Во главѣ этого послѣдняго стояли Герценъ и Огаревъ. Основаніе кружка было положено осенью 1831 г., когда они перешли на второй курсъ университета. Мечтою ихъ было основать ядро общества, подобнаго декабристамъ, но скоро имъ попались въ руки также брошюры сенъ-симонистовъ и изложенія процессовъ ихъ, послужившія для нихъ новымъ откровеніемъ. «Что мы собственно проповѣдовали,—говоритъ самъ Герценъ,—трудно сказать. Идеи были смутны. Мы проповѣдовали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдовали сенъ-симонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдовали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдовали ненависть ко всякому насилію, ко всякому правительственному произволу». Однако, доминирующимъ среди всѣхъ остальныхъ элементовъ является именно соціальный: «сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ». Съ самаго появленія его, а именно «послѣ 1830 г., соціализмъ произвелъ сильное впечатлѣніе на умы въ Москвѣ. Въ этой доктринѣ въ Россіи видѣли выраженіе чувства, болѣе отвѣчающаго основнымъ стремленіямъ нашей души, чѣмъ чисто политическія теченія, ибо у насъ уже привыкли къ общинѣ, передѣлу земель, къ рабочимъ артелямъ. Свидѣтели самаго крайняго злоупотребленія

правомъ собственности, мы были менѣе возмущены соціализмомъ, чѣмъ буржуа Запада». Въ 1834 г. члены кружка были арестованы и посажены въ тюрьму; имъ поставили въ вину намѣреніе образовать тайное общество и заняться сенъ-симонистской пропагандой и прочитали смертный приговоръ, послѣ чего сообщили о послѣдовавшемъ смягченіи наказанія, въ видѣ ссылки, которая продолжалась пять лѣтъ.

Вышеприведенныя цитаты могутъ возбудить, пожалуй, нѣкоторое недоумѣніе, и для правильнаго пониманія ихъ нужно замѣтить, что въ дальнѣйшей эволюціи взглядовъ Герцена сенъ-симонизмъ перестаетъ уже играть ту опредѣляющую роль, о которой здѣсь говорится; затѣмъ, фраза о «привычкѣ» къ общинѣ, артели и пр. нѣсколько погрѣшаетъ противъ хронологіи, ибо говорить объ этомъ у насъ начали не въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, къ которой относится существованіе перваго соціалистическаго кружка, а, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять позже.

За предѣлы этой небольшой группы новыя идеи проникали туго, и гораздо болѣе многочисленъ былъ другой кружокъ, который увлекался исключительно философскими вопросами. Душою этого кружка былъ Станкевичъ, а въ составъ его входили Боткинъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій, нѣкоторое время К. Аксаковъ и Самаринъ, а позже примкнули Катковъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ и др. Здѣсь зачитывались произведеніями Шеллинга, Фихте и Гегеля, дебатировались вопросы эстетики и литературы, къ политическимъ же и соціальнымъ темамъ относились болѣе, чѣмъ равнодушно. По словамъ Анненкова, Герценъ и его кружокъ «смотрѣли очень подозрительно на Станкевича и Грановскаго, отзывались враждебно и насмѣшливо объ ихъ занятіяхъ, какъ о пріятномъ препровожденіи времени, найденномъ досужими людьми. Герценъ носился, на первыхъ порахъ, со своимъ Сенъ-Симономъ, какъ съ Кораномъ, и разсказываетъ въ собственныхъ запискахъ, что, явясь однажды къ Н. А. Полевому, назвалъ его *отсталымъ* человѣкомъ за равнодушный отзывъ о реформаторѣ». Въ свою очередь другой кружокъ «принялъ его (Герцена) довольно холодно и не скрывалъ, что считаетъ его человѣкомъ еще не развитымъ и отсталаго образа мыслей». Какъ сообщаетъ онъ самъ въ Быломъ и Думахъ, «между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно политиче-

Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступчивости и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока»*)...

Скоро, однако, такое примиреніе съ россійской дѣйствительностью стало проходить. «Около сороковыхъ годовъ,—писалъ впослѣдствіи Герценъ,—жизнь изъ-подъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣй прорываться. По всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманія, что въ болѣзни есть *поворотъ къ лучшему*, что силы очень слабы, но будто поднялись,—другой *тонъ*... Наружно все было мертво, подо льдомъ, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти, — какое-то чувство неловкости, неудовольствія. Ужасъ притупился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства».

Послѣ смерти Станкевича въ 1840 г. и отъѣзда Бакунина за границу, гдѣ онъ черезъ два года перешелъ на сторону лѣваго крыла гегельянцевъ и примкнулъ къ крайнимъ элементамъ западно-европейскаго демократическаго движенія, большая часть членовъ кружка сблизилась съ Герценомъ и Огаревымъ, образовавъ лагерь западниковъ, а другіе примкнули къ кружку славянофиловъ съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ во главѣ. Въ то же время значительно возросъ въ кругахъ интеллигенціи и интересъ къ соціалистическимъ теоріямъ, какъ новому слову западной общественной жизни.

«Когда осенью 1843 г. я прибылъ въ Петербургъ,—сообщаетъ П. В. Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—то далеко не покончилъ всѣ расчеты съ Парижемъ, а, напротивъ, встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной его жизни. Книга Прудона «De la Propriété», тогда уже почти что старая; «Икарія» Кабэ, мало читаемая въ самой Франціи, за исключеніемъ небольшого круга мечтательныхъ бѣдняковъ-работниковъ; гораздо болѣе ея распространенная и популярная система Фурье—все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода. ...Та часть вѣрныхъ и зрѣлыхъ практическихъ указаній, какая заключалась въ этихъ трактатахъ и которыми европейскій міръ не за-

*) Къ этому періоду крайняго увлеченія Гегелемъ относятся «Очерки Бородинскаго сраженія», статья о Менцелѣ и др., о которыхъ впослѣдствіи Бѣлинскій самъ отзывался съ отвращеніемъ.

медлилъ воспользоваться—всего менѣе обращала на себя наше вниманіе, да и не въ томъ было вообще призваніе трактатовъ на Руси. Въ промежутокъ 1840—43 гг. такіе трактаты должны были совершить окончательный переворотъ въ философскихъ исканіяхъ русской интеллигенціи и сдѣлали это дѣло вполнѣ. Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху, подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе, чего не было съ прежними теоріями, и своихъ мучениковъ. Теоріи Прудона, Фурье, къ которымъ позднѣе присоединился Луи-Бланъ съ извѣстнымъ трактатомъ «Organisation du travail», образовали у насъ особенную школу, гдѣ всѣ эти ученія жили въ смѣшанномъ видѣ и исповѣдались какъ-то заразъ адептами ея. Въ такой не слишкомъ плотной и солидной амальгамѣ вышли они лѣтъ черезъ пятнадцать на свѣтъ и въ русской печати».

Наиболѣе дѣятельнымъ пропагандистомъ новыхъ идей является въ то время М. В. Петрашевскій. По словамъ Дм. Ахшарумова, «это былъ человѣкъ сильной души, крѣпкой воли, много трудившійся надъ саморазвитіемъ, всегда углубленный въ чтеніе новыхъ сочиненій и неустанно дѣятельный». За восемь лѣтъ до ареста весною 1849 г. у него перебывало, по его собственнымъ словамъ, очень много лицъ, которыя разъѣхались потомъ по разнымъ городамъ. Обладая хорошей библіотекой, онъ охотно давалъ книги всѣмъ просившимъ и даже снабжалъ ими уѣзжавшихъ. Такимъ образомъ, отдѣльные адепты ученія французскихъ соціалистовъ завелись теперь уже и въ провинціи.

Будучи человѣкомъ очень начитаннымъ и желая раздвинуть рамки пропаганды, Петрашевскій составилъ въ 1845 г. при содѣйствіи литературнаго критика В. Майкова «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка», гдѣ разъяснялась попутно сущность новыхъ соціалистическихъ ученій. Такъ, въ статьѣ *натуральное право* объявляется «несовершенной и преходящей формой быта... всякое общество, не доставляющее положительно всѣхъ нужныхъ средствъ для всесторонняго развитія его членовъ», а въ объясненіи слова *натуральное состояніе* утверждается, что «золотой вѣкъ» лежитъ не позади, а впереди насъ, и что осуществленіе его будетъ состоять въ «полномъ благоденствіи и счастіи всякаго человѣка», при чемъ дѣлаются ссылки на «различныя но-

вѣйшія сочиненія, особенно соціальныя, напр., Charles Fourier. Traité de l'association domestique et agricole или Théorie de l'unité universelle»... При нормальномъ состояніи всякій изъ членовъ общества будетъ получать отъ него «средства для удовлетворенія нуждъ пропорціонально потребностямъ», а всѣ люди въ совокупности явятся полными властелинами живыхъ и дѣйствующихъ силъ земли и такимъ образомъ «все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью». Далѣе, подъ словомъ *Овенизмъ* излагаются взгляды Роберта Оуэна, слово *органическая эпоха* даетъ автору поводъ изложить теорію Сенъ-Симона, а слово *организація производства*—теорію Фурье, «преимущественно замѣчательную потому, что она не исключаетъ и не приноситъ ни одного изъ агентовъ производства (таковымъ являются трудъ, капиталъ и талантъ) въ жертву другого и черезъ это дѣлаетъ *безусловно возможнымъ* установленіе солидарности интересовъ, нимало не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній». Въ словѣ *оракулъ* разъясняется, что «ученіе Христово, въ первобытной чистотѣ своей, нанесло сильный ударъ всѣмъ возможнымъ пиѳіямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство, деспотизмъ и въ противоположность тому являетъ примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлью—*водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности*. Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія»... Благодаря, вѣроятно, тому, что онъ былъ посвященъ великому князю Михаилу Павловичу, словарь не обратилъ на себя первоначально вниманія цензуры, и первый выпускъ благополучно былъ выпущенъ въ свѣтъ, но второй уже подвергся задержанію, ибо въ цензурѣ нашли, что статьи словаря, составляясь по извѣстной энциклопедіи Пьера Леру, проникнуты тлетворными идеями. Нѣсколько позже, въ извѣстныхъ запискахъ агента м-ва внутрен. дѣлъ Липранди «Карманный словарь» характеризовался уже, какъ «наполненный ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ».

Съ начала 40-хъ годовъ и Бѣлинскій порываетъ со своимъ увлеченіемъ философіей и проповѣдью примиренія съ дѣйствительностью, вступая въ новую, послѣднюю фазу своего развитія. «Проклинаю мое стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣй-

ствительностью!.. — писалъ онъ Боткину 4 окт. 1840 г. — Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!—какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше человѣчества».

Но такъ какъ для всесторонняго развитія личности нужны благопріятныя общественныя условія, то Бѣлинскій весь отдается тому увлеченію соціальными вопросами, которое охватило тогда передовую интеллигенцію, зачитываясь Жоржъ-Зандомъ, Кабэ, Фурье, Прудономъ, Луи-Бланомъ, Фейербахомъ. Подобно Бакунину онъ отъ крайняго праваго гегельянства перешелъ на крайнее лѣвое его крыло. «Я теперь въ новой крайности—это идея соціализма, которая стала для меня бытіемъ бытія, идеею идей, альфой и омегой вѣры и знанія. Она поглотила и исторію, и религію, и философію»,—пишетъ Бѣлинскій Боткину въ сентябрѣ 1841 г. Соціальность—вотъ девизъ, который онъ выставляетъ теперь, и «нѣтъ ничего выше и благороднѣе—по его мнѣнію—какъ способствовать ея развитію и ходу»...

Если раньше онъ считалъ либерализмъ крикливымъ легкомысліемъ, а французовъ—пустымъ народомъ, то теперь взгляды его на этотъ предметъ круто измѣнились. «Идея либерализма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства... Конечно, французы не понимаютъ абсолютнаго ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ знаніи, да не это ихъ назначеніе; Германія нація абсолютная, но государство позорное». Французы же—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—«энергическій, благородный народъ, льющій кровь свою за священнѣйшія права человѣка»...

Увлеченіе соціализмомъ достигло такой степени остроты, что на этой почвѣ въ московскомъ западническомъ кружкѣ произошло раздѣленіе между Герценомъ и Бѣлинскимъ, съ одной стороны, и Грановскимъ—съ другой, окончившееся въ 1846 г. разрывомъ.

Какъ разсказываетъ въ цитированныхъ уже нами воспоминаніяхъ Анненковъ, «признавая европейскій соціализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, Грановскій смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ни откуда. Соціализмъ,—

говорилъ онъ,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя и ее подрываетъ». Иначе относились къ этому Герценъ и Бѣлинскій. «Воинственные манифесты соціализма, возвѣщавшіе истребительный походъ его на европейскую цивилизацію, не приводили ихъ въ ужасъ. Конечно, ни у того, ни у другого не было и помина объ усвоеніи всѣхъ его предписаній или о превращеніи всѣхъ его претензій въ догматы собственной своей «вѣры». Но во всякомъ случаѣ оба они смотрѣли прямо и открыто въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенія, грозившимъ, по ихъ мнѣнію, Европѣ со стороны соціализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали, что изъ пепла старой цивилизаціи Европы возникнетъ фениксъ—новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія. Всѣ предчувствія переворота, напротивъ, тревожили Грановскаго въ высшей степени, и самый переворотъ, какъ онъ представлялся его уму, не вызывалъ у него ни малѣйшей симпатіи, никакихъ радужныхъ надеждъ или ожиданій».

Мало симпатизировалъ онъ и тѣмъ разрушительнымъ стремленіямъ въ области философіи, которыя исходили отъ лѣвыхъ гегельянцевъ.

«Можно сказать, что нигдѣ книга Фейербаха не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ въ нашемъ западномъ кругѣ, нигдѣ такъ быстро не упраздняла остатки всѣхъ прежнихъ, предшествовавшихъ ей созерцаній. Герценъ, разумѣется, явился горячимъ истолкователемъ ея положеній и заключеній, связывая, между прочимъ, открытый ею переворотъ въ области метафизическихъ идей съ политическимъ переворотомъ, который возвѣщалъ соціализмъ, въ чемъ Герценъ опять сходился съ Бѣлинскимъ. Но Грановскій съ горечью въ душѣ, уже тронутый сомнѣніями, отбивался отъ того послѣдняго слова, которое требовали у него друзья по поводу всѣхъ подобныхъ явленій, и не говорилъ его, силясь сохранить подъ собой историческую, конкретную основу существованія, подмываемую со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, послѣ одного горячаго спора онъ заявилъ, что не можетъ болѣе идти съ прежними товарищами въ томъ направленіи, какое было усвоено ими, и вынужденъ отдѣлиться отъ нихъ»...

Въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій бывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, и только смерть избавила его отъ заключенія въ Петропавловской крѣпости, гдѣ ему уже былъ приготовленъ «тепленькій казематъ». Нужно замѣтить однако, что къ этому времени во взглядахъ его намѣчается новый поворотъ, который выдѣляетъ его изъ рядовъ фурьеристовъ.

Раньше онъ, какъ и большинство русскихъ соціалистовъ, подъ вліяніемъ критики буржуазнаго строя со стороны западныхъ утопистовъ, отрицалъ всякую положительную роль за буржуазіей и, возлагая всѣ надежды на народъ, относился отрицательно къ его участію въ политическомъ движеніи. Такъ, въ статьѣ по поводу романа Е. Сю «Парижскія тайны», относящейся къ 1844 г., Бѣлинскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ іюньскую революцію. «Королевскими повелѣніями въ 1830 г. была измѣнена французская хартія; рабочій классъ въ Парижѣ былъ искусно приведенъ въ движеніе партіей средняго сословія (bourgeoisie). Между народомъ и королевскими войсками завязалась борьба. Въ слѣпомъ и безумномъ самоотверженіи народъ не щадилъ себя, сражаясь за нарушеніе правъ, которыя нисколько не дѣлали его счастливѣе и слѣдовательно такъ же мало касались его, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана... Когда дѣло было кончено ревностью народа, представители (націи) повыползли изъ своихъ норъ и по трупамъ ловко дошли до власти, оттерли отъ нея всѣхъ честныхъ людей и, загребая жаръ чужими руками, преблагополучно стали грѣться около него, разсуждая о нравственности. А народъ, который въ безумной ревности лилъ кровь за слово, за каждый пустой звукъ, котораго значенія самъ не понималъ, что же выигралъ себѣ этотъ народъ? Увы! Тотчасъ же послѣ іюльскихъ происшествій этотъ бѣдный народъ съ ужасомъ увидѣлъ, что его положеніе не только не улучшилось, но значительно ухудшилось противъ прежняго... У насъ, въ Россіи, гдѣ выраженіе «умереть съ голоду» употребляется какъ гипербола, потому что въ Россіи не только трудолюбивому бѣдняку, но и отъявленному лѣнтяю-нищему нѣтъ рѣшительно никакой возможности умереть съ голоду,—не всѣ повѣрятъ безъ труда, что въ Англіи и во Франціи голодная смерть для бѣдныхъ—самое возможное и нисколько не необыкновенное дѣло»... Но впослѣдствіи Бѣлинскій уже иначе относится къ вопросамъ политики и не довольствуется также огульнымъ осужденіемъ буржуазіи. «Кто же не

буржуа?—спрашиваетъ онъ въ письмѣ къ Боткину въ дек. 1847 г., говоря о письмахъ Герцена изъ-за границы.—Развѣ ouvrier, орошающій собственнымъ потомъ чужое поле. Всѣ теперешніе враги буржуазіи и защитники народа также не принадлежатъ къ народу и также принадлежатъ къ буржуази, какъ и Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ. Вотъ съ точки зрѣнія этой неопредѣленности и сбивчивости въ словѣ буржуази письма Герцена sont attaquables... Не на буржуази вообще, а на большихъ капиталистовъ надо нападать, какъ на чуму и холеру современной Франціи». «Гдѣ и когда народъ освободилъ себя?—пишетъ онъ Анненкову 15 февр. 1848 г.—Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуазіи, называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ (т. е. Бакунинѣ) сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная аркадская мысль?... Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуази. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуази. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами».

Для лучшаго пониманія мысли Бѣлинскаго приведемъ еще одинъ отрывокъ изъ вышеприведеннаго письма къ Боткину.

«Въ Англіи среднее сословіе контрбалансируется аристократіей, оттого англійское правительство столь же государственно, величаво и славно, сколько французское мизерабельно, низко, пошло, ничтожно и позорно. Кончится время аристократіи въ Англіи, народъ будетъ контрбалансировать среднему классу, а не то—Англія представитъ собой, можетъ быть, еще болѣе отвратительное зрѣлище, нежели какое представляетъ теперь Франція. Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуази—зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея все пойдетъ хорошо. Такъ думаетъ нашъ нѣмецъ—М. (Бакунинъ); такъ или почти такъ думаетъ Луи-Бланъ. Я съ ними соглашусь только тогда, когда на опытѣ

увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса, а какъ пока я видѣлъ только, что государства безъ средняго класса осуждены на вѣчное ничтожество, то и не хочу заниматься рѣшеніемъ а пріори такого вопроса, который можетъ быть рѣшенъ только опытомъ... Я знаю, что промышленность—источникъ великихъ золъ, но знаю, что она же—источникъ и великихъ благъ для общества. Собственно, она—только послѣднее: зло во владычествѣ капитала, въ его тираніи надъ трудомъ».

Мысль, что при тогдашнихъ условіяхъ русской дѣйствительности, т. е. при господствѣ натуральнаго хозяйства, народъ, или—говоря иными словами—крестьянство, не можетъ освободить себя, т. е. что изъ его нѣдръ не можетъ вырасти серьезное сознательное экономическое и политическое движеніе, по существу своему была, несомнѣнно, правильна. Подчеркивая далѣе прогрессивную роль буржуазіи при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ и утверждая, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи неразрывно связанъ съ ростомъ торговли и промышленности и образованіемъ у насъ буржуазіи въ европейскомъ смыслѣ слова, Бѣлинскій былъ также правъ и глядѣлъ гораздо дальше, чѣмъ не только Бакунинъ или другіе соціалисты 40-хъ годовъ, но и наслѣдовавшіе имъ народники послѣдующихъ трехъ десятилѣтій. Да и одной уже подобной постановкой вопроса объ условіяхъ и факторахъ общественнаго развитія онъ далеко обгонялъ свое поколѣніе, которое занято было пока лишь усвоеніемъ «новыхъ словъ» съ Запада и въ лучшемъ случаѣ мечтало объ основаніи фаланстеровъ изъ крѣпостныхъ мужиковъ...

Въ отличіе отъ фурьеристовъ Бѣлинскій энергично выдвигаетъ теперь на очередь вопросъ о гарантіяхъ личности и собственности, т. е. о необходимости установленія у насъ правового порядка. «Россія видитъ свое спасеніе—писалъ онъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю—не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязномъ навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности выполненіе ихъ. А вмѣсто того она представляетъ собой ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, ка-

кимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ не человѣкъ. Это страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками, Ваньками, Степками, Палашками; страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромная корпорація различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые современные національные вопросы въ Россіи теперь уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлесныхъ наказаній, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть»...

Правда, политическія требованія или, вѣрнѣе, пожеланія Бѣлинскаго были довольно скромны, но насъ здѣсь интересуетъ сейчасъ не столько подробности программы, сколько общее направленіе его мыслей. Симпатіи его были, конечно, всецѣло на сторонѣ народныхъ массъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что появленію ихъ на исторической сценѣ должно предшествовать усиленіе средняго сословія (буржуазіи) въ Россіи. Вотъ почему мысль о возможности нарожденія ея у насъ, а также объ успѣхахъ цивилизаціи въ европейскомъ смыслѣ, не пугала, а радовала его, какъ залогъ нашего будущаго развитія, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ несомнѣнно значительно ближе къ позднѣйшимъ марксистамъ, чѣмъ къ соціалистамъ 40-хъ годовъ или послѣдующимъ народникамъ...

Съ отъѣздомъ Герцена за границу московскій кружокъ распался, въ Петербургѣ же соціальная пропаганда дѣлала большіе успѣхи, въ особенности послѣ революціи 1848 г., не замедливъ, конечно, обратить на себя вниманіе м-ва вн. дѣлъ.

Зимою 1845—46 г. вокругъ М. В. Петрашевскаго сгруппировался въ Петербургѣ кружокъ передовой интеллигенціи, который сдѣлался какъ бы центромъ духовныхъ интересовъ того времени; здѣсь собирались по пятницамъ литераторы, педагоги, чиновники, студенты и др. лица—съ тѣмъ, чтобы обмѣняться мнѣніями относительно всѣхъ животрепещущихъ вопросовъ современности. Съ осени 1848 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго читались рефераты: напр., Ястржембскій—о политической экономіи, Данилевскій—объ ученіи Фурье, Достоевскій читалъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу выхода его «Переписки съ друзьями» и т. д. Подобныя же собранія происходили и у другихъ лицъ, напр., Кашкина, Европеуса, Дурова, Плещеева, такъ что образовалось такимъ образомъ нѣсколько кружковъ,

отличавшихся оттѣнками своего направленія и составомъ участниковъ, хотя нѣкоторое число лицъ посѣщало ихъ всѣ.

Несмотря на свой невинный характеръ, этотъ подъемъ общественной мысли окончился снова жестокимъ разгромомъ въ видѣ такъ называемаго «дѣла петрашевцевъ». Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля 1849 г. было арестовано около сорока человѣкъ, всего же такъ или иначе прикосновенными къ дѣлу оказалось до 300. Въ результатѣ двадцать одинъ человѣкъ были приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни, но затѣмъ послѣдняя была замѣнена имъ каторгой (Петрашевскому—безсрочною, а восьмерымъ—отъ 2 до 15 лѣтъ), арестантскими ротами или же опредѣленіемъ въ рядовые линейныхъ батальоновъ. По поводу приговора правительствомъ было опубликовано 22 декабря 1849 г. особое сообщеніе, являющееся въ своемъ родѣ единственнымъ. «Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія испроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ,—говорится тамъ,—отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ. Но въ Россіи, гдѣ Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго,—только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большей частью молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности».

Приговоръ поражаетъ своею суровостью и долгое время заставлялъ предполагать о существованіи какого-то заговора для «испроверженія» государственнаго строя; въ дѣйствительности же, однако, ничего подобнаго не было. По сообщенію Кузмина, шефъ жандармовъ Орловъ въ своемъ докладѣ императору указывалъ, что никакого «общества» подъ предсѣдательствомъ Петрашевскаго не существуетъ, что III Отдѣленіе имѣетъ на собраніяхъ своего агента, но изъ его докладовъ видно, что ничего мало-мальски преступнаго тамъ нѣтъ. «Какъ,—возразилъ Николай I.—А разговоры! Какое разговоры, настоящія парламентскія пренія объ освобожденіи крестьянъ, уничтоженіи цензуры, заведеніи присяжныхъ; развѣ имѣютъ право эти мальчишки разсуждать объ этомъ». Но министерству вн. дѣлъ хотѣлось видѣть въ указанномъ кружкѣ не разговоры, а заговоръ, и оно всѣми силами старалось раздуть дѣло. Это ему

удалось; однако, наличность заговора не была установлена и послѣ 8-мѣсячнаго разслѣдованія. По свидѣтельству Корфа, высшіе круги скоро убѣдились, что дѣло петрашевцевъ «отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придали ему городскіе слухи... Покушеній или приготовленій къ бунту съ достовѣрностью открыто не было... Члены слѣдственной комиссіи называли его заговоромъ идей, чѣмъ и объяснялась трудность дальнѣйшихъ раскрытій, ибо если можно обнаружить факты, то какъ же уличить въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствія». Въ томъ же духѣ отзывается и одинъ изъ пострадавшихъ. Дм. Ахшарумовъ, въ политическомъ отношеніи настроенный гораздо радикальнѣе, чѣмъ многіе другіе. «То, что въ 49 г. вмѣнялось намъ въ вину и за что послѣ восьмимѣсячнаго одиночного заключенія полевымъ уголовнымъ судомъ мы были приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ,—въ настоящее время показалось бы маловажнымъ и незаслуживающимъ никакого преслѣдованія: у насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія: приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякихъ стѣсненій».

Посмотримъ теперь поближе, каковъ же былъ характеръ идей, которыми проникнуты были участники этихъ кружковъ. На собраніяхъ—не только у Петрашевскаго, но и у Дурова и др. лицъ—часто велись разговоры объ уничтоженіи крѣпостного права, цензуры и стараго суда, но это были вопросы, въ которыхъ сходились всѣ вообще мыслящіе люди независимо отъ направленій. Мало того, черезъ нѣсколько лѣтъ правительство само поставило эти вопросы на очередь и приступило къ практическому ихъ разрѣшенію... То, что было характерно для передовой интеллигенціи конца 40-хъ годовъ, лежало не въ этой плоскости, а дальше—въ области увлеченія соціалистическими теоріями Запада, въ особенности системой Фурье. Вмѣсто на-

званія петрашевцевъ, говоритъ Ахшарумовъ, «болѣе подходящимъ для насъ было бы названіе «русскихъ соціалистовъ» 1849 г., въ смыслѣ тогдашняго идеальнаго направленія различныхъ соціальныхъ ученій во Франціи».

Таковъ былъ, несомнѣнно, и самъ Петрашевскій. Какъ мы уже видѣли выше, приверженцемъ системы Фурье онъ былъ уже давно. Послѣ ареста, при первомъ же допросѣ, М. В. заявилъ, что онъ—фурьеристъ и желаетъ улучшенія общественнаго строя, что ученіе Фурье—не утопія, но можетъ осуществиться въ 5—6 лѣтъ, какъ въ это вѣрилъ и самъ авторъ «теоріи четырехъ движеній». Въ письменномъ показаніи, данномъ черезъ нѣсколько дней, онъ снова называетъ себя и остальныхъ товарищей по заключенію фурьеристами и указываетъ, что они желали «только мирнаго развитія общественнаго быта», и что для изъясненія выставленныхъ противъ него обвиненій нужно назначеніе не слѣдственной, а ученой комиссіи, которая могла бы ихъ разобрать съ научной точки зрѣнія. Далѣе онъ писалъ, что онъ вовсе не имѣлъ «умысла на бунтъ», въ которомъ его обвиняютъ, но признаетъ, что «желалъ полной и совершенной реформы быта общественнаго и фаланстеръ считалъ ключомъ, пробнымъ камнемъ таковой реформы». Показанія другихъ лицъ подтверждали, что Петрашевскій, какъ это и соотвѣтствуетъ ученію Фурье, находилъ вообще нежелательнымъ бунтъ и возстаніе черни и утверждалъ, что всего можно достигнуть путемъ усовершенствованія законовъ. Въ позднѣйшихъ объясненіяхъ Петрашевскаго указывается, что «соціализмъ не есть изобрѣтеніе новаго времени», а всегда былъ въ природѣ человѣка, и что «XVIII-мъ вѣкомъ заданъ на разрѣшеніе послѣдующимъ вѣкамъ вопросъ, какъ поставить человѣка въ правильное отношеніе къ самому себѣ, къ обществу, къ цѣлому человѣчеству и къ природѣ... Соціализмъ и есть попытка его разрѣшить. Фаланстеръ Фурье, т. е. организація работъ въ общинѣ, вполнѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Соціализмъ вообще не есть прихотливая выдумка нѣсколькихъ причудливыхъ головъ, но результатъ развитія всего человѣчества. Это—догматъ христіанской любви, ищущій своего практическаго осуществленія въ современной намъ дѣйствительности».

Изъ воспоминаній Зотова видно, что Петрашевскій дѣйствительно пытался зимою 1846—47 г. примѣнить свои идеи на практикѣ въ принадлежавшемъ ему поселкѣ Новгородской губ.;

онъ проектировалъ выстроить одну просторную избу, гдѣ бы помѣстились всѣ семь семействъ его крѣпостныхъ, каждое въ отдѣльной комнатѣ, но съ общей кухней и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидѣлокъ, съ надворными постройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны были быть общими, какъ и все вообще крестьянское хозяйство... Однако опытъ кончился неудачно, несмотря на обѣщаніе купить заново всѣ необходимыя сельскія орудія и домашнюю утварь; наканунѣ переселенія въ «фаланстеръ» мужики сожгли его со всѣми постройками.

Это, однако, не обезкуражило Петрашевскаго, и онъ еще впослѣдствіи говорилъ Черносвитову, что надѣется увидѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ... Послѣ ареста, въ числѣ мѣръ, полезныхъ для Россіи, онъ предлагалъ правительству дать для устройства образцоваго фаланстера подъ Парижемъ 2 милл. р. ассигнаціями «изъ французскихъ фондовъ, у насъ имѣющихся, подъ соотвѣтственные проценты».

Среди остальныхъ членовъ кружка также было немало ревностныхъ фурьеристовъ, не говоря ужъ о просто сочувствующихъ или интересующихся. Мы «восхищались сочиненіемъ Fourier и въ его системѣ, въ осуществленіи его проекта организаціи труда видѣли спасеніе человѣчества отъ всякихъ золъ, бѣдствій и напрасныхъ революцій»,—говоритъ Дм. Ахшарумовъ о себѣ и своихъ товарищахъ по процессу. Цѣлью собраній у Кашкина было изученіе «системъ соціалистическихъ и коммунистическихъ, но преимущественно системы Фурье, и примѣненіе ихъ къ быту Россіи». Въ Дуровскомъ кружкѣ было также «нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіяхъ начало новой религіи, долженствующей будто бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона, занимали значительную часть вечера». 7-го апрѣля 1849 г., въ день рожденія Фурье, почитателями его былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ присутствовало 11 особо избранныхъ: Петрашевскій, два бр. Европеусъ, два бр. Дебу, Ахшарумовъ ,Ханыковъ и др.; въ качествѣ

ревностнаго фурьериста былъ приглашенъ и Н. Данилевскій (впослѣдствіи видный теоретикъ славянофильства), но изъ осторожности онъ не пошелъ. Здѣсь было произнесено три рѣчи, въ одной изъ которыхъ, между прочимъ, говорилось: «разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, жизнь веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ наша цѣль. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ людской отъ невыносимыхъ страданій» и т. п. Среди другихъ фурьеристовъ отмѣтимъ еще Баласогло, который и на слѣдствіи заявилъ, что считаетъ себя коммунистомъ, и что «система общежитія, придуманная Фурье... должна рано или поздно примѣниться къ дѣлу». Слѣды вліянія французскихъ соціалистовъ сохранились во многихъ мѣстахъ произведеній и знаменитаго сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, который также посѣщалъ вмѣстѣ съ другими писателями и критиками собранія у Петрашевскаго и только благодаря высылкѣ въ Вятку не былъ привлеченъ къ дѣлу. Въ IV главѣ «За рубежомъ» авторъ разсказываетъ, что, оставивъ школьную скамью въ 40-хъ годахъ, онъ примкнулъ къ западникамъ, но «не большинству западниковъ, которое занималось популяризированіемъ нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи, разумѣется не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» не позади, а впереди насъ...»

Теперь возникаетъ интересный вопросъ, каково же было отношеніе петрашевцевъ и вообще тогдашнихъ соціалистовъ къ политикѣ: считали ли они тогдашній государственный строй неустранимымъ препятствіемъ для осуществленія своихъ идеаловъ, или же вопросъ о формѣ правленія представлялся имъ несущественнымъ? Какъ извѣстно, западные утописты относились къ политической борьбѣ или равнодушно, или отрицательно. Сенъ-симонисты считали либерализмъ политическимъ и религіознымъ протестантизмомъ, т. е. принципомъ отрицательнымъ и потому неспособнымъ лечь въ основу новаго общест-

веннаго строя, а ихъ журналъ «Producteur» отрицалъ народовластіе. Р. Оуэнъ также предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ увлеченія политической агитаціей, доказывая, что завоеваніе всеобщаго избирательнаго права отнюдь не подвинетъ впередъ дѣла образованія трудовыхъ ассоціацій. По его мнѣнію, высказанному на конгрессѣ въ 1832 г., «деспотическія правительства нерѣдко оказываются лучшими, чѣмъ такъ называемыя демократическія;... по отношенію къ кооперативной системѣ совершенно безразлично, деспотично ли правительство или нѣтъ». Между прочимъ, онъ имѣлъ наивность обращаться за поддержкой своихъ плановъ къ главѣ обще-европейской реакціи, Меттерниху, точно такъ же, какъ Фурье возлагалъ свои надежды на Наполеона, а затѣмъ на Луи-Филиппа и добродѣтельныхъ милліонеровъ.

Это настроеніе учителей не могло не отразиться и на русскихъ ученикахъ. Характерную эволюцію въ этомъ отношеніи пережилъ Герценъ. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ плакалъ надъ декабристами и давалъ клятву отомстить ихъ гибель; событія политической жизни Европы, революція увлекали и воодушевляли его. Но по мѣрѣ того, какъ знакомился онъ съ новѣйшими соціальными ученіями, это увлеченіе стало отходить на задній планъ. «Дѣтскій либерализмъ 1826 г., сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдовали Лафайетъ и Бенжаменъ-Констанъ, пѣлъ Беранже, терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу... Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему». Въ запискѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу о петрашевцахъ приводятся отрывки изъ черновыхъ набросковъ Петрашевскаго, гдѣ онъ высказываетъ свое политическое credo: «правленіе должно быть представительное, республиканское», но только это относится... къ 1840 г. Когда же онъ сталъ фурьеристомъ, дѣятельный интересъ къ политикѣ ослабѣлъ и у него. «Къ реформамъ управленія, по свидѣтельству Достоевскаго, приводимому Ор. Миллеромъ (см. Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго), онъ былъ совершенно равнодушенъ; господствующей идеей его былъ Фурье, Сенъ-Симонизмъ, ученіе Овена, Икарія Кабе. Это былъ восторженный приверженецъ всѣхъ теорій соціализма, наивно вѣрившій въ возможность ихъ осуществленія даже на русской почвѣ»—такъ характеризуетъ Петрашевскаго Зотовъ, лично

его знавшій. Конечно, правовой порядокъ оставался ему дорогъ и потомъ, и когда, объясняя слово *анархія*, онъ говорилъ въ своемъ «Карманномъ словарѣ», что она «господствуетъ и въ такихъ государствахъ, гдѣ *повидимому* существуетъ и стройность, и порядокъ въ управленіи, но въ сущности нѣтъ ни прочныхъ постановленій, ни строгаго выполненія ихъ», то здѣсь на первый взглядъ можно усмотрѣть намекъ на Россію. Это предположеніе при дальнѣйшемъ чтеніи, однако, не подтверждается, и изъ объясненія другихъ словъ—напр., *оппозиція, національность*—можно скорѣе вывести заключеніе, что съ изданіемъ Свода Законовъ (который въ 1840 г. объявлялся имъ «негоднымъ», а теперь ставился выше иностранныхъ кодексовъ) онъ считалъ правовой порядокъ уже обезпеченнымъ. Очевидно, знаменитая фраза Свода: «Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи законовъ» и т. д. соблазнила его, и онъ принялъ ее за достаточную какъ бы конституціонную гарантію. «Мы должны благодарить Петра и *мудрыхъ его наслѣдниковъ*, что они приблизили насъ къ идеалу государственной, общественной и человѣческой жизни, въ которой все стараются болѣе подчинить не случаю, не обстоятельствамъ, не старинѣ, а идеѣ истиннаго и прекраснаго, и что въ нашей администраціи уже нѣтъ мѣста господству привычки... и что науки, знаніе и достоинство ею руководятъ»... Это при Николаевскомъ-то режимѣ!

Правда, существуетъ мнѣніе,—которое поддерживаетъ Н. Русановъ *),—что выраженія, подобныя вышеприведенному, не слѣдуетъ принимать въ серьезъ и что ихъ нужно считать не болѣе какъ за иронію или «злое подшучиваніе». Однако трудно согласиться съ этимъ. Не говоря уже о томъ, что вообще карманный словарь, ставящій себѣ цѣлью пропаганду новыхъ идей, крайне сжатый и разсчитанный на мало подготовленныхъ читателей, является совершенно не подходящимъ для ироизированія, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ точкой зрѣнія, которая развивается авторомъ и въ другихъ мѣстахъ, что несомнѣнно указываетъ на то, что ей придавалось серьезное значеніе. «Если еще понынѣ въ обществахъ, подобныхъ Турціи, Персіи...—читаемъ мы на стр. 286—такъ трудно и невозможно сохраненіе человѣческихъ правъ, то напротивъ того въ стра-

*) *Русское Богатство* № 2 за 1909 г.—«Изъ идейной исторіи русскаго соціализма 40-хъ годовъ».

нахъ образованныхъ, гдѣ обнародованы собранія положительныхъ законовъ, гдѣ поэтому какъ напр. въ Европѣ и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ относительно выраженія всякаго рода новыхъ и человѣческихъ идей, даже несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства, но безъ сомнѣнія не разрушающихъ общихъ постановленій, признанныхъ однажды на вѣки справедливыми, соблюдается полная и мудрая терпимость (см. т. XV Св. Зак. угол.)..., однимъ словомъ въ странахъ истинно просвѣщенныхъ и образованныхъ новые интересы безъ мѣръ насильственныхъ снимаютъ тяжелый покровъ идей обветшалыхъ и предубѣжденій съ разумѣнія общественнаго и пріобрѣтаютъ право гражданства въ экономіи быта общественнаго».—Здѣсь много напыщенности и витіеватости, но иронiи, мнѣ кажется, нѣтъ!..

Въ своемъ желаніи выставить Петрашевскаго ярымъ политикомъ Русановъ доходитъ до того, что рѣшается даже провозгласить его «апологетомъ самой геройской революціонной борьбы» на основаніи разсужденій, которыя высказываются имъ по поводу слова *оппозиція*. Вотъ это мѣсто: «прежде оппозиція при неразвитости общественности (соціальности) и публичности проявлялась у многихъ народовъ кроваво и не безъ нѣкотораго величія, ибо для иныхъ безъ потоковъ крови нѣтъ величія и величества; впослѣдствіи при развитіи у нихъ свободы выраженія мысли и права общничества (le droit d'association) и установленій, обезпечивающихъ отъ насилія личную свободу человѣка, какъ гражданина... *оппозиція* стала болѣе правильной и мирной и послужила залогомъ преобладанія разумности надъ силой животной и грубой и торжества *самозаконія*». Изъ этого отрывка можно вывести наоборотъ заключеніе о склонности автора скорѣе къ легальной оппозиціи, чѣмъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, и съ этимъ вполнѣ согласуется отзывъ о немъ Бакунина, который характеризуетъ Петрашевскаго именно какъ законника. «Въ практикѣ былъ онъ исключительно преданъ юриспруденціи... Въ Россіи, землѣ безправія, онъ помѣшался на правѣ. Но право праву рознь; есть общечеловѣческое право, которое вездѣ и всегда отстаивать должно, но горячиться изъ-за права, основаннаго на положительныхъ законахъ, тамъ, гдѣ законы подчинены самодержавному и даже министерскому произволу, смѣшно и нелѣпо»... *).

*) Письма Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПБ. 1906 г. 154 и слѣд. стр.

Что авторъ «Карманнаго словаря» очень сдержанно относится къ политическому движенію, видно изъ того скептицизма, которымъ проникнуто объясненіе, даваемое слову *конституція*. «Защитники этого образа правленія доказываютъ,—говорится тамъ,—что онъ основанъ на правѣ каждаго члена общества участвовать въ управленіи того цѣлаго, котораго онъ часть, но на практикѣ это начало не осуществимо въ большихъ государствахъ; вездѣ необходимость заставляетъ ограничивать число лицъ, имѣющихъ право выбирать депутата отъ провинціи или отъ сословія. А такъ какъ единственная мѣра, которою вездѣ руководствуются, состоитъ въ количествѣ имущества гражданина, то на практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе—не что иное, какъ аристократія богатства. ... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности, и что, признавая политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію. Двѣсти тысячъ богатыхъ, управляющихъ тридцатью тремя милліонами бѣдныхъ и нищихъ—то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирали личность милліоновъ людей, офиціально называющихся вещами».

Н. Русановъ не рѣшается сказать, что и этотъ отрывокъ нужно понимать не въ прямомъ смыслѣ, а иносказательно, хотя тонъ и духъ его совершенно таковъ же, какъ и въ большинствѣ другихъ. Не трудно видѣть, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ довольно типичными разсужденіями въ духѣ западныхъ соціалистовъ—утопистовъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно отъ нихъ русская радикальная интеллигенція 40-хъ годовъ почерпала свое вдохновеніе. Будучи проникнутъ убѣжденіемъ, что система Фурье можетъ быть осуществлена въ очень близкомъ будущемъ и что только отсутствіе здравыхъ понятій въ обществѣ мѣшаетъ ея распространенію, Петрашевскій естественно долженъ былъ отодвигать политическіе вопросы далеко на задній планъ, и потому показанія его, данныя слѣдственной коммиссіи, что онъ вмѣстѣ со своими товарищами желалъ только мирнаго развитія общественнаго быта, кажутся мнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности. Здѣсь небезинтересно будетъ привести мнѣніе Бакунина, который познакомился съ петрашевцами во время своего пребыванія въ Сибири. «Серьезной практической цѣли—говоритъ онъ въ вышеупомянутомъ пись-

мѣ къ Герцену—не было (у нихъ). Кромѣ Толя и потомъ Спѣшнева, явившагося позже, всѣ были рѣшительными, систематическими противниками революціонныхъ мѣръ и дѣйствій. Они болтовню принимали за дѣло. Правда, коснулись они подъ конецъ и практическаго вопроса: «что будемъ мы дѣлать?»—Отвѣты на этотъ вопросъ были различные, одинъ нелѣпѣе другого, и наконецъ они остановились на слѣдующемъ: всѣ члены кружка останутся тѣсно между собой соединенными и, во первыхъ, будутъ quand même поддерживать въ жизни другъ друга, такъ что напр. всѣ будутъ въ одинъ голосъ кричать, что Петрашевскій первый экономистъ въ мірѣ, выше Fourier, S. Simon'a и Адама Смита, что Шекспиръ Достоевскаго подметокъ не стоитъ, что Львовъ заткнулъ за поясъ Гумбольда, а Толь—первый богословъ и педагогъ въ мірѣ, а во вторыхъ — они разсѣются по всѣмъ концамъ Россіи и, отыскивая вездѣ сотрудниковъ себѣ и помощниковъ, займутся преобразованіемъ Россіи посредствомъ распространенія новѣйшихъ дознанныхъ истинъ». Съ представленіемъ о Петрашевскомъ, какъ мирномъ пропагандистѣ—просвѣтителѣ, вполнѣ гармонируетъ и то обстоятельство, что онъ впослѣдствіи отказался отъ помилованія, упорно настаивая на пересмотрѣ своего дѣла: онъ былъ легалистомъ, а обвиненіе приписывало ему иниціативу «замысла на испроверженіе нашего государственнаго устройства, съ тѣмъ чтобы основать оное на безначаліи»...

Данилевскій заявилъ на допросѣ, что февральская революція во Франціи разстроила его надежды видѣть скорое осуществленіе ученія Фурье и потому онъ пересталъ съ мая 1848 г. бывать на вечерахъ у Петрашевскаго, хотя не перестаетъ считать это ученіе справедливымъ даже теперь, когда имѣлъ много времени обдумать его. Достоевскій въ своемъ показаніи подчеркивалъ, что фурьеризмъ вовсе не требуетъ политической реформы и не посягаетъ ни на правительство, ни на собственность. «Фурьеризмъ—система мирная; она очаровываетъ душу своей изящностью, обольщаетъ сердце той любовью къ человѣчеству, которая воодушевляла Фурье, когда онъ составлялъ свою систему, и удивляетъ умъ своею стройностью. Привлекаетъ къ себѣ она не желчными нападками, а воодушевляетъ любовью къ человѣчеству. Въ системѣ этой нѣтъ ненавистей. Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ; его реформа экономическая. ...Наконецъ, эта система кабинетная и никогда не будетъ

популярною. Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстера.

Фурьеризмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая западная система, такъ неудобны для нашей почвы, такъ не по обстоятельствамъ нашимъ, такъ не въ характерѣ націи, а съ другой стороны— до того порожденіе Запада, до того продуктъ тамошняго западнаго положенія вещей, среди котораго разрѣшается во что бы то ни стало пролетарскій вопросъ, что фурьеризмъ въ настоящее время, у насъ, между которыми нѣтъ пролетаріевъ, былъ бы уморительно смѣшенъ».

Правда, при этомъ можетъ возникнуть естественное предположеніе, что подобнаго рода показаніямъ на допросѣ нельзя придавать большого значенія; но въ данномъ случаѣ Достоевскій не погрѣшалъ противъ своего убѣжденія: такъ, сообщая въ послѣдней главѣ дневника писателя за 1873 г. о томъ, что вмѣстѣ съ другими онъ также былъ «заражень идеями тогдашняго теоретическаго соціализма», онъ снова подтверждаетъ свою неприкосновенность къ политикѣ, добавляя, что «политическаго соціализма тогда еще не существовало въ Европѣ»...*).

Сюда же долженъ быть отнесенъ и Ив. Ястржембскій: «я, какъ убѣжденный послѣдователь Фурье—говорилъ онъ—политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ». Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ онъ вновь подчеркиваетъ, что «какъ всѣ мои знакомые молодые люди, такъ и я—всѣ мы были такъ заняты начавшимся тогда въ Европѣ соціально-экономическимъ движеніемъ (политикой въ собственномъ смыслѣ мы не занимались), что почти не обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Россіи и въ Петербургѣ».

*) Въ романѣ своемъ «Алексѣй Слободинъ» Пальмъ воспроизвелъ Достоевскаго въ лицѣ героя и по поводу спора о политическомъ переворотѣ во Франціи вкладываетъ ему въ уста слѣдующія разсужденія: «Политическіе вопросы меня слишкомъ мало занимаютъ... мнѣ по истинѣ все равно, кто у нихъ будетъ—Луи Филиппъ или какой-нибудь Бурбонъ, или даже хоть и республика... Кому отъ этого будетъ легче? Народъ выиграетъ нѣсколько громкихъ фразъ, причтетъ нѣсколько новыхъ именъ къ своему мартирологу и пойдетъ на ту же самую работу, прибыльную только для одного буржуа, а стало быть и жизнь ни на волосъ не будетъ лучше»...—См. В. Европы № 2 за 1873 г.

Выше мы уже упоминали, что и въ московскомъ кружкѣ рѣзкія разногласія между Герценомъ и Бѣлинскимъ, съ одной стороны, и Грановскимъ—съ другой, произошли именно на вопросѣ объ отношеніи соціализма къ политикѣ, ибо «чрезвычайно вреднымъ» Грановскій считалъ соціализмъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ «пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея». Слабая сторона утопическаго соціализма была подмѣчена имъ правильно, и позднѣйшій такъ наз. научный соціализмъ, начало котораго положено коммунистическимъ манифестомъ Маркса и Энгельса, совершенно иначе разрѣшаетъ указанный вопросъ. Въ разсматриваемое же время и въ Германіи «истинные соціалисты» въ лицѣ Гесса и Грюна подъ предлогомъ возвышенныхъ идей о предстоящемъ соціальномъ переворотѣ проповѣдывали равнодушіе къ политической борьбѣ, утверждая, что конституціи требуютъ лишь либералы, а народъ въ ней не нуждается*)...

Нужно замѣтить, впрочемъ, что и среди петрашевцевъ были такіе, которые совершенно иначе относились къ разсматриваемому вопросу. Сюда относится, напр., Дм. Ахшарумовъ. Будучи убѣжденнымъ фурьеристомъ и считая, что только фаланстеръ можетъ спасти человѣчество, онъ наиболѣе серьезное препятствіе на пути къ этому видѣлъ, однако, въ «глупомъ, пустомъ, зломъ и сильномъ правительствѣ». Въ виду этого онъ выражаетъ мнѣніе, что, если ужъ невозможна у насъ республика, то необходима, по крайней мѣрѣ, хотя конституція, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ улучшенія общественной жизни и обезпечила свободу собраній...

Кромѣ него были и другіе. «Я зналъ,—разсказываетъ тотъ же Ахшарумовъ,—что между лицъ, посѣщавшихъ собранія Петрашевскаго, были и самыя отчаянныя личности, которымъ собранія Петрашевскаго, по мирному ходу бесѣдъ, казались бездѣятельными и ни къ чему не ведущими, и что они готовы были

*) Такъ, въ программной статьѣ журнала «Общественное Зеркало» Гессъ говорилъ: «мы не только равнодушны ко всѣмъ политическо-либеральнымъ стремленіямъ, они внушаютъ намъ прямое отвращеніе». См. Мерингъ—«Исторія германской соціалъ-демократіи», т. 1, 1906 г., стр. 265.

отдѣлиться и составить свой рѣшительно дѣйствующій кружокъ, но съ ними я почти не былъ знакомъ и вовсе не желалъ сближаться». Въ декабрѣ 1848 г. Спѣшневымъ, на котораго намекаетъ здѣсь Ахшарумовъ, дѣйствительно, былъ набрюсанъ планъ тайнаго общества; въ немъ онъ предлагалъ основать центральный комитетъ, который бы въ свою очередь создалъ три частныхъ комитета: 1) для взаимной поддержки другъ друга, 2) для устройства школъ пропаганды—фурьеристской, коммунистской и либеральной и 3) на предметъ возстанія. Однако, проектъ вызвалъ при обсужденіи (въ немъ принимали участіе Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ и Дебу) разногласія и, повидимому, главнымъ образомъ—своимъ послѣднимъ пунктомъ. Дебу отказался участвовать въ тайномъ обществѣ, посовѣтовавъ то же сдѣлать и Петрашевскому. Всѣ дальнѣйшія совѣщанія на этомъ прекратились, и проектъ былъ сожженъ. Въ общемъ, можно сказать, что даже у того меньшинства, которое подчеркивало важность политическаго момента, эта часть была разработана очень слабо, такъ что можно лишь строить догадки о томъ, въ какую форму вылилась бы ихъ программа и тактика въ окончательно сложившемся видѣ. Въ книгѣ Ахшарумова есть мѣсто, гдѣ онъ высказываетъ мысль о возможности—по прошествіи многихъ лѣтъ—образованія тайнаго общества съ политическими стремленіями изъ среды кружковъ, образовавшихся въ 1848—49 г.г.; точно также Достоевскій говорилъ впослѣдствіи, что при измѣненіи обстоятельствъ изъ Петрашевцевъ могли бы выйти нечаевцы—но всѣ эти предположенія только лишній разъ убѣждаютъ насъ, что именно въ разсматриваемый періодъ соціалистическое теченіе носило ясно выраженный *аполитическій* характеръ.

Какъ видно изъ предыдущаго, идеи западныхъ утопистовъ нашли у насъ къ серединѣ XIX вѣка столь широкое распространеніе, что Грановскій говорилъ о нихъ, какъ о *болѣзни вѣка*. Жестокія репрессіи 1849 г. разрядили атмосферу этого напряженнаго интереса и помѣшали ему проявиться въ формѣ практическихъ соціальныхъ опытовъ, и хотя впослѣдствіи фурьеризмъ нашелъ себѣ новыхъ пропагандистовъ, но время для него уже прошло. На нашей почвѣ утопическій соціализмъ переродился въ особую, своеобразную форму и въ этомъ видѣ обнаружилъ большую живучесть, сохраняя свое вліяніе надъ умами еще въ теченіе долгаго времени послѣ того, какъ на Западѣ уто-

низмъ уступилъ свое мѣсто реалистическому міровоззрѣнію Маркса-Энгельса. Родоначальникомъ этого русскаго утопическаго соціализма является А. И. Герценъ, но — какъ это ни страннымъ можетъ показаться на первый взглядъ—фундаментъ для него былъ заложенъ нѣсколько раньше не кѣмъ инымъ, какъ краінимъ прусскимъ консерваторомъ и тайнымъ совѣтникомъ Гакстаузеномъ. Совершивъ въ 1843 г. путешествіе по Россіи, онъ первый высказалъ въ своей книгѣ —Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands—мысль о близости своеобразныхъ особенностей ея экономическаго строя съ новѣйшими соціальными стремленіями Запада. «Община обезпечиваетъ Россіи неизмѣримыя выгоды, такъ какъ тамъ до сихъ поръ нѣтъ никакого пролетаріата, да послѣдній и не можетъ образоваться, пока существуетъ общинный строй». Благодаря этому ей «нечего бояться тѣхъ революціонныхъ направленій, которыя въ настоящій моментъ угрожаютъ Европѣ — пауперизма, пролетаріата и доктринъ сенъ-симонизма и соціализма, ибо она въ этомъ отношеніи представляетъ здоровый организмъ». «Во всѣхъ другихъ странахъ Европы глашатаи соціальной революціи подкапываются подъ богатство и собственность: уничтоженіе права наслѣдства и равномѣрное распредѣленіе земли — вотъ лозунгъ этихъ революціонеровъ. Въ Россіи такая революція невозможна, такъ какъ утопія европейскихъ революціонеровъ въ этой странѣ получила въ народной жизни свое полное осуществленіе»... Не правда ли, какая удивительная страна! Но для того, чтобы прійти къ такому выводу, барону Гакстаузену пришлось сдѣлать довольно существенную передержку: говоря о равномѣрномъ распредѣленіи земли, европейскіе соціалисты говорили вмѣстѣ съ тѣмъ и о переходѣ ея въ собственность всего народа, русская же община хозяйничала лишь на меньшей части земли, а большая часть ея находилась въ рукахъ помѣщиковъ; они говорили объ освобожденіи труда, въ тогдашней же Россіи общинные порядки совмѣщались съ эксплоатаціей крѣпостного труда. Будучи вполнѣ доволенъ современнымъ ему положеніемъ дѣлъ, авторъ мало задумывается надъ будущимъ общины; поскольку же ему приходится касаться этого вопроса, онъ вполнѣ выдерживаетъ тонъ: «невыгодныя послѣдствія этого принципа (т. е. общиннаго землевладѣнія) могутъ быть устранены многими способами, не касаясь самаго принципа. Напр., они

могли бы быть, вѣроятно, устранены, если бы позаботились возстановить первобытное состояніе (ursprünglicher Zustand), путемъ уничтоженія дѣлежа земли и возстановленія совмѣстной ея обработки» (S. 129, 156, XII).

Нѣкоторые авторы, какъ напр. П. Сакулинъ въ VII выпускѣ «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», г. Ивановъ-Разумникъ въ своей «Исторіи русской общественной мысли», Н. Русановъ и др. считаютъ, что Гакстаузенъ заимствовалъ свой взглядъ на общину у славянофиловъ, но это навѣрно. Конечно, существованіе общины было извѣстно и до него, но онъ первый освѣтилъ вопросъ съ новой стороны и тѣмъ придалъ ему такой общественный интересъ, котораго тотъ раньше совершенно не имѣлъ. Въ этомъ именно смыслѣ — надо думать—Герценъ и говорилъ неоднократно, что для нашей интеллигенціи община была «открыта» нѣмецкимъ путешественникомъ. Точно также Чернышевскій въ своей рецензіи на книгу Шипова (*Современникъ* № за 1857 г.) категорически заявляетъ, что «взглядъ на общину, который мы защищаемъ, принадлежитъ западной наукѣ, а не славянофиламъ»...

Не менѣе своеобразны взгляды Гакстаузена въ области промышленности. Благодаря ли поверхностности изученія или вслѣдствіе другихъ какихъ причинъ, но только онъ приписалъ нашимъ кустарнымъ промысламъ артельный характеръ, и въ его изображеніи они вышли «свободными промышленными ассоціаціями, напоминающими объ ассоціаціяхъ сенъ-симонистовъ». Съ незапамятныхъ временъ,—говоритъ онъ,—во многихъ частяхъ Россіи существуетъ промышленная дѣятельность, которая, опираясь на русское общинное устройство, образуетъ собою родъ національныхъ фабричныхъ ассоціацій. Послѣднія представляютъ собою въ дѣйствительности не что иное, какъ то, что сенъ-симонистскія теоріи выставили въ качествѣ образца для соціальнаго преобразованія Европы. «Чисто русской формой производства промышленныхъ продуктовъ является ремесленная община, организованная въ видѣ фабрики. Цѣлыя деревни и мѣстечки, или, вѣрнѣе, всѣ жители ихъ, занимаются однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Существуютъ деревни, которыя производятъ только сапоги, другія производятъ только столы и стулья, третьи только горшки и т. д. Одно или нѣсколько семействъ работаютъ фабричнымъ способомъ, съ раздѣленіемъ труда между собою, и имѣютъ свои склады въ большихъ городахъ и на яр-

маркахъ. Этотъ родъ ремесленнаго производства существуетъ повсюду въ странѣ и является чисто національнымъ». Какъ видно отсюда, говоря о ремеслѣ (Handwerk), авторъ въ дѣйствительности имѣетъ въ виду кустарную промышленность. Послѣдняя же, прежде всего, не имѣла у насъ артельнаго характера: въ основѣ ея лежитъ трудъ членовъ семьи или исключительно, или съ присоединеніемъ наемныхъ рабочихъ. Во-вторыхъ, представляя изъ себя работу на дому за чужой счетъ, кустарная промышленность является, въ сущности, лишь мелкой формой товарнаго производства, т. е. одной изъ стадій въ развитіи капитализма. Въ силу этихъ двухъ основаній—отсутствія артельнаго начала и зависимости производителя отъ посредника—какая бы то ни было аналогія со свободными промышленными ассоціаціями соціальныхъ реформаторовъ Запада представляется дѣтски-наивной. Наконецъ, въ-третьихъ, ничего «истинно-русскаго» (ächtrussisches) она въ себѣ не заключала, ибо домашняя промышленность, какъ особый видъ промышленной дѣятельности, отличный отъ ремесла и фабричнаго производства и характеризующійся именно работой на дому за чужой счетъ, существуетъ повсюду и въ Западной Европѣ.

Послѣ того, что мы слышали изъ устъ Гакстгаузена относительно мелкой промышленности въ Россіи, намъ не покажутся, конечно, удивительными его воззрѣнія и въ области крупнаго производства.

Вмѣсто того, чтобы поощрять крупныя предпріятія и превратить дворянъ въ фабрикантовъ, правительство должно было бы содѣйствовать распространенію вышеуказанныхъ національныхъ фабричныхъ ассоціацій. «Почему нельзя было бы,—спрашиваетъ онъ,—при большой покорности и естественной уступчивости простого русскаго народа, основать, напр., среди государственныхъ крестьянъ хлопчатобумажныя фабрики? Мастера и руководители для фабрикъ изъ Англіи и Германіи все равно были необходимы, и основанныя дворянами предпріятія выписывали ихъ для себя, да и теперь еще они находятся, пожалуй, на большинствѣ фабрикъ. Зданія для машинъ и самыя машины должны быть, конечно, поставлены на счетъ казны, при чемъ она могла бы для покрытія процентовъ устанавливать цѣны на пряжу, затѣмъ предоставила бы рабочимъ ткацкіе станки, научила ихъ при помощи мастеровъ обращаться съ ними и, въ заключеніе, передала бы веденіе производства ста-

риннымъ русскимъ фабричнымъ ассоціаціямъ-общинамъ. Конечно, вначалѣ потребовались бы многократныя указанія, руководство и даже принужденіе, но при большой уступчивости и техническихъ способностяхъ русскихъ все дѣло скоро бы наладилось, и эти новыя производства быстро бы ассимилировались съ уже существующими...» То же самое и по отношенію къ частнымъ предпринимателямъ. «Въ настоящее время большинство фабрикъ работаетъ не собственными крѣпостными, а нанимаетъ рабочихъ по вольному найму и за опредѣленную плату. Если бы обязать фабрикантовъ организовать своихъ рабочихъ въ общины, взять на себя полное и строгое господское попеченіе, построить для нихъ общинные магазины, школы, больницы и т. п. и если бы запретить фабрикантамъ прогонять рабочихъ, напр., въ случаѣ старости, инвалидности и пр., безъ опредѣленныхъ, указанныхъ въ законѣ причинъ, то этимъ можно было бы избѣжать многихъ вредныхъ послѣдствій, напр. деморализаціи фабричныхъ рабочихъ».

Несмотря на эти и другія несообразности и общій свой утопическій духъ или, можетъ быть, именно благодаря этому (до тѣхъ поръ, пока экономическая критика не выяснила фактическую несостоятельность вышеуказанныхъ положеній) книга нѣмецкаго путешественника произвела большое впечатлѣніе на умы того времени. Слѣды этого вліянія замѣтны уже на нѣкоторыхъ изъ петрашевцевъ. Такъ, А. Милюковъ, разсказывая о собраніяхъ у Дурова, говоритъ: «Всѣ мы изучали (западныхъ) соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученія была цѣль благородная, онъ, однако жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги». И, по свидѣтельству Дебу, даже ревностные фурьеристы

обратили вниманіе на общину, съ которою ихъ познакомилъ Гакстаузенъ.

Конечно, радикальная интеллигенція не могла раздѣлять его мнѣнія, что у насъ въ Россіи мечты европейскихъ соціалистовъ нашли уже «свое полное осуществленіе»: ужасы крѣпостного права и Николаевскаго деспотизма были слишкомъ хорошо знакомы имъ для этого *). Но она обѣими руками ухватилась за высказанную имъ мысль, что благодаря указаннымъ особенностямъ своего экономическаго быта Россія стоитъ ближе къ конечному осуществленію идеала, чѣмъ западная Европа. Главнымъ образомъ, въ этомъ именно обстоятельствѣ, а не только во вліяніи западныхъ утопистовъ и неудачѣ декабристскаго движенія, и нужно—по нашему мнѣнію—искать объясненіе тому въ высшей степени важному факту, что русская соціалистическая интеллигенція на долгое время становится равнодушной *къ борьбѣ* за политическую свободу. Мы подчеркиваемъ слово «борьба», ибо говоримъ именно о равнодушіи къ активному вмѣшательству или содѣйствію тѣмъ конституціоннымъ стремленіямъ, которыя возникали среди русскаго общества, такъ какъ къ политической свободѣ, какъ таковой, они—само собой разумѣется—относиться враждебно не могли. О настроеніи русскихъ сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ мы уже говорили выше; столь же холодно—какъ это будетъ показано ниже—относилось къ политикѣ и послѣдующее народничество. Западные утописты, правда, тоже относились равнодушно или даже враждебно къ ней, выдвигая на первый планъ «промышленныя гарантіи» и подчеркивая важность новыхъ, открытыхъ ими путей. Если въ этомъ и заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ утопическаго соціализма, то, во всякомъ случаѣ, напр., во Франціи, подобное отношеніе можетъ быть до извѣстной степени оправдано, какъ реакція противъ увлеченія чисто политическими переворотами, ибо завоеваніе гражданской свободы, какъ выяснилось, еще не избавляло народныя массы отъ экономической кабалы. Но въ Россіи, гдѣ все цѣпенѣло подъ мертвящимъ гнетомъ абсолютизма, для такого объясненія не было мѣста, и нужны были какія-то особенныя, чрезвычайныя причины, чтобы среди передовой интеллигенціи могло укорениться

*) Характеризуя книгу Гакстаузена, какъ «очень интересную», Герценъ называетъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ «бѣшено реакціонной»—frénétiquement reactionnaire. См. Du développement etc.

подобное отвращеніе къ политикѣ. Этимъ чрезвычайнымъ моментомъ и было распространеніе догмата объ особомъ пути развитія Россіи: благодаря существованію общины и артелей послѣдняя можетъ, минуя промежуточныя стадіи, прямо приступить къ осуществленію полнаго соціальнаго переворота, который уже одновременно разрѣшитъ или сдѣлаетъ излишними многіе изъ тѣхъ вопросовъ въ области политической жизни, надъ которыми бился и бьется Западъ.

Мысль эту прекрасно выразилъ впослѣдствіи Герценъ въ своемъ обращеніи къ Эдгару Кине: «мы—народъ, иначе понимающій земельную собственность; для васъ соціализмъ былъ заходящимъ солнцемъ, для насъ—восходящимъ. Мы шли за вами, пути наши пересѣклись, и мы снова пойдемъ не по одной дорогѣ—*вы пролетаріатомъ къ соціализму, мы соціализмомъ къ свободѣ*» (*Колоколъ* № 210).

Окончательное сформированіе этого взгляда относится уже къ пятидесятымъ годамъ.

Литература: А. Герценъ—Былое и Думы: его-же—Du développement des idées révolutionnaires en Russie, Londres, 1853 (есть русск. переводъ, изд. Саблина). Батуринскій—Герценъ, его друзья и знакомые, 1904 г. Т. Пассекъ—Изъ дальнихъ лѣтъ, т. 2. П. Анненковъ—Замѣчательное десятилѣтіе 1838—48 г. Изъ литературныхъ воспоминаній. *Вѣстникъ Европы* №№ 1—5 за 1880 г. В. Бѣлинскій—Парижскія тайны; его-же—Взглядъ на русскую литературу въ 1846 г.; его-же—Отвѣтъ Москвитянину. А. Пыпинъ—Бѣлинскій, его жизнь и переписка, изд. 2, 1908 г. Г. Плехановъ—О Бѣлинскомъ. *Современный Міръ* №№ 5—6 за 1910 г.; его же—В. Бѣлинскій и В. Майковъ.

Современный Міръ № 5 за 1911 г. Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ, подъ ред. Базилевскаго, т. I. Петрашевцы. Изд. Саблина, 1907 г. Записки Липранди. *Русская Старина* № 7 за 1872 г. Изъ записокъ ген.-лейт. Кузмина. *Русская Старина* № 4 за 1895 г. Зотовъ—Наши энциклопедическіе словари. *Историческій Вѣстникъ* № 5 за 1888 г.; его же—Петербургъ въ сороковыхъ годахъ. *Историческій Вѣстникъ* № 6 за 1890 г. Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, изд. Кирилловымъ, 1845—46 г.г. В. Семевскій—Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, 1888 г.; его же—Изъ исторіи крестьянскаго вопроса. Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ наукъ, т. I, 1893 г.; его же—Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ. Сборникъ „На славномъ посту", 1900 г. Дм. Ахшарумовъ—Изъ моихъ воспоминаній 1849 г., изд. 1905 г. А. Милюковъ—Литературныя встрѣчи и знакомства, 1890 г. Ив. Ястржембскій—Мемуары Петрашевца. *Минувшіе годы* № 1 за 1908 г. Ор. Миллеръ—Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго, 1883 г. Н. Русановъ—Изъ идейной исторіи русскаго соціализма 40-хъ годовъ. *Русское Богатство* №№ 1 и 2 за 1902 г. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands von Haxthausen, B. I, 1847 (есть русскій переводъ).

ГЛАВА II.

50-ые годы.

Съ разгромомъ кружка петрашевцевъ закончился первый, такъ сказать, чисто подражательный періодъ въ исторіи соціализма въ Россіи. Новыя идеи, понятія и точки зрѣнія, вошедшія съ нимъ въ кругъ сознанія передовой интеллигенціи, подвергаются теперь нѣкоторой переработкѣ, вытекающей изъ потребности связать ихъ тѣснѣе съ условіями окружающей дѣйствительности. Такъ возникло теченіе, получившее названіе «русскаго соціализма» или народничества.

Направляя вниманіе отъ фаланстеровъ къ общинѣ, отъ подражанія западнымъ соціалистамъ къ самостоятельной работѣ мысли, «русскій соціализмъ» дѣлалъ несомнѣнный шагъ впередъ, но къ сожалѣнію онъ съ самаго же начала попалъ при этомъ на ложную колею, которая завела его далеко въ сторону отъ созданія научно-реалистической теоріи.

Основные элементы этого утопическаго направленія уже были даны въ книгѣ бар. Гакстаузена, о которой мы говорили выше, но соотвѣтственное обоснованіе и развитіе оно получило лишь въ произведеніяхъ А. И. Герцена.

Соціалистомъ Герценъ сталъ—по его собственному признанію—еще съ начала тридцатыхъ годовъ, когда онъ увлекся ученіемъ Сенъ-Симона; затѣмъ во время своей ссылки онъ познакомился съ большинствомъ и остальныхъ соціалистическихъ системъ, которыя возбудили въ немъ горячій интересъ. Однако ученія западныхъ утопистовъ оставили на немъ прочный слѣдъ лишь своей критической и нравственно-философской стороной, положительная же часть—въ особенности примѣнительно къ русскимъ условіямъ—его мало удовлетворяла. «Соціализмъ и коммунизмъ—предтеча новаго міра общественнаго, въ нихъ разсѣяны по существу membra disjecta будущей великой формулы.—читаемъ мы въ дневникѣ за мартъ 1844 г.,—

по ни въ одномъ опытѣ нѣтъ полнаго лозунга. Безъ всякаго сомнѣнія, у сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ высказаны величайшія пророчества будущаго, но *чего-то* не достаетъ. У Фурье убійственная прозаичность, жалкія мелочи и подробности, поставленныя на колоссальномъ основаніи; счастье ,что ученики его задвинули его сочиненія своими. У сенъ-симонистовъ ученики погубили учителя. Народы будутъ холодны, пока проповѣдь пойдетъ этимъ путемъ; но ученія эти велики тѣмъ, что они возбудятъ, наконецъ, истинно народное слово—какъ Евангеліе». Въ открытіе Гакстаузена онъ также увѣровалъ не сразу и первое время относился къ нему сдержанно. «Я имѣлъ случай говорить съ Гакстаузеномъ,—записано въ дневникѣ за май 1843 г.; меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть... и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ сохранившуюся изъ древности общинность: ее-то надобно развивать, сообразно требованіямъ времени. Индивидуальное освобожденіе съ землей или безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ, оно противопоставляетъ единичную слабую семью всѣмъ страшнымъ притѣсненіямъ земской полиціи. das Beamtenwesen ist grässlich in Russland» (чиновничество ужасно въ Россіи).—Когда славянофилы подхватили слово *община* и стали прославлять его, какъ исцѣленіе отъ всѣхъ золъ, которыми зараженъ гнилой Западъ, Герценъ неоднократно высказывалъ свое отрицательное отношеніе къ этому.

«Главная ошибка славянофиловъ состоитъ въ томъ—писалъ онъ въ дневникѣ—что вѣря (и не безъ основанія) въ огромное будущее славянъ, какъ того племени ,которое имѣетъ призваніе своей непосредственностью соотвѣтствовать высшему историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ *самомъ* младенчествѣ его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностью, уже развитою и осуществившей свое призваніе».

«Въ Индіи до сихъ поръ и споконъ вѣку существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако, индійцы съ ней недалеко ушли. Одна только мощная мысль Запада... въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ» (Былое и Думы). Переворотъ въ душѣ Герцена произошелъ послѣ поѣздки за границу, куда онъ направился въ 1847 г., полный

вѣры въ близкое торжество революціи. «Видя, какъ Франція смѣло ставитъ соціальный вопросъ, я предполагалъ, что она хоть отчасти разрѣшитъ его, и оттого былъ, какъ тогда называли, *западникомъ*. Парижъ въ одинъ годъ отрезвилъ меня,—зато этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ же началъ, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за Западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ. Обличая революцію, я вовсе не обязанъ переходить на сторону ея враговъ; паденіе февральской республики не могло меня отбросить ни въ католицизмъ, ни въ консерватизмъ: оно меня снова привело домой. Стоя въ стану побитыхъ, я указывалъ имъ на народъ, носящій въ бытѣ своемъ больше условій къ экономическому перевороту, чѣмъ окончательно сложившіеся западные народы. Я указывалъ на народъ, у котораго нѣтъ тѣхъ нравственныхъ препятствій, о которыя разбивается въ Европѣ всякая новая общественная мысль, а, напротивъ, есть *земля подъ ногами* и вѣра, что *она его*» («Колоколъ», № 191).

Подъ вліяніемъ глубокой реакціи, охватившей западноевропейское общество послѣ пораженія революціи 1848 г., Герценъ сталъ все болѣе и болѣе проникаться убѣжденіемъ, что Западная Европа отжила свой вѣкъ, истощивъ уже всѣ свои жизненныя силы, и что созидательная работа отнынѣ должна принадлежать русскому народу.

«До сихъ поръ мы были непростительно скромны—пишетъ онъ въ предисловіи къ русскому изданію своей книги «Съ того берега», появившейся первоначально на нѣмецкомъ языкѣ въ 1850 г.—и, сознавая свое тяжелое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надеждъ и развитія ,что представляетъ народная жизнь. Мы дождались нѣмца, для того чтобы рекомендоваться Европѣ. Не стыдно ли?»

Открыть Европѣ глаза на Россію и заставить повѣрить въ нее—вотъ задача, которую ставитъ себѣ теперь Герценъ и надъ разрѣшеніемъ которой онъ трудился двадцать лѣтъ, до самой своей смерти.

Русскій народъ не имѣетъ историческаго прошлаго, онъ чуждъ цивилизаціи и политическимъ движеніямъ Европы, но зато въ немъ имѣется огромный запасъ нетронутыхъ, свѣжихъ силъ и сохранились драгоцѣнныя соціальныя учрежденія, которымъ предстоитъ обновить жизнь человѣчества и спасти

вмѣстѣ съ тѣмъ Западъ отъ окончательнаго разложенія. Угнетаемые абсолютизмомъ императорской власти, мы тѣмъ не менѣе идемъ на встрѣчу соціализму, какъ древніе германцы шли навстрѣчу христіанству. «Какое счастье для Россіи—писалъ Герценъ Мишле въ 1851 г.—что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая безъ сомнѣнія подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ соціализмѣ до самоотрицанія»... Будущее развитіе Россіи—экономическое и политическое—должно заключаться поэтому не въ насажденіи той цивилизаціи, какой достигъ нынѣ Западъ, не въ подражаніи ему, какъ къ этому стремятся русскіе либералы,—а въ томъ, чтобы двигать впередъ и совершенствовать зародыши коммунистическихъ учрежденій, дремлющіе въ нашемъ патріархальномъ быту, и сразу подняться на высшую ступень, поднявши съ собой и Европу.

«Должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ?»—такъ спрашиваетъ онъ въ третьемъ письмѣ къ Линтону (1854 г.) и отвѣчаетъ на это отрицательно. «Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ, но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ—это круговая порука прогресса, майоратъ человѣчества... Россія продѣлала свою эмбріогенію въ европейскомъ классѣ. Дворянство съ правительствомъ представляютъ у насъ европейское государство въ славянскомъ. Мы прошли всѣ фазисы политическаго воспитанія, начиная отъ нѣмецкаго конституціонализма, отъ англійскаго канцелярскаго монархизма до поклоненія 93-му году. Народу русскому не нужно начинать снова этотъ тяжелый трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полурѣшеній, до которыхъ мы дошли и которыхъ вся важность состояла только въ томъ, что мы черезъ нихъ дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій».

«Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ.—повторяетъ онъ въ статьѣ *Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе*, помѣщенной въ Колоколѣ за 1859 г.—мы

прожили западную исторію. и будто теперь намъ надобно ее повторять опгомъ?..»

Нѣсколько позже, въ восьмомъ письмѣ изъ «Концовъ и Началъ», Герценъ съ другой стороны подходитъ къ разсматриваемому вопросу и снова приходитъ къ тому же выводу.

«Въ genus europeum есть народы, состарѣвшіеся безъ полнаго развитія мѣщанства (кельты, нѣкоторыя части Испаніи и пр.), есть и другіе, которымъ мѣщанство идетъ, какъ вода жабрамъ—отчего же не быть и такому народу, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки?... Сложившійся туго и поздно, народъ русскій долженъ внести или свою полную неспособность къ развитію, или развить что-нибудь свое подъ вліяніемъ былого и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и своего угла отраженія... Затѣмъ же наряжаться въ блузу, когда есть своя рубашка съ косымъ воротомъ?»

Этимъ «своимъ», развивая которое Россія можетъ или совсѣмъ миновать стадію буржуазной цивилизаціи или пройти ее лишь полосой, являются именно община и артель; ихъ Герценъ изображаетъ въ духѣ и терминахъ Гакстаузена, очистивъ только его воззрѣнія отъ тѣхъ консервативно-бюрократическихъ придатковъ, которые препятствовали усвоенію ихъ радикальной интеллигенціей. «Артель.—читаемъ въ статьѣ 1853 г. «Крещеная собственность»,—лучшее доказательство того естественнаго, безотчетнаго сочувствія славянъ соціализму, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германскій цехъ, она не ищетъ ни монополіи, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается, чтобы мѣшать другимъ, она устроена для себя, а не противъ кого-либо. Артель—соединеніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ общими силами».—«Какъ сохранить независимость британца безъ людоѣдства, какъ развить личность крестьянина безъ утраты общиннаго начала? Въ этомъ-то вся мучительная задача нашего вѣка, въ этомъ-то и состоитъ весь соціализмъ... Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, въ то время, какъ германскіе народы ее утратили, но это большое счастье, и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долю временили, воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей, она имъ страшно дорого стоитъ.

...Міръ западный утратилъ свое общинное устройство; хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жертву развитія меньшинства; зато развитіе дворянства и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцарство съ его высокимъ понятіемъ независимой личности и среднее состояніе съ его непреклонной идеей права, оно имѣло искусство и литературу, науку и промышленность, наконецъ, реформацію и революцію. Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими, не имѣла никакой доли въ пріобрѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей... Народъ русскій такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ и къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и германскому феодализму. Народъ русскій ничего не пріобрѣлъ со времени Владиміра и Кіевскаго періода; подъ монгольскимъ гнетомъ хановъ, подъ византійскимъ—царей, подъ нѣмецкимъ—императоровъ, подъ суринамскимъ—помѣщиковъ, онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину, т. е. владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами.

...Безумно было бы начать переворотъ (на Западѣ) съ уничтоженія свободныхъ учрежденій, потому что они на дѣлѣ доступны только меньшинству; еще безумнѣе уничтожить общинное начало, къ которому стремится современный человѣкъ, за то, что оно не развило еще свободной личности въ Россіи».

Въ письмѣ къ Прудону лѣтомъ 1855 г. Герценъ устанавливаетъ слѣдующія основныя положенія относительно Россіи и славянства. 1. Сельская община, опирающаяся на постоянный передѣлъ земли между хлѣбопашцами, и рабочая артель, основанная на раздѣлѣ заработковъ, не уравнительномъ, но по согласію всѣхъ,—даютъ мнѣ право заключать, что въ самой природѣ славянскаго племени заложены элементы соціализма. 2. Государство—ни до Петра I, ни послѣ—никогда не было въ силахъ искоренить эти элементы. 3. Я думаю, что безъ участія западныхъ соціалистическихъ идей у славянскихъ народовъ никогда не хватитъ пылкости, чтобы отъ патріархальнаго коммунизма перейти къ сознательному соціализму. Россія скромнѣе Савойи и не farà da se; ей нужны сочувствіе и помощь евро-

пейскихъ народовъ.—«Эпоха, въ которую Россія вступаетъ теперь—говорится въ статьѣ 1857 г. «Еще варіація на старую тему»—необыкновенно важна: вмѣсто небольшихъ политическихъ реформъ, для которыхъ мы не опытомъ, а умомъ слишкомъ стары, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ огромнымъ экономическимъ переворотомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ—и это не все, вопросы наши такъ поставлены, что они могутъ быть разрѣшены общими соціально-государственными мѣрами безъ насильственныхъ потрясеній. Мы призваны перебрать права поземельнаго владѣнія и отношеній работника къ орудію работы—не есть ли это торжественное вступленіе въ будущій возрастъ нашъ? ...Общинное владѣніе землей, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ возрасти новая общественная жизнь, почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ. Вотъ почему я середь мрачнаго, раздирающаг душу реквіема, середь темной ночи, которая падаетъ на усталый больной Западъ, отворачиваюсь отъ предсмертнаго стона великаго бойца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной Востокъ, внутри радуясь, что я русскій». Такимъ образомъ, передовая интеллигенція, пережившая рядъ увлеченій, въ которыхъ отразились различныя стадіи западно-европейскаго развитія, и воспринявшая, наконецъ, послѣднее слово его—соціализмъ, находитъ для себя вполнѣ подготовленное поле дѣятельности. «Образованная Россія должна возвратиться къ народу... Русскій народъ собственно стали узнавать только послѣ революціи 1830 г. Съ удивленіемъ увидѣли, что русскій человѣкъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ—бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству... Соціализмомъ—революціонная идея можетъ у насъ сдѣлаться народной. Въ то время, какъ въ Европѣ соціализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе» (См. третье письмо къ Линтону). Отсюда естественно вытекаетъ и нерасположеніе къ такимъ «полурѣшеніямъ» вопроса, какъ чисто политическіе перевороты. Съ этой вѣрой Герценъ перешелъ и въ слѣдующее—послѣднее въ его жизни—десятилѣтіе, когда уже было положено начало усиленному развитію капитализма въ Россіи. «Западная цивилизація становится намъ ненавистной,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Прудону отъ 23 марта

1860 г.,—разъ она колеблется перейти рубиконъ и вступить въ соціализмъ. Мужичій, раскольничій, сельскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ Петербургомъ. Наша аристократія—это татары, произведенные въ нѣмцы... Народъ выставляетъ вмѣсто *права на трудъ* даровое право на землю, общинный строй, раздѣлъ земли, общее владѣніе и артель».

Желая разсѣять недоразумѣнія и устранить искаженія, которымъ подвергались въ нѣкоторыхъ кругахъ его взгляды, Герценъ счелъ нужнымъ резюмировать ихъ на страницахъ «Колокола» (№ 107 отъ 15 сент. 1861 г.), въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ Repetitio est mater studiorum: «Одинъ фактъ общиннаго владѣнія землей и передѣлежа полей, самъ по себѣ, оправдываетъ предположеніе, что наша невоздѣланная почва, нашъ черноземъ способнѣе для посѣва зерна, собраннаго съ западныхъ полей.—Что же тутъ удивительнаго, что, видя народъ общинный, артельный, *со своимъ* понятіемъ о правѣ на землю и о круговой порукѣ, нашлись люди, которые предположили, что этотъ народъ ближе къ осуществленію экономическаго, т. е. соціальнаго переворота, чѣмъ римско-феодальная, мѣщанско-индустріальная Европа? Сказалъ же Христосъ, что богатому Никодиму труднѣе совлечь съ себя стараго Адама, чѣмъ нищему. То, что на Западѣ можетъ только совершиться рядомъ катастрофъ, потрясеній, то можетъ развиться въ Россіи на основаніи существующаго»... ибо на нашей черноземной почвѣ «меньше мусора и всякаго рода развалинъ, чѣмъ на западныхъ поляхъ»...

Если мы захотимъ теперь узнать, какія же собственно практическія требованія выставлялись имъ, то отвѣтъ на это содержится въ упомянутомъ уже письмѣ къ Линтону. «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-governement по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ о той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умъ Запада». Начиная изданіе «Колокола» въ серединѣ 1857 г., Герценъ такъ опредѣляетъ—въ передовой статьѣ его перваго №—свою политическую программу.

«Въ отношеніи къ Россіи мы хотимъ страстно, со всей горячностью любви ,со всей силой послѣдняго вѣрованія, чтобы съ нея спали, наконецъ, ненужные старые свивальники, мѣшающіе

могучему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 г. *), считаемъ первымъ необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

Освобожденіе слова—отъ цензуры!
Освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ!
Освобожденіе податного состоянія—отъ побоевъ!

Если баронъ Гакстаузенъ уже въ современной ему Россіи видѣлъ полное осуществленіе идей западныхъ соціальныхъ реформаторовъ, то это утвержденіе слишкомъ ужъ явственно отражало въ себѣ духъ прусскаго бюрократа-консерватора. Герценъ внесъ сюда поправку въ видѣ требованія объ уничтоженіи крѣпостного права и распространенія автономіи. Ему казалось, что этимъ устраняются всѣ препятствія къ торжеству соціализма въ Россіи; въ «освобожденіи земли» онъ видѣлъ уже «начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма». На самомъ же дѣлѣ это умѣренно-либеральное требованіе ничего соціалистическаго въ себѣ не заключало, ибо поддерживалось также и западниками, и славянофилами. Въ области же соціально-экономической Герценъ вполнѣ присоединялся къ положеніямъ бар. Гакстаузена, и такимъ образомъ основанное имъ народническое, или утопическо-соціалистическое направленіе представляло собою не что иное, какъ идеализацію примитивныхъ учрежденій натурально-хозяйственнаго строя дореформенной Россіи, идеализацію, начало которой было положено вышеуказаннымъ нѣмецкимъ путешественникомъ и которая опиралась на недостаточное изученіе дѣйствительности.

Мнѣ кажется также болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что именно книгой Гакстаузена навѣяно то мѣсто въ Du développement des idées revolutionnaires en Russie, гдѣ Герценъ говоритъ о «свѣжести юности и природной склонности къ соціалистическимъ учрежденіямъ», какъ о «національномъ элементѣ», который отличаетъ нашу страну... (см. р. 135), и съ легкой руки его эта фантастическая мысль о естественной склонности русскаго мужика къ соціализму стала затѣмъ неизмѣннымъ достояніемъ народничества на многіе десятки лѣтъ...

Тоже самое—и относительно взгляда на значеніе (капиталистической) промышленности. Въ предисловіи къ своей книгѣ

*) Здѣсь разумѣется программа «Полярной Звѣзды», издававшейся тогда Герценомъ.

Гакстгаузенъ писалъ, что «фабричная промышленность составляетъ одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій къ эмансипаціи» въ Россіи, такъ какъ помѣщики, отпуская крестьянъ на фабричныя работы и повышая оброкъ, заинтересованы въ сохраненіи крѣпостного права. Это соображеніе послужило, вѣроятно, Герцену основаніемъ для отрицательнаго взгляда на развитіе у насъ промышленности. «Развитіе промышленности, фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, *переложенной на россійскіе нравы*, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, «патріархальный глава общины», сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ невольниковъ». А отсюда—вообще враждебное отношеніе къ развитію промышленности, столь характерное для народничества...

Но на какія же силы разсчитывалъ Герценъ для осуществленія своей программы, въ чемъ видѣлъ онъ тотъ рычагъ, при помощи котораго народная жизнь могла бы быть направлена по новому пути? Съ нѣкоторыми соображеніями его относительно того, что Россія находится въ особенно благопріятномъ положеніи, ибо она можетъ даромъ воспользоваться тѣмъ опытомъ, который достался кровавой цѣной Западной Европѣ, мы уже знакомы. Большія надежды возлагались имъ поэтому первоначально на русскую интеллигенцію, которую онъ ставилъ значительно выше западно-европейской, въ силу отсутствія у нея тѣхъ традицій и мѣщанскихъ предразсудковъ, которые связываютъ послѣднюю. «Мыслящій русскій—самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ», и это дѣлаетъ его особенно подготовленнымъ для воспріятія новыхъ идей...

«Мы, русскіе, прошедшіе черезъ западную цивилизацію, мы не болѣе, какъ средство, какъ закваска, какъ *посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европой*».

Но какъ бы ни преувеличивать значеніе вышеуказаннаго опыта и роль интеллигенціи, трудно было не видѣть, что одного этого слишкомъ недостаточно. При всемъ своемъ идеалистическомъ взглядѣ на исторію, Герценъ къ концу разсматриваемаго періода и началу 60-хъ годовъ уже перестаетъ возлагать преувеличенныя надежды на передовой «европейскій классъ». Мысль, высказанная въ третьемъ письмѣ къ Линтону, что *мы*, т. е. интеллигенція, можемъ пройти *за народъ* всѣ фазисы политическаго (и не одного только политическаго) воспитанія, не по-

лучила дальнѣйшаго развитія и растворилась затѣмъ въ убѣжденіи, что роль интеллигенціи заключается въ углубленіи и расширеніи началъ, заложенныхъ въ нѣдрахъ народной жизни, и что сила ея покоится лишь на согласіи съ народнымъ духомъ.

Между тѣмъ на пути къ сближенію интеллигенціи съ народомъ стояла не только отчужденность первой въ силу ея принадлежности къ господствующему классу—дворянству, но и такое недвусмысленное препятствіе, какъ существующій государственный строй.

Для Герцена не подлежало сомнѣнію, что время заговоровъ и дворцовыхъ переворотовъ прошло, да для цѣлей программы, соціальной по преимуществу, они и не могли имѣть большого значенія. «Заговорщикамъ 14-го декабря,—говоритъ онъ въ своемъ письмѣ къ императору Александру II *),—хотѣлось больше, нежели замѣны одного лица другимъ, серальный переворотъ былъ для нихъ противенъ, весьма можетъ быть, что они потому-то и не бросились во дворецъ, а открыто построились на площади, какъ бы испытывая, съ ними ли общественное мнѣніе, съ ними ли массы. *Они не были съ ними, и судьба ихъ была рѣшена!*» Въ другомъ мѣстѣ, а именно—въ брошюрѣ о заговорѣ 1825 г., онъ снова подчеркиваетъ, что основная причина неудачи послѣдняго заключалась въ отсутствіи связи его съ широкими массами. «Въ день возстанія на Исаакіевской площади и среди второй арміи заговорщикамъ недоставало *народа*. Ихъ либерализмъ былъ слишкомъ чужеземнымъ, чтобы быть популярнымъ».

Но на скорое пробужденіе народа Герценъ не разсчитывалъ; даже болѣе того—онъ считаетъ его теперь не только равнодушнымъ, но и *неспособнымъ* къ политическому перевороту. Если же реформаторы, не имѣющіе опоры въ народныхъ массахъ, обречены на неудачу, а самъ народъ покоится глубокимъ сномъ, то остается одинъ выходъ—союзъ соціальныхъ реформаторовъ, представляющихъ интересы народа, съ самодержавіемъ. Умаленіе значенія политическаго элемента передъ соціальнымъ, присущее вообще утопическому соціализму и проистекающее отъ непониманія роли классовой борьбы въ развитіи общества, облегчало работу мысли въ этомъ направленіи, а восшествіе на престолъ Александра II открыло просторъ оптими-

*) *Колоколъ* № 4 отъ 1 окт. 1857 г.

стическимъ ожиданіямъ. Царская власть сохраняетъ свои политическія прерогативы, а народъ получаетъ осуществленіе своихъ исконныхъ идеаловъ—землю и волю, между ними производится какъ бы раздѣлъ—въ ущербъ и обходъ господствующихъ классовъ ,отживающему дворянству и угрожающей народиться буржуазіи... Таковъ былъ, можно сказать, ходъ мыслей Герцена, и въ разсматриваемый нами періодъ онъ вполнѣ придерживался этого убѣжденія *).

Одно время Герценъ большія надежды возлагалъ было на дворянское сословіе.

«Первое вольное русское слово изъ-за границы пусть будетъ обращено къ вамъ—писалъ онъ въ статьѣ: «Юрьевъ день. Русскому дворянству», въ первомъ № *Полярной Звѣзды*... Торопитесь! Горячее дыханіе больной, выбившейся изъ силъ Европы вѣетъ на Русь переворотомъ. ...Наступающій переворотъ не такъ чуждъ русскому сердцу, какъ прежніе. Слово *соціализмъ* неизвѣстенъ нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ работнической артели»... Однако эта мысль не долго увлекала его и онъ скоро вернулся къ прежнимъ упованіямъ на царскую власть, какъ главнаго иниціатора соціальнаго переворота въ Россіи: онъ не былъ такъ упоренъ, какъ Фурье, который до самой своей смерти поджидалъ добродѣтельнаго милліонера, чтобы получить отъ него средства на открытіе фаланстера!

«Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью отдѣлаться отъ царя Николая и замѣнить его царями представителями, царями—судьями, царями—полицейскими»—читаемъ

*) Напомнимъ здѣсь, что Сенъ-Симонъ, который былъ первымъ учителемъ Герцена, также устранялъ массы отъ непосредственнаго участія въ соціальномъ переворотѣ и сочувствовалъ диктатурѣ. «Наибольшая услуга,—говоритъ онъ,—которую королевская власть можетъ оказать націи при современныхъ условіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы она, присвоивъ себѣ диктаторскія полномочія, уничтожила феодальный и теологическій режимъ и установила режимъ научный и промышленный. Концентрація всѣхъ политическихъ силъ въ одной рукѣ является мѣрой, съ помощью которой этотъ переходъ можетъ быть совершенъ съ наибольшей быстротой и легкостью». Когда послѣ революціи 1830 г. власть фактически перешла въ руки ген. Лафайета, сенъ-симонистъ Базаръ посѣтилъ его 30 іюля и убѣждалъ объявить себя диктаторомъ въ цѣляхъ соціальнаго возрожденія Франціи... См. С. Прокоповичъ. Проблемы соціализма. Развитіе соціалистической мысли во Франціи. 1911 г. стр. 159—160.

мы въ извѣстномъ письмѣ къ Мишле, относящемся къ 1851 г. Въ первомъ же № *Колокола*, характеризуя взгляды редактора-издателя новаго органа и вмѣстѣ съ тѣмъ желая рекомендовать послѣдній читателямъ, Р. Ч. (Н. Огаревъ) усиленно подчеркиваетъ именно невинность политическихъ стремленій Герцена. «Изъ вашихъ сочиненій можно заключить что вы не кровавый революціонеръ и что послѣдніе годы васъ выучили не вѣрить революціямъ, по крайней мѣрѣ, политическимъ революціямъ, но что, въ сущности, эти революціи не составляютъ реформы, перемѣны, что перемѣна лежитъ въ экономическихъ данныхъ государства, какое бы правительство ни было, и что вы готовы ужиться со всякимъ правительствомъ, лишь бы оно стояло на высотѣ экономическихъ измѣненій въ государствѣ. Вотъ въ чемъ вашъ, такъ называемый, соціализмъ, съ которымъ всякое разумное правительство, которое не хочетъ погибнуть, должно быть за-одно».

Во второмъ № *Колокола*, въ передовой статьѣ—«Революція въ Россіи», самъ Герценъ пишетъ: «Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него. Необходимость и общественное мнѣніе увлекло правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса...—Но гдѣ же знаменія, обыкновенно предшествующія революціямъ,—все въ Россіи такъ тихо, такъ подавлено и еще болѣе съ такимъ добродушнымъ довѣріемъ смотритъ на новое правительство, ждетъ его помощи, что скорѣе можно думать, что вѣка пройдутъ прежде, нежели Россія вступитъ въ новую жизнь. Да на что же эти знаменія? Въ Россіи все шло инымъ порядкомъ, у нея былъ разъ коренной переворотъ, его сдѣлалъ одинъ человѣкъ—Петръ I. Мы такъ привыкли съ 1789 г., что всѣ перевороты дѣлаются взрывами, возстаніями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шагъ впередъ берется съ боя, что невольно ищемъ, когда рѣчь идетъ о переворотѣ: площадь, баррикады, кровь, топоръ палача. Безъ сомнѣнія возстаніе, открытая борьба—одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ революціи, но отнюдь не единственное...

Весь правительственный тактъ (напр.) торіевъ и виговъ состоитъ въ умѣніи упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло.—Артисты-революціонеры не любятъ этого (второго) пути, мы это знаемъ, но намъ до этого дѣла нѣтъ, мы просто люди глубоко убѣжденные, что нынѣшнія государствен-

ныя формы Россіи никуда не годны,—и отъ души предпочитаемъ путь мирнаго, человѣческаго развитія пути развитія кроваваго... Мы не обязаны дѣлать ту же революцію (какъ Франція), у насъ и задача иная, и силы къ ея разрѣшенію иныя... Мы сто пятьдесятъ лѣтъ живемъ въ ломкѣ стараго; цѣлаго ничего не осталось, да и жалѣть не о чемъ. У насъ есть императорская диктатура и сельскій бытъ, а между ними всякаго рода учрежденія, попытки, начинанія, да мысль больше и больше оживающая, не привязанная ни къ какой кастѣ, ни къ какому изъ существующихъ порядковъ... Для того, чтобы продолжать Петровское дѣло, надобно государю такъ же откровеннно отречься отъ петербургскаго періода, какъ Петръ отрекся отъ московскаго... Имѣя власть въ рукахъ и опираясь съ одной стороны на народъ, съ другой—на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство могло бы сдѣлать чудеса, безъ малѣйшей опасности для себя. Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ, но кому много дается—съ того много и спрашивается».

Въ своей брошюрѣ о заговорѣ 1825 г. (напечатанной первоначально на французскомъ языкѣ въ 1858 г.), разсматривая это событіе съ философской точки зрѣнія, авторъ указываетъ, что въ немъ были представлены всѣ оттѣнки западнаго либерализма, но начало *русское* и *соціальное* было выражено крайне слабо. «О первомъ, казалось, забыли; второй былъ еще неизвѣстенъ... Мы далеки отъ всякой мысли упрека. Это было логическое послѣдствіе цивилизаціи, перенесенной только на одинъ классъ, и того отчужденія, въ которомъ находилась цивилизованная Россія, отъ народа Россіи». 14 декабря 1825 г. является послѣднимъ результатомъ реформъ Петра I; результатъ этотъ полонъ надеждъ на будущее и въ лицѣ Пестеля—этого выдвинувшагося впередъ развѣдочнаго караула, указываетъ, какого пути слѣдуетъ держаться впредь. Съ того дня мы ужасно страдали въ темномъ подземельи царствованія Николая I; но мы многому научились... Не безцѣльно прошли мы черезъ всѣ несчастья у себя на родинѣ и не даромъ присутствовали при всѣхъ несчастіяхъ, постигшихъ Европу. Начинаютъ выясняться и отвоевывать себѣ все больше и больше мѣста двѣ идеи. Первая—желаніе освободиться отъ нравственной опеки Европы, усвоить ея науку, не подражая ея исторіи. Вторая—положить въ основу этого новаго развитія народную

жизнь, уничтожить стѣну, раздѣляющую обѣ Россіи, и все это—при посредствѣ *экономической* революціи. Вотъ завѣтъ Пестеля...»

Народа—въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ Герценъ—не было во время недавнихъ политическихъ переворотовъ ни въ Турціи, ни въ Португаліи, ни въ Китаѣ, однако это не помѣшало успѣшности заговора. Но для революціи экономической участіе широкихъ народныхъ массъ, конечно, безусловно необходимо. Отсюда нельзя однако дѣлать заключенія, что нужно отречься отъ политики, для того чтобы движеніе могло стать народнымъ. Политическая свобода составляетъ необходимое условіе для успѣшности коренныхъ соціальныхъ и экономическихъ преобразованій. Въ непониманіи этого заключается основная ошибка Герцена, которую онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ Сенъ-Симономъ и др. утопистами и которая перешла отъ него къ народничеству. Характеризуя Прудона, Герценъ писалъ: «Политика, въ смыслѣ стараго либерализма и конституціонной республики, стоитъ у него на второмъ планѣ, какъ что-то полупрошедшее, уходящее. Въ политическихъ вопросахъ онъ равнодушенъ, готовъ дѣлать уступки, потому что не приписываетъ особой важности формамъ, которыя, по его мнѣнію, несущественны»; тоже самое можно сказать и о немъ. Но кромѣ этой ошибки нельзя не отмѣтить также его непослѣдовательности: выдвигая на первый планъ народное начало, онъ однако народу отводитъ лишь пассивную роль. Въ крестьянское движеніе онъ не вѣрилъ, и его упованія на разрѣшеніе соціальнаго вопроса были обращены совсѣмъ въ другую сторону.

Интересно отмѣтить, что даже Бакунинъ со всѣми своими крайними убѣжденіями, человѣкъ, имѣвшій за собой въ прошломъ участіе въ трехъ революціяхъ и будущій анархистъ—также склонялся къ этой точкѣ зрѣнія. Такъ, въ своемъ обширномъ письмѣ къ Герцену изъ Сибири, относящемся къ 1860 г., восхваляя генералъ-губернатора Муравьева за то, что онъ «рѣшительный демократъ, какъ мы сами, демократъ съ своей ранней молодости, по всѣмъ инстинктамъ, по ясному и твердому убѣжденію», онъ поясняетъ далѣе, что Муравьевъ желаетъ «уничтоженія министерствъ и на первыхъ порахъ не конституціи и не болтливаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры... подъ какимъ бы то ни было именемъ». Какъ видно изъ вышеприведеннаго ,быть демократомъ или со-

ціалистомъ въ то время значило—требовать экономическихъ реформъ, ругать либерализмъ, относиться пренебрежительно къ конституціи и сочувствовать диктатурѣ, исходящей свыше...

Въ упомянутомъ уже нами письмѣ къ Александру II, помѣщенномъ въ № 4 *Колокола*, Герценъ вновь повторяетъ, что «у насъ развитіе пойдетъ инымъ (т. е. мирнымъ) путемъ», и основаніемъ для этой увѣренности служило, конечно, соображеніе, что народное дѣло можетъ найти себѣ выразителя и защитника въ «императорской диктатурѣ». Съ этой вѣрой онъ дожилъ до начала 60-хъ годовъ, и еще въ № 95 *Колокола* отъ 1 апрѣля 1861 г., гдѣ Герценъ высказывается по поводу манифеста объ освобожденіи крестьянъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія характерныя строки: «Первый шагъ сдѣланъ!... Будемъ ждать *второго*... Александръ II сдѣлалъ много, очень много, его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ... Изъ дали нашей ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *освободителя*».

Кровавыя событія, сопровождавшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ введенія крестьянскаго положенія, пробудили его отъ этихъ идиллическихъ мечтаній къ суровой дѣйствительности, но нѣкоторое время спустя мысли его возвращаются на прежній путь. Русское самодержавіе это—соціальная республика, накрытая Мономаховой шапкой. «Императорская власть у насъ *только власть*, т. е. сила, устройство, обзаведеніе; содержанія въ ней нѣтъ, обязанностей на ней не лежитъ, она можетъ сдѣлаться татарскимъ ханатомъ и французскимъ комитетомъ общественнаго спасенія,—развѣ Пугачевъ не былъ императоромъ Петромъ III?» (*Колоколъ* авг. 1862 г.).

Если мы присмотримся внимательнѣй ко взглядамъ Герцена за разсматриваемый періодъ, то мы найдемъ въ нихъ неожиданное сходство... съ извѣстнымъ письмомъ Бѣлинскаго 1837 г. То же равнодушіе къ политической борьбѣ, то же восхваленіе и преувеличеніе роли императорской власти въ дѣлѣ развитія у насъ гражданской свободы, тотъ же идеалистическій взглядъ на Петра I, какъ на чудотворца новой русской исторіи. Взгляды Бѣлинскаго, отражавшіе на себѣ тогдашнее настроеніе всего кружка Станкевича, вызвали въ свое время—какъ мы видѣли—рѣзкую отповѣдь со стороны Герцена и повлекли за собой даже разрывъ личныхъ сношеній, въ виду слишкомъ

далеко зашедшаго примиренія философскаго кружка съ «гнусной дѣйствительностью» Николаевскаго режима. Но каково же должно быть удивленіе читателя, когда онъ видитъ, что спустя двадцать лѣтъ Герценъ самъ вдругъ начинаетъ сбиваться на тотъ же тонъ и повторять доводы осмѣянныхъ имъ раньше «сентименталистовъ». Такъ далеко назадъ отбросило его увлеченіе Гакстгаузеномъ и то разочарованіе въ Западѣ, которое овладѣло его душой послѣ пораженія революціи 1848 г.!..

Перейдемъ теперь къ ознакомленію со взглядами другого выдающагося писателя того времени, Н. Г. Чернышевскаго. Уступая Герцену по блеску своего публицистическаго таланта, онъ, несомнѣнно, значительно превосходилъ его критической силой ума и, въ особенности, обширными познаніями въ области экономическихъ вопросовъ. Поэтому, хотя ему, въ общемъ, и не удалось возвыситься надъ раціоналистическо-утопической точкой зрѣнія, свойственной соціалистамъ того времени, но все же научно-реалистическій элементъ въ его міровоззрѣніи былъ настолько сильно выраженъ, что считать его типичнымъ народникомъ, какъ это дѣлаетъ, напр., г. Ивановъ-Разумникъ въ своей «Исторіи русской общественной мысли», можно только по недоразумѣнію.

Объективная необоснованность разочарованія Герцена въ Западѣ, сближавшаго его съ славянофилами, была вскорѣ же замѣчена и раскрыта Чернышевскимъ. Въ своей статьѣ «О причинахъ паденія Рима», напечатанной въ *Современникѣ* за 1861 г., онъ справедливо указываетъ, что объ истощеніи жизненныхъ силъ Запада нельзя говорить уже по одному тому, что даже среднее сословіе, въ сущности, пока еще очень мало затронуто цивилизаціей, а народные низы «только приближаются къ полю историческаго дѣйствія. Рано, слишкомъ рано заговорили вы о дряхлости западныхъ народовъ: они еще только начинаютъ жить». И дѣйствительно, позднѣйшее мощное развитіе международнаго рабочаго движенія какъ нельзя лучше доказало всю преждевременность пессимистическаго заключенія Герцена. Нечего также намъ гордиться передъ «мѣщанскимъ» западомъ своей общиной и видѣть въ ней панацею отъ всѣхъ золъ. «Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа со-

вершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему и помощи нашей не нужно ей».

Въ то время, какъ Герценъ почти до конца своей жизни сохранялъ убѣжденіе въ возможности для Россіи *особаго* пути развитія, а позднѣйшіе народники даже еще въ 80-хъ годахъ продолжали вѣрить, что капитализмъ не можетъ найти для себя у насъ подходящей почвы, Чернышевскій уже въ концѣ 50-хъ годовъ выработалъ, въ общемъ, болѣе реалистическій взглядъ, хотя въ отдѣльныхъ частностяхъ послѣдній и затемнялся у него соображеніями, носящими утопическій характеръ.

«Нельзя скрывать отъ себя,—читаемъ мы въ статьѣ «Славянофилы и вопросъ объ общинѣ», относящейся къ 1857 г.,—что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и бытъ нашъ, доселѣ остававшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ. Скоро и мы, можетъ быть, вовлечемся въ сферу полнаго дѣйствія закона конкуренціи». Въ рецензіи на книгу Гакстаузена точно также указывается, что «Россія вступаетъ въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда къ экономическому производству прилагаются капиталы. Характеръ дѣятельности производящихъ классовъ и самый бытъ ихъ необходимо должны подвергнуться отъ того великимъ измѣненіямъ... Приложеніемъ капиталовъ къ производству не только увеличиваются массы продуктовъ, но измѣняется и самый порядокъ производства». Каково можетъ быть вліяніе этого новаго фактора на наши общественныя отношенія, показываетъ слѣдующее сравненіе, проникнутое совершенно матеріалистическимъ духомъ: «Различіе между хворостомъ или кизякомъ и каменнымъ углемъ, между проселочной и желѣзной дорогой не болѣе значительно, нежели различіе между порядкомъ патріархальной экономической дѣятельности и дѣятельности, совершающейся силой машинъ, капиталовъ и другихъ экономическихъ отношеній и двигателей, свойственныхъ новѣйшему времени. Различіе между черемисомъ и англичаниномъ не болѣе значительно, нежели различіе между земледѣльческими методами, по которымъ обрабатываются поля того и другого». Но

авторъ не ограничивается этими общими разсужденіями и идетъ далѣе, изображая болѣе конкретно ожидаемыя имъ измѣненія. «Волею или неволею, мы должны будемъ въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ другіе цивилизованные народы. До сихъ поръ семейства нашихъ поселянъ покупали только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и пр. и пр.,—все остальное производилось домашнимъ хозяйствомъ: и сукно, и ткань для женскаго платья и для бѣлья, и обувь, мебель и самая изба съ печью. Скоро будетъ не то: домашнее сукно смѣнится на поселянинѣ покупнымъ фабричнымъ (мы не знаемъ, будетъ ли онъ покупать фабричное сукно лучшаго сорта, нежели покупаетъ теперь, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что его жена разучится ткать сукно), льняныя и посконныя ткани домашняго издѣлія смѣнятся хлопчатобумажными (которыя, очень можетъ быть, будутъ не выше ихъ добротою, но все-таки вытѣснятъ ихъ своей дешевизной) и т. д. и т. д. Все это совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершалось только въ большихъ городахъ» (т. III, стр. 186). Изъ этихъ словъ ясно видно, въ чемъ должно было выразиться, по мнѣнію автора, вліяніе приложенія капиталовъ къ производству: *въ разложеніи господствующаго тогда натурально-хозяйственнаго строя и замѣнѣ его товарнымъ*. А разъ Россія вступила на путь мѣнового хозяйства, то этимъ она ужъ, конечно, вовлекалась «въ сферу полнаго дѣйствія закона конкуренціи», т. е. неизбѣжно должна была пройти и стадію капитализма...

Нужно замѣтить, однако, что Чернышевскій не удерживается вполнѣ на этой позиціи и при обсужденіи конкретныхъ вопросовъ экономической жизни нерѣдко измѣнялъ своей реалистической точкѣ зрѣнія. Такъ, напр., въ рецензіи на книгу Шипова «Хлопчатобумажная промышленность и важность ея значенія для Россіи» онъ высказывается слѣдующимъ образомъ по вопросу о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ: «Признаемся, что мы въ этомъ случаѣ всегда готовы стать на сторону той партіи, которая успѣетъ доказать, что ея рѣшеніе вопроса сообразнѣе съ народнымъ благосостояніемъ. Признаемся также, что до сихъ поръ не видимъ, чтобы та или другая партія успѣла положительнымъ образомъ доказать это, потому что ни та, ни другая не заботилась достаточно о доказательствахъ подобнаго рода. Признаемся также, что рѣшеніемъ той или иной партіи мы предпочитаемъ совершенно иное рѣшеніе, предложен-

ное Журавскимъ въ послѣднемъ изъ приводимыхъ нами отрывковъ. Смыслъ этого отрывка таковъ: больше, нежели объ увеличеніи заграничной торговли, надобно заботиться о развитіи домашней выдѣлки фабричныхъ издѣлій. Для этой выдѣлки надобно желать прямого покровительства». Не говоря уже о томъ, что покровительство «домашней выдѣлкѣ» не можетъ быть противопоставлено—въ качествѣ особой формы промышленной политики—системамъ свободной торговли и протекціонизма, а вполнѣ укладывается въ рамки той или другой, Чернышевскій упускаетъ изъ виду здѣсь, что домашняя сельская промышленность процвѣтаетъ лишь при натуральномъ строѣ, и что развитіе мѣновыхъ отношеній неизбѣжно должно вести къ ея упадку, отъ котораго тщетно искать спасенія въ помощи правительства. Не замѣчаемъ мы также и того, чтобы Чернышевскій гдѣ-нибудь вскрылъ фальшь утвержденія Гакстгаузена объ идиллическомъ характерѣ нашей кустарной промышленности, благодаря чему послѣдняя и выставляется имъ какъ наиболѣе желательная для насъ форма промышленности. Точно также совершенно въ духѣ Гакстгаузена онъ утверждаетъ, что «есть очень легкій выходъ» изъ того климатическаго неудобства, которое обрекаетъ зимой крестьянъ на вынужденное бездѣлье. «Наши крестьяне,—говоритъ онъ,—давно нашли этотъ выходъ, употребляя зиму на какіе-нибудь другіе занятія и промыслы, кромѣ земледѣльческихъ работъ... Лѣтомъ, когда земледѣльческія работы требуютъ какъ можно больше рукъ, каждый членъ общины становится землевладѣльцемъ; зимой, когда сельское хозяйство не доставляетъ никакихъ работъ, каждый поселянинъ можетъ имѣть домашнее занятіе въ какомъ-нибудь ремеслѣ или вообще въ промышленномъ производствѣ». Авторъ не замѣчаетъ, что этотъ выходъ возможенъ лишь на опредѣленной ступени экономическаго развитія, а именно—пока еще крѣпокъ натурально-хозяйственный укладъ, но этотъ выходъ неизбѣжно обреченъ на исчезновеніе, когда послѣдній уступаетъ мѣсто развитому капиталистическому строю. Впрочемъ, впослѣдствіи онъ избавился отъ этой непослѣдовательности и сочувственно относился къ промышленному развитію Россіи, видя въ усиленіи буржуазіи (а слѣдовательно—и пролетаріата) залогъ политическаго прогресса...

Но какъ же быть съ вопросомъ объ общинѣ,—спроситъ читатель. Не Чернышевскій ли именно и доказывалъ научнымъ

образомъ то, что Герценъ высказывалъ въ качествѣ субъективнаго убѣжденія, т. е. что русская община можетъ миновать капиталистическую стадію и прямо перейти на высшую? Ближайшее изученіе показываетъ, однако, что Чернышевскій придерживался гораздо болѣе реалистическихъ воззрѣній, чѣмъ Герценъ и многіе изъ позднѣйшихъ народниковъ, и если послѣдніе любили ссылаться на него въ подтвержденіе своего мнѣнія, то въ этомъ заключалась значительная доля недоразумѣнія.

При первомъ выступленіи своемъ по данному вопросу, а именно—въ рецензіи на «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», издав. Н. Калачевымъ (см. *Современникъ* № 9 за 1855 г.), онъ высказывается всецѣло въ западническомъ духѣ. «Не разсмотрѣвъ, что остатки общиннаго землевладѣнія—остатки прежняго пастушескаго или охотничьяго быта, нѣкоторые вздумали утверждать, что общинность владѣнія, незнакомая (будто бы) никогда нѣмцамъ, у славянъ не есть (такъ же, какъ и у нѣмцевъ) историческое явленіе, связанное съ извѣстнымъ періодомъ развитія, а неизгладимая черта характера, которой лишены другіе народы; что поэтому одни славяне призваны осуществить идеалъ человѣческаго быта. Эти люди не замѣчаютъ, что съ развитіемъ земледѣлія и цивилизаціи общинность владѣнія исчезаетъ и у славянъ, какъ исчезала повсюду, и что нынѣ она уже гораздо слабѣе, нежели была у тѣхъ же самыхъ славянъ за триста, за пятьсотъ лѣтъ. Мы не можемъ здѣсь разсматривать, каковы экономическіе идеалы будущаго—но всѣ согласны въ томъ, что было бы мало утѣшительнымъ представлять себѣ будущее въ такомъ видѣ, въ какомъ представляется намъ Европа V—X вѣковъ. Идеалъ будущаго осуществляется развитіемъ цивилизаціи, а не безплоднымъ хвастовствомъ остатками исчезающаго давно—прошедшаго». Но очень скоро уже—и по всей вѣроятности такъ же подъ вліяніемъ книги Гакстаузена, какъ это было съ Герценомъ—взгляды Чернышевскаго измѣнились, и скептическое отношеніе къ общинѣ уступило мѣсто убѣжденію, что въ ней заключается залогъ свѣтлаго будущаго Россіи. Въ цѣломъ рядѣ статей онъ выступаетъ теперь въ защиту общины. Основаніемъ къ этому служитъ то, что послѣдняя ближе всѣхъ другихъ формъ собственности подходитъ къ идеалу, ибо каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ. Кромѣ того, принципъ общиннаго землевладѣнія благодѣтеленъ и потому, что ограж-

даетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства въ сельскомъ населеніи, которой заражены западные народы, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія у нихъ личной собственности.

При общинномъ землевладѣніи твердо держится въ цѣломъ земледѣльческомъ сословіи тотъ уровень благосостоянія, какой допускается степенью національнаго развитія, а при раздѣлѣ земли на наслѣдственные участки на этомъ уровнѣ благосостоянія удерживается лишь небольшая часть земледѣльцевъ, а масса упадаетъ глубоко ниже его, между тѣмъ какъ возвышаются надъ нимъ лишь немногіе...

Но, защищая общину, Чернышевскій все же оставался далекимъ отъ того упрощеннаго взгляда на вещи, какого придерживался Герценъ вмѣстѣ со многими другими русскими соціалистами. Такъ, напр., онъ неповиненъ въ томъ довольно распространенномъ—какъ тогда, такъ и позже—мнѣніи, будто русская община представляетъ уже въ настоящемъ своемъ видѣ благопріятную почву для осуществленія программы-maximum, т. е. коллективнаго владѣнія не только землей, но и орудіями производства. Въ концѣ своей рецензіи на книгу Гакстаузена, по поводу уже извѣстнаго намъ предложенія послѣдняго «возстановить» первобытный институтъ совмѣстной обработки земли, Чернышевскій резонно замѣчаетъ: «но это послѣднее улучшеніе—дѣло будущаго. Нынѣ лежатъ на насъ другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣненія, которыя необходимо должны произойти вслѣдствіе начинающагося участія нашей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны произойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, были предоставлены собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ». Только и всего!

Однако какъ ни скромна эта программа, все же и въ ней бросается въ глаза несогласованность отдѣльныхъ частей между собою. Въ самомъ дѣлѣ, напр., можетъ ли предоставленіе крестьянъ собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ мириться съ обязательнымъ закрѣпленіемъ общины, къ которому приходитъ затѣмъ Чернышевскій? Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, намъ нужно предварительно познакомиться съ знаменитой статьей его—«Критика философскихъ предубѣжденій противъ общины», появившейся въ *Современникѣ* за декабрь 1858 г. Здѣсь Чернышевскій, въ духѣ философіи Гегеля, развиваетъ мысль, что во всѣхъ рѣшительно сфе-

рахъ жизни конецъ развитія является по формѣ возвращеніемъ къ его началу. Общій ходъ развитія планетной системы, прогрессивная лѣстница классовъ животнаго царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, одежда, манера держать себя, наконецъ, общественныя учрежденія—администрація, войско и война, судопроизводство, торговыя сношенія, понятіе о справедливости и т. д.—словомъ, всѣ безъ исключенія явленія матеріальнаго и нравственнаго, индивидуальнаго и общественнаго бытія подлежатъ дѣйствію указаннаго закона. Это даетъ основаніе Чернышевскому,—возражая тѣмъ противникамъ, которые говорятъ: «общинное владѣніе есть первобытная форма, а частная поземельная собственность явилась послѣ, слѣдовательно, она есть болѣе высокая форма поземельныхъ отношеній»,—сказать, что *именно потому*, что общинное владѣніе есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему періоду поземельныхъ отношеній нельзя будетъ обойтись безъ этой формы.

Затѣмъ авторъ ставитъ вопросъ, каждое ли отдѣльное проявленіе общаго процесса развитія должно проходить въ дѣйствительности всѣ логическіе моменты съ полной ихъ силой, или обстоятельства, благопріятныя ходу процесса въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, могутъ приводить его къ высокой степени развитія, совершенно минуя средніе моменты или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно сокращая ихъ продолжительность. Этотъ вопросъ разрѣшается имъ въ томъ смыслѣ, что если извѣстный процессъ (напр., способъ добыванія огня) достигаетъ въ извѣстномъ человѣкѣ извѣстной степени развитія (напр., употребленіе фосфорныхъ спичекъ), то достиженіе этой степени въ другихъ людяхъ можетъ быть чрезвычайно ускорено, и это ускореніе совершается черезъ сближеніе человѣка, которому нужно достиженіе высшей степени процесса, съ человѣкомъ, уже достигшимъ его, благодаря чему процессъ развитія съ чрезвычайной быстротой пробѣгаетъ съ низшей ступени всѣ среднія до высшей: дикарю нѣтъ надобности учиться сначала употребленію огнива, потомъ употребленію сѣрныхъ спичекъ: онъ сразу берется за фосфорныя. Но общественная жизнь,—такъ разсуждаетъ далѣе Чернышевскій,—есть сумма индивидуальныхъ жизней, и если въ индивидуальной жизни процессъ явленій можетъ перебѣгать съ низшаго момента прямо на высшій, пропуская средніе, то и въ общественной жизни мы должны

встрѣтить ту же возможность. Вообразимъ себѣ, напр., что въ Новой Голландіи живетъ еще племя дикарей, не знающихъ никакого оружія, кромѣ дубины. Вотъ открылись золотыя розсыпи, европейскіе авантюристы со штуцерами проникли въ мѣста, еще не посѣщавшіяся европейцами, и находятъ этихъ дикарей: спрашивается, понадобится ли имъ переходить отъ дубины къ копью, отъ копья къ луку, отъ лука къ самострѣлу, отъ самострѣла къ фитильному ружью и т. д., если они прямо будутъ вымѣнивать у европейцевъ штуцера? Но этимъ дѣло не кончится, ибо съ каждымъ родомъ вооруженія соединено извѣстное построеніе войскъ. Копье, которое держится въ рукѣ, создаетъ фалангу; кремневому ружью соотвѣтствуетъ сомкнутый строй, штуцеру—разсыпной. Различныя же построенія требуютъ различныхъ качествъ отъ воина. Напр., въ сомкнутомъ строѣ, солдатъ, прослужившій только одинъ годъ, никуда не годится, а въ разсыпномъ—онъ ничуть не хуже солдата, прослужившаго 15 лѣтъ въ казармѣ. Такимъ образомъ у дикарей, о которыхъ мы говоримъ, въ развитіи военнаго дѣла будетъ не доставать многихъ періодовъ, черезъ которые оно прошло въ Европѣ. Изъ нестройной, дубино-махающей толпы ихъ военная сила прямо превратится въ милицію, подобную сѣверо-американской. Они не будутъ знать ни казармъ, ни регулярныхъ войскъ, ни всего того, что соединено съ этими учрежденіями. А съ этими учрежденіями соединенъ весь тотъ порядокъ вещей, который произвелъ исторію континента Европы отъ Карла VII французскаго и Карла V испанско-нѣмецкаго до вчерашняго дня. Изъ блаженнаго общественнаго быта лукіановыхъ скиѳовъ и тацитовыхъ германцевъ эти дикари прямо перейдутъ къ блаженному быту, о которомъ мы можемъ только мечтать...

Въ заключеніе самъ авторъ резюмируетъ результаты своихъ разсужденій—не касаясь прямо вопроса объ общинѣ въ Россіи—въ слѣдующихъ двухъ знакомыхъ уже намъ положеніяхъ: 1) высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ; 2) подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, поднимаясь съ низшей ступени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты. «Исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ. Tarde venientibus (поздъ-

но приходящихъ) даетъ она не ossa, а medullam ossium, разбивая которыя Западная Европа больно отшибала себѣ пальцы».

Какой же выводъ слѣдуетъ отсюда, если перейти теперь къ разсмотрѣнію конкретнаго вопроса о судьбахъ нашей русской общины? Либеральные экономисты, въ родѣ Вернадскаго, утверждали, что она обязательно должна въ своемъ развитіи пройти стадію частной собственности, Чернышевскій же говоритъ: вовсе не обязательно, это можетъ быть, но можетъ и не быть; при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ первобытная община можетъ очень быстро подняться прямо на высшую ступень. При какихъ же именно условіяхъ,—объ этомъ говорится во 2-мъ положеніи: *для этого нужно, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, у передовыхъ народовъ, она уже достигла этой высшей ступени.* Такимъ образомъ, утвержденіе, что Россія сама по себѣ или раньше Западной Европы можетъ сразу перескочить на конечную стадію развитія, не только не можетъ опираться на авторитетъ Чернышевскаго, но наоборотъ—представляетъ собою совершенное непониманіе его аргументаціи...

Взгляды Чернышевскаго въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ отличаются отъ взглядовъ Герцена. Послѣдній тоже любилъ говорить о томъ, что Россіи необходимъ опытъ Запада, чтобы совершить свою миссію, но подъ *опытомъ* онъ разумѣлъ при этомъ лишь критическую мысль Запада, т. е. ту критику буржуазнаго строя, которая дана была въ тогдашнихъ соціалистическихъ теоріяхъ, ибо Западъ, по его убѣжденію, будучи связанъ предразсудками и историческими традиціями, не въ состояніи совлечь съ себя ветхаго Адама и осуществить идеалъ соціализма—починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ исходить отъ Россіи... Чернышевскій наоборотъ былъ совершенно чуждъ этихъ элементовъ славянофильства и мистицизма; считая, что Западная Европа переживаетъ серьезный кризисъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что она сама справится со своими недугами и, совершенно независимо отъ Россіи, сумѣетъ вступить на путь обновленія. Мы же русскіе, будучи народомъ отсталымъ и слѣдовательно несозрѣвшимъ для самостоятельнаго разрѣшенія этой задачи, именно на основѣ опыта Запада можемъ облегчить себѣ переходъ къ соціализму.—Мысль Чернышевскаго носитъ такимъ образомъ глубоко реалистическій характеръ и какъ по своему духу, такъ и по выводамъ изъ нея совершенно рас-

ходится съ положеніями Герцена. Однако она не была развита авторомъ до своего логическаго конца.

Такъ какъ примѣровъ существованія общиннаго землевладѣнія въ его высшей формѣ еще нигдѣ не наблюдалось въ то время (какъ не наблюдается и теперь), то, слѣдовательно, отпадало необходимое объективное условіе для того, чтобы такая отсталая страна, какъ Россія, могла совершить вышеуказанный скачокъ, и потому никакимъ иллюзіямъ мѣста быть не могло. Вотъ выводъ, который естественно вытекаетъ изъ аргументовъ, изложенныхъ въ «критикѣ философскихъ предубѣжденій противъ общины». Между тѣмъ,—и это нужно считать величайшимъ недоразумѣніемъ, какое только извѣстно въ исторіи литературы,—не только ближайшіе современники, но и всѣ позднѣйшіе изслѣдователи совершенно иначе оцѣнили значеніе статьи. Такъ, Плехановъ и въ «Нашихъ разногласіяхъ», относящихся къ 1885 г., и въ недавно вышедшей книгѣ о Чернышевскомъ, не соглашаясь съ выводомъ автора, признаетъ, однако, что *абстрактная возможность* перехода русской общины непосредственно въ высшую форму была имъ блестяще доказана. «Но, именно благодаря абстрактному характеру аргументаціи, этотъ общій результатъ философско-исторической діалектики былъ одинаково примѣнимъ ко всѣмъ странамъ и народамъ, сохранившимъ общинное землевладѣніе,—отъ Россіи до Новой Зеландіи, отъ сербской задруги до того или другого племени краснокожихъ индійцевъ. Поэтому онъ оказывался недостаточнымъ для приблизительнаго хотя бы предсказанія будущей судьбы общины въ каждой изъ этихъ странъ взятой въ отдѣльности. Абстрактная возможность еще не есть конкретная вѣроятность, тѣмъ менѣе можно считать ее окончательнымъ доводомъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исторической необходимости. Чтобы сколько-нибудь серьезно говорить объ этой послѣдней, необходимо было бы обратиться къ статистикѣ, къ оцѣнкѣ внутренняго хода развитія данной страны или даннаго племени и внѣшнихъ вліяній на нихъ, имѣть дѣло... не съ первобытно-коллективной недвижимой собственностью вообще, а съ русской или сербской, или ново-зеландской поземельной общиной въ частности, принимая въ соображеніе какъ всѣ враждебныя или благопріятныя ей вліянія, такъ и то состояніе, въ которое она пришла въ данное время, благодаря этимъ вліяніямъ». Эти со-

ображенія, конечно, справедливы, но—съ точки зрѣнія аргументаціи Чернышевскаго—они совершенно излишни...

Далѣе, Кудринъ до сихъ поръ думаетъ, что Н. Г. въ указанной статьѣ «оставилъ по себѣ такую аргументацію *въ пользу* общинной собственности, какую приходится развивать лишь въ самыхъ второстепенныхъ деталяхъ» *). Туганъ-Барановскій въ своемъ докладѣ, читанномъ въ 3-мъ Отд. В. Экон. О-ва, приходитъ къ заключенію, что Чернышевскій «обосновалъ свои надежды на общину, давъ законченную историческую концепцію, изъ которой вытекаетъ право считать отсталую Россію ближе къ соціализму, чѣмъ Западъ»; онъ «вставилъ разсужденія объ общинѣ въ рамки широкой философской концепціи, которая живетъ до настоящаго времени» и конечный выводъ которой состоитъ въ положеніи, что «Россія въ силу своей отсталости стоитъ ближе къ соціалистическому строю, чѣмъ Западная Европа» **). Точно также Стекловъ понимаетъ выводъ изъ «Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины» въ томъ смыслѣ, что имъ «ставилась передъ интеллигенціей великая задача, не имѣющая, быть можетъ, примѣровъ въ исторіи», и доказываетъ, что въ разсматриваемый историческій моментъ «эта программа не казалась столь утопической, какъ въ послѣдующее время» ***). Подобную же оцѣнку статьѣ даетъ и Иванэвъ-Разумникъ ****). Никто не обратилъ вниманія, что разъ на практикѣ не было выполнено условіе, указанное въ пунктѣ 2, то весь несокрушимый аппаратъ доказательствъ, представляемый настоящей статьей, падаетъ, и она не только не могла ставить передъ *русской* интеллигенціей какихъ-нибудь «неимѣющихъ примѣра въ исторіи» задачъ, но наоборотъ—всѣмъ своимъ существомъ вопіяла *противъ* нихъ...

Но если это такъ, то спрашивается—какой же смыслъ могла имѣть тогда дальнѣйшая защита русской общины? Можетъ быть, для самого автора «Критики философскихъ предубѣжденій» выводъ, логически вытекающій изъ нея, былъ не вполнѣ ясенъ, какъ онъ оставался незамѣченнымъ и всѣми, писавшими впослѣдствіи объ этомъ предметѣ; но очень можетъ быть также,

*) *Русское Богатство* № 11 за 1909 г.

**) Труды И. В. Экономическаго Общества № 1 за 1910 г.

***) Н. Г. Чернышевскій. Его жизнь и дѣятельность. 1909 г. Стр. 377.

****) Исторія русской общественной мысли. 1908 г. Т. 2 стр. 147.

что Чернышевскій продолжалъ отстаивать общину уже по другимъ основаніямъ: не потому, что она можетъ непосредственно превратиться въ соціалистическій институтъ, а потому, что ея насильственное и преждевременное уничтоженіе было бы вредно для страны. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что его взгляды теперь стали болѣе пессимистическими. Въ статьѣ «Славянофилы и вопросъ объ общинѣ» 1857 г. онъ еще полонъ вѣры въ общину и даже находитъ возможнымъ рекомендовать ее Европѣ: «то, что представляется утопіей въ одной странѣ, существуетъ въ другой ,какъ фактъ... Въ настоящее время мы владѣемъ спасительнымъ учрежденіемъ, въ осуществленіи котораго западныя племена начинаютъ видѣть избавленіе своихъ земледѣльческихъ классовъ отъ бѣдности и бездомности». Въ статьѣ же «О причинахъ паденія Рима», относящейся къ 1861 г., слышится уже совсѣмъ другой тонъ: «этому обычаю (т. е. общинному землевладѣнію) Европѣ поздно научиться, да и не нужно учиться, потому что она сама гораздо лучше насъ понимаетъ, какіе новые порядки ей нужны, какъ ихъ устроить и какимъ способомъ вводить. Нельзя не обратить вниманія, далѣе, на тѣ слова автора, которыя помѣщены въ началѣ «Критики философскихъ предубѣжденій»: «возобновляя мою рѣчь объ общинномъ владѣніи, я долженъ начать признаніемъ совершенной справедливости тѣхъ словъ моего перваго противника, г. Вернадскаго, которыми онъ объявляетъ въ самомъ возникновеніи спора, что напрасно взялся я за этотъ предметъ, что не доставилъ я тѣмъ чести своему здравому смыслу». И признаніе это объясняется именно тѣмъ, что вопросъ объ общинѣ уже утратилъ теперь для Чернышевскаго значительную долю своего интереса.

«Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, къ которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія, низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствію простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во-первыхъ, принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но это еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее,

не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія... Когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту, чистую отъ всякихъ обязательствъ, то по крайней мѣрѣ предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою... Только при соблюденіи этого второго условія, люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты». А такъ какъ крестьяне получили землю лишь за тяжелый выкупъ, то и принципъ общиннаго владѣнія уже утрачиваетъ въ глазахъ Чернышевскаго свою спасительность.

«У кого изъ крестьянъ есть деньги—тотъ купитъ себѣ землю. У кого нѣтъ—тѣхъ нечего обязывать и выкупать ее. Это будетъ только разорять ихъ. Выкупъ тоже покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли»,— такъ высказывается авторъ устами Волгина въ романѣ «Прологъ пролога».

Наконецъ, въ недавно опубликованныхъ показаніяхъ Чернышевскаго передъ сенатской комиссіей мы находимъ собственное его заявленіе, что, защищая постоянно наше обычное землевладѣніе, онъ при этомъ все-таки «выражалъ сомнѣніе, удержится ли оно противъ расположенія къ потомственному землевладѣнію»...

Даже болѣе того, въ одномъ изъ примѣчаній къ основаніямъ политической экономіи Милля онъ высказывается уже безъ обиняковъ, что предоставленная самой себѣ община неизбѣжно должна будетъ уступить мѣсто частному землевладѣнію. «Много статей было написано нами въ защиту общиннаго землевладѣнія и нѣтъ намъ надобности вновь перечислять здѣсь его преимущества. Мы хотимъ только сказать, что если это учрежденіе на самомъ дѣлѣ полезно, то для его сохраненія нужна правительственная забота, потому что безъ законодательнаго охраненія оно не можетъ удержаться противъ частныхъ интересовъ... Милль доказываетъ, что есть общеполезныя учрежденія и обычаи, не могущіе сохраниться безъ прямого законодательнаго огражденія. Совершенно въ томъ же духѣ... мы скажемъ про общинное землевладѣніе: для цѣлаго общества оно полезно, но каждому изъ членовъ общества можетъ представляться временная выгода отъ превращенія своего пользованія частью общественной земли въ полную собственность надъ этой частью ея. Эта мимолетная выгода несомнѣнно приведетъ въ

худшее положеніе почти каждаго изъ людей, которые соблазнились бы ею; но она можетъ имѣть столько соблазнительности, что приведетъ къ разрушенію выгоднѣйшаго для всѣхъ порядка, если достаточенъ будетъ минутный интересъ отдѣльнаго члена общины, чтобы участокъ, находящійся въ его пользованіи, былъ выдѣленъ ему въ полную собственность» (см. т. X ч. II, пр. 1).

Какъ видно изъ всего вышесказаннаго, взгляды Чернышевскаго на общину страдаютъ внутренней противорѣчивостью, и это не удивительно, ибо въ разсматриваемый періодъ онъ находился еще въ процессѣ выработки своихъ убѣжденій и его міросозерцаніе представляется незаконченнымъ. «Если въ извѣстномъ обществѣ сохраняется еще обычное учрежденіе, смягчающее своимъ существованіемъ суровое дѣйствіе силы наслѣдственности и другихъ силъ, дѣйствующихъ за одно съ нею,—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ примѣчаній къ Миллю,—то люди, имѣющіе въ головѣ своей смыслъ, а не довольствующіеся попугайскимъ повтореніемъ чужихъ непонятныхъ мыслей, должны заботиться о сохраненіи этого обычнаго учрежденія и его развитіи». Это, конечно, справедливо и аргументы, приведенные имъ выше въ защиту общины, совершенно достаточны для того чтобы выступить противъ предполагаемаго насильственнаго разрушенія этого института, съ которымъ сжилось крестьянское населеніе. Но этого ни въ коемъ случаѣ однако недостаточно для того, чтобы перегнуть палку въ противоположную сторону и выставить требованіе государственнаго закрѣпленія общины и насильственнаго прегражденія выхода изъ нея. При всѣхъ своихъ положительныхъ свойствахъ общинное землевладѣніе заключаетъ въ себѣ и цѣлый рядъ отрицательныхъ сторонъ: стѣсняя личную иниціативу и задерживая техническій прогрессъ, она тѣмъ самымъ замедляетъ развитіе производительныхъ силъ страны. «Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію та истина, что формы патріархальнаго быта несовмѣстимы съ высокой степенью цивилизаціи»—такъ говоритъ самъ авторъ, и этимъ, казалось бы, долженъ былъ опредѣляться его взглядъ на будущее русской общины *). Зародышъ разложе-

*) «Принудительное пребываніе въ общинѣ есть наслѣдіе крѣпостного права» говорилъ соц.-демократъ Гегечкори въ 3-ьей Госуд. Думѣ при обсужденіи указа 9 ноября 1906 г.—Мы думаемъ, что нельзя себѣ представить освобожденной деревни, гдѣ большинство принуждало бы меньшинство оста-

нія послѣдней кроется въ ней самой: изъ нея начинаютъ выдѣляться члены, которымъ тѣсно въ ней, которые видятъ въ ней помѣху для своего хозяйственнаго преуспѣянія. Какой принципъ побѣдитъ въ этой борьбѣ противоположныхъ интересовъ—общинный или частновладѣльческій, это въ концѣ концовъ зависитъ отъ того, какой изъ нихъ окажется болѣе соотвѣтствующимъ запросамъ своего времени, требованіямъ развитія производительныхъ силъ страны. Такъ какъ Россія, согласно представленіямъ Чернышевскаго, уже вступила на путь перехода отъ натурально-хозяйственнаго строя къ мѣновому и должна была «вовлечься въ сферу полнаго дѣйствія законовъ конкуренціи», то насильственное стѣсненіе выхода изъ общины, отрицаніе права на хозяйственное самоопредѣленіе за членами ея представляется уже явно противорѣчащимъ духу времени(т. е. господствующимъ экономическимъ тенденціямъ), а программа, построенная на этомъ—оторванной отъ жизни и, слѣдовательно, утопической. Если для большинства народниковъ, которые вѣрили во внутреннюю устойчивость общины и считали, что только внѣшнія враждебныя силы виновны въ разрушеніи ея, подобное увлеченіе идеей государственнаго закрѣпленія общины было хотя и ошибочнымъ, но вполнѣ понятнымъ, то по отношенію къ Чернышевскому, который этихъ иллюзій не раздѣлялъ, тутъ нельзя не видѣть внутренняго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ въ сущности обосновывалось требованіе законодательнаго закрѣпленія общиннаго землевладѣнія? Не соображеніями, вытекающими изъ обсужденія вопроса съ народно-хозяйственной точки зрѣнія,—ибо эти соображенія говорили скорѣе за необходимости и для насъ итти путемъ Запада,—а предположеніемъ о возможности для Россіи перескочить черезъ промежуточную стадію частной собственности и сразу подняться на высшую ступень.

Но мы уже видѣли, что попытка Чернышевскаго обосновать это положеніе строго объективно, научнымъ образомъ—совершенно не удалась и именно потому, что не было на лицо необходимаго для этого условія—появленія на Западѣ высшей, соціалистической формы земельной собственности. Западъ самъ

ваться въ той или иной хозяйственной ассоціаціи... Принудительная община и принудительный коммунизмъ—это есть горькая привилегія русскаго крестьянства».

еще не дошелъ до этой стадіи, и потому съ объективной точки зрѣнія оставались невыясненными какъ форма, въ какую должно вылиться землевладѣніе будущаго, такъ и срокъ, который необходимъ для этого перехода. А если это такъ, то выставлять программу, осуществленіе которой задерживало страну на низшей ступени цивилизаціи, замедляя развитіе производительныхъ силъ ея, и поддерживать иллюзію о солидарности интересовъ абсолютизма съ интересами народа, связывая судьбу своихъ чаяній съ правительствомъ, которое по существу своему было имъ чуждо—значило погрѣшать и противъ реалистическаго метода, проводимаго авторомъ «Критики философскихъ предубѣжденій», и противъ основныхъ положеній демократизма, опирающаго свои цѣли на развитіе самосознанія народныхъ массъ...

Очень можетъ быть, что въ дальнѣйшемъ Чернышевскому удалось бы освободиться отъ этого противорѣчія и подвести реалистическій фундаментъ подъ идеологію начинающагося демократическаго движенія. Но послѣдовавшая въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ ссылка на каторгу не дала ему возможности выполнить эту работу. Въ умахъ же молодежи и экономистовъ народническаго направленія, не усвоившихъ себѣ метода Чернышевскаго, общій выводъ изъ «Критики философскихъ предубѣжденій», что община *можетъ* при извѣстныхъ условіяхъ перейти прямо въ высшую форму, пріобрѣлъ значеніе окончательнаго научнаго отвѣта на положеніе дѣлъ въ Россіи, а ссылка въ Сибирь еще болѣе освятила этотъ догматъ.

Перейдемъ теперь къ политическимъ взглядамъ Чернышевскаго. Подобно Герцену, и онъ отодвигалъ политику на задній планъ, сосредоточивая вниманіе читателей, главнымъ образомъ, на соціально-экономическихъ вопросахъ. Въ извѣстной статьѣ «Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X», относящейся къ 1858 г., онъ такъ изображаетъ различіе между либералами и демократами, при чемъ подъ послѣдними разумѣются имъ, собственно, не демократы, а представители именно соціалистическаго направленія. «У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду, по возможности, уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны, уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой—дать болѣе вѣса и

благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно—къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа наша Сибирь, въ которой наше простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному—аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Поэтому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы».

Затѣмъ, подчеркнувши, что радикализмъ «расположенъ производить реформы съ помощью матеріальной силы и для реформъ готовъ пожертвовать и свободой слова, и конституціонными формами», авторъ продолжаетъ: «съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбой отъ матеріальной нужды: свобода—вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться разрѣшеніемъ... Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобъ дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать госу-

дарственныя дѣла и заниматься ими,—скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?» *).

Эти разсужденія въ высшей степени характерны для утопическаго соціализма, который вообще къ политикѣ относился съ пренебреженіемъ, а осуществленіе своихъ плановъ экономическаго преобразованія общества ставилъ въ зависимость не отъ борьбы какого-нибудь класса, а отъ распространенія болѣе здравыхъ или гуманныхъ взглядовъ. Изъ всѣхъ политическихъ учрежденій, говоритъ Чернышевскій, демократія непримиримо враждебна только одному—аристократіи, т. е., другими словами, соціалисты могутъ, значитъ, примириться со всякимъ политическимъ строемъ, даже съ абсолютизмомъ, если онъ станетъ на сторону защищаемаго ими дѣла... И онъ, дѣйствительно, высказывается въ подобномъ духѣ во многихъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ обзорѣ, посвященномъ итальянскимъ дѣламъ и относящемся къ 1860 г., подчеркивается, что такъ называемые революціонеры и республиканцы вовсе не являются безусловными противниками монархіи. «Въ теоріи они дѣйствительно республиканцы, но въ практикѣ всегда были готовы всѣми силами поддерживать государей, проникнутыхъ національнымъ чувствомъ. Имъ кажется, что вопросъ о формѣ правленія въ Италіи далеко не имѣетъ того значенія, какъ вопросъ о національномъ единствѣ. Не только теперь имъ кажется это, но и всегда они такъ думали, всегда они готовы были быть ревностнѣйшими приверженцами монархическаго правительства, посредствомъ котораго могла бы получить государственное единство Италія. Такъ дѣйствовалъ и самъ Маццини, глава такъ называемыхъ итальянскихъ республиканцевъ». Еще опредѣленнѣе высказывается эта мысль въ концѣ цитированной уже нами статьи «Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X», гдѣ подводится итогъ политической жизни этой страны отъ возстановленія Бурбоновъ до революціи. «Напрасная борьба династіи противъ но-

*) Любопытное отраженіе этотъ взглядъ на либерализмъ нашелъ себѣ въ словарѣ иностранныхъ словъ, составленномъ въ 1862 г. преподавателемъ воскресной школы Крапивинымъ. «Либералъ—человѣкъ, любящій свободу, обыкновенно бояре. Напримѣръ: господа, помѣщики-бояре, любятъ свободу глазѣть въ окна, ничего не дѣлая, потомъ гулять, въ театры ходить, на балы,—такой называется либеральный человѣкъ». См. М. Лемке—Очерки освободительнаго движенія «шестидесятыхъ годовъ», 1908 г. 421 стр.

выхъ интересовъ, ни мало не враждебныхъ выгодамъ королевской власти; напрасный союзъ ея съ партіей, отъ торжества которой не могла она желать никакой пользы для себя, противъ партіи, искренно желавшей союза съ династіей, выгоднаго для династіи; реакціонеры понесли наказаніе, котораго заслуживалъ ихъ эгоизмъ; но грустно то, что династія ради удовольствія этихъ бездушныхъ эгоистовъ готовила себѣ ненужную погибель».

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ красной нитью проходитъ мысль ,что крайнія партіи не придаютъ значенія формѣ правленія и готовы самымъ ревностнымъ образомъ поддерживать монархическую власть, если она будетъ защитницей народа, и, нѣтъ сомнѣнія, эти выводы должны были служить указаніемъ для русскихъ читателей и намекомъ для русскаго правительства... Когда желаешь имѣть *такого* союзника, чтобы получить экономическія реформы, тогда поневолѣ, конечно, приходится затушевывать вопросы политическіе.

«Одно только нужно—читаемъ мы въ концѣ рецензіи на книгу Гакстаузена:—да идетъ наша держава по пути экономическихъ улучшеній и да совершитъ Александръ II дѣло, начатое Александромъ I и Николаемъ I». Такая непритязательность и такая благонамѣренность врядъ ли могли быть проявлены авторомъ безъ соотвѣтственнаго разсчета... Онъ неодно кратно хвалитъ правительство за его «мудрость», проявленную въ крестьянскомъ вопросѣ, и о началѣ новаго царствованія высказывается въ томъ же оптимистическомъ тонѣ, какъ и Герценъ. «Уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права,—говорится въ статьѣ «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», относящейся къ 1858 г.—благословляетъ времена Александра II славой, высочайшей въ мірѣ... Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ еще увѣнчанъ никакой изъ государей Европы».

Однако, однихъ этихъ соображеній едва ли будетъ достаточно для того, чтобы объяснить равнодушіе Чернышевскаго къ политикѣ. Послѣднее оправдывается имъ также еще потому, что масса народа въ силу своей экономической необезпеченности и невѣжества не можетъ интересоваться и дорожить парламентскими преніями, свободой слова и прочими правами, которыя обезпечиваются конституціей. Либерализмъ слабосиленъ—говоритъ онъ—и не имѣетъ нигдѣ прочной поддержки въ массѣ

народа, ибо она не дорожитъ правами, воспользоваться которыми не можетъ по недостатку средствъ. Но если для даннаго момента такое равнодушіе народа къ политическимъ вопросамъ есть фактъ и при томъ печальный, чего не отрицалъ, конечно, и Чернышевскій, то не слѣдовало ли отсюда, что съ этимъ зломъ нужно бороться, т. е. развивать политическое сознаніе массъ? Но Чернышевскій не дѣлалъ такого вывода и не придавалъ этому большого значенія, ибо онъ думалъ, что когда народъ пробудится отъ сна и усвоитъ себѣ при посредствѣ интеллигенціи болѣе здравыя понятія на основѣ выводовъ современной науки, то онъ примется тогда за коренное преобразованіе общества на новыхъ началахъ, и тогда попутно будутъ разрѣшены или утратятъ свою жгучесть вопросы политическіе. Какъ говорилъ Герценъ, *соціализмомъ придемъ мы къ свободѣ*,—и эта формулировка вполнѣ можетъ подойти ко взглядамъ Чернышевскаго; оба они стояли въ сущности на одной и той же позиціи. «Политическимъ индифферентистомъ онъ, на самомъ дѣлѣ, не былъ никогда; напротивъ, онъ всегда живо интересовался политикой. Но, не вѣря въ способность «простонародья» къ политической иниціативѣ, онъ не могъ задумываться о выработкѣ для него сколько-нибудь опредѣленной политической программы»,—такъ говоритъ Плехановъ въ своей извѣстной книгѣ о Чернышевскомъ, и съ этой характеристикой можно вполнѣ согласиться, если внести поправку, что она относится лишь къ дореформенному періоду. Ибо очень скоро уже послѣ этого, именно въ 1862 г., когда Чернышевскій разочаровался въ своихъ надеждахъ на правительство, и когда, съ другой стороны, поколебалась его вѣра въ общину, онъ въ своемъ замѣчательномъ для того времени воззваніи «къ барскимъ крестьянамъ», развиваетъ именно такую программу для нихъ и при томъ со ссылкой на политическіе порядки, достигнутые на Западѣ...

Литература: Собраніе сочиненій А. И. Герцена (изд. 1875—79 г.г. Женева-Лондонъ и изд. Павленкова, Спб. 1905 г.—оба неполныя), въ особенности — Дневникъ, Съ того берега, Русскій народъ и соціализмъ. Крещеная собственность, Письма къ Линтону, Еще варіація на старую

тему, Концы и начала.—Заговоръ 1825 г., изд. 1907 г. (первоначально вышло на франц. яз. въ 1858 г.). *Колоколъ* за 1857—61 г.г. Н. Русановъ—Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ и молодого Герцена. *Минувшіе Годы* № 12 за 1908 г.; его-же—Западный соціализмъ и „русскій соціализмъ" Герцена. *Русское Богатство* №№ 7 и 8 за 1909 г. Г. Плехановъ-Герценъ и крѣпостное право. *Современный Міръ* №№ 11 и 12 за 1911 г. Ч. Вѣтринскій-Герценъ. 1908 г. М. Гершензонъ—Образы прошлаго (см. письма Герцена къ Прудону, Мишле и др.) 1912 г.

Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, Спб. 1906 г., въ особенности—Славянофилы и вопросъ объ общинѣ, О новыхъ условіяхъ сельскаго быта, О поземельной собственности, Критика философскихъ предубѣжденій противъ общины, Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X, О причинахъ паденія Рима, рецензіи на Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, а также на книги Журавскаго, Гакстгаузена и Шипова, Примѣчанія къ основаніямъ политической экономіи Милля, Что дѣлать, Прологъ пролога.—М. Лемке—Дѣло Чернышевскаго. *Былое.* №№ 3, 4, 5 за 1906 г. Н. Русановъ—Соціалисты Запада и Россіи, 1908 г. Стекловъ—Н. Г. Чернышевскій. Его жизнь и дѣятельность, 1909 г. Плехановъ—Наши разногласія, 2 изд. 1906 г.; его-же—Н. Г. Чернышевскій, 1910 г. Труды И. В. Экономическаго Общества № 1 за 1910 г.—доклады и рѣчи Туганъ-Барановскаго, Антоновича, Анненскаго, Корнилова и Посникова.

ГЛАВА III.

60-ые годы.

Главнымъ событіемъ, положившимъ рѣзкую грань между старой и новой Россіей, было паденіе крѣпостного права, актъ 19 февраля 1861 г. Съ этого же времени появляются и первыя подпольныя изданія, открывающія собой то революціонное броженіе, звенья котораго непрерывною цѣпью восходятъ вплоть до 1905 г. Въ нихъ выражалась увѣренность не только въ близости революціи, но и въ томъ, что эта революція будетъ совершенно непохожа на тѣ, которыя переживала Западная Европа, т. е. популяризировалось и воплощалось въ практическую программу направленіе, основныя черты котораго начали складываться еще въ пятидесятыхъ годахъ и которое подъ именемъ народничества въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій господствовало затѣмъ надъ умами нашей передовой интеллигенціи.

То, что раньше носило характеръ теоретической пропаганды, теперь стало пріобрѣтать форму боевыхъ вопросовъ дня; вмѣсто рѣдкихъ, обособленныхъ кружковъ начало формулироваться цѣлое теченіе, рѣзко выдѣляющее себя изъ безформенной, либерально настроенной части общества. По справедливому замѣчанію Н. Котляревскаго, радикалы шестидесятыхъ годовъ «внесли въ нашу общественную жизнь небывалое движеніе. Молодые люди, вооруженные только силой убѣжденія и силой воли, въ продолженіе четверти вѣка заставили считаться съ собою и власть, и страну и, составляя въ обществѣ несомнѣнное меньшинство, умѣли свое партійное мнѣніе высказать такъ твердо и сильно, что оно получило вѣсъ мнѣнія общественнаго. Среди молчанія массъ, рядомъ съ довольно вялымъ или осторожнымъ либерализмомъ интеллигентныхъ круговъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ бдительной властью шумѣли эти вольные кружки на собраніяхъ, въ печати и даже на улицѣ, и всѣ понимали, что несмотря на многое смѣшное и нелѣпое, на многое, съ

чѣмъ никакъ нельзя было согласиться, въ этихъ новыхъ людяхъ была какая-то сила, которой въ другихъ не было и которая была нужна» *).

Нельзя однако согласиться съ его мнѣніемъ, что радикалы шестидесятыхъ годовъ не имѣли корней въ прошломъ, не имѣли исторіи и начинали собой совсѣмъ новое движеніе.

«По наслѣдству отъ старой жизни имъ ничего не осталось, кромѣ поэтическаго воспоминанія о людяхъ, которые не боялись плыть противъ теченія и которые погибли или разсѣялись (декабристы и петрашевцы). Эти отцы или старшіе братья не передали дѣтямъ никакой доктрины, никакой тактики. Все надо было создать заново: заново вырабатывать доктрину» и т. д.

Молодое поколѣніе 60-хъ годовъ находилось вѣдь подъ вліяніемъ Герцена, Бакунина, Чернышевскаго, а они были соціалистами еще въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Въ области доктрины шестидесятые годы получили уже и нѣкоторыя традиціи, и цѣлую систему, въ существенныхъ чертахъ почти законченную. Основными чертами ея было убѣжденіе въ особомъ пути развитія для Россіи ,вѣра въ общину и мужика, которые должны придать предстоящему перевороту исключительно соціальный характеръ.

Въ переходное время отъ пятидесятыхъ къ шестидесятымъ годамъ вліяніе или, вѣрнѣе, популярность Герцена и его *Колокола* достигла своего кульминаціоннаго пункта; поэтому мы и остановимся теперь на выясненіи той позиціи, которая была занята имъ къ данному моменту.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣевъ сообщаетъ, что уже къ началу 60-хъ годовъ «отношеніе передовой интеллигенціи къ Герцену стало довольно неопредѣленнымъ. Такъ, уже въ 1861 г. въ кружкѣ, группировавшемся около *Современника*, раздавались жалобы на Герцена, что онъ замкнулся въ своемъ *Колоколѣ*, не выходитъ изъ чисто обличительнаго направленія и не хочетъ выступать на болѣе активный путь, и что отъ него едва можно было добиться отпечатанія отдѣльной брошюрой «Что нужно русскому народу». Правда, Герценъ привѣтствовалъ студенческое движеніе очень сочувственно статьей («Исполинъ просыпается»), рѣзко заявилъ свои симпатіи полякамъ, но всего этого было уже мало, чтобы сохранить прежнюю вліятельную

*) *Вѣстникъ Европы* № 10 за 1910 г.—Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія шестидесятыхъ годовъ.

роль...» *). Изъ этихъ словъ какъ будто бы выходитъ, что прежнее вліяніе Герцена основывалось на большемъ его радикализмѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности наоборотъ—именно съ начала новаго десятилѣтія *Колоколъ* дѣлаетъ поворотъ влѣво.

Такъ, въ № 89 отъ 1 января 1861 г. Н. Огаревъ развиваетъ уже другую, болѣе широкую въ политическомъ отношеніи программу, чѣмъ та, съ которою *Колоколъ* выступилъ въ началѣ своей дѣятельности. Кромѣ пунктовъ о свободѣ слова, совѣсти, судѣ присяжныхъ и др., мы встрѣчаемъ здѣсь уже требованіе уничтоженія постояннаго войска, устраненія всякихъ чрезвычайныхъ положеній (уничтоженіе вмѣшательства военной власти въ дѣла управленія и судопроизводства) и, наконецъ, созыва областныхъ законодательныхъ думъ, члены которыхъ избирались бы отъ всѣхъ сословій, а во главѣ ихъ—союзной думы изъ депутатовъ областей. «Вопросъ общиннаго самоуправленія ведетъ къ самоуправленію областному, къ необходимости добровольнаго распредѣленія государства на самостоятельныя области и соединенію ихъ въ общій союзъ. Развитіе союза ведетъ къ конфедеративному устройству».

Въ области экономической авторъ особенно рекомендуетъ устройство банковъ, при чемъ «мѣстные банки должны способствовать развитію земледѣлія и потому снабжать общины, съ платой отъ нихъ за пользованіе, полевыми машинами и орудіями, крестьяне могли бы обрабатывать участки сплошь, что естественно изъ общиннаго землевладѣнія разовьетъ общинный трудъ, и это можетъ вызвать образованіе поземельныхъ общинъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ землевладѣніе только личное». Авторъ продолжаетъ сохранять свой идеалистическій взглядъ и ободряетъ себя соображеніемъ, что «трехъ человѣкъ было достаточно, чтобы измѣнить хлѣбные законы въ Англіи, и двѣнадцать человѣкъ распространили христіанство въ цѣломъ мірѣ. Если для русскаго развитія найдется дюжина дѣятелей,—оно не погибло». Однако, онъ уже сомнѣвается въ томъ, чтобы подобныхъ апостоловъ соціализма можно было найти среди правительства, хотя причину этого онъ усматриваетъ опять-таки лишь въ его неспособности. «Если бы правительство поняло эту живую струну и живую связь—оно осталось бы во главѣ движенія: но оно не пойметъ, потому что оно бездарно». Задумы-

*) Изъ воспоминаній прошлаго, вып. 1, 1905 г. 332—333 стр.

вась надъ вопросомъ, какъ же быть, если правительство не станетъ во главѣ народнаго дѣла или даже будетъ ему противодѣйствовать, Огаревъ приходитъ къ заключенію, что надо всѣмъ порядочнымъ чиновникамъ оставить службу, а число образованныхъ офицеровъ нужно умножать, чтобы войско не было употреблено противъ крестьянъ. Это—единственное средство избѣгнуть кровопролитія. Необходимо также «усиливать число людей для образованія банковъ, число людей въ промышленности, число людей въ литературѣ».—Отвѣтъ характерный для руководителей *Колокола*, дѣйствовавшаго во имя народа, но не вѣрившаго въ него ..

Но вотъ вышелъ манифестъ 19 февраля. Разбору новаго положенія въ *Колоколѣ* былъ посвященъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ статей, и общій выводъ изъ нихъ Н. Огаревъ резюмировалъ въ № 101 отъ 15 іюня 1861 г. въ слѣдующихъ словахъ: «Съ горечью въ сердцѣ и глубокой печалью мы должны сознаться», что вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости не существуетъ. «Старое крѣпостное право замѣнено новымъ. Вообще крѣпостное право *не отмѣнено*»... Въ № 134 отъ 22 мая 1862 г. тотъ же Огаревъ въ статьѣ «Куда и откуда» пишетъ: «На вопросъ, куда мы идемъ, мы скажемъ смѣло, не боясь, чтобы у насъ, вышло съ народомъ разногласіе, мы скажемъ, что идемъ къ тому, чтобы земля была земская, и управленіе было отъ земства, и слѣдовательно, чтобы царь былъ земскій, съ земствомъ согласный или земствомъ избранный». Для достиженія же этого «не только надо той доли дворянства, которая за-одно съ народомъ, крѣпко соединяться между собою и съ крестьянствомъ, но надо и селамъ и волостямъ сговориться между собою по всей землѣ русской: уставныхъ грамотъ не подписывать, на оброкъ не переходить, усадьбы и доли надѣловъ не выкупать и стоять твердо между собою, чтобы вся земля была земская. А когда они между собой въ этомъ будутъ согласны, то слѣдуетъ послать царю грамоту отъ всего земства и спросить: хочетъ ли онъ признать землю земскою, созвать земскій соборъ и быть царемъ земскимъ, а не дворянско-чиновничьимъ».

Въ № 139 отъ 15 іюля того же года, послѣ долгаго молчанія, высказывается, наконецъ, и самъ Герценъ въ статьѣ «Молодая и старая Россія», и тутъ уже ясно чувствуется глубокое разочарованіе: «Гдѣ свободныя учрежденія сверху внизъ, гдѣ революція къ верху ногами, гдѣ демагоги-абсолютисты мини-

стерства?—Видно не удивимъ мы Европу въ тысячелѣтіе, видно николаевщина была схоронена заживо и теперь встаетъ изъ-подъ сырой земли, въ форменномъ саванѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы».

Въ другой статьѣ, посвященной тому же вопросу (№ 141 отъ 15 авг. 1862 г.), Герценъ, защищаясь отъ обвиненія «Молодой Россіи» въ томъ, что онъ утратилъ вѣру въ революцію, пишетъ: «Не вѣру въ насильственные перевороты мы потеряли, *а любовь къ нимъ!*» Далѣе онъ указываетъ, что терроръ великой французской революціи, которымъ увлекаются авторы «Молодой Россіи», у насъ не можетъ найти себѣ почвы.

Французская революція «возвѣщала новое, небывалое право, право человѣка, и на немъ стремилась установить разумный союзъ общественный... У насъ нѣтъ ни новыхъ догматовъ, ни новыхъ катехизисовъ для оглашенія. Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ. Отрекаясь отъ формъ, чуждыхъ народу, втѣсненныхъ ему полтора вѣка тому назадъ, мы продолжаемъ прерванное и отклоненное развитіе, вводя въ него новую силу мысли и науки». Въ противоположность централизованному, городскому характеру западно-европейскихъ революцій, «децентрализація—первое условіе нашего переворота, идущаго отъ нивы, отъ поля, отъ деревни *) и вовсе не въ Петербургъ, откуда народъ, до 19 февраля 1861 г., ничего не получалъ кромѣ бѣдствій и униженій. И не въ Москву, гдѣ рядомъ съ мощами почиваютъ и живые, довольные, какъ Симеонъ-Богопріимецъ, тѣмъ, что увидѣли нарождающуюся Россію... Никакое меньшинство изъ образованныхъ не можетъ сдѣлать у насъ неодолимаго переворота безъ власти или безъ народа—такъ стали вопросы. Пока деревня, село, степь, Волга, Уралъ покойны, возможны одни олигархическіе и гвардейскіе перевороты, лейбъ-преображенская передержка лица... До сихъ поръ народъ былъ глухъ и нѣмъ ко всѣмъ революціоннымъ стремленіямъ, потому что онъ

*) Ту же мысль Герценъ развивалъ въ письмѣ къ Н. А. Серно-Соловьевичу въ 1862 г: «Живая жизнь—въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ, ваша работа не пойдетъ въ ростъ. Только тамъ вы встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего менѣе понятна коренная цѣль—земской земли». Какъ видно отсюда, о рабочемъ классѣ нѣтъ и помина.

не понималъ, чего не достаетъ господамъ. Но въ настоящей борьбѣ народъ замѣшанъ живой силой; вопросъ объ освобожденіи сталъ чрезполоснымъ вопросомъ обѣихъ Россій—вершинной и полевой... Столкновеніе неминуемо. До сихъ поръ не видимъ, чтобы народъ готовъ былъ уступить землю или дворянство—дешево отдать ее. Оба обращаются къ общему посреднику—правительству»...

Чего же можно ожидать отъ послѣдняго? По мнѣнію Герцена, народъ смотритъ на императорскую власть, какъ на какую-то «соціальную республику, накрытую мономаховой шапкой», и если бы она сумѣла проникнуться соціальными стремленіями, то стала бы непреодолимой. «Но для того, чтобы власть царская стала властью народной, ей надобно понять, что волна, которая ее подмываетъ и хочетъ поднять, въ самомъ дѣлѣ волна морская, что ее нельзя ни остановить, ни сослать въ Сибирь, что приливъ начался и нѣсколько раньше, нѣсколько позже, а власти придется сдѣлать выборъ между кормиломъ народной державы и иломъ морского дна. Свидѣтельствуйте объ этомъ всѣми свидѣтельствами, кричите ей объ этомъ денно и нощно... Пусть власть выскажетъ, и только послѣ ея отвѣта вы узнаете, что говорить народу и къ чему его звать.

...Придетъ роковой день, станьте грудью, ляжте костьми, но не зовите его, какъ *желанный день*. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, а будетъ ли оно въ мономаховой шапкѣ или въ фригійской—все равно».

Какъ видно отсюда, Герценъ все еще продолжаетъ придерживаться своего взгляда, что русское самодержавіе не связано органически съ господствующими классами и является чѣмъ-то въ родѣ мирового посредника между народомъ и дворянствомъ, но условія, на которыхъ произведено было освобожденіе крестьянъ, и усилившаяся затѣмъ реакція убѣждаютъ уже и его, что осуществленія его идеаловъ можно ожидать не сверху, а снизу, путемъ приведенія народныхъ массъ въ движеніе. Онъ еще не замѣчаетъ заключающагося здѣсь *логическаго* противорѣчія, того, что указанные факты свидѣтельствуютъ, наоборотъ, о существованіи отрицаемой имъ тѣсной связи между господствующимъ классомъ (дворянствомъ) и правительствомъ, но онъ уже *чувствуетъ* ошибочность своего взгляда и не отказывается сдѣлать отсюда соотвѣтствующій выводъ. «Было время,не такъ давно, мы думали, что Александръ II—настоящій

царь, освободитель народа—читаемъ мы въ Прибавленіи къ *Колоколу*, отъ 15 окт. 1862 г. Многіе ждали многаго къ празднику тысячелѣтія. И мы вмѣстѣ со многими ждали... И мы вмѣстѣ со многими обманулись». Въ статьѣ по поводу студенческихъ волненій и закрытія занятаго войсками университета въ Петербургѣ (№ 110 отъ 1 ноября 1861 г.) Герценъ бросаетъ призывъ къ учащейся молодежи, который потомъ получилъ такую популярность въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія. «Куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку... Сказать вамъ куда? Прислушайтесь—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ—это начальный ревъ морской волны, которая закипитъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. *Въ народъ! къ народу*—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго»...

Съ объявленіемъ «воли» медовый мѣсяцъ либерализма закончился, туманъ оптимистическихъ ожиданій, разгоняемый холоднымъ вѣтромъ реакціи, началъ разсѣиваться, и для демократическаго движенія стала все болѣе и болѣе выясняться необходимость перейти отъ попытокъ убѣжденія правительства къ попыткамъ воздѣйствія на него и отъ обращенія къ власти—къ обращенію къ обществу или народу. Каково было содержаніе этихъ обращеній, мы и разсмотримъ теперь.

«Неудача 1848 г., если что-нибудь и доказываетъ, такъ доказываетъ только одно—неудачу попытки для Европы, но не говоритъ ничего противъ невозможности другихъ порядковъ въ Россіи»,—такъ говорится въ прокламаціи Михайлова «Къ молодому поколѣнію», вышедшей въ 1861 г.—«Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земледѣльческая община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ. У насъ земли столько, что достанетъ ея намъ на десять тысячъ лѣтъ. Мы народъ запоздалый, и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти. Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ соціальныхъ стрем-

леній; значитъ, она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы». Далѣе выставлялось требованіе «выборной и ограниченной власти» и развивалась мысль, что если бы для достиженія вышеуказанныхъ цѣлей пришлось принести въ жертву сто тысячъ помѣщиковъ, то останавливаться предъ этимъ нечего.

«Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастью: къ благосостоянію политическому и экономическому или къ экономическому и политическому пролетаріату. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или другому... Мы изучили экономическое и политическое устройство Европы; мы увидѣли, что у нихъ не ладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести...

Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны итти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи, Англіи или Франціи»?

Въ томъ же году вышла и другая, много нашумѣвшая прокламація «Молодая Россія», изданная отъ имени якобы центральнаго революціоннаго комитета, какъ первый № новаго журнала, главнымъ положеніемъ котораго выставлялось: соціальная и демократическая русская республика. Для достиженія этой цѣли должно было служить все. Терроръ признавался однимъ изъ надежныхъ средствъ. Прокламація требовала федеративнаго союза областей, состоящихъ въ свою очередь изъ земледѣльческихъ общинъ, (при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ собраній), выборнаго суда, правильнаго распредѣленія налоговъ, заведенія общественныхъ фабрикъ, заводовъ и лавокъ, общественнаго воспитанія дѣтей, уничтоженія брака, семьи и монастырей, замѣны арміи національною гвардіей и полной независимости Польши и Литвы. Выходъ изъ современнаго гнетущаго положенія можетъ быть, по мнѣнію авторовъ прокламаціи, только одинъ—«революція, которая должна радикально измѣнить всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества». Если

консервативные элементы рѣшатся оказать активное сопротивленіе, то тогда «съ полной вѣрой въ себя, въ свои силы, въ сочувствіе къ намъ народа, въ славное будущее Россіи, которой выпало на долю первой осуществить великое дѣло соціализма, мы издадимъ одинъ крикъ—«въ топоры» и тогда... тогда бей... не жалѣя, какъ не жалѣютъ насъ теперь, бей на площадяхъ, бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицы, бей по деревнямъ и селамъ». Такъ какъ прокламація эта произвела неблагопріятное впечатлѣніе, въ особенности—своимъ рѣзкимъ языкомъ, даже на радикальную часть общества, то была выпущена затѣмъ другая—«Предостереженіе», гдѣ опровергались слухи, будто начавшіеся въ Петербургѣ пожары были дѣломъ революціонеровъ, и дѣлались нѣкоторыя разъясненія. «Революціонная партія, — говорится тамъ,— никогда не бываетъ въ силахъ сама по себѣ совершить государственный переворотъ», но правительство своей политикой ведетъ народъ къ возстанію, и они, революціонеры, готовы стать въ ряды народа при наступленіи вооруженной борьбы. «Народное возстаніе близится»...

Уже одинъ тотъ фактъ, что указанныя прокламаціи появились послѣ изданія акта 19 февраля, а не раньше, когда несомнѣнно было легче оказать вліяніе на его содержаніе, явившееся результатомъ многочисленныхъ передѣлокъ и длинныхъ переговоровъ, показываетъ съ очевидностью, что онѣ явились лишь отраженіемъ разочарованія радикальной части интеллигенціи въ либерализмѣ правительства, но что подготовленныхъ элементовъ для революціоннаго движенія въ наличности еще не было. Еще не было, на что опереться, было лишь стремленіе довести до конца начатое 19 февраля и тутъ же прерванное дѣло народнаго освобожденія. По содержанію своему это теченіе тѣсно примыкало къ разобранному нами ранѣе такъ наз. «русскому соціализму», со всѣми его недостатками.

Выставляя на своемъ знамени требованіе коренного преобразованія всего общества, т. е. программу-максимумъ, авторы мало задумываются надъ тѣмъ, какъ же собственно связать это требованіе съ текущей жизнью. Если признавать, что мы—народъ отсталый, и учрежденія у насъ первобытныя, то на какомъ основаніи можно было ожидать, что они сразу замѣнятся самыми совершенными и мы раньше Европы скажемъ міру «новое слово»? Какія силы заинтересованы въ этомъ и при томъ

настолько могущественны, чтобы осуществить дѣло, до сихъ поръ еще нигдѣ не осуществленное? На послѣдній вопросъ авторы «Молодой Россіи» и «Къ молодому поколѣнію» отвѣчаютъ, что осуществленіе ихъ программы возлагается прежде всего на молодежь, а затѣмъ—на войско, за которыми пошелъ бы народъ, въ особенности старообрядцы *).

Но молодежь отличается не сверхъестественностью своихъ силъ, а лишь большей чуткостью и отзывчивостью въ воспріятіи и примѣненіи новыхъ идей; если же она не находитъ для себя поддержки въ самомъ обществѣ, оторвана отъ него, то не можетъ быть и разсматриваема, какъ общественная сила. Точно такъ же войско, для того, чтобы изъ орудія угнетенія стать орудіемъ освобожденія, должно быть заражено соотвѣтственнымъ настроеніемъ и идеями, исходящими изъ окружающей жизни, не говоря уже о томъ, что вообще-то оно можетъ быть употребляемо лишь для политическихъ переворотовъ, при проведеніи же соціальныхъ и экономическихъ преобразованій сила оружія мало примѣнима. Остаются одни старообрядцы, но не говоря ужъ объ ихъ малочисленности, какія собственно имѣлись основанія для того, чтобы выдѣлить ихъ изъ общей массы въ смыслѣ большей подготовленности къ соціальной революціи? Никакихъ или очень мало. Итакъ, если народъ вообще, т. е. прежде всего крестьянскія массы, готовъ уже къ коренному перевороту, то почему же его готовность не проявилась раньше, почему теперь не видно сколько-нибудь рѣшительныхъ и осмысленныхъ шаговъ въ этомъ направленіи и изъ чего же въ самомъ

*) Авторъ обращенія «Къ молодому поколѣнію» заносилъ въ *народную партію* также еще чиновниковъ—«этихъ несчастныхъ фабричныхъ канцелярій, обреченныхъ на самое жалкое существованіе и зависящихъ вполнѣ отъ личнаго произвола своихъ штатскихъ генераловъ», а «Молодая Россія»—казаковъ и даже монаховъ...—Мнѣніе о радикализмѣ нашихъ сектантовъ восходитъ къ очень отдаленному времени. Какъ замѣчаетъ Герценъ, еще Пестель имѣлъ намѣреніе вовлечь въ движеніе сторонниковъ религіозныхъ сектъ.—«проектъ глубокій, правильность и важность котораго будутъ доказаны событіями будущаго». См. Du développement des idées révolutionnaires en Russie, Londres, 1853 p. 68. Въ дѣйствительности, однако, событія показали, что надежды, возлагавшіяся революціонерами-народниками на раскольниковъ, казаковъ и монаховъ, были такъ же призрачны, какъ и мнѣніе о томъ, что русскій мужикъ—соціалистъ по инстинкту и т. п. Интересно отмѣтить также, что пролетаріатъ, отъ котораго они открещивались всѣми силами, сыгралъ наоборотъ въ позднѣйшемъ освободительномъ движеніи наиболѣе дѣятельную роль.

дѣлѣ можно заключать, что онъ собирается сдѣлать это? Если же соціальная революція—дѣло будущаго, то тогда нужно показать тотъ процессъ общественнаго развитія, который долженъ привести къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлить задачи, требующія ближайшаго удовлетворенія, т. е. выработать программу-минимумъ. Безъ этой же работы разсматриваемыя прокламаціи не только не могли получить практическаго значенія, но не могли даже содѣйствовать развитію самосознанія тѣхъ общественныхъ элементовъ, для которыхъ онѣ предназначались. Болѣе того,— въ нихъ была заложена ошибка, отъ которой уже долго не могли избавиться послѣдующіе дѣятели нашего демократическаго движенія.

Хотя указанныя программы представляли собою не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ мыслей, которыя высказывались Герценомъ въ предшествовавшее десятилѣтіе, это не помѣшало, однако, именно ему первому въ своемъ «Колоколѣ» обратить вниманіе на нѣкоторыя изъ ихъ слабыхъ сторонъ.

Въ противоположность тому, что говорилось имъ раньше относительно нерасположенія русскаго народа къ «полурѣшеніямъ» вопроса и ненужности ихъ, Герценъ подчеркиваетъ теперь, въ статьѣ по поводу «Молодой Россіи», что крайность въ требованіяхъ радикальной части интеллигенціи является не выраженіемъ того, что наша общественная жизнь представляетъ болѣе благопріятную почву для ихъ осуществленія, а наоборотъ есть только результатъ отрѣшенности отъ народа, отсутствія практическаго опыта. «Исторія намъ ничего не оставила завѣтнаго, у насъ нѣтъ тѣхъ уважаемыхъ почтенностей, которыя мѣшаютъ западному человѣку, но которыхъ ему дороги; за рабство, въ которомъ мы жили, за разрывъ съ народомъ, за безсиліе дѣйствовать, намъ оставалось печальное утѣшеніе, но утѣшеніе—въ наготѣ отрицанія, въ логической безпощадности, и мы съ какой-то радостью произносили тѣ послѣднія, крайнія слова, которыя губы нашихъ учителей едва шептали, блѣднѣя и осматриваясь... Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбріологія». Точно такъ же, вопреки тому, что говорилось имъ раньше относительно особенной подготовленности народной жизни Россіи для воздѣйствія соціалистической интеллигенціи, Герценъ усматриваетъ теперь особенныя трудности на этомъ пути: «Наши жертвы искупленія, какъ Михайловъ, какъ Обручевъ, должны вынести двойное

мученичество; они не станутъ народной легендой, какъ Банды-ры и Пизикане, народъ ихъ не знаетъ, нѣтъ!—хуже: онъ знаетъ ихъ за дворянъ, за враговъ. Вотъ куда привелъ разрывъ. ...Народъ намъ не вѣритъ и готовъ побить камнями тѣхъ, которые за него отдаютъ жизнь*). Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье».

Объ отрицательномъ отношеніи Герцена къ террору, которымъ увлекались авторы воззванія, мы уже говорили раньше. Порицаетъ онъ также чрезмѣрную рѣзкость выраженій и общій абстрактный, чуждый народнымъ воззрѣніямъ духъ обращенія. «Ну, есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы русскій народъ возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны? Соединяйтесь съ народомъ, чтобы онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную для него *религію земли*... и будьте готовы. Звать къ оружію можно только наканунѣ битвы. Всякій преждевременный призывъ—намекъ, вѣсть, данная врагу, и обличеніе предъ нимъ своей слабости»...

Реакціонная печать, дѣйствительно, широко использовала въ своихъ цѣляхъ чрезмѣрную рѣзкость выраженій, въ которой сказывалось лишь «увлеченіе возраста» (прокламація вышла изъ студенческаго кружка Аргиропуло и Зайчневскаго), и пока существовала «Вѣсть», служившая органомъ крѣпостниковъ, въ ней нерѣдко можно было встрѣтить ссылки на «Молодую Россію» для доказательства того, какіе ужасы ожидаютъ страну отъ распространенія соціально-демократическихъ идей**).

Интересно отмѣтить, что даже Бакунинъ, впослѣдствіи ставившій «Молодую Россію» за образецъ, въ описываемое вре-

*) Эти строки были вызваны тѣмъ, что при объявленіи на Мытной площади В. Обручеву (обвиненному по дѣлу «Великорусса») приговора толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы ему отрубили голову или наказали кнутомъ или повѣсили головою внизъ за то, что онъ смѣлъ пойти противъ царя.

**) «Хотя Скарятинъ, начиная съ 1862 г., не разъ печатно заявлялъ, что не вѣритъ въ силу революціонной партіи въ Россіи, но «Молодая Россія» служила ему крупнымъ полемическимъ козыремъ въ борьбѣ съ *Современникомъ* и пережившими его эпигонами». Л. Пантелѣевъ, I. с., стр. 248—249.

мя относился къ ней неодобрительно—за ея политическій и анти-династическій характеръ, что должно было затруднить союзъ народной партіи съ властью... «Огромное большинство нашей молодежи принадлежитъ къ партіи народной, къ той партіи, которая поставила себѣ единой цѣлью *торжество народнаго дѣла*. Эта партія не имѣетъ предразсудковъ ни за царя, ни противъ царя, и еслибъ самъ царь, начавши великое дѣло, не измѣнилъ впослѣдствіи народу, она бы никогда отъ царя не отстала. И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы только онъ самъ шелъ во главѣ народа, не остановили бы ея никакіе западно-революціонные предразсудки, ибо гдѣ жизнь, гдѣ правда, гдѣ разрѣшеніе судебъ народа, тамъ и она...»*).

Но вернемся къ прерванному обзору. Лѣтомъ 1861 г. вышелъ также первый № листа «Великорусса», участіе въ которомъ приписывается, между прочимъ, Чернышевскому, дѣйствовавшему вѣроятно при посредствѣ офицера генеральнаго штаба Обручева, бывшаго сотрудникомъ *Современника*. Въ этомъ листѣ указывалось, что помѣщичьи крестьяне недовольны той перемѣной, которую правительство произвело подъ именемъ освобожденія, и это недовольство уже выражается въ волненіяхъ, которымъ сочувствуютъ и казенные крестьяне, и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. «Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно ведетъ Россію къ Пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣла изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній. Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. ...Просвѣщенные люди должны лишь громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы—не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя»...

Мѣсяца черезъ два послѣ этого вышелъ второй №, гдѣ говорится, что «водвореніе законнаго порядка — общее желаніе

*) М. Бакунинъ—«Народное Дѣло», 1862 г.

просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: хорошее разрѣшеніе крестьянскаго дѣла (по мнѣнію самого «Великорусса» оно должно заключаться въ отдачѣ крестьянамъ всѣхъ земель и угодій, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, и освобожденій ихъ отъ всѣхъ платежей, которые слѣдуетъ принять на счетъ націи), освобожденіе Польши и конституція». Вскорѣ затѣмъ вышелъ третій и послѣдній №, въ которомъ заявляется, что «на первый разъ слѣдуетъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адресъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его». При № былъ приложенъ и самый проектъ адреса, конецъ котораго гласилъ такъ: «Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи». Въ заключительныхъ же словахъ листка подчеркивалось, что «если мы увидимъ, что либеральные люди не рѣшатся дѣйствовать, то намъ не остается выбора: мы должны будемъ говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирной оппозиціи, которая вынудила бы правительство до весны 1863 г. устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 г.».

Какъ видно отсюда, листки «Великорусса» носятъ иной характеръ и, въ противоположность первымъ прокламаціямъ, пытаются нащупать почву для борьбы въ болѣе развитой политически части общества, пытаются подтолкнуть прежде всего либеральные элементы, охваченные съ начала новаго царствованія небывалымъ до сихъ поръ возбужденіемъ, къ мирной, но внушительной оппозиціи—во имя конституціи и справедливаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Эта особенность не осталась не замѣченной, и въ № 107 *Колокола* появился отвѣтъ «Великоруссу», за подписью «Одинъ изъ многихъ». Какъ выяснилось впослѣдствіи, этотъ отвѣтъ принадлежитъ Михайлову—автору воззванія «Къ молодому поколѣнію». Здѣсь вполнѣ опредѣленно формулируется то отношеніе къ вопросу о борьбѣ за политическую свободу, которое оставалось характернымъ для народнической интеллигенціи въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій

и въ которомъ наглядно выражается ея совершенно утопическое представленіе о связи между политической и экономической борьбой, съ одной стороны, и между цѣлью и средствами къ ея достиженію—съ другой. «Къ чему стремиться союзу: къ конституціи или къ чему иному? За конституцію стало бы, вѣроятно, все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь*). Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей». Конечно, обращаться къ «образованнымъ классамъ» за справедливымъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса было нѣсколько наивно со стороны «Великорусса», ибо въ то время это означало, въ сущности, обращаться къ самому же помѣстному дворянству съ примыкающей къ нему интеллигенціей, но по вопросу о политической свободѣ начинающееся демократическое движеніе несомнѣнно могло бы имѣть точки соприкосновенія съ пробудившимися конституціонными стремленіями среди дворянскихъ и—нѣсколько позже—земскихъ круговъ. Для того, чтобы содѣйствовать надлежащему разрѣшенію крестьянскаго дѣла, нужно было, безъ сомнѣнія, обращаться прежде всего къ самому же крестьянству, развивая его самосознаніе, но и конституцію нельзя было провозгласить безполезной и ненужной только потому, что за нее стояла либеральная партія.

Мы уже упоминали, что въ заключительныхъ словахъ «Великорусса» говорилось о намѣреніи обратиться къ народу, и во исполненіи этого обѣщанія или угрозы въ началѣ 1862 г. Чернышевскимъ было дѣйствительно составлено воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ» **), которое представляетъ большой интересъ какъ само по себѣ, такъ и для характеристики взглядовъ автора въ самое послѣднее время его пребыванія на свободѣ.

---

*) Въ письмѣ къ Бакунину отъ 1 сент. 1863 г. Герценъ высказался въ подобномъ же духѣ по отношенію къ польскому движенію: «польское дѣло—не наше дѣло, хотя и правое относительно. Нашъ принципъ—соціализмъ»...

**) Хотя улики, предъявленныя правительствомъ, съ юридической точки зрѣнія были совершенно недостаточны для обвиненія, но самое участіе Чернышевскаго въ составленіи этого воззванія врядъ ли теперь подлежитъ сомнѣнію. См. Лемке—«Дѣло Н. Г. Ч.», *Былое* №№ 3-5 за 1906 г.

Въ этомъ воззваніи подробно разбирается новое «Положеніе», и указывается, каковы будутъ послѣдствія его проведенія въ жизнь, какъ теперь, при временно-обязанномъ состояніи, такъ и въ будущемъ, когда будетъ разрѣшено отходить отъ помѣщиковъ. «Такъ вотъ оно къ чему дѣло поведено: не къ волѣ, а къ тому оно идетъ, что въ вѣчную кабалу васъ помѣщики взяли, да еще въ такую кабалу, которая гораздо хуже нонѣшней». Затѣмъ на примѣрахъ Франціи, Англіи, Швейцаріи и Америки авторъ обрисовываетъ положеніе народа за границей и приходитъ къ заключенію, что «вотъ она какая взаправду-то воля бываетъ на свѣтѣ: чтобы народъ всему голова былъ, а всякое начальство міру покорствовало, и чтобы судъ былъ праведный и ровный для всѣхъ и безчинствовать надъ мужикомъ никто не смѣлъ и чтобы паспортовъ не было и подушнаго оклада не было и чтобы рекрутчины не было. ...Вотъ это воля такъ воля и есть. А коли того нѣтъ, значитъ и воли нѣтъ, а все одно: обольщеніе въ словахъ». Для того же, чтобы и въ Россіи такую волю завоевать, «надо мужикамъ промежъ себя согласіе имѣть, чтобы за одно быть, когда пора будетъ. И покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно въ бѣду не вводить, спокойствіе сохранять и виду никакого не показывать. Что толку, ежели въ одномъ селѣ булгу поднять, когда въ другихъ селахъ готовности еще нѣтъ? Это значитъ только дѣло портить. А когда промежъ васъ единодушіе будетъ, въ ту пору и назначеніе выйдетъ, что пора дескать всѣмъ дружно начинать. Вѣдь у насъ по всѣмъ мѣстамъ свои люди есть, отовсюду намъ вѣсти приходятъ, какъ народъ, да что народъ. Вотъ мы и знаемъ, что покудова еще нѣтъ приготовленности».

Проникнутый строго реалистическимъ духомъ, столь присущимъ критическому уму Чернышевскаго, этотъ документъ—въ отличіе отъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ программныхъ построеній въ духѣ «русскаго соціализма»—представляетъ собою не что иное, какъ формулированіе ближайшихъ задачъ даннаго историческаго момента, т. е. *программу-минимумъ для крестьянскаго движенія*, не устанавливая пока конечной цѣли его, т. е. полнаго соціальнаго переворота, такъ какъ авторъ уже и въ то время сознавалъ, что для Россіи предстоитъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства не къ соціализму, а всего только къ товарному производству. Въ то время какъ Герценъ до конца своей жизни сохранялъ скептическое отношеніе къ

мысли о возможности у насъ политическаго движенія снизу, изъ нѣдръ народной жизни, или даже считалъ это нежелательнымъ,—Чернышевскій, который еще недавно стоялъ на той же самой позиціи, теперь круто поворачиваетъ отъ него влѣво. Но куда именно—вотъ вопросъ, которымъ къ сожалѣнію критика почти совершенно не занималась.

Воззваніе къ крестьянамъ осталось не напечатаннымъ и неизвѣстнымъ широкимъ кругамъ публики; этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что именемъ Чернышевскаго прикрывались впослѣдствіи дѣятели народническаго движенія въ разныхъ оттѣнкахъ, несмотря на то, что между ихъ воззрѣніями и воззрѣніями автора упомянутаго воззванія лежало глубокое различіе. Не питая никакихъ иллюзій относительно подготовленности нашего крестьянства къ борьбѣ не только за соціализмъ, но и за самые элементарнѣйшіе свои права и интересы, Чернышевскій врядъ ли бы, конечно, могъ одобрить то движеніе, которое подъ именемъ «хожденія въ народъ» овладѣло широкими кругами молодежи, видѣвшей въ немъ средство сразу же воплотить въ жизнь начала соціальнаго равенства и братства. Подчеркивая необходимость политической свободы и даже выдвигая ее на первый планъ, онъ не могъ бы, далѣе, подписаться подъ программой общества «Земли и Воли», чуравшейся политики и считавшей конституцію грѣхомъ, а признаніе массоваго дѣйствія, признаніе того, что освобожденіе народа можетъ исходить только отъ него, отдѣляло Чернышевскаго на приличную дистанцію отъ якобинцевъ «Народной Воли», мечтавшихъ о томъ, чтобы небольшой, но хорошо организованной кучкой захватить въ свои руки государственную власть.

Что въ произведеніяхъ Чернышевскаго чувствовался особый духъ, который не совсѣмъ гармонировалъ съ господствующимъ направленіемъ русской соціалистической мысли—это не осталось не замѣченнымъ его современниками.

«Мы *русскимъ соціализмомъ* называли—пишетъ Герценъ въ № 233-34 *Колокола*—тотъ соціализмъ, который идетъ отъ земли и крестьянскаго быта, отъ фактическаго надѣла и существующаго передѣла полей, отъ общиннаго владѣнія и общиннаго управленія и идетъ вмѣстѣ съ работничьей артелью навстрѣчу той экономической *справедливости*, къ которой стремится соціализмъ вообще и которую подтверждаетъ наука. Названіе это тѣмъ необходимѣе, что рядомъ съ нашимъ ученіемъ развива-

лись, съ огромнымъ талантомъ и пониманіемъ, теоріи чисто западнаго соціализма и именно въ Петербургѣ. Это раздвоеніе, совершенно естественное, лежащее въ самомъ понятіи, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимнымъ дополненіемъ другъ друга». Раньше пропагандистомъ идей западныхъ соціалистовъ былъ Петрашевскій, теперь имъ является Чернышевскій. «Его среда была городская, университетская, среда развитой скорби, сознательнаго недовольства и негодованія; она состояла исключительно изъ работниковъ умственнаго движенія, изъ пролетаріата интеллигенціи, изъ «способностей». Чернышевскій, Михайловъ и ихъ друзья первые въ Россіи звали не только труженика, съѣдаемаго капиталомъ, но и труженицу, съѣдаемую семьей, къ иной жизни. Они звали женщину къ освобожденію работой отъ вѣчной опеки, отъ унизительнаго несовершеннолѣтія, отъ жизни на содержаніи—и въ этомъ одна изъ величайшихъ заслугъ ихъ. Пропаганда Чернышевскаго была отвѣтомъ на *настоящія* страданія, словомъ утѣшенія и надежды гибнувшимъ въ суровыхъ тискахъ жизни. Она имъ указывала выходъ. Она дала тонъ литературѣ, провела черту между въ *самомъ дѣлѣ* юной Россіей и прикидывающейся такой Россіей, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крѣпостнической. Идеалы ея были въ совокупномъ трудѣ, въ устройствѣ мастерской, а не въ тощей палатѣ, въ какой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали дворянъ въ мѣщанствѣ и помѣщиковъ въ оппозиціи»...

Какъ видно отсюда, Герценъ смотрѣлъ на Чернышевскаго, какъ на соціалиста—западника, имѣющаго въ виду главнымъ образомъ города, т. е. прежде всего такъ называемый интеллигентный пролетаріатъ. Успѣхъ его пропаганды въ пользу образованія трудовыхъ ассоціацій, которая нашла свое выраженіе въ романѣ «Что дѣлать», вызываетъ даже чувство опасенія какъ въ Герценѣ, такъ и въ Огаревѣ. «Я боюсь—писалъ послѣдній въ № 220 *Колокола*—встрѣтить въ нашихъ соціалистахъ выставленіе впередъ исключительно городского образованнаго пролетаріата и приведеніе его въ центръ всѣхъ соціальныхъ стремленій, въ особаго рода сословіе, при чемъ можно только достигнуть до ассоціаціи, не имѣющей вещественной опоры, и до невозможной борьбы со всѣми направленіями другихъ, сильно поставленныхъ городскихъ сословій. И это въ то время, когда на Руси существуетъ историческое основаніе сельскаго строя, стоящаго на об-

щественномъ владѣніи почвы, строя, къ которому долженъ примыкать образованный городской пролетаріатъ, образованное меньшинство!» Какъ правильно замѣчаетъ по этому поводу Плехановъ, Огареву и въ голову не приходило, что образованное меньшинство могло и должно было встрѣтиться въ городахъ съ промышленнымъ пролетаріатомъ. Для него народъ—исключительно крестьяне».

Въ игнорированіи промышленнаго пролетаріата были повинны однако не только руководители *Колокола*, но также и Чернышевскій. хотя отношеніе послѣдняго къ данному вопросу все же было нѣсколько иное. Но во всякомъ случаѣ изъ ученія его никакого особаго—*западническаго*, какъ его называлъ Герценъ—направленія не получилось, и послѣднее, возникши значительно позже, а именно въ 80-хъ годахъ, связано у насъ было не съ именемъ автора «Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины» и «Что дѣлать», а съ именемъ Маркса и его школы.

Въ произведеніяхъ Чернышевскаго были лишь зародыши иного, болѣе научно-реалистическаго, чѣмъ народническое, пониманія задачъ соціализма, но неблагопріятныя условія помѣшали ему развить ихъ съ надлежащей силой и полнотой.

Арестъ и ссылка Чернышевскаго были большимъ ударомъ для начинавшагося демократическаго движенія и послѣднее долго не могло оправиться отъ него. Намъ и предстоитъ теперь разсмотрѣть дальнѣйшія перипетіи этого движенія за послѣдующія десятилѣтія, богато представленныя внѣшними событіями, но очень бѣдныя результатами.

Какими элементами питалось оно? Промышленные рабочіе, не переставшіе волноваться при крѣпостномъ правѣ, теперь, послѣ объявленія «воли», стихли и молчали до 1870 г. Да мысли радикальной интеллигенціи вовсе и не были обращены въ эту сторону. Какъ мы уже видѣли, прокламація «Къ молодому поколѣнію» прямо кричала: мы не хотимъ пролетаріата въ западно европейскомъ смыслѣ,—и требовала даже для мѣщанъ надѣленія землей. Для Герцена въ городахъ существуютъ только мѣщане-извозчики, а на рабочій классъ нѣтъ и намека и потому лишь изъ деревни, по его мнѣнію, можетъ выйти будущее революціонное движеніе. Извѣстная книга Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», вышедшая въ 1869 г., совершенно не признаетъ еще у насъ рабочаго вопроса, а смѣшиваетъ

его съ крестьянскимъ, какъ это дѣлалось въ дореформенное время. Но и крестьянство, составлявшее предметъ чаяній «русскихъ соціалистовъ», послѣ нѣсколькихъ вспышекъ по случаю введенія новаго Положенія, затихло на неопредѣленное время. Либеральное же общество послѣ проведенія крестьянской реформы и, въ особенности, послѣ неудачнаго польскаго возстанія 1863 г. стало правѣть съ ужасающей быстротой, и, такимъ образомъ, очагомъ, гдѣ сохранялся еще огонь революціоннаго броженія, осталась одна учащаяся молодежь.

Среди нея съ конца 50-хъ годовъ началось движеніе, носившее просвѣтительный характеръ: устройство кружковъ для доставленія средствъ къ образованію библіотекъ, школъ, курсовъ и типографій, печатаніе книгъ, брошюръ и распространеніе ихъ въ народѣ. Отъ всѣхъ этихъ начинаній—естественный переходъ къ сближенію съ народомъ путемъ совмѣстной жизни, а отсюда—поселенія въ деревнѣ, устройство тамъ школъ и разнаго рода ремесленныхъ заведеній на популярныхъ тогда артельныхъ началахъ.

Въ началѣ 1862 г. по иниціативѣ кружка Н. Серно-Соловьевича въ Петербургѣ возникло тайное общество подъ названіемъ «Земля и Воля». Серно-Соловьевичемъ же былъ выработанъ любопытный проектъ Уложенія Имп. Александра II, т. е. въ сущности проектъ монархической конституціи. Согласно этому проекту, законодательная власть должна принадлежать Народному Собранію, состоящему изъ выборныхъ отъ дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей. Въ этомъ уложеніи содержатся кромѣ того два §§, относящіеся къ разрѣшенію соціальнаго и крестьянскаго вопроса. А именно—въ нихъ устанавливается, что всякій русскій или водворившійся въ Россіи на постоянное житье имѣетъ право на владѣніе 4 десятинами земли. Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ немедленно прекращаются. Крестьяне удерживаютъ за собой свои надѣлы, при чемъ размѣръ вознагражденія помѣщикамъ опредѣляется Народнымъ Собраніемъ...

Насколько можно судить по выпущенному обществомъ листку «Свобода», цѣли его были, главнымъ образомъ, политическія. «Организація наша—говорится въ № 1—составилась изъ людей, непоколебимо убѣжденныхъ и по слишкомъ очевиднымъ даннымъ, что при неспособности правительства революція въ Россіи неизбѣжна, что она неминуемо разразится

въ возстаніе ограбленнаго и подавленнаго народа и что при жестокости правительства она можетъ получить исполинскіе размѣры кровавой драмы, если все или, по крайней мѣрѣ, большинство способное и честное изъ образованныхъ классовъ не станетъ на сторону доведеннаго до возстанія народа... Такимъ образомъ, выступая на борьбу съ правительствомъ за права народныя, Народный комитетъ въ настоящее время ставитъ себѣ одной изъ задачъ—привлеченіе образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа... и будетъ неуклонно стремиться къ предположенной цѣли—къ... торжеству народныхъ интересовъ, которое должно выразиться прежде всего въ созваніи Народнаго Собранія изъ выборныхъ представителей свободнаго народа».

Послѣ ареста Серно-Соловьевича, названное общество скоро очутилось, главнымъ образомъ, на плечахъ студентовъ, недавно исключенныхъ изъ университета или побывавшихъ въ крѣпости: Утинъ, Пантелѣевъ, Рымаренко и др. (участіе А. Н. Энгельгардта, П. Л. Лаврова и, можетъ быть, Чернышевскаго было совершенно мимолетнымъ), и, просуществовавъ около двухъ лѣтъ, умерло своей смертью, вслѣдствіе усилившейся реакціи. Входилъ ли Герценъ въ составъ «Земли и Воли,—неизвѣстно, но Бакунинъ тотчасъ же принялъ званіе члена новаго общества и со свойственной ему восторженностью и страстью къ преувеличеніямъ такъ характеризовалъ его въ рѣчи на банкетѣ въ Стокгольмѣ: «Господа ,въ Россіи теперь образовалось обширное патріотическое общество—консервативное, либеральное и демократическое вмѣстѣ (!). Центръ его—въ Петербургѣ, его сторонники и члены—во всѣхъ провинціяхъ обширной Россіи. Оно обнимаетъ всѣ классы общества русскаго, всѣхъ доброй воли, каково бы ни было ихъ имущество и положеніе: генералы и офицеры въ массѣ, высшіе и низшіе чиновники, помѣщики, купцы, священники, сыновья священниковъ и крестьяне и милльоны сектантовъ-раскольниковъ, которые, желая того же, что и мы, дѣйствуютъ, часто сами о томъ не думая, съ нами за одно. Это общество, правильно и крѣпко организованное, стремится составить, такъ сказать, государство въ государствѣ. Оно организуетъ свои финансы, свою администрацію, свою полицію и скоро, я надѣюсь, будетъ имѣть свою армію... Цѣль этого общества вполнѣ гуманна и вполнѣ консервативна. Эта цѣль—спасеніе Россіи отъ преступнаго безумія имперіализма, произвести сдѣлавшуюся необходимою великую революцію политическую и со-

ціальную безъ пролитія безполезнаго крови. ...Программа его вполнѣ проста:

1. Оно хочетъ передать землю крестьянамъ безъ выкупа и заплатить ея стоимость помѣщикамъ на счетъ всей націи.

2. Принимая общину за основу, оно хочетъ замѣнить совершенно нѣмецкую администрацію бюрократіи національною выборной системой и насильственную централизацію имперіи федераціей провинцій, автономныхъ и свободныхъ.

3. Оно хочетъ уничтожить рекрутчину... и на мѣсто постоянной арміи, не согласимой со свободой, ввести систему народнаго вооруженія, ополченіе, которое будетъ всемогуще для защиты страны, но безсильно для внѣшняго завоеванія.

4. Чтобы осуществить эти идеи, составляющія самое чистое выраженіе воли народной, оно громко требуетъ созванія земскаго собора, составленнаго изъ депутатовъ, выбранныхъ всѣми провинціями и городами великой Россіи безъ различія классовъ, имущества и положенія».

По этому поводу Огаревъ справедливо указывалъ въ своемъ письмѣ къ Бакунину: «Твое хвастовство объ обществѣ Земли и Воли не принесло ему пользы. Этотъ обычай—намъ не расчетъ. Вѣдь твоимъ словамъ никто не повѣрилъ. Выходитъ только, что люди, которые и присоединились бы, видя, что общество твоими устами говоритъ небывалыя вещи, уклоняются отъ общества».

Въ 1863 г. въ Москвѣ образовалось другое тайное общество «Организація» безъ опредѣленной, впрочемъ, программы; цѣлью его было сначала распространіе соціалистическихъ идей среди студентовъ, но затѣмъ нѣкоторые изъ членовъ перенесли свою дѣятельность и въ народъ.

Цѣлью кружка было «распространять соціалистическое ученіе, разрушать начало общественной нравственности, колебать вѣру въ основѣ религіи и путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ въ государствѣ». Средствами для этой цѣли должны были служить, по словамъ обвиненія: «а) пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; б) возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и, вообще, противъ власти; в) устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и вну-

шать ему ученія соціализма; 2) заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ на началахъ коммунизма, которыя, находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготовлять новыхъ членовъ; д) распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей и е) пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній»...

По мѣрѣ расширенія общества направленіе его измѣнялось или—вѣрнѣе—въ немъ появлялись разные оттѣнки. Отъ вопроса объ измѣненіи экономическаго положенія народа перешли къ политикѣ, и, наконецъ, болѣе рѣшительные члены стали высказывать мысли объ убійствѣ правительственныхъ лицъ для достиженія лучшихъ порядковъ. На этой почвѣ произошло выдѣленіе болѣе радикальнаго кружка, получившаго названіе «Адъ». По объясненіямъ членовъ, даннымъ впослѣдствіи на судѣ, цѣлью общества было возбужденіе и приготовленіе народа путемъ соціальной пропаганды къ возстанію, требованіе у государства введенія соціализма (!) и, въ случаѣ сопротивленія, устройство государства на соціалистическихъ началъ путемъ революціи. Послѣ покушенія на Александра II, произведеннаго 4 апрѣля 1866 г. однимъ изъ членовъ кружка Д. Каракозовымъ, организація была разгромлена, при чемъ суду предано 36 человѣкъ.

Но если покушеніе Каракозова, совершенное имъ за свой страхъ и вопреки желанію организаціи, было до извѣстной степени актомъ случайнымъ, то заговоръ, какъ систему, развитую во всѣхъ деталяхъ, представляетъ собою такъ называемое нечаевское дѣло. С. Нечаевъ началъ свое выступленіе съ участія весною 1869 г. въ студенческихъ волненіяхъ въ Петербургѣ, которымъ онъ хотѣлъ придать политическій характеръ.

Въ «программѣ революціонныхъ дѣйствій», выработанной имъ нѣсколько раньше, главнѣйшей причиной бѣдствій нашего общества выставлялся дурной экономическій строй его, допускающій и узаконяющій господство сильнаго надъ слабымъ. Полная свобода обновленной личности лежитъ въ соціальной революціи, но... пока будетъ существовать настоящій политическій строй, экономическая реформа невозможна; единственный выходъ—это политическая революція, истребленіе гнѣзда

существующей власти, государственная реформа. Итакъ, соціальная революція, какъ конечная цѣль, и политическая—какъ единственное средство для достиженія этой цѣли».

Бѣжавъ послѣ этого за границу, онъ сошелся съ Бакунинымъ и Огаревымъ, убѣдилъ ихъ въ томъ, что въ Россіи уже все готово для революціи и, получивъ черезъ нихъ званіе организатора русскаго отдѣла «европейскаго революціоннаго союза» (Alliance révolutionnaire européenne),—котораго въ дѣйствительности не существовало,—вернулся осенью того же года въ Москву, гдѣ основалъ общество «топора или народной расправы».

Каждый изъ его довѣренныхъ людей долженъ былъ образовать вокругъ себя кружокъ второй степени, не вполнѣ посвященный въ конечныя цѣли, члены котораго играли бы роль организаторовъ по отношенію къ кружкамъ третьей степени и т. д., а за всѣмъ этимъ стоялъ таинственный и фиктивный главный комитетъ. При этомъ Нечаевъ увѣрялъ, что вся Россія покрыта сѣтью подобныхъ обществъ, т. е. мистифицировалъ своихъ товарищей такъ же, какъ и Бакунина.

Цѣлью общества выставлялась народная революція, подъ которой—въ духѣ новыхъ взглядовъ Бакунина—разумѣлось не «регламентированное движеніе по западно европейскому образцу—движеніе, которое всегда, останавливаясь передъ собственностью и традиціями общественныхъ порядковъ такъ наз. цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другою... Нѣтъ, спасительной для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожаетъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи». Для достиженія этой цѣли считались нужными крайнія средства. Теперь не время для мирнаго распространенія знаній въ народѣ или для литературной дѣятельности. Нужно дѣйствовать—заявляетъ Нечаевъ въ другомъ мѣстѣ—и «наше дѣло—страшное, полное повсемѣстное и безпощадное разрушеніе. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: съ дикимъ разбойничьимъ

міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи. ...Сплотить этотъ (разбойничій) міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача».

Общій принципъ организаціи—не убѣждать, т. е. не вырабатывать, а сплачивать тѣ силы, которыя уже есть на лицо, и исключать всякія пренія, не имѣющія отношенія къ реальной цѣли. Приводящія планъ въ исполненіе личности отнюдь не должны знать его сущность, а только тѣ подробности, тѣ части дѣла, выполнять которыя выпало на ихъ долю. Для возбужденія же энергіи необходимо объяснять сущность дѣла въ превратномъ видѣ. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія...

Отрицательное отношеніе къ наукѣ и интеллигенціи и преклоненіе передъ стихійной, инстинктивной мудростью мужика, развитое незадолго передъ тѣмъ Бакунинымъ, было воспринято Нечаевымъ цѣликомъ и доведено до абсурда.

«Конечно, мужики никогда не занимались измышленіемъ формъ будущаго общиннаго быта, но тѣмъ не менѣе они, по устраненіи всего мѣшающаго имъ, сумѣютъ устроиться гораздо осмысленнѣе и лучше, чѣмъ то можетъ выйти по всѣмъ теоріямъ и проектамъ, писаннымъ доктринерами соціалистами, навязывающимися народу въ учителя, а главное—въ распорядители. Для неиспорченнаго очками цивилизаціи народнаго глаза слишкомъ ясны стремленія этихъ непрошенныхъ учителей во всѣхъ этихъ проектахъ оставить себѣ и подобнымъ теплое мѣстечко, подъ покровомъ науки, искусства и т. п.

...Въ казацкомъ кругу, устроенномъ Василіемъ Усомъ въ Астрахани, по выходѣ оттуда Степ. Разина, идеальная цѣль общественнаго равенства неизмѣримо болѣе достигалась, чѣмъ въ фаланстерахъ Фурье, институтахъ Кабе, Луи-Блана и прочихъ ученыхъ соціалистовъ, болѣе, чѣмъ въ ассоціаціяхъ Чернышевскаго».

Вполнѣ естественно поэтому, что причину неудачъ предшествующихъ революціонныхъ попытокъ, въ частности движенія декабристовъ, онъ усматриваетъ въ его несоотвѣтствіи съ народнымъ духомъ.

Эту мысль много раньше высказалъ еще Герценъ, но въ истолкованіи Нечаева она приняла въ высшей степени своеобразную форму. «Если бы декабристы имѣли болѣе народнаго пониманія, если бы они больше знали душу мужика, то не стали бы съ толпами солдатъ и народа на площади заниматься переговорами, да криками о желаніи конституціи, пока Николай собиралъ артиллерію: они немедленно повели бы народъ на убіеніе сильныхъ и на отнятіе у нихъ всего для возвращенія въ мужицкія руки, всего, что вмѣстѣ съ кровью и потомъ выжималось изъ крестьянства въ продолженіе столѣтій». Тогда «народъ бы всталъ за ними во имя этого, сплошной массой и побѣда была бы на его сторонѣ». Нечаевъ съ сожалѣніемъ отличаетъ, что декабристы отвергли дѣльный, по его мнѣнію, совѣтъ Якубовича: «разбивать кабаки, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церквей, итти на дворецъ»... Такимъ образомъ, *грабежъ* рекомендовался имъ въ качествѣ надежнѣйшаго средства для политическаго и соціальнаго переворота, и это вовсе не было обмолвкой съ его стороны.

«Мы хотимъ народной мужицкой революціи»—говорится въ изданіяхъ общества Народной Расправы.

Для осуществленія этой цѣли, «не щадя живота и не останавливаясь ни передъ какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны, рядомъ личныхъ дѣйствій и жертвъ, слѣдующихъ одни за другими, по общему строго обдуманному и сговоренному плану, должны рядомъ смѣлыхъ и дерзкихъ попытокъ ворваться въ народную жизнь и, возбудивъ въ народѣ вѣру въ насъ и себя, въ его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его къ торжественному совершенію его же собственнаго дѣла».

Далѣе авторъ указываетъ, куда именно должны быть направлены упомянутыя выше личныя дѣйствія и жертвы; планъ его состоялъ не въ чемъ иномъ, какъ въ послѣдовательномъ и безпощадномъ проведеніи двухъ началъ — террора и экспропріаціи.

Враги народнаго освобожденія дѣлятся имъ на три разряда:

1) Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ военными силами, которые въ особенности усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.

2) Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія или для пособій государству.

3) Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, т. е. публицисты, подкупленные правительствомъ, и литераторы, лестью и доносами надѣющіеся добиться административныхъ подачекъ.

Первую категорію Нечаевъ предлагаетъ «истреблять безъ всякихъ разсужденій», у второй—«отбирать экономическія силы и средства», а лицъ третьей категоріи, т. е. публицистовъ и литераторовъ, «заставить молчать тѣмъ или инымъ способомъ (хотя бы лишеніемъ языка)»...

Моментъ наступленія революціи пріурочивался къ 19 февраля 1870 г., когда должны были прекратиться обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Но еще раньше, чѣмъ это случилось, общество было раскрыто благодаря убійству Нечаевымъ одного изъ членовъ организаціи, студента Иванова, показавшагося ему неудобнымъ.

Уже на основаніи бѣглаго знакомства съ этой своеобразной доктриной можно съ большой степенью вѣроятности заключить, что она создалась въ то время упадка общественнаго настроенія, когда революціонныя идеи находятъ себѣ пріютъ лишь въ головахъ отдѣльныхъ лицъ, не имѣя подъ собой болѣе прочной опоры: отсутствіе послѣдней замѣнялось безпощадностью и прямолинейностью плана. Революція разсматривалась не какъ переворотъ, исходящій изъ нѣдръ самого общества и знаменующій собой выступленіе на историческую сцену новаго класса съ новыми идеалами и потребностями, а какъ какая-то дьявольская махинація, осуществляемая какими-то таинственными незнакомцами на фонѣ всеобщей одураченности, хаоса и безтолковщины. «Революціонеръ—человѣкъ обреченный»; онъ не имѣетъ никакихъ связей и отношеній съ окружающимъ обществомъ,—такъ говорилось въ нечаевскомъ «катехизисѣ», и этимъ было сказано почти все...

Но можно ли отнести высказанныя здѣсь мысли всецѣло на счетъ Нечаева? Этотъ вопросъ можетъ возникнуть потому, что Н. Утинъ и юристы, участвовавшіе въ процессѣ, приписывали катехизисъ, по словамъ М. Драгоманова, Бакунину. Мы думаемъ, что если этотъ документъ и былъ написанъ Бакунинымъ (что является еще спорнымъ), то все же вдохновителемъ

его нужно считать именно Нечаева, ибо Бакунинъ ни раньше, ни послѣ до такихъ крайностей не договаривался, между тѣмъ какъ Нечаевъ и десять лѣтъ спустя все еще продолжалъ развивать свои планы въ духѣ такой же или даже еще болѣе свирѣпой мистификаціи. Такъ, изъ интересной статьи, помѣщенной въ № 7 *Былого* за 1906 г. («Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—83 г.г.»), мы узнаемъ, что онъ предлагалъ исполнительному комитету Народной Воли выпустить для мѣстностей, гдѣ сильна вѣра въ царя, подложный манифестъ, въ которомъ царь будто бы объявляетъ своимъ вѣрноподданнымъ, по совѣту князей, графовъ и всего дворянскаго сословія мы признали за благо возвратить крестьянъ помѣщикамъ, увеличить срокъ солдатской службы, разорить всѣ старообрядческія молельни и т. п. Затѣмъ долженъ быть разосланъ священникамъ подложный же секретный указъ св. Синода, гдѣ говорилось бы, что «Всемогущему Богу угодно было послать Россіи тяжелое испытаніе: новый императоръ Александръ III заболѣлъ недугомъ умопомѣшательства и впалъ въ неразуміе», вслѣдствіе чего священники должны тайно возсылать съ алтаря молитвы о дарованіи ему исцѣленія, никому не открывая сей важной государственной тайны. Разсчетъ былъ, конечно, на то, что они эту тайну разболтаютъ. Послѣ этихъ приготовленій нужно было распространить манифестъ якобы отъ «Земскаго Собора всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи», во-первыхъ, къ крестьянамъ, а во-вторыхъ—къ православному русскому воинству. Въ первомъ—объявить, что царя больше нѣтъ; что Соборъ рѣшилъ произвести передѣлъ земли и освободить солдатъ отъ службы, и потомъ указать, чтобы по полученіи сего манифеста, не медля ни мало, во всѣхъ селеніяхъ собирать мірскіе сходы и приступить къ справедливому передѣлу всей земли..., прежде же всего отрѣшить отъ должности всѣхъ прежнихъ волостныхъ старшинъ и писарей, а на мѣсто ихъ для распоряженія дѣлами выбирать добросовѣстныхъ людей, приводя ихъ къ крестному цѣлованію. Всѣхъ помѣщиковъ и т. п., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять въ мірскіе сходы, а міръ долженъ творить съ ними строгую и короткую расправу. Всѣхъ исправниковъ, становыхъ и т. д. хватать, гдѣ кого пришлось, и немедля предавать смерти. Въ концѣ манифеста помѣчено, что составленъ онъ «на великомъ Земскомъ Соборѣ, по совѣту и приговору излюбленныхъ русскихъ людей,

мірскихъ выборныхъ отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ», и предписывалось повсюду манифестъ развозить и исполнять. А въ самомъ концѣ—подпись: «быть по сему»... *).

Въ другомъ мѣстѣ Нечаевъ высказываетъ затѣмъ свое неудовольствіе по поводу того, что Народная Воля не умѣетъ раскричать о себѣ... «Возможно ли печатать отчеты о пожертвованіяхъ, сумма которыхъ въ одномъ номерѣ составляетъ всего какихъ-нибудь 5—8 тысячъ рублей?.. Да ихъ нужно увеличивать ужъ по крайней мѣрѣ двумя нулями».

Корреспонденты изъ Исполнительнаго Комитета, ведшіе переписку съ Нечаевымъ, не одобряли его плановъ, указывая, что подобное шарлатанство само по себѣ опасно, а въ моментъ собиранія силъ можетъ быть только вреднымъ, но Нечаевъ не соглашался съ этимъ и стоялъ на своемъ. Какъ правильно характеризовалъ его Бакунинъ послѣ разрыва сношеній съ нимъ, это былъ «фанатикъ преданный, но въ то же время очень опасный... Живо пораженный катастрофой, которая разрушила тайную организацію въ Россіи, онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и не разрушимое, надо взять за основу политику Макіавели и вполнѣ усвоить систему іезуитовъ: для тѣла—одно насиліе, для души—ложь»...

Прежде, чѣмъ покончить съ шестидесятыми годами, остановимся въ заключеніе на дальнѣйшей эволюціи Герцена за послѣдніе годы его жизни. Усилившаяся реакція и мало соотвѣтствующее народническимъ ожиданіямъ направленіе экономическаго развитія выбили Герцена изъ колеи, но ему уже поздно было перерабатывать свое міросозерцаніе, и потому противорѣчія какъ съ самимъ съ собой, такъ и съ современной русской дѣйствительностью стали особенно рѣзко проявляться

*) Мысль о томъ, чтобы съ помощью подобныхъ искусственныхъ мѣръ ускорить процессъ революціонизированія массъ нерѣдко приходила въ голову соціалистамъ. Даже Чернышевскій задумывался въ 1850 г. надъ планомъ «напечатать манифестъ, въ которомъ провозгласить свободу крестьянъ, освобожденіе отъ рекрутчины и т. д. и разослать его всѣмъ консисторіямъ и т. д. въ пакетахъ отъ св. Синода и велѣть тотчасъ исполнить, не объявляя никому до времени исполненія»... Однако онъ скоро уже пришелъ къ заключенію, что въ конечномъ результатѣ «ложь здѣсь принесетъ вредъ, а не пользу, такъ что убьетъ довѣріе народа къ воззваніямъ его приверженцевъ въ послѣдующемъ времени».

у него. Казалось бы, свирѣпый курсъ, взятый правительствомъ Александра II, исключалъ возможность оптимистическихъ ожиданій, и самъ Герценъ неоднократно высказывался въ этомъ духѣ, но, видно, старая закваска не могла никакъ выдохнуться изъ него. Такъ, въ *Колоколѣ* отъ 15 дек. 1865 г. онъ вновь выражаетъ убѣжденіе, что наше правительство могло бы совершить *чудеса по плюсу и по минусу*, что, въ отличіе отъ Западной Европы, «правильной реакціи у насъ быть не можетъ и что, такъ какъ реакція безсмыслена, то она и должна утратить тотъ безмысленный характеръ, въ которомъ она является у насъ». Едва ли можно согласиться съ этимъ, и едва ли не болѣе правъ былъ въ своемъ письмѣ къ немуБакунинъ, утверждая наоборотъ, что «со времени основанія московскаго государства, послѣ убійства народной жизни въ Новгородѣ и Кіевѣ, послѣ подавленія Стеньки-Разинскаго и Пугачевскаго бунта въ нашемъ несчастномъ и опозоренномъ отечествѣ правильна и дѣйствительна только одна реакція; то, что въ исторіи другихъ европейскихъ странъ было только перемежающимся фактомъ, у насъ составляетъ фактъ непрестанный и безпрерывный»...

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ № 271 отъ 1 апрѣля 1866 г. Герценъ развиваетъ уже совершенно иной взглядъ: «Еще шагъ, и мы увидимъ Etats généraux на Невѣ. Мы идемъ прямо къ 1789 г. Куда дойдемъ, мы не знаемъ, но *остановиться нельзя*. Насъ это не удивляетъ, мы это говорили съ перваго листа *Колокола*. Глубину, силу, неотразимость движенія, поднявшагося послѣ крымской войны и смерти Николая, мы давно оцѣнили и поняли»... Въ дѣйствительности, однако,—какъ, вѣроятно, помнитъ читатель,—въ первыхъ номерахъ *Колокола* доказывалось обратное, а именно—что «мы не обязаны» дѣлать такую же революцію, какъ Франція, и что у насъ переворотъ долженъ совершиться сверху, мирнымъ путемъ. И очень скоро мысль Герцена снова возвращается на прежній путь. «Мысль о переворотѣ безъ кровавыхъ средствъ,—говорится въ № 233—234,—намъ дорога; все, что было говорено противоположнаго о насъ, такое же вранье, какъ то, что мы увѣряли поляковъ, что Россія была готова къ возстанію въ 1862 г. Въ ней, впрочемъ, не было ничего фантастическаго; въ русской жизни нѣтъ тѣхъ непримиримыхъ, упорныхъ, взаимно уничтожающихъ силъ, которыя вели западную жизнь отъ одного кроваваго конфликта къ другому. Если такая непримиримость существовала, то это ме-

жду крестьяниномъ и помѣщикомъ, но она-то первая и разрѣшилась мирно, и разрѣшилась бы вовсе безъ крови, если бы трусливое правительство и враждебные къ крестьянскому дѣлу исполнители его не натянули ее безъ нужды».

Авторъ упорно не замѣчаетъ классоваго, дворянскаго характера наступившей реакціи, объясняя ее какими-то случайными недоразумѣніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованными глазами смотритъ на возможность демократическаго движенія снизу. «Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути,—пишетъ онъ въ письмѣ «къ старому товарищу» 1869 г.,—и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, чтобы знать, какъ итти съ нимъ въ ногу». Эта разочарованность въ революціи и вѣра въ возможность какой-то соціальной и демократической монархіи на русской почвѣ и были причиной упадка вліянія Герцена на передовую молодежь, несмотря на весь его блестящій талантъ... *) Наиболѣе рѣзкое выраженіе отрицательное отношеніе къ Герцену нашло себѣ въ памфлетѣ эмигранта А. Серно-Соловьевича, написанномъ по поводу отзывовъ *Колокола* о покупеніи Каракозова и о Чернышевскомъ. «Выстрѣлъ 4 апрѣля былъ намъ не по душѣ—писалъ 1 мая 1866 г. Герценъ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, *которую на себя бралъ какой-то фанатикъ*. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ—первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами». Въ началѣ слѣдующаго года имъ была помѣщена затѣмъ статья «Порядокъ торжествуетъ», въ которой Герценъ нѣсколько умалялъ значеніе Чернышевскаго. Результатомъ раздраженія, вызваннаго среди молодой эмиграціи этими статьями, и было появленіе вышеупомянутой брошюры Серно Соловьевича, вышедшей въ 1867 г.—*Наши домашнія дѣла* **).

*) Въ своемъ письмѣ къ Герцену и Огареву отъ 19 іюля 1866 г. Бакунинъ, между прочимъ, писалъ: «Знаю, вамъ ненавистно слово «революція», но что жъ дѣлать, друзья, безъ революціи ни для васъ, ни для кого нѣтъ ни шагу впередъ. Вы во имя вящей практичности составили себѣ невозможную теорію о переворотѣ соціальномъ безъ политическаго переворота,—теорія, столь же невозможная въ настоящее время, какъ революція политическая безъ соціальной...»

**) М. Лемке—Очерки освободительнаго движенія «шестидесятыхъ годовъ». 1908 г. 269—272 стр.

«Молодое поколѣніе поняло васъ,—говорится тамъ,—и понявъ васъ отвернулось съ отвращеніемъ, а вы все еще мечтаете, что направляете его». «Вы поэтъ, художникъ, артистъ, разсказчикъ, романистъ, вы все, что хотите, только не политическій дѣятель и еще менѣе теоретикъ, основатель школы, ученія». «Нѣтъ, г. основатель русскаго соціализма, молодое понятіе не проститъ вамъ отзыва о Каракозовѣ—этихъ строкъ вы не выскоблите ничѣмъ». Далѣе авторъ отвѣчаетъ на фразу Герцена о томъ, что они съ Чернышевскимъ не только не представляли антагонизма, но служили взаимнымъ дополненіемъ другъ друга. «Вы дополняли Чернышевскаго! Нѣтъ, г. Герценъ, теперь ужъ поздно прятаться за Чернышевскаго. Troppo tardi, удобное время упущено. Между вами и Чернышевскимъ нѣтъ, не было, да и не могло быть ничего общаго. Вы два противоположные элемента, которые не могутъ существовать рядомъ, другъ возлѣ друга. Чернышевскій человѣкъ по преимуществу логической, сдержанной, строго продуманной мысли, вы—спеціалистъ по энтузіазму. Чернышевскій человѣкъ науки, популяризировавшій всѣ послѣдніе выводы ея,—между вами и наукой столько же общаго, сколько между Валуевымъ и свободой. Чернышевскій человѣкъ объективной истины,—вы субъективныхъ ощущеній и восторговъ. ...Чернышевскому идеаломъ была истина,—ваши идеалы смѣняются по настроенію духа; сегодня это Прудонъ, завтра Маццини, послѣ завтра Викторъ Гюго...

Чернышевскій основалъ дѣйствительную школу онъ воспиталъ людей, онъ образовалъ цѣлую фалангу людей,—гдѣ ваши послѣдователи, не знаю. Въ чемъ же, г. Герценъ, дополняли вы Чернышевскаго?».

Что же касается общины, то вѣру въ нее Герценъ сохранилъ въ неизмѣнности, и 60-ые годы прибавили лишь новые аргументы, новую формулировку, новые пріемы защиты прежняго убѣжденія. «Посельщики, сами разработавшіе нашу землю, привычные къ передѣламъ, безъ слоя завоевателей на нашихъ плечахъ, намъ легче другихъ европейскихъ народовъ осуществить одно изъ рѣшеній соціальной задачи. Отношеніе человѣка къ землѣ—не новое изобрѣтеніе въ Россіи ,это первобытный фактъ, *естественный*, прирожденный въ нашемъ бытѣ, мы его нашли, родившись, потомъ забросили ,не поняли и теперь хотимъ съ искреннимъ раскаяніемъ развить его при помощи

науки и опыта Западнаго міра. Отнимите у насъ эту задачу, и мы снова впадемъ въ варварство или останемся ордой завоевателей. И вотъ причина, почему мы не промѣняемъ нашъ аграрный законъ, въ его неразвитіи, ни на старое латинское право, ни на англо-саксонское законодательство... До сихъ поръ на Россію смотрятъ, какъ на лавину, угрожающую паденіемъ. Мы хотимъ показать, что подъ снѣгомъ есть земля, владѣемая иначе, чѣмъ историческая земля стараго міра» (*Колоколъ* № 213 отъ 1 февр. 1866 г.).

Правда, направленіе экономической политики въ пореформенное время врядъ ли могло казаться Герцену многообѣщающимъ, и во второмъ изданіи «Концовъ и Началъ», относящемся къ 1866 г., онъ дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что по пути къ окончательному соціальному устройству Россія, «вѣроятно, пройдетъ и мѣщанской полосой»... На этомъ основаніи г. Ивановъ-Разумникъ приходитъ къ заключенію, что Герценъ измѣнилъ къ концу жизни свой взглядъ на общину, но врядъ ли дѣйствительно изъ этого слѣдуетъ такой выводъ. По всей вѣроятности, указанная оговорка имѣла въ виду не общину, а тѣ области народно-хозяйственной жизни, которыя уже въ то время представлялось невозможнымъ уберечь отъ вліянія капитала. Такъ, напр., въ 70-хъ годахъ Лавровъ, который считалъ себя какъ бы ученикомъ Маркса и принималъ уже безъ оговорокъ, что Россія вступила въ стадію капиталистическаго развитія, отводилъ послѣднему довольно ограниченную сферу дѣйствія и все еще продолжалъ вѣрить, что земледѣльческая община туда не будетъ втянута и сможетъ непосредственно перейти въ высшую форму... Во всякомъ случаѣ Герценъ и впослѣдствіи неоднократно высказывался въ прежнемъ, оптимистическомъ духѣ. «Недавніе факты показываютъ,—читаемъ мы въ № 1 *Колокола* на французскомъ языкѣ отъ 1 янв. 1868 г.,—что нѣтъ ничего несовмѣстимаго между началами общиннаго владѣнія и личной свободы. Грандіозное зрѣлище развертывается нынѣ бокъ-о-бокъ съ міромъ, который продѣлалъ всевозможные безплодные эксперименты, начиная съ фаланстера и Икаріи и кончая ассоціаціями, организованными на началахъ равенства. Сельская община и индивидуумъ-поселянинъ сдѣлали въ Россіи гигантскій шагъ впередъ со времени 1861 г. ...Въ русскомъ народѣ... я вижу великую силу, великій элементъ, который входитъ въ исторію прямо съ соціальной революціей, къ

которой старый міръ пойдетъ volens-nolens, если не хочетъ погибнуть или окостенѣть».

А въ русскомъ прибавленіи къ тому же номеру говорится, что «исторія вырабатывается труднѣе, иначе, чѣмъ ожидали, чѣмъ требуетъ здравый смыслъ—все идетъ проселками и буераками, но *идетъ въ ту же сторону*. Дѣло нашего соціальнаго *развитія*, несмотря на всѣ помѣхи и ошибки, идетъ своимъ медленнымъ, но *безвозвратнымъ путемъ*...»

Но если въ своей вѣрѣ въ общину Герценъ остался вѣренъ себѣ, то иначе обстоитъ дѣло съ его отношеніемъ къ вопросамъ политической свободы и государственнаго устройства Россіи.

Какъ мы уже видѣли въ предшествующихъ главахъ, съ самаго начала своего появленія въ Россіи соціалистическое теченіе соединялось съ пренебреженіемъ къ политикѣ: элементъ соціально-экономическій выдвигался на первый планъ въ ущербъ политическому. Герценъ съ своей стороны затратилъ не мало усилій на то, чтобы обосновать положеніе о возможности союза между самодержавіемъ и народнымъ дѣломъ: диктатура свыше должна была замѣнить отсутствіе инициативы снизу, въ народныхъ массахъ. Въ его воображеніи рисовалась соціальная республика, прикрытая мономаховой шапкой...

Чтобы понять эту мысль, нужно вспомнить, что идея классоваго антагонизма была чужда «русскому соціализму». Какъ писалъ Н. Серно-Соловьевичъ въ своей брошюрѣ объ «Окончательномъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса», осуществленіе его проекта, «само по себѣ, не трудно: оно не требуетъ отъ государства никакого пожертвованія, никакой предварительной ломки въ существующемъ бытѣ, не нарушаетъ ничьихъ интересовъ» *).

Исходъ крестьянской реформы и реакція, наступившая послѣ ея проведенія, очень скоро уже показали однако, какую важную роль играютъ въ общественной жизни классовые ин-

*) Эта брошюра была издана лѣтомъ 1861 г. въ Берлинѣ; въ ней устанавливаются слѣдующія положенія: 1) признаніе земли народной собственностью, слѣдовательно права каждаго на надѣлъ, и потому надѣленіе угодьями батраковъ западнаго края и дворовыхъ, съ содѣйствіемъ правительства, государственными имуществами, 2) предоставленіе мірскому устройству права развиваться безъ регламентаціи и чиновничьяго вмѣшательства, 3) сокращеніе выкупныхъ нормъ, сообразно съ справедливостью и 4) уменьшеніе крестьянскихъ платежей, за счетъ другихъ сословій».

тересы и какъ сильно связана съ ними государственная власть. И интересно отмѣтить, что, не оставляя совсѣмъ своей прежней мысли, *Колоколъ* все чаще и чаще теперь возвращается къ вопросу о конституціи въ Россіи, которую раньше—въ 50-хъ годахъ—Герценъ рѣшительно отвергалъ. «Самодержавіе дольше держаться не сможетъ,—говорится въ № 166 отъ 20 іюня 1863 г., —а другого выхода нѣтъ, какъ представительное правленіе. Другого выхода въ Россіи, какъ и въ цѣломъ человѣчествѣ, не придумаешь». Но сословныя интересы, по мнѣнію автора статьи (Огарева), у насъ непредставимы. «Въ Россіи представимы волостные, городскіе, племенные и мѣстные или областные интересы безсословно». На этомъ основаніи, двумя нумерами раньше, онъ считаетъ нужнымъ противопоставить конституцію земскому собору. «Конституція можетъ быть дана сословная. Она можетъ быть дана, какъ готовый уставъ, которому приказано повиноваться. Наоборотъ, Земскій Соборъ, какъ съѣздъ выборныхъ отъ всего земства, необходимо основанъ на безсословности выборовъ и собирается не для исполненія даннаго, приказаннаго устава, а для устройства земли русской, по потребностямъ земства, для узаконенія правъ владѣнія, выборной администраціи и суда, областного распредѣленія и учрежденія формы правительства».

Эта мысль о необходимости созыва народныхъ представителей не оставляетъ теперь *Колоколъ* до самаго конца его существованія. «Соборъ, господа, соборъ всей русской земли!»—читаемъ мы въ прибавочномъ листѣ къ первому десятилѣтію журнала отъ 1 авг. 1867 г.; при этомъ Огаревъ снова поясняетъ, что этотъ Соборъ «долженъ установить гражданскую равноправность, общинное поземельное владѣніе и артельный трудъ». Въ томъ же духѣ, хотя и болѣе сдержанно, высказывается Герценъ въ № 1 *Колокола* на французскомъ языкѣ. Здѣсь онъ выражаетъ увѣренность, что реформы должны продолжаться, ибо правительство къ просвѣщенному абсолютизму неспособно и потому неизбѣженъ «великій Земскій Соборъ», представляющій народъ безъ различія классовъ и сословій. «Какова бы ни была наша первая *конституанта*, первый *парламентъ*, у насъ будетъ свобода обсужденія и законная почва дѣятельности. Съ этими данными можно двинуться впередъ».

Какъ видно отсюда, Герценъ не раздѣлялъ, повидимому, убѣжденія Огарева, что первое же собраніе народныхъ предста-

вителей дастъ Россіи коренное преобразованіе общества на новыхъ, соціалистическихъ началахъ; для него достаточно уже, если оно дастъ только свободу обсужденія и законную почву для дѣятельности въ этомъ направленіи...

Неудивительно поэтому, что между взглядами Герцена и Бакунина обнаруживается теперь глубокая пропасть. Когда послѣдній, перейдя къ анархизму, сталъ отвергать вообще всякое участіе въ политической дѣятельности и провозгласилъ своимъ лозунгомъ разрушеніе государства, какъ такового, то Герценъ рѣшительно отказался поддержать его.

«Государство не имѣетъ собственнаго опредѣленнаго содержанія,—пишетъ онъ ему въ *третьемъ письмѣ къ старому товарищу*, относящемся къ августу 1869 г.,—оно служитъ одинаково реакціи и революціи, тому, съ чьей стороны сила... Этой государственной силой хотѣлъ воспользоваться Лассаль для введенія соціальнаго устройства. Что жъ, думалось ему, ломать мельницу, когда ея жернова могутъ молоть и нашу муку? ...Между мнѣніемъ Лассаля и проповѣдью о неминуемъ роспущеніи государства въ федерально-коммунную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія. Изъ того, что женщина беременна, никакъ не слѣдуетъ, что ей завтра слѣдуетъ родить».

Здѣсь уже намѣчается поворотъ въ другую сторону по вопросу объ оцѣнкѣ политическаго фактора, но надлежащаго развитія и обоснованія онъ во всякомъ случаѣ не получилъ—это было сдѣлано лишь значительно позже.

Если сопоставить теперь это пробужденіе интереса *Колокола* къ политикѣ съ тѣмъ фактомъ, что воззванія «Великорусса» и «Къ барскимъ крестьянамъ» носятъ также ярко выраженный политическій характеръ и что Н. Серно-Соловьевичемъ былъ разработанъ детальный проектъ конституціи, то отсюда выясняется для насъ, что въ теченіе шестидесятыхъ годовъ среди соціалистическаго теченія пробивалась довольно сильная струя, стремившая окрасить его въ политическій цвѣтъ. Усилія эти остались однако безрезультатными, и народники семидесятыхъ годовъ оставались столь же равнодушными къ мысли о томъ, чтобы взять въ свои руки нить, порванную съ разгромомъ въ 1825 г. декабристовъ, какъ и русскіе соціалисты 40—50-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи они подчинялись болѣе вліянію Бакунина и Лаврова, чѣмъ Герцена и Чернышевскаго.

Объясняется это странное на первый взглядъ обстоятельство—по всей вѣроятности—тѣмъ, что Чернышевскій былъ плохо понятъ своими послѣдователями, а авторитетъ Герцена къ концу его жизни палъ очень сильно въ глазахъ радикальной молодежи вслѣдствіе его явно скептическаго отношенія къ революціонному движенію снизу. Но корни его лежатъ несомнѣнно глубже—въ томъ, что «русскому соціализму», покоющемуся на представленіи объ *особомъ* пути развитія для Россіи, была чужда вообще идея о программѣ—минимумъ. Концепціи его гораздо болѣе соотвѣтствовала идея монархической или наоборотъ революціонной диктатуры, чѣмъ идея конституціи съ ея борьбою классовъ и партій...

Литература: *Колоколъ* за 1861–67 г.г. *Kołokol.* 1868 г. L. Kulczycki—Geschichte der russischen Revolution. Gotha B. 1. 1910. Л. Пантелѣевъ—Изъ воспоминаній прошлаго. Вып. I, 1905 г. Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ, подъ ред. Базилевскаго. М. Лемке—Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ“ 2 изд. 1908 г. (см. процессъ 32, къ біографіи А. Серно-Соловьевича и Процессъ Великорусскцевъ); его же—Дѣло М. И. Михайлова, *Былое* № 1 за 1906 г.; его же—Дѣло Н. Г. Чернышевскаго, *Былое* №№ 3, 4, 5 за 1906 г. Государственныя преступленія въ Россіи, т. I—см. процессы Каракозова и Нечаевцевъ. Д. Стасовъ—Каракозовскій процессъ. (Нѣкоторыя свѣдѣнія и воспоминанія). *Былое* № 4 за 1906 г. Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873–83 г.г. *Былое* № 7 за 1907 г. С. Сватиковъ—Студенческое движеніе 1868 г. (Бакунинъ и Нечаевъ). См. Историческій сборникъ 1907 г. Письмо Бакунина къ Таландье и Valerien—см. Письма къ Герцену и Огареву, изд. Врублевскаго 1906 г. Н. Котляревскій—Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ. *Вѣстникъ Европы* №№ 8, 10, 11 за 1910 г., №№ 6, 7, 11, 12 за 1911 г., и №№ 11, 12 за 1912 г.

ГЛАВА IV.

70-ые годы.

Послѣ растерянности и упадка, какимъ отмѣчена была послѣдняя половина 60-хъ годовъ, съ начала слѣдующаго десятилѣтія вновь поднимается волна демократическаго движенія, и эта волна выдвинула на одно изъ первыхъ мѣстъ въ качествѣ духовнаго руководителя молодежи М. А. Бакунина.

Бакунинъ началъ свою дѣятельность артиллерійскимъ офицеромъ, затѣмъ, бросивъ ее, увлекся философіей и даже готовился къ профессурѣ, но, не нашедши здѣсь удовлетворенія, сталъ революціонеромъ; изъ крайняго консервативнаго гегеліянца, оправдывавшаго подъ видомъ разумной дѣйствительности даже Николаевскую Россію, онъ превратился въ соціалиста, но, не удержавшись на этой позиціи, закончилъ анархизмомъ,—уже изъ этихъ внѣшнихъ фактовъ его біографіи какъ нельзя лучше видна его безпокойная и неустойчивая натура.

Но при всемъ томъ ошибочно было бы видѣть въ немъ человѣка безъ всякихъ принциповъ; въ немъ было нѣчто, что дѣлало изъ него въ извѣстномъ смыслѣ цѣльную натуру и въ чемъ заключался секретъ его вліянія. Въ письмѣ къ Н. А. Бееръ ,относящемся къ 1835 г. (когда ему было двадцать лѣтъ), Бакунинъ такъ опредѣлялъ свое призваніе: «я человѣкъ обстоятельствъ, и рука Божія начертала въ моемъ сердцѣ эти священныя слова, которыя обнимаютъ все мое существованіе: «онъ не будетъ жить для себя». Я хочу осуществить это прекрасное будущее, я сдѣлаюсь достоенъ его! Быть въ состояніи всѣмъ пожертвовать для этой священной цѣли—вотъ мое единственное честолюбіе. Не думайте, чтобы я ошибался, когда я сказалъ вамъ, что всякое другое счастіе для меня закрыто. Нѣтъ—это истина, которую я чувствую, которую я постигаю, въ которой я убѣдился познаніемъ собственнаго существа». И можно согласиться съ А. Корниловымъ, что во взглядѣ на свое

назначеніе Бакунинъ остался вѣренъ себѣ до конца жизни. «Несмотря на всѣ перемѣны своихъ взглядовъ этическихъ, соціальныхъ и политическихъ, несмотря на многократные случаи невыдержанности, легкомыслія, черезчуръ большой самоувѣренности и различные другіе недостатки своего характера, которые ставили его иногда въ положеніе прямо унизительное, онъ неизмѣнно сохранялъ вѣру въ свое назначеніе служить человѣчеству и жилъ не своими личными интересами, а стремленіемъ способствовать такъ или иначе совершенствованію человѣческой жизни вообще» *).

По природѣ своей Бакунинъ былъ ораторомъ и агитаторомъ, способнымъ увлекаться и увлекать другихъ—хотя и не надолго. Между тѣмъ обстоятельства времени и условія жизни сдѣлали изъ него радоначальника новаго направленія, хотя въ области теоретическаго мышленія онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Обладая умомъ быстрымъ, но не глубокимъ, онъ не имѣлъ сколько-нибудь широкаго запаса знаній, который бы регулировалъ его способность къ діалектикѣ, и потому большинство его построеній представляются сухими абстракціями, хотя и оригинальными иногда, но лишенными внутренней убѣдительности.

Первый періодъ дѣятельности Бакунина (1835—40 г.г.) носитъ строго консервативный характеръ. Выйдя въ отставку изъ военной службы, онъ примыкаетъ къ московскому кружку Станкевича и съ отъѣздомъ послѣдняго на Кавказъ и затѣмъ за-границу становится въ немъ — благодаря своимъ недюженнымъ діалектическимъ способностямъ — главнымъ истолкователемъ нѣмецкой философіи. Философскіе и общественно-политическіе взгляды Бѣлинскаго во второй половинѣ 30-хъ годовъ, о которыхъ мы говорили уже въ первой главѣ, являются отраженіемъ взглядовъ Бакунина, проповѣдывавшаго тогда Гегелевское признаніе «разумности дѣйствительности». Въ 1840 г. Бакунинъ уѣхалъ за-границу и послѣ двухълѣтняго пребыванія тамъ примыкаетъ къ крайнимъ элементамъ западно-европейскаго демократическаго движенія. Онъ перешелъ на сторону лѣваго крыла гегельянцевъ, представителемъ котораго являлись Штраусъ, Фейербахъ и бр. Бауэръ. Въ началѣ 1842 г. имъ была выпущена брошюра, полная энергичнаго протеста противъ реакціонныхъ тенденцій Шеллинга и заканчи-

*) *Русская Мысль* № 10 за 1911 г.—Семейство Бакуниныхъ.

вавшаяся горячимъ привѣтомъ «новому утру свободнаго сознанья». Вскорѣ затѣмъ Бакунинъ помѣстилъ въ журналѣ «Deütsche Jahrbücher» обширную статью «Реакція въ Германіи», написанную въ ярко демократическомъ духѣ и обратившую на него вниманіе. «Развѣ вы не читали—говорилось въ заключеніи ея — на стѣнѣ воздвигнутаго революціей храма свободы таинственныя и страшныя слова: Свобода, Равенство, Братство, и развѣ вы не знаете и не чувствуете, что эти слова означаютъ полное уничтоженіе существующаго политическаго и соціальнаго міра?» Но не страшиться нужно, а стремиться къ этому, ибо на развалинахъ стараго возникаетъ новый лучшій міръ. Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust— духъ разрушенія есть творческій духъ!..

Перебравшись потомъ въ Парижъ, онъ довольно близко сошелся съ Марксомъ и коммунистами, хотя при встрѣчѣ съ Руге «не только отрицалъ это , но даже заявилъ свое твердое убѣжденіе, что революція наступитъ только политическая, а никакъ не соціальная,—вѣдь коммунизмъ просто на просто есть логическая невозможность». 29 ноября 1847 г. Бакунинъ произнесъ рѣчь на банкетѣ въ годовщину польскаго возстанія 1830 г., въ которой указывалъ на возможность примиренія поляковъ и русскихъ въ общей революціи противъ деспотизма Николая I,—революціи, которую онъ считалъ близкой. Въ заключеніи же указывалось, что такое русско-польское примиреніе будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ освобожденія и всѣхъ остальныхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ иностраннымъ игомъ. За эту рѣчь, по просьбѣ русскаго посла, Бакунинъ былъ высланъ изъ Франціи и вернулся въ Парижъ послѣ переворота. Здѣсь онъ—по словамъ Герцена—«съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдовалъ, все проповѣдовалъ, комунизмъ et égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ барикадъ, дѣлавшій «порядокъ изъ безпорядка», Косидьеръ не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника... Quel homme! Quel homme! говорилъ онъ о Бакунинѣ: «въ первый день революціи это просто кладъ, а на другой день его надобно разстрѣлять»...

Бакунинъ принималъ участіе въ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ лѣтомъ 1848 г., а затѣмъ въ Дрезденскомъ возстаніи, былъ схваченъ и переданъ австрійскимъ властямъ, которые въ свою очередь выдали его русскому правительству. Какъ видно отсюда, этотъ періодъ его жизни богатъ событіями, но для выясненія его міросозерцанія онъ даетъ мало, ибо о приведеніи своихъ взглядовъ въ систему Бакунинъ мало заботился. Какъ сообщаетъ М. П. Драгомановъ, за семь лѣтъ своего пребыванія за-границей, съ 1840 до конца 1847 г., Бакунинъ «едва написалъ съ пятокъ газетныхъ статей и, отбившись отъ литературнаго труда, къ которому онъ было приставъ въ 1836—39 г.г., попалъ совершенно въ положеніе деклассированнаго, безпрофессіональнаго человѣка. Онъ сталъ родоначальникомъ тѣхъ русскихъ людей, которые въ политическихъ процессахъ въ 70—80-ые годы на вопросъ: чѣмъ занимаетесь?— отвѣчали: «революціонными дѣлами», и внѣ этихъ дѣлъ дѣйствительно ничѣмъ не способны были заниматься».

Періодъ продолжительнаго сидѣнія затѣмъ въ австрійскихъ и русскихъ казематахъ—съ 1849 по 1859 г.—подорвалъ здоровье Бакунина, но мало отразился на его внутреннемъ мірѣ, и, встрѣтившись со своимъ другомъ послѣ бѣгства его изъ Сибири, Герценъ не нашелъ въ немъ большой перемѣны. «Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 г., онъ сберегъ и привезъ ихъ черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 г. во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ лучшія статьи «Reforme» и «Vrai République», рѣзкія рѣчи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи, все было на лицо. ...Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra и рвался, довѣрчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу»...

Но если темпераментъ и основной складъ характера Бакунина мало измѣнились и въ послѣдующее время, то въ его воззрѣніяхъ именно за шестидесятые годы произошелъ переломъ. Въ началѣ этого десятилѣтія онъ еще почти не отличается отъ того направленія, которое было представлено Герценомъ и Огаревымъ, къ концу же его онъ уже расходится съ «русскимъ соціализмомъ» и превращается въ анархиста. Къ выясненію этой эволюціи мы и переходимъ теперь.

Извѣщая своихъ друзей о побѣгѣ изъ Сибири, Бакунинъ начинаетъ программное изложеніе своихъ взглядовъ*) выраженіемъ готовности «положить вмѣстѣ съ ними всю остальную жизнь за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всѣхъ славянъ». Для достиженія этой цѣли необходимо «крѣпко между собою соединиться, дабы образовать народную партію», проникнутую стремленіемъ бороться за «*пришествіе народнаго царства*. Мы любимъ только народъ, вѣримъ только въ народъ и хотимъ только того, чего хочетъ народъ. Но что нужно народу? Повторяю съ *Колоколомъ:* «Земля и Воля»... не часть земли, но *вся русская земля*... съ выкупомъ или безъ выкупа—все равно. Народу нужна свобода, но не выкроенная по узкой мѣркѣ нашихъ доктринеровъ ученыхъ и бюрократовъ. Ему нужна вся свобода и прежде всего безъизъятная и безконтрольная *свобода движенія*... такъ какъ въ русскомъ мірѣ останутся только два сословія: горожанинъ и селянинъ,—даже не сословія, а только различія не окаменѣлыя, какъ на Западѣ, но переливающіяся другъ въ друга... Ему нужна полная и безграничная свобода вѣры и слова, свобода торговли и промысла и, наконецъ, свобода собираться публично для политическихъ и неполитическихъ цѣлей. Однимъ словомъ, ему нужны всѣ свободы, всѣ разновидныя проявленія одной свободы. А для того, чтобы свобода стала для него дѣйствительностью, ему нужно *самоуправленіе*, устройство котораго дай Богъ, чтобы произошло не по повелѣнію диктатора и не по рѣшенію верховнаго парламента, точно никогда не выражающаго волю народную; не сверху книзу, какъ это дѣлалось по сію пору въ Европѣ, но органически, снизу вверхъ, черезъ вольное соглашеніе самостоятельныхъ обществъ въ одно цѣлое, начиная отъ общины,—соціальной и политической единицы, краеугольнаго камня всего русскаго міра,—до областного, государственнаго, пожалуй, до федеральнаго общеславянскаго управленія»...

Еще болѣе характерно другое произведеніе Бакунина — «Народное дѣло. . . . . Пугачевъ или Пестель?, вышедшее въ томъ же 1862 г. «19 февраля 1861 г., несмотря на всѣ

*) См. статью «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», напечатанную въ качествѣ приложенія при Колоколѣ отъ 15 февраля 1862 г.

промахи, недостатки, уродливыя противорѣчія и не менѣе безобразныя тѣсноты указа объ освобожденіи крестьянъ, Александръ II былъ самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ, который когда-либо царствовалъ въ Россіи. ...Онъ могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельнѣйшую революцію, *не проливъ капли крови*. Онъ можетъ еще и теперь: если мы отчаиваемся въ мирномъ исходѣ, такъ это не потому, чтобы было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконецъ, въ способности Александра Николаевича понять единственный путь, на которомъ онъ можетъ спасти себя и Россію. Остановить движеніе народа, пробудившагося послѣ тысячелѣтняго сна, невозможно. Но еслибъ царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самого движенія, тогда бы его могуществу на добро и на славу Россіи не было бы мѣры. На этомъ пути опасности нѣтъ никакой, успѣхъ вѣрный. Народу нужна земля,—отдайте ему всю землю. А чтобъ не разорять собственниковъ *мнимымъ* выкупомъ, пусть выкупается она не крестьянами, а цѣлымъ государствомъ. Народу нужна воля, полная воля движенія, занятій... Такъ дайте ему эту волю, избавьте его изъ опеки правительственной, которая его всегда угнетала да разоряла, избавьте его отъ чиновниковъ, которыхъ онъ ненавидитъ наравнѣ съ дворянами. Дайте ему полное самоуправленіе общинное, волостное, областное и государственное. Народу ненавистны сословія, созданныя вашими прадѣдами для притѣсненія народа; такъ уничтожьте эти сословія, которыя сами теперь готовы отказаться отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, отчасти потому, что преимущества эти стали ничтожны, отчасти по благородному побужденію, отчасти же отъ страха. Пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взросшемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также, что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутренне-законодательная, юридическая, а не политическая. И ни въ одной странѣ, исключая можетъ быть Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи. ...Единство земли русской, находившее доселѣ свое выраженіе только въ царѣ, требуетъ

теперь еще другого представительства: *Всенароднаго Земскаго Собора*». Далѣе доказывается полная неосновательность опасенія, что этотъ Соборъ будетъ враждебенъ царю и послужитъ началомъ революціи. Вѣдь теперь народъ за царя и противъ дворянства, какъ и вообще противъ всего, что носитъ нѣмецкое платье. Кто же станетъ ему говорить противъ царя? А если бы кто и сталъ говорить, развѣ народъ ему повѣритъ? Не царь ли освободилъ крестьянъ противъ воли дворянъ и чиновничества. Разочаровать народъ, потрясти его вѣру въ царя можетъ только самъ царь, и въ 1863 г. быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если онъ не рѣшится созвать всенародную Земскую Думу.

«Какъ ни горько сознаться въ этомъ, но я думаю, что для будущаго успѣха самого революціоннаго дѣла мы должны громко высказать то убѣжденіе, что до сихъ поръ вліяніе нашей партіи на народъ было близко къ нулю. Революціонная пропаганда еще не нашла къ нему доступа и не умѣла потрясти его ...вѣры въ царя. Никогда еще не чувствовался такъ сильно разрывъ, существующій между народомъ и нами, и никто изъ насъ не перешелъ черезъ пропасть, отдѣляющую насъ отъ него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но онъ насъ не знаетъ и пошелъ бы безъ сомнѣнья противъ насъ за царя, потому что и его онъ также не знаетъ... Итакъ, если вы хотите встрѣтиться съ народомъ свободнымъ отъ нашихъ вліяній, созывайте его теперь. Ну, а если пропустите время, то пожалуй наша передовая молодежь, наша надежда и наша сила, пробьетъ себѣ, наконецъ, дорогу къ народу и черезъ роковую пропасть подастъ ему руку. Вина будетъ ваша».

Авторъ не сомнѣвается также, что «западныя абстракціи, консервативныя ли, либерально-буржуазныя или даже демократическія, къ нашему русскому движенію не примѣнимы», ибо оно развивается при условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ совершались подобныя движенія на Западѣ». «И первое изъ условій—то, что оно не есть главнымъ образомъ движеніе образованной и привилегированной части Россіи. Таковымъ было оно во времена декабристовъ. Теперь главную роль въ немъ будетъ играть народъ. ...Мы вѣримъ въ его будущность, надѣясь, что свободный отъ закоренѣлыхъ и на Западѣ въ законъ обратившихся предразсудковъ религіозныхъ, юридическихъ и соціальныхъ, онъ въ исторію внесетъ новыя начала и создастъ цивилизацію иную: и новую вѣру, и новое право, и

новую жизнь». Что же дѣлать теперь народной или революціонной партіи? Программа внутреннихъ преобразованій, кромѣ созыва Земскаго Собора, можетъ быть формулирована въ трехъ пунктахъ:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобы не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

2. Введеніе самоуправленія народнаго—общиннаго, волостного, уѣзднаго, областного и наконецъ государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобъ не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольной областной федераціей.

3. Чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распоряжаться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

Въ заключеніе вновь говорится, что «мы охотнѣе всего пошли бы за Романовымъ, если бы Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій еще его признаетъ и что сила его создана, готова на дѣло и могла бы сдѣлаться непобѣдимою силою, если бы онъ далъ ей только крещеніе народное. Мы еще потому пошли бы за нимъ, что онъ *одинъ* могъ совершить и окончить великую мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови. Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все таки онѣ зло, великое зло и большое несчастіе, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской».

Если не обращать вниманія на отдѣльныя выраженія, о точности которыхъ Бакунинъ вообще мало заботился, и не выходить за предѣлы выводовъ, дѣлаемыхъ самимъ авторомъ, то изъ приведенныхъ двухъ программныхъ статей, къ которымъ можно еще присоединить упомянутую выше рѣчь на банкетѣ въ Стокгольмѣ въ 1863 г., видно, что въ воззрѣніяхъ Бакунина еще не было тогда того, что создало ему впослѣдствіи репута-

цію «свирѣпаго» или, по собственному выраженію, безпардоннаго анархиста. Онъ хвалитъ русскій народъ за его государственный смыслъ, подчеркиваетъ, что требуемая имъ областная автономія имѣетъ внутренне-законодательный, а не политическій характеръ и не угрожаетъ цѣлости и единству государства, готовъ признать царскую власть подъ условіемъ созыва Земскаго Собора и, наконецъ, самъ вмѣстѣ съ Огаревымъ редактировалъ адресъ о введеніи въ Россіи конституціи,—однимъ словомъ, былъ еще вполнѣ государственникомъ. Точно также и въ другихъ отношеніяхъ Бакунинъ очень близко подходилъ ко взглядамъ Герцена,—вѣрилъ въ общину, въ особый путь развитія для Россіи, въ возможность для самодержавія стать во главѣ народнаго дѣла и т. п., и цѣлый рядъ его мыслей и даже выраженій представляетъ собою какъ бы повтореніе статей *Колокола*. Но затѣмъ, на протяженіи всего нѣсколькихъ лѣтъ, уже вступая въ шестой десятокъ своей жизни, Бакунинъ поворачиваетъ на новый путь. Однако при знакомствѣ съ его произведеніями послѣдняго періода рѣзкой разницы какъ будто бы не замѣчаешь, и это впечатлѣніе объясняется несомнѣнно тѣмъ, что новыми являются собственно только выводы, а посылки, матеріалы для нихъ, выраженія и общій размашистый характеръ разсужденій, вмѣстѣ съ привычкой не столько доказывать, сколько декретировать — все это было еще въ прежнихъ его произведеніяхъ. Такъ какъ нашей задачей является — прослѣдить развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи, то подробное изложеніе взглядовъ Бакунина за этотъ послѣдній періодъ выходитъ за предѣлы нашей работы, ибо относится уже къ исторіи международнаго анархизма, но съ главнѣйшими положеніями намъ все же нужно познакомиться, для того чтобы лучше понять различныя теченія соціалистической мысли въ Россіи за періодъ семидесятыхъ годовъ.

Въ 1864 г. Бакунинъ основываетъ во Флоренціи «Союзъ соціальной демократіи», а въ слѣдующемъ году—подобное же *братство* въ Неаполѣ, и программы этихъ организацій объявляютъ уже непримиримую войну государству, какъ таковому, во всѣхъ его проявленіяхъ—юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ, провозглашаютъ атеизмъ и совершенное отрицаніе всякаго авторитета и власти.

«Революція такая, какъ мы ее понимаемъ, носитъ характеръ главнымъ образомъ интернаціональный или всемірный.

...Никакая національная революція не можетъ достичь успѣха, если она тотчасъ не распространится на всѣ другія націи, но она никогда не можетъ перейти границы одной страны и принять такой всемірный характеръ, если только она не будетъ носить въ себѣ самой всѣхъ элементовъ этой всемірности, т. е. если она не будетъ открыто соціалистической, разрушающей Государство и творящей свободу посредствомъ равенства и справедливости... Политическія бойни никогда не убивали партій; онѣ оказывались особенно безсильными противъ привилегированныхъ сословій, такъ какъ сила заключается гораздо менѣе въ людяхъ, чѣмъ въ положеніи, которое даетъ людямъ строй вещей, т. е. *учрежденіе государства* и его послѣдствіе, а также его естественное основаніе—личная собственность.

Чтобы произвесть радикальную революцію, надо напасть на положенія и вещи, уничтожить собственность и государство, тогда не будетъ надобности истреблять людей и осуждать себя на непремѣнную и неизбѣжную реакцію, которую всегда производила и будетъ производить рѣзня людей въ каждомъ обществѣ.

Но чтобы имѣть право быть гуманнымъ къ людямъ, безъ опасности для революціи, надо быть безжалостнымъ къ положеніямъ и вещамъ; надо все уничтожить и въ особенности и прежде всего собственность и ея неизбѣжное послѣдствіе—Государство. Вотъ весь секретъ революціи. Нечего удивляться Якобинцамъ, Бланкистамъ, которые стали соціалистами скорѣе по необходимости, чѣмъ по убѣжденію, и для которыхъ соціализмъ есть средство, а не цѣль революціи, въ томъ, что они хотятъ диктатуры, т. е. централизаціи государства, а государство ихъ приведетъ по логической и неизбѣжной необходимости къ возстановленію собственности; очень естественно—говоримъ мы—что, не желая сдѣлать радикальной революціи противъ вещей, они мечтаютъ о кровавой революціи противъ людей. Но эта кровавая революція, основанная на созданіи революціоннаго государства сильно централизованнаго, имѣла бы неизбѣжнымъ результатомъ военную диктатуру съ новымъ господствомъ. Итакъ торжество Якобинцевъ и Бланкистовъ было бы смертью для революціи.

Мы естественные враги этихъ революціонеровъ — будущихъ доктринеровъ, регламентаторовъ и опекуновъ революціи, которые еще раньше уничтоженія монархическихъ, ари-

стократическихъ и буржуазныхъ государствъ мечтаютъ уже о созданіи новыхъ революціонныхъ государствъ, такъ же централизованныхъ и болѣе деспотическихъ, чѣмъ существующія теперь... Революція, такая какъ мы ее понимаемъ, должна въ первый же день уничтожить радикально и окончательно Государство и государственныя учрежденія.

Естественными и необходимыми послѣдствіями этого разрушенія будетъ: а) банкротство Государства; в) прекращеніе уплаты частныхъ долговъ при вмѣшательствѣ государства, предоставляя каждому должнику право платить свои долги, если онъ хочетъ; с) прекращеніе платы всякихъ податей и взиманія всякихъ налоговъ, прямыхъ или косвенныхъ; d) распущеніе арміи, магистратуры, бюрократіи, полиціи и священниковъ; е) упраздненіе оффиціальнаго правосудія, отмѣненіе всего, что юридически называется правомъ, а также дѣйствія этихъ правъ. Слѣдовательно, упраздненіе и сожженіе всѣхъ документовъ на собственность, актовъ наслѣдства, купчихъ, дарственныхъ, всѣхъ процессовъ—однимъ словомъ, всего бумажнаго хлама юридическаго и гражданскаго. Вездѣ и во всемъ революціонное дѣйствіе вмѣсто права, созданнаго и гарантированнаго Государствомъ; е) конфискація всѣхъ производительныхъ капиталовъ и орудій труда въ пользу рабочихъ ассоціацій, которыя должны пользоваться ими коллективно; д) конфискація всѣхъ церковныхъ имуществъ, а также и драгоцѣнныхъ металловъ у частныхъ лицъ, въ пользу федеративнаго Союза всѣхъ рабочихъ ассоціацій — Союза, который составитъ Коммуну. Взамѣнъ конфискованныхъ имуществъ Коммуна даетъ все необходимое лицамъ, лишеннымъ такимъ образомъ всего, которые потомъ могутъ пріобрѣсть больше своимъ собственнымъ трудомъ, если смогутъ и если захотятъ... Мы понимаемъ революцію въ смыслѣ разнузданія того, что теперь называютъ дурными страстями, и разрушенія того, что на томъ же языкѣ называется «общественнымъ порядкомъ».

Мы не боимся, мы призываемъ анархію, убѣжденные, что изъ этой анархіи, т. е. полнаго выраженія разнузданной народной жизни, должна выйти свобода, равенство, справедливость, новый порядокъ и самая сила революціи противъ реакціи. Эта новая жизнь—народная революція—безъ сомнѣнія не замедлитъ организоваться, но она создастъ свою революціонную организацію снизу вверхъ, отъ окружности къ центру—сообразно

съ принципомъ свободъ, а не сверху внизъ, не отъ центра къ окружности, по способу всякой власти—такъ какъ для насъ мало имѣетъ значенія, какъ называется эта власть: Церковь, Монархія, конституціонное Государство, буржуазная Республика или даже революціонная диктатура. Мы ихъ ненавидимъ и ствергаемъ всѣхъ одинаково — какъ непремѣнные источники эксплоатаціи и деспотизма.

...Такъ какъ революція должна вездѣ дѣлаться народомъ и верховное управленіе его должно всегда оставаться въ рукахъ народа, организованнаго въ свободную федерацію земледѣльческихъ ассоціацій, то новое и революціонное государство, образуясь снизу вверхъ путемъ революціонной делегаціи и обнимая всѣ возставшія страны во имя одинаковыхъ принциповъ, помимо старыхъ границъ и національныхъ различій, будетъ имѣть въ виду администрацію общественныхъ службъ, а не управленіе народами. Оно составитъ *новое отечество, Союзъ всемірной революціи...*»*).

Эти строки, взятыя изъ программъ «интернаціональнаго соціалистическаго союза» и «организаціи интернаціональныхъ братьевъ», достаточно ярко характеризуютъ взгляды Бакунина. Какъ формулировалъ одинъ изъ позднѣйшихъ его послѣдователей, «анархія уничтожаетъ всякую власть, небесную и земную, начиная съ Бога и кончая послѣднимъ полицейскимъ агентомъ». Придя къ заключенію, что корень зла лежитъ въ государствѣ и что единственнымъ средствомъ спасенія можетъ служить только уничтоженіе послѣдняго, Бакунинъ измѣняетъ соотвѣтственно и свое отношеніе къ вопросамъ русской жизни. «Вашъ настоящій путь,—пишетъ онъ въ письмѣ къ Герцену и Огареву отъ 19 іюля 1866 г.,—мнѣ сталъ непонятенъ, полемизировать съ вами мнѣ не хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни цѣли, ни пользы,—вижу въ нихъ напротивъ тотъ вредъ, что они могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще и въ особенности отъ всероссійскаго государства и отъ представляющаго его правительства можно ожидать еще чего-нибудь добраго для народа. ...Вы утверждаете, что правитель-

*) М. А. Бакунинъ—Рѣчи и воззванія. Изд. Балашова 1906 г. 217, 220—225 стр.

ство—такъ, какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса «по плюсу и по минусу» (*Колоколъ* 15 дек. 1865 г.), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. ...Ты говоришь ...объ «императорѣ, который, отрекаясь отъ Петровщины, совмѣститъ въ себѣ, можетъ быть, царя и Стеньку Разина». Герценъ, вѣдь это нелѣпость и я не понимаю, право, какъ она могла образоваться въ твоей головѣ, вырваться изъ нея и лечь подъ твое перо!..» Онъ вспоминаетъ, что и самъ не такъ давно говорилъ тоже самое въ брошюрѣ «Народное дѣло», но объясняетъ это тѣмъ, что «то было время нелѣпыхъ надеждъ... Мы всѣ говорили, писали въ виду возможности земскаго собора... и дѣлали, я по крайней мѣрѣ, уступки не по содержанію, а по формѣ, чтобы только не помѣшать, въ сущности невозможному, созванію земскаго собора. Каюсь и вполнѣ сознаю, что никогда не слѣдовало отступать ни содержаніемъ, ни формою отъ опредѣленной и ясной соціально-революціонной программы» *). Но не только мысль объ «императорѣ — Стенькѣ Разинѣ» кажется теперь смѣшной Бакунину; онъ становится равнодушнымъ и къ созванію защищавшагося имъ прежде Земскаго Собора, ибо теперь уже для него стушевываются всѣ различія между формами правленія и всѣ онѣ одинаково отвергаются. «Государство-это насиліе, притѣсненіе, эксплоатація, несправедливость, возведенныя въ систему и сдѣлавшіяся краеугольнымъ камнемъ существованія всякаго общества,—говоритъ онъ въ четвертой рѣчи на конгрессѣ Лиги мира и свободы въ 1868 г. Государство никогда не имѣло и не можетъ имѣть нравственности. ...Невозможно заставить государства измѣнить свою природу, ибо въ силу именно этой природы они—государства и, отказываясь отъ нея, они перестаютъ существовать. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть хорошаго, справедливаго и нравственнаго государства.

Всѣ они дурны въ томъ смыслѣ, что по природѣ своей, т. е. по условіямъ цѣли своего существованія, составляютъ діаметральную противоположность человѣческой справедливости, свободы и нравственности. И въ этомъ отношеніи, что бы ни говорили, нѣтъ большой разницы между дикой всероссій-

*) Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Изд Врублевскаго 1906 г. 279, 281—283 стр.

ской имперіей и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы... Добродѣтельнымъ государствомъ можетъ быть только государство безсильное, да и оно преступно въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ»*). Въ виду этого Бакунинъ отвергаетъ всякое участіе въ политической дѣятельности—парламентскую работу, политическую организацію массъ и т. п. § 2 правилъ интернаціональныхъ братьевъ гласитъ, что они «считаютъ реакціоннымъ всякое политическое движеніе, не имѣющее прямой и непосредственной цѣлью торжество ихъ принциповъ», а § 4 устава Alliance de la démocratie socialiste осуждаетъ «всякое политическое дѣйствіе, которое не будетъ имѣть непосредственною прямою цѣлью торжество рабочаго дѣла надъ капиталомъ»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разочаровывается и въ общинѣ и впервые—въ противовѣсъ тогдашнимъ увлеченіямъ—выступаетъ противъ нея съ рѣзкой критикой.

«Вы все готовы простить государству,—пишетъ онъ въ цитированномъ уже выше письмѣ къ Герцену и Огареву,—пожалуй готовы поддерживать его, если не прямо—было бы слишкомъ стыдно—такъ косвенно, лишь бы оно оставило неприкосновеннымъ ваше мистическое святая святыхъ: великорусскую общину, отъ которой *мистически*, не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово,—да, съ мистической вѣрой и теоретической страстью вы ждете спасенья не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. А кстати скажите, отчего вы, уединенные гордецы никѣмъ не понятой и не принятой теоріи о таинственномъ свѣтѣ и мощи, скрывающихся въ глубинѣ русской общины, не соблаговолили отвѣчать серьезно и ясно на серьезный упрекъ, сдѣланный вамъ вашимъ пріятелемъ: «Вы выбиваетесь изъ силъ, пишетъ вамъ этотъ другъ... вы воображаете, что развитіе пойдетъ мирнымъ путемъ, а оно *мирнымъ путемъ не пойдетъ;* пожалуй, вы еще надѣетесь въ этотъ несчастный одиннадцатый часъ на правительство, а оно можетъ дѣлать только вредъ; вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю». Почему не разовьете вы въ своемъ *Колоколѣ* этого важнаго, рѣшительнаго для вашей теоріи вопроса: почему эта община, отъ ко-

*) Рѣчи и воззванія, 206—207 стр.

торой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіе 10 вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго печальнаго или гнуснаго рабства? Безобразное приниженіе женщины, абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести и апатическая, равнодушная готовность отдать ее, службы цѣлаго міра ради, подъ перваго чиновника, подъ перваго офицера. Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальнаго деспотизма и патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной иниціативы... и жестокая злостная безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному или небогатому члену; его систематическая, злорадостная, жестокая притѣснительность въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ появляются притязанія на малѣйшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки—вотъ, во всецѣлости ея настоящаго характера, великорусская крестьянская община. ...«Земля наша, а мы государевы»—съ этимъ понятіемъ, друзья мои, русскій народъ уйдетъ не далеко. Да и въ самомъ дѣлѣ, всѣ преимущества, находимыя вами въ великорусской общинѣ, существовали издавна, а до сихъ поръ ничего не выработали изъ себя кромѣ рабства, да гнили, да еще отрицанія всего государственнаго устройства, московско-петровскаго міра въ расколѣ, въ казачествѣ, да въ крестьянскомъ бунтѣ.—Община наша не имѣла даже и внутренняго развитія, она теперь та же, что и тому назадъ пятьсотъ лѣтъ, а если въ ней, благодаря напору государственности, стало замѣтно подобіе внутренняго процесса, такъ это процессы разложенія,—всякій мужикъ побогаче, да посильнѣе другихъ стремится теперь всѣми силами вырваться изъ общины, которая его тѣснитъ и душитъ. Откуда же эта неподвижность и непроизводительность русской общины? Оттого ли, что въ ней самой нѣтъ началъ развитія и движенія? Да, пожалуй, и такъ. Въ ней нѣтъ свободы, а безъ свободы, вѣстимо, никакое общественное движеніе немыслимо. Что же мѣшаетъ пробужденію свободы? Государство...—Я не менѣе васъ рѣшительный соціалистъ, но именно потому, что я соціалистъ, я рѣшительно не допускаю совмѣстимости соціальнаго преуспѣянія Россіи и развитія тѣхъ зародышей, которые вотъ ужъ скоро тысячу лѣтъ дѣйствительно таятся въ нѣдрахъ русскаго крестьянскаго об-

щества, съ дальнѣйшимъ существованіемъ всероссійскаго государства, и я думаю, что первая обязанность насъ, русскихъ изгнанцевъ, принужденныхъ жить и дѣйствовать за границей,— это провозглашать *громко необходимость разрушенія имперіи.* Это должно быть первымъ словомъ нашей программы». Въ другомъ письмѣ, отъ 8 окт. 1865 г., Бакунинъ высказывается въ томъ же самомъ духѣ. «Нашихъ друзей губятъ, а черная русская изба, заключающая, по вашимъ словамъ, разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, спитъ, какъ спала, мертвая и безплодная въ продолженіе вѣковъ, потому что давитъ ее государство—и будетъ спать она тѣмъ же глупымъ сномъ и не сдѣлаетъ ни шагу впередъ русскій соціальный вопросъ, пока будетъ существовать это государство. А если будутъ шаги, такъ въ сторону или назадъ—отнюдь не впередъ» *).

Сообразно съ этимъ измѣняется и отношеніе автора къ народу. «Мы любимъ только народъ, вѣримъ только въ народъ»,— писалъ онъ въ извѣстной уже намъ первой программной статьѣ. Теперь же оказывается, что не весь народъ, а лишь нѣкоторые, именно—проникнутые противо-государственнымъ и противообщественнымъ духомъ элементы послѣдняго возбуждаютъ его особенную симпатію и вѣру. Отмѣчая въ своей книжкѣ «Государственность и анархія» три черты, затемняющія народныя массы: 1) патріархальность, 2) поглощеніе лица міромъ, 3) вѣру въ царя, онъ прибавляетъ: «есть въ русскомъ народѣ лица, смѣющія итти противъ міра: это разбойникъ. Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи,—первые революціонеры Россіи, Пугачевъ и Стенька Разинъ, были разбойники» **).—«Міръ рабочихъ,—читаемъ мы въ письмѣ Бакунина къ Герцену отъ 28 окт. 1869 г.,—это единственный міръ, въ который я вѣрю на Западѣ, точно такъ же какъ у насъ—въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной фаланги ***), сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежащихъ революціи, которыхъ ты до сихъ поръ еще мнѣ простить не можешь». И какъ

*) Письма къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Стр. 268.

**) Государственность и Анархія. 1873 г. Пр. А, 10, 15.

***) Цифра въ сорокъ тысячъ объясняется тѣмъ, что Бакунинъ заносилъ въ революціонную армію оптомъ *всѣхъ* учащихся въ гимназіяхъ, семинаріяхъ и университетахъ.

въ Россіи изъ мужицкаго міра авторъ съ особенной любовью останавливаетъ свой взглядъ на разбойникѣ, а изъ интеллигенціи—на «безпардонныхъ» юношахъ, такъ и въ рабочемъ классѣ Запада его надежду возбуждаютъ не наиболѣе организованные или сознательные элементы, а наоборотъ—тѣ, которые носятъ названіе Lumpen-proletariat'a. Въ одномъ изъ писемъ объ Италіи онъ пишетъ въ 1872 г.—«Италія съ Испаніей есть, можетъ быть, самая революціонная страна», а въ «Государственности и Анархіи» развиваетъ эту мысль болѣе подробно. «Да, можетъ быть, нигдѣ такъ не близка соціальная революція, какъ въ Италіи... Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже отчасти привилегированнаго, благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ. Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ г.г. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ Германіи, отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ и совершенно напрасно, потому что въ немъ и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается весь умъ и вся сила будущей соціальной революціи».

Такое пренебреженіе къ вопросамъ организаціи и развитія самосознанія, которымъ соціалъ-демократія дѣйствительно придаетъ огромное значеніе, стоитъ у Бакунина несомнѣнно въ тѣсной связи съ вѣрой въ близкую гибель буржуазнаго міра и съ убѣжденіемъ въ томъ, что въ настоящее время единственно допустимой является лишь дѣятельность, носящая непосредственно-практическій, разрушительный характеръ. «Какъ ни огромно значеніе науки въ послѣ-революціонномъ будущемъ для народа, въ настоящее время, т. е. до той революціи, которая должна поставить его на ноги и дать ему возможность учиться, она рѣшительно для него не имѣетъ ни малѣйшаго смысла». Признавая, что задача революціонера состоитъ въ уничтоженіи народнаго невѣжества, которое «можетъ быть побѣждено *окончательно* только наукой», онъ былъ убѣжденъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нужно прежде совершить соціальную революцію, которая бы освободила народъ. «Не будемъ обманывать и скажемъ, что

при бѣдности нашихъ средствъ и при громадности правительственнаго противодѣйствія, мы путемъ школъ никогда не добьемся до положительныхъ результатовъ. Путь освобожденія народа посредствомъ науки для насъ загражденъ; намъ остается, поэтому, только одинъ путь, путь революціи».

Итакъ, молодые друзья, бросайте скорѣе этотъ міръ, обреченный на гибель, эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. Ступайте въ народъ! Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. ...Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель. Наука же новая и живая несомнѣнно народится потомъ, послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа»*).

Съ конца шестидесятыхъ годовъ Бакунинъ пріобрѣтаетъ большое вліяніе на умы демократической молодежи, и это вліяніе онъ сохранялъ до самой смерти въ 1876 г., поддерживая то направленіе, которое получило названіе *бунтарей*. Какъ мы уже видѣли, въ брошюрѣ «Народное дѣло», вышедшей въ 1862 г., авторъ доказывалъ, что русскій народъ проникнутъ безграничной вѣрой въ царя и что вліяніе революціонной партіи на него почти равно нулю. Теперь, сдѣлавшись анархистомъ, онъ приходитъ безъ колебанія къ противоположному выводу. «Съ такимъ народомъ, соціалистомъ по инстинкту и революціонеромъ по природѣ, и съ такой молодежью, стремящейся по принципамъ и, что еще важнѣе, по самому своему положенію къ уничтоженію существующаго порядка вещей—революція въ Россіи несомнѣнна»,—такъ говорилъ Бакунинъ въ рѣчи на конгрессѣ Лиги мира и свободы въ 1868, и обоснованію этого положенія отводится не мало мѣста въ его позднѣйшей книжкѣ «Государственность и Анархія».

«Народная жизнь, народное развитіе, народный прогрессъ принадлежатъ исключительно самому народу. Этотъ прогрессъ совершается, конечно, не путемъ книжнаго образованія, а путемъ естественнаго наростанія опыта и мысли, передаваемаго изъ рода въ родъ, необходимымъ образомъ расширяющагося,

*) См. *Народное Дѣло* № 1 за 1868 г., «Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи» 1869 г. и «Наука и насущное революціонное дѣло» 1870 г.

углубляющагося по содержанію, усовершенствующагося и облекающагося въ свои формы, разумѣется, чрезвычайно медленно, путемъ безконечнаго ряда тяжелыхъ и горькихъ историческихъ испытаній, доведшихъ наконецъ въ наше время народныя массы, можно сказать, всѣхъ странъ до сознанія, что имъ отъ привилегированныхъ классовъ и отъ нынѣшнихъ государствъ, вообще отъ политическихъ переворотовъ ждать нечего и что онѣ могутъ освободиться только собственнымъ усиліемъ своимъ, посредствомъ соціальной революціи».—«Существуетъ ли такой идеалъ въ представленіи народа русскаго?», спрашиваетъ затѣмъ авторъ и отвѣчаетъ утвердительно. «Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ и нѣтъ даже необходимости слишкомъ далеко углубляться въ историческое сознаніе нашего народа, чтобы опредѣлить его главныя черты. Первая и главная черта, это—всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля, принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственнымъ трудомъ. Вторая, столь же крупная черта—что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами. Третья черта, одинаковой важности съ двумя предыдущими, это — quasi—абсолютная автономія, общинное самоуправленіе и, вслѣдствіе того, рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству.

Вотъ три главныя черты, которыя лежатъ въ основаніи русскаго народнаго идеала. По существу своему, онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ идеалу, вырабатывающемуся за послѣднее время въ сознаніи пролетаріата латинскихъ странъ, несравненно ближе нынѣ стоящихъ къ соціальной революціи, чѣмъ страны германскія». Не трудно видѣть, что здѣсь авторъ вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, ибо въ цитированномъ уже выше письмѣ отъ 19 іюля 1866 г. онъ указываетъ Герцену, что если строго разобрать понятіе народа о правѣ каждаго крестьянина на землю, то оно «отнюдь не утверждаетъ права всего народа на всю землю и чуть ли не заключаетъ въ себѣ другого весьма печальнаго понятія, присваивающаго всю землю государству и государю—мнѣ ли объяснять вамъ, какая огромная разница между этими двумя положеніями:

Земля принадлежитъ народу,
Земля принадлежитъ государю?»

Но Бакунинъ теперь ужъ не замѣчаетъ этого и спѣшитъ отвѣтить на вопросъ, почему же, если вышеуказанный идеалъ дѣйствительно существуетъ въ сознаніи огромнаго большинства русскаго народа, онъ не воплощается въ дѣйствительность. Объясняется это, по его мнѣнію, тѣмъ, что указанныя три положительныхъ черты затемняются равнымъ имъ числомъ отрицательныхъ; таковы: 1) патріархальность, 2) поглощеніе лица міромъ и 3) вѣра въ царя... Противъ этихъ-то отрицательныхъ сторонъ народнаго идеала и должны повести борьбу русскіе революціонеры, тѣмъ болѣе, что и самъ народъ уже подмѣтилъ ихъ и борется съ ними. Бакунинъ не показываетъ, какіе же собственно новые факторы общественной жизни способны ослабить эти затемняющія черты и обезпечить торжество положительнымъ; между тѣмъ это было бы въ высшей степени важно для него, ибо по его же признанію *до* настоящаго времени русская община за пятьсотъ или тысячу лѣтъ своего существованія ничего изъ себя не выработала кромѣ «рабства да гнили»... Но авторъ обходитъ этотъ вопросъ и, нисколько не смущаясь этимъ, съ полной вѣрой въ успѣхъ призываетъ молодежь къ разрушенію государства и соціальной революціи. Единственно раціональный путь—это «боевой, бунтовской. Въ него мы вѣримъ и только отъ него ждемъ спасенія. Народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается въ помощи. Онъ находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню. Но, хотя и всякій бунтъ, какъ бы неудаченъ онъ ни былъ, всегда полезенъ, однако частныхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ громадныя движенія народныя подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Эти движенія доказываютъ намъ, что въ сознаніи нашего народа живетъ дѣйствительно идеалъ, къ осуществленію котораго онъ стремится, а изъ неудачъ ихъ мы заключаемъ, что въ этомъ идеалѣ есть существенные недостатки, которые мѣстами и мѣшаютъ успѣху». Таковы—патріархальность, деспотизмъ міра, въ особенности же замкнутость общинъ, уединеніе и разъединеніе мѣстныхъ крестьянскихъ міровъ. Связать эти села, волости и области между собою по общему плану и съ единою дѣлью всенароднаго освобожденія, воспитать себя и народъ не только къ сопротивленію, но и къ смѣлому нападенію—вотъ въ чемъ заключается задача революціонной молодежи. Какъ видно отсюда, Бакунинъ стоитъ за

массовыя дѣйствія и не призываетъ къ анархическимъ покушеніямъ, къ той пропагандѣ дѣйствіемъ (propagande par le fait), которую проповѣдовали его позднѣйшіе европейскіе послѣдователи. «Революціи никогда не дѣлались ни личностями, ни даже тайными обществами,—читаемъ мы въ программѣ организаціи интернаціональныхъ братьевъ. Онѣ подготовляется долго въ глубинѣ инстинктивной совѣсти народныхъ массъ, потомъ онѣ взрываютъ, часто вызванныя повидимому ничтожными причинами. Все, что можетъ сдѣлать хорошо организованное тайное общество, это—сначала помочь зарожденію революціи, распространяя въ массахъ идеи, соотвѣтствующія инстинктамъ массъ, и организовать—не армію (арміей долженъ быть всегда народъ), а нѣчто въ родѣ революціоннаго главнаго штаба, состоящаго изъ преданныхъ, энергичныхъ, интеллигентныхъ личностей..., способныхъ служить посредниками между революціонной идеей и народными инстинктами».

Въ много разъ уже цитированномъ нами письмѣ къ Герцену онъ высказываетъ свое неодобреніе поступку Каракозова: «я такъ же, какъ и ты, не ожидаю ни малѣйшей пользы отъ цареубійства въ Россіи, готовъ даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая въ пользу царя временную реакцію»... Однако и по этому вопросу взгляды Бакунина не отличаются устойчивостью, и въ его произведеніяхъ, относящихся къ 1869—70 г.г., когда онъ подпалъ подъ вліяніе Нечаева, можно замѣтить значительныя отступленія отъ только, что высказанныхъ положеній. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна его прокламація подъ заглавіемъ «Начало революціи», эпиграфомъ къ которой взято слѣдующее энергичное изреченіе Гиппократа: Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat.*

Мы понимаемъ революцію—говорится здѣсь—какъ переворотъ радикальный, какъ замѣну всѣхъ безъ исключеній формъ современной Европейской жизни другими, новыми, совершенно противоположными. Если всѣ существующія формы дурны, то совершенно новыя могутъ произойти только тогда, когда отъ разрушенія не уцѣлѣетъ ни одна изъ нихъ, т. е. совер-

*) «Гдѣ не помогаютъ лекарства, лечи желѣзомъ; гдѣ желѣзо не помогаетъ, лечи огнемъ».

шенно новыя формы жизни могутъ произойти только изъ совершенной аморфности. Въ противномъ случаѣ, т. е. если убережется нѣсколько, хотя бы только одна старая форма—значитъ, уцѣлѣетъ зародышъ прежнихъ формъ, который опять пышно разрастется, и измѣненіе будетъ только кажущееся, временное, а жертвы и кровь, цѣною которыхъ куплено измѣненіе, будутъ потрачены даромъ. Такой, т. е. *настоящей* революціи еще не было до сихъ поръ ни у кого изъ народовъ... «Поколѣнія, предшествующія перевороту, заключаютъ въ средѣ своей личностей, не могущихъ удерживать страсти разрушенія до наступленія всеобщей борьбы, быстро отыскивающихъ враговъ и не задумывающихся надъ ихъ уничтоженіемъ. Сперва какъ бы исключительныя событія, называемыя современниками поступками фанатизма или изступленія, они должны чаще и чаще повторяться въ разныхъ формахъ, перейти потомъ какъ бы въ повальную страсть молодежи и, наконецъ, во всеобщее возстаніе. Это естественный путь... Истребленія высокопоставленныхъ лицъ, въ которыхъ воплощаются правительственныя формы или формы экономическаго разложенія, должны начаться съ единичныхъ дѣяній. Далѣе эта работа будетъ облегчаться, по мѣрѣ того какъ будетъ увеличиваться паника того слоя общества, что обреченъ на погибель. Дѣла, иниціативу которыхъ положилъ Каракозовъ, Березовскій и пр., должны перейти, постоянно учащаясь и увеличиваясь, въ дѣяніе коллективныхъ массъ, въ родѣ дѣяній товарищей Шиллерова Карла Моора, съ исключеніемъ только того идеализма, который мѣшалъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, и съ замѣной его суровой, холодной, безпощадной послѣдовательностью.—...Итальянскіе мужики начали настоящую революцію; онѣ жгутъ всѣ бумаги—если овладѣютъ городомъ! Такое истребленіе должно быть вездѣ. Мы говоримъ: полное разрушеніе несовмѣстимо съ созиданіемъ и потому должно быть исключительно, абсолютно едино. Данное поколѣніе должно *начать* настоящую революцію, *начать* полное измѣненіе всѣхъ условій общественной жизни, т. е. данное поколѣніе должно разрушить все существующее сплеча, безъ разбора, съ единымъ соображеніемъ «скорѣй и больше». ...Не признавая другой какой-либо дѣятельности, кромѣ дѣла истребленія, мы соглашаемся, что формы, въ которыхъ должна проявляться эта дѣятельность, могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Ядъ, ножъ, петля и т. п.!

Революція все равно освящаетъ въ этой борьбѣ. Итакъ, поле открыто....Это назовутъ терроризмомъ! этому дадутъ громкую кличку! Пусть, намъ все равно. ...Пусть же всѣ здоровыя молодыя головы принимаются немедленно за *святое дѣло* истребленія зла, очищенія и просвѣщенія Русской Земли огнемъ и мечомъ, братски соединяясь съ тѣми, которые будутъ дѣлать тоже въ цѣлой Европѣ». Въ другомъ воззваніи «постановка революціоннаго вопроса», относящемся къ тому же времени, авторъ доказываетъ, что «кто не понимаетъ разбоя, тотъ ничего не пойметъ въ русской народной исторіи. ...Тотъ принадлежитъ къ лагерю враговъ — государственниковъ. ...Прекращеніе разбоя означало бы или окончательную смерть народа или полнѣйшее освобожденіе его.

Разбойникъ въ Россіи настоящій и единственный революціонеръ... Въ тяжелые промежутки, когда весь крестьянскій рабочій міръ спитъ, кажется, сномъ непробуднымъ, задавленный всей тяжестью Государства, лѣсной разбойничій міръ продолжаетъ свою отчаянную борьбу и борется до тѣхъ поръ, пока русскія села опять не проснутся. А когда оба бунта, разбойничій и крестьянскій, сливаются—порождается народная революція. ...Разбойники въ лѣсахъ, въ городахъ, въ деревняхъ, разбросанные по цѣлой Россіи, и разбойники, заключенные въ безчисленныхъ острогахъ имперій, составляютъ одинъ нераздѣльный, крѣпко связанный міръ — міръ русской революціи. Въ немъ, и въ немъ только одномъ, существуетъ издавна настоящая революціонная конспирація. Кто хочетъ конспирировать не на шутку въ Россіи. кто хочетъ революціи народной, тотъ долженъ итти въ этотъ міръ...»*).

Не трудно замѣтить, что оба эти произведенія и по содержанію, и по языку, и по тону очень близко подходятъ къ тому революціонному «катехизису», который фигурировалъ въ Нечаевскомъ процессѣ. Но однимъ вліяніемъ Нечаева, конечно, ихъ объяснить нельзя. Какъ говорилъ самъ Бакунинъ, «ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего въ немъ уже не существуетъ не только въ зародышѣ, но даже въ нѣкоторой степени развитія», и если мало извѣстный, молодой человѣкъ такъ легко и быстро могъ подчинить себя уже посѣдѣвшаго ветерана революціи, то это произошло только потому, что въ

*) Рѣчи и воззванія. 245—251 и 239—241 стр.

міросозерцаніи послѣдняго уже заключались подходящіе элементы и не только въ зародышѣ, но даже въ высокой степени развитія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Бакунинъ вездѣ говоритъ именемъ народа и про народъ, но въ сущности все, что говорится отъ лица послѣдняго, просто декретируется ему, навязывается сверху, не подвергаясь провѣрки снизу... Правда, онъ много говоритъ объ организаціи, но это не тѣ широкія, массовыя организаціи, въ которыхъ дѣйствительно могли бы вырабатываться и проявляться, если не народный идеалъ, то во всякомъ случаѣ классовое самосознаніе. Политическую борьбу и политическія партіи онъ отвергалъ. Намъ неизвѣстно его отношеніе къ стачечному движенію и къ профессіональнымъ союзамъ, но насколько можно судить по общему духу—оно должно быть не менѣе отрицательно. Идеалъ Бакунина—тайное общество заговорщиковъ. Такъ, въ составленномъ имъ уставѣ *тайной и всемірной Ассоціаціи интернаціональныхъ братьевъ* указывается, что число лицъ, входящихъ въ нее, «не должно быть конечно громаднымъ. Для интернаціональной организаціи во всей Европѣ достаточно ста революціонеровъ, сильно и серьезно сплоченныхъ. Двухъ-трехъ сотенъ революціонеровъ будетъ достаточно для организаціи большой страны». Незначительность числа должна искупаться качествомъ: для того чтобы быть членомъ ассоціаціи кромѣ ума, энергіи, честности и скромности требуется еще обладать революціонной страстью или *носить чорта въ тѣлѣ* (avoir le diable au corps)!—Много ли, дѣйствительно, найдется такихъ...

Въ обращеніи «къ офицерамъ русской арміи» Бакунинъ, рекомендуя новую тайную организацію, сообщаетъ, что она сильна кромѣ дисциплины и преданности своихъ членовъ еще «своимъ пассивнымъ повиновеніемъ всѣмъ распоряженіямъ *единственнаго комитета*, который все знаетъ и котораго никто не знаетъ. ...Каждый новый членъ свободно вступаетъ въ нашу организацію ,зная напередъ, что разъ онъ принялъ въ ней участіе, то онъ принадлежитъ всецѣло ей, а не себѣ. *Вступленіе въ организацію свободно, но выходъ изъ нея невозможенъ*, потому что всякій членъ, вышедшій въ отставку, безъ сомнѣнія поставилъ бы въ опасность самое существованіе организаціи... Слѣдовательно, кто хочетъ участвовать въ ней, тотъ долженъ знать заранѣе, что онъ весь отдается ей, со всѣми силами, средствами, знаніями и жизнью, а *это безповоротно*...

Только эта дисциплина способна устроить дѣйствительную организацію и создать коллективную революціонную силу, которая, опираясь на стихійное могущество народа, будетъ въ состояніи побѣдить грозную силу государственной организаціи».

И даже разочаровавшись въ Нечаевщинѣ, Бакунинъ все еще продолжалъ строить планы, состоявшіе въ томъ, чтобы «организовать заговоръ изъ смѣлыхъ людей, которые въ опредѣленный срокъ должны были собраться въ извѣстное мѣсто съ тѣмъ, чтобы начать вооруженное возстаніе»*).

Такимъ образомъ, бакунинская тактика по существу своему была чисто заговорщической, гдѣ все покоится на отдѣльныхъ личностяхъ, «носящихъ въ себѣ чорта», и если его послѣдователи въ Россіи за разсматриваемое время назывались все же бунтарями—народниками, а не анархистами, то объясненіе этому нужно искать какъ въ предшествующихъ традиціяхъ, такъ и въ томъ, что демократическая молодежь того времени подвергалась сильному воздѣйствіе еще и съ другой стороны. А самое главное—индивидуалистическій характеръ указанной тактики нѣкоторое время затушевывался тѣмъ, что между заговорщиками и народными массами предполагалась полная солидарность и единство взглядовъ. Когда же при столкновеніи съ дѣйствительностью оказалось, что повсемѣстная подготовленность народа къ бунту, вмѣстѣ со многими другими свойствами, приписанными ему Бакунинымъ, есть миѳъ, то народники—бунтари не замедлили превратиться въ якобинцевъ-террористовъ, а на мѣсто послѣднихъ въ наше время явились уже и анархисты чистѣйшей воды...

Перейдемъ теперь къ руководителю другого направленія—П. Л. Лаврову.

Подобно Герцену, Огареву, Петрашевскому, Бакунину и др. онъ происходилъ изъ дворянской помѣщичьей семьи; отецъ его былъ личнымъ другомъ Аракчеева и отличался религіозностью. Поступивъ въ 1837 г. четырнадцатилѣтнимъ мальчи-

*) Дебагорій—Мокріевичъ. Воспоминанія. 1903 г. 32 стр.—Впрочемъ послѣ ряда неудачъ, постигшихъ его въ послѣдніе годы—исключеніе изъ Интернаціонала, упадокъ основанныхъ имъ тайныхъ обществъ, трагикомическій финалъ подготовлявшагося возстанія въ Болоньи—онъ какъ будто бы сталъ колебаться въ своей вѣрѣ, и въ письмѣ къ Огареву отъ 11 ноября 1874 г. у него срывается между прочимъ фраза, что «новое дѣло требуетъ новаго метода»...

комъ въ Артиллерійское училище, П. Л. очень скоро познакомился тамъ съ политическими и соціальными идеями и заинтересовался ими. Онъ съ увлеченіемъ читалъ «Исторію французской революціи» Тьера, познакомился съ книгой Отта, принадлежавшаго къ школѣ католическаго соціализма Бюше, а затѣмъ перешелъ и къ другимъ произведеніямъ французскихъ соціалистовъ первой половины XIX вѣка. Они привлекали его однако не столько соціально-экономическими построеніями, сколько своей психологической и моральной стороной. «Реабилитація плоти» сенъ-симонистовъ, игра различныхъ страстей въ фаланстеріяхъ Фурье, теорія личнаго достоинства и «справедливости» у Прудона,—все это интересовало Лаврова гораздо болѣе, чѣмъ планы этихъ мыслителей касательно коренного переустройства матеріальныхъ отношеній между людьми. ...Какъ бы то ни было, уже въ это время нѣсколько неопредѣленные соціалистическіе идеалы были симпатичны Петру Лавровичу, но онъ лишь не видѣлъ, на что опереться для ихъ осуществленія въ тогдашнемъ обществѣ, задавленномъ желѣзной пятой Николая, а потому рѣшилъ прежде всего работать для науки и справедливости и распространять ихъ кругомъ себя». Медленная подготовка умовъ—вотъ лучшее средство къ приближенію ожидаемаго переворота. Когда во время волненій начала 60-хъ годовъ депутація офицеровъ Артиллер. Академіи пришла просить его совѣта, слѣдуетъ ли имъ участвовать въ готовившейся уличной демонстраціи, онъ положительно отсовѣтовалъ имъ это, прибавивъ, что если минута придетъ, когда подобную демонстрацію онъ сочтетъ нужной, онъ не только скажетъ имъ это, но самъ поѣдетъ вмѣстѣ съ ними *).

На литературное поприще въ собственномъ смыслѣ слова Лавровъ выступилъ съ середины 50-хъ годовъ, хотя и раньше писалъ спеціальныя статьи по математикѣ, не считая стихотвореній. Въ свѣтлый періодъ пробужденія русскаго общества отъ долгой и тягостной спячки онъ—по словамъ Русанова—«съ лучшими людьми того времени раздѣлялъ либерально-политическія убѣжденія, видѣлъ въ конституціи необходимое условіе для развитія Россіи», и этотъ свободолюбивый духъ, воодушевлявшій его, нашелъ себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ стихотвореній,

*) Н. Русановъ. Соціалисты Запада и Россіи, 1908 г.—Очеркъ жизни и дѣятельности Лаврова, 209—216 стр. и П. Л. Лавровъ о себѣ самомъ—*Вѣстникъ Европы* № 11 за 1910 г.

написанныхъ въ послѣдніе годы Николая и въ началѣ царствованія Александра II—таковы «Пророчество», «Къ русскому царю», «Русскому народу» и др.

Не вѣченъ будетъ сонъ, настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
И выростетъ тогда общественное мнѣнье...
Признаетъ русскій царь народныя права,
Къ гражданскимъ доблестямъ воскреснутъ поколѣнья,
Свободно потекутъ и мысли, и слова...

Страннымъ образомъ Русановъ не замѣчаетъ, что далеко не всѣ «лучшіе люди» того времени видѣли въ конституціи главное условіе для развитія Россіи. Какъ мы уже указывали выше, русскіе соціалисты 40-хъ и 50-хъ годовъ рѣзко отгораживали себя отъ либераловъ именно тѣмъ, что на первый планъ выдвигали элементъ соціальный и экономическій—въ ущербъ политическому. И можетъ быть, увлеченіе конституціей было одной изъ причинъ, почему Лавровъ долженъ былъ оставаться въ сторонѣ отъ того кружка, который задавалъ тонъ тогдашней радикальной интеллигенціи и сосредоточивался около редакціи *Современника,*—ибо его считали слишкомъ умѣреннымъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить также то обстоятельство, что впослѣдствіи—въ 70-хъ годахъ, когда Лавровъ занялъ руководящее мѣсто среди народнической интеллигенціи, онъ самъ уже значительно охладѣлъ къ «либерально-политическимъ» стремленіямъ, какъ это случилось раньше со многими изъ русскихъ соціалистовъ...Но во всякомъ случаѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что и въ разсматриваемое время Лавровъ сохранялъ прежнія симпатіи и интересъ къ соціалистическимъ идеямъ. Его статьи о критически мыслящей личности, вышедшія въ 1860 г. отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «Очерки вопросовъ практической философіи», были посвящены А. Г. и Н. П., т. е. Герцену и Прудону. Нѣкоторыя связи у него существовали, повидимому, также съ организаціей «Земля и Воля». Вскорѣ послѣ Каракозовскаго выстрѣла у Лаврова былъ произведенъ обыскъ, а затѣмъ 25 апрѣля 1866 г. онъ былъ арестованъ. Собственно прямыхъ уликъ противъ него не имѣлось, но это не помѣшало предать его военному суду, который призналъ его виновнымъ въ сочиненіи четырехъ стихотвореній, гдѣ выражалось неуваженіе къ Николаю I и Александру II, въ сочувствіи и близости къ людямъ, извѣстнымъ правительству своимъ пре-

слушнымъ направленіемъ» (т. е. Чернышевскому, Михайлову и др.), въ проведеніи вредныхъ идей путемъ печати и т. п. Въ результатѣ онъ былъ уволенъ со службы (онъ былъ преподавателемъ въ Артиллерійской Академіи и др. военно-учебныхъ заведеніяхъ) и сосланъ въ одну изъ внутреннихъ губерній подъ надзоръ полиціи. Здѣсь Лавровымъ были написаны «Историческія письма», печатавшіяся сначала въ журналѣ *Недѣля*, а затѣмъ вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ. Эта книга создала извѣстность автору среди молодежи, на которую она произвела огромное впечатлѣніе тѣмъ, что ставила въ центрѣ историческаго процесса критически-мыслящую личность и требовала отъ нея, во имя долга передъ народомъ, на плечахъ котораго она была вынесена изъ мрака къ свѣту, оправданія своему привилегированному положенію—въ видѣ полезной общественной дѣятельности. «Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости»,—вотъ формула прогресса, которую даетъ Лавровъ, и задача исторіи, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы «показать, какъ критическая мысль личностей перерабатывала культуру обществъ, стремясь внести въ цивилизацію ихъ болѣе истины и справедливости». Только подобною работою, направленной на то, чтобы уменьшить зло въ настоящемъ и будущемъ, интеллигентъ снимаетъ съ себя отвѣтственность за ту кровавую цѣну, которою было куплено его развитіе...*).

Совершенно неожиданно для автора «Историческія письма», которыхъ Михайловскій не хотѣлъ даже помѣщать въ журналѣ въ виду ихъ сухости, стали какъ бы евангеліемъ для передовой интеллигенціи, на которомъ воспитывалось цѣлое поколѣніе. «Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики—сообщаетъ Русановъ—не разставались съ небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой въ концѣ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовьемъ. И на нее падали при чтеніи ночью наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватывавшаго насъ безумной надеждой жить для благородной идеи и умереть за нихъ... Одно время мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки изъ человѣка «мыслящаго реалиста! Мы готовились всѣ

*) Историческія письма 1870 г. 30, 63, 242 стр.

стать такими «мыслящими реалистами», которые желают жить во имя своего «развитого эгоизма», низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью свободную и счастливую жизнь, какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ. И вдругъ небольшая книжка говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся; что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь; что есть другіе важные человѣческіе вопросы: есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть наконецъ народъ, голодающій, замученный трудомъ народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на себѣ зданіе цивилизаціи и, который только и позволяетъ намъ заниматься и лягушками, и всякими другими науками; есть наконецъ нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, передъ великой арміей трудящихся»*).

Весною 1870 г. Лавровъ бѣжалъ изъ Вологды и эмигрировалъ за-границу, гдѣ и прожилъ тридцать лѣтъ, до самой своей смерти (1900 г.). Здѣсь онъ имѣлъ возможность ближе изучить рабочее движеніе, принималъ участіе въ Интернаціоналѣ, познакомился съ ученіемъ Маркса, а затѣмъ и съ нимъ самимъ, и это окончательно опредѣлило его судьбу: «изъ политическаго радикала, лишь сочувствующаго великимъ идеямъ соціализма, Лавровъ самъ становится убѣжденнымъ соціалистомъ-революціонеромъ, видящимъ въ рабочемъ классѣ самаго крупнаго двигателя прогресса и строителя будущаго коммунистическаго общества».

Раньше онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ возможности гармоніи интересовъ личности господствующаго класса и интересовъ большинства подчиненнаго класса; допускалъ это даже по отношенію къ личности, руководящейся только разсчетомъ собственной пользы, а не развитіемъ нравственныхъ убѣжденій. Это допущеніе было—по его собственному признанію—одной изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ, которая оставила слѣды во многихъ его произведеніяхъ и отъ которой теперь ему пришлось отречься. Знакомство съ Марксомъ и дѣятельностью Интернаціонала убѣдило Лаврова, во первыхъ, въ существованіи реальной почвы для соціальнаго переворота, а во вторыхъ—въ существованіи непримиримой борьбы классовыхъ интересовъ, возвыситься надъ которыми лица, принадлежащія къ господствующему классу, могутъ лишь силою своего нравственнаго развитія.

*) См. l. c. 227—228 стр.

Нужно замѣтить однако, что хотя Лавровъ охотно признавалъ себя ученикомъ Маркса, отсюда вовсе еще не слѣдуетъ заключать, будто его дальнѣйшая литературная дѣятельность является сколько-нибудь выдержаннымъ развитіемъ принциповъ творца «Капитала» и вдохновителя международнаго соціалъ-демократическаго движенія. Въ этомъ отношеніи можно согласиться съ Русановымъ, что марксизмъ былъ сравнительно слабо «переработанъ и внутренно ассимилированъ авторомъ «Историческихъ писемъ». Лавровъ самъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ «доказать, что марксизмъ и лавризмъ—едино суть. Но когда безпристрастно вдумаешься въ эти попытки, то приходится заключить, что онѣ лишь формально или, пожалуй, психологически, т. е. удовлетворяющимъ только самого автора образомъ, разрѣшаютъ трудную задачу примиренія» (ibid, 240—241 стр.). И не случайностью, конечно, является тотъ фактъ, что его жизнь и дѣятельность за-границей была связана именно съ народническимъ направленіемъ нашего соціалистическаго движенія. Его нельзя назвать ни ортодоксальнымъ народникомъ, ни ортодоксальнымъ марксистомъ; онъ былъ, такъ сказать, народникомъ въ марксизмѣ или марксистомъ въ народничествѣ...

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ группа лицъ, сочувствующихъ соціалистическимъ идеямъ, обратились къ нему съ предложеніемъ издавать за-границей журналъ, и такимъ образомъ неожиданно для себя онъ скоро оказался во главѣ руководящаго органа русской демократической мысли, именно *Впередъ*, который выходилъ въ теченіе 1873—1877 г.г. и послѣ *Колокола* занялъ второе мѣсто въ рядахъ революціонной журналистики, какъ по продолжительности существованія, такъ и по своему вліянію. Каковы же были соціально-политическія воззрѣнія этого новаго органа?

Послѣдователи Лаврова въ 70-хъ годахъ нерѣдко назывались марксистами. Тунъ въ своей «Исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи» и Л. Шишко въ дополненіяхъ къ ней считаютъ, что *Впередъ* дѣйствительно популяризировалъ главнѣйшія идеи К. Маркса. Точно также г. Ивановъ-Разумникъ въ «Исторіи русской общественной мысли» полагаетъ, что «лавристы во многомъ были предтечами соціалъ-демократовъ»... Между тѣмъ самъ Лавровъ наоборотъ склоненъ думать, что онъ стоялъ ближе... къ Бакунину и что ихъ раздѣляли только вопросы тактики. Близость точекъ зрѣнія обѣихъ фракцій, по его сло-

вамъ, была такова, что очень многія изъ передовыхъ статей *Впередъ* «могли бы быть одинаково удобно приписаны, какъ той, такъ и другой»*). Въ дѣйствительности однако позиція, занятая Лавровымъ, является болѣе сложной и запутанной, въ виду ея эклектическаго характера.

«Соціальный вопросъ для насъ вопросъ первостепенный. Вопросъ политическій для насъ подчиненъ вопросу экономическому»,—такъ говорится въ программѣ новаго органа, и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ примыкалъ къ традиціямъ утопическаго соціализма предшествующихъ десятилѣтій съ Герценомъ во главѣ. Но въ то время какъ *Колоколъ*, питавшійся иллюзіями сотрудничества съ властью, объявлялъ себя органомъ соціальнаго развитія Россіи, *Впередъ* съ самаго начала выставилъ знамя соціальной революціи, и въ этомъ сказался конечно фактъ нарожденія въ Россіи революціонныхъ элементовъ, которыхъ еще не было въ періодъ дѣятельности Герцена. Вопросъ о возможности для Россіи избѣгнуть капиталистической стадіи разрѣшается отрицательно, и это не только не считается теперь несчастіемъ, но наоборотъ—въ этомъ усматривается залогъ успѣха соціальной революціи. «Въ Россіи условія капиталистическаго строя наступили съ освобожденіемъ крестьянства и съ нарѣзкой ему надѣловъ, которые недостаточны для обезпеченія его существованія при увеличившихся налогахъ... Что касается до другихъ условій развитія этого строя въ формѣ компанейскихъ ассоціацій капиталовъ для эксплоатаціи въ обширныхъ размѣрахъ, для подавленія и поглощенія небольшихъ капиталовъ; въ формѣ биржевыхъ спекуляцій, банковаго имущества и т. п.—то Россія Александра II такъ же скоро и удобно переняла эти «продукты высшей цивилизаціи» отъ Европы, какъ Россія Петра I и его ближайшихъ наслѣдниковъ переняла у той же Европы бюрократическія формы, а Россія Екатерины II—шитые кафтаны и французскую рѣчь періода «просвѣтителей» и масоновъ...—Итакъ, въ Россіи пышно и быстро разростается капиталистическій строй со всѣми своими послѣдствіями.—Соціальный переворотъ самъ собою подготовляется у насъ, какъ во всемъ «цивилизованномъ» мірѣ, самыми успѣхами капиталистическаго строя. Но въ Россіи, какъ во всемъ «цивилизованномъ» мірѣ, убѣжденные соціалисты должны употребить всѣ

*) Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ. 1907 г. См. 60 и 275—276 стр.

свои усилія, чтобы этотъ переворотъ совершился при наименьшихъ страданіяхъ народа и съ наибольшими шансами быстраго установленія того именно порядка, который заключаетъ наибольшее число элементовъ, составляющихъ сущность рабочаго соціализма». Какіе же это элементы?—Съ одной стороны, русскій народъ съ его традиціями, съ другой—интеллигентная молодежь съ ея идейными стремленіями. Упомянутыя же традиціи заключаются въ «живой общественной единицѣ мелкой поземельной общины и въ живой общественной единицѣ подвижной рабочей артели»; благодаря имъ нашъ народъ является вполнѣ «подготовленнымъ къ развитію соціалистическаго общежитія». Ближайшая задача убѣжденнаго соціалиста въ Россіи—содѣйствовать организаціи революціонныхъ силъ для разрушенія настоящаго, основаннаго на конкуренціи порядка и для установленія новаго, въ которомъ могли бы осуществиться начала рабочаго соціализма, а именно—начала солидарности, коллективизма, федеральной свободы и отрицанія монополіи... *). «Я не буду останавливаться на томъ—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ (№ 43)—что необходимость соціальной революціи для Россіи, какъ для всего міра, есть результатъ исторически неизбѣжнаго развитія капиталистическаго хозяйства, буржуазнаго общественнаго строя», ибо это—«общій выводъ науки» и т. д.

Но если развитіе капиталистическаго, буржуазнаго строя является исторической неизбѣжностью для Россіи, то какъ это должно отразиться на земледѣльческой общинѣ?—Въ № 21 *Впередъ* была помѣщена корреспонденція изъ Полтавы, гдѣ указанный вопросъ разрѣшался въ смыслѣ неизбѣжности пролетаризаціи болѣе или менѣе значительной части крестьянства. «Экономическій законъ, что частная поземельная собственность, сосредоточенная въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ извѣстный періодъ экономическаго развитія имѣетъ тенденцію раздробиться на болѣе мелкіе участки, но затѣмъ при усиленіи капиталистической формы производства (посредствомъ наемнаго труда) эта измельченная собственность, а также участки средней величины стремятся сосредоточиться въ болѣе крупныя владѣнія—этотъ законъ всѣми экономистами признанъ и теоретически доказанъ. ...Этотъ законъ проявляется и у насъ.

*) *Впередъ* (двухнедѣльный) № 27 отъ 1876 г.—«Почва для соціальной революціи въ Россіи».

всюду, гдѣ общинное хозяйство не ставитъ нѣкоторыхъ препятствій слишкомъ очевидному проявленію общаго экономическаго закона...»

Но преобладающимъ во *Впередъ* былъ взглядъ, который проводился также и редакціей, что община можетъ избѣгнуть разложенія и непосредственно перейти въ высшую, соціалистическую форму. Объявляя себя органомъ научнаго и въ то же время *рабочаго* соціализма, ибо двигателя современной соціальной борьбы онъ видѣлъ лишь въ рабочемъ классѣ, *Впередъ* однако считалъ такимъ классомъ въ Россіи не фабричный пролетаріатъ, а сельское населеніе, народъ съ существующими въ немъ традиціями общинной и артельной солидарности.

«Для русскаго спеціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ. Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русской общественной жизни, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота—вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству» *).

Въ отличіе отъ рабочаго соціалистическаго движенія въ странахъ нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ, скандинавскихъ и романскихъ языковъ ,которое опирается на фабричный пролетаріатъ,—«въ славянскихъ земляхъ, особенно въ Россіи, сельское населеніе имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, и потому организація соціально-революціоннаго союза должна сообразоваться съ этой особенностью... Въ Россіи дѣло соціально-революціоннаго союза заключается въ организаціи связи между сельскимъ населеніемъ, одинаково страждущимъ въ разныхъ частяхъ Россіи, но лишеннымъ солидарности» **).

*) *Впередъ* т. 1, 11 стр.

**) *Впередъ* т. IV, 190 стр.

«*Наша соціальная революція должна выйти не изъ городовъ, а изъ селъ*. Наша буржуазія поземельныхъ собственниковъ, торговцевъ и промышленниковъ не имѣетъ политической традиціи, не сплочена въ своей эксплоатаціи народа, сама страждетъ отъ притѣсненій администраціи и не развила въ себѣ исторической силы» *).

Будучи проникнутъ убѣжденіемъ, что коренной соціальный переворотъ «есть неизбѣжный исходъ теперешняго положенія дѣлъ», *Впередъ* естественно мало придавалъ значенія борьбѣ за политическую свободу и въ оцѣнкѣ разныхъ формъ государственнаго устройства почти цѣликомъ раздѣлялъ анархическіе взгляды Бакунина. «Государства *такъ, какъ они существуютъ*, враждебны рабочему движенію и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю, гдѣ самая широкая свобода личности не будетъ препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперації для общей цѣли... Всѣ политическія учрежденія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до сихъ поръ и существуютъ теперь, суть не что иное, какъ организація, создаваемая эксплоатируемыми классами общества для существующихъ соціальныхъ отношеній, т. е. сохраненія возможности эксплоатировать и грабить народныя массы... Для *современнаго* соціалиста не «безразличны формы правленія и государственное устройство», но... онъ, во имя своихъ соціалистическихъ идей, стремится разрушить всякую форму правленія и всякое государственное устройство, несогласное съ соціальными убѣжденіями; а съ ними несогласно ни одно изъ существующихъ государственныхъ устройствъ...

Въ полномъ соотвѣтствіи со взглядами Бакунина и традиціями утопическаго соціализма 50-хъ и 60-хъ годовъ «Наша программа» заявляетъ далѣе, что «всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими распредѣленіями съ другими центрами и другими законами— все это намъ *враждебно* въ своемъ основномъ строѣ и *индифферентно* для насъ въ своемъ проявленіи...

*) *Впередъ* т. II, 52 стр.

Въ русской конституціонной партіи по европейскому образцу мы видимъ вообще своихъ прямыхъ враговъ, съ которыми намъ придется бороться при первой возможности серьезнаго столкновенія партій въ Россіи. Уже теперь мы будемъ постоянно противупоставлять ихъ программѣ на нашихъ страницахъ тѣ положенія, которыя мы считаемъ единственно раціональными для лучшей будущности русскаго народа и которыя концентрируются въ одной политической задачѣ: подчиненіе интересамъ крестьянства интересовъ всѣхъ прочихъ сословій; автономная *свѣтская община*, какъ основной элементъ русскаго государственнаго и общественнаго строя. Мы ожидаемъ, чтобы русскіе конституціоналисты поставили *эту* задачу во главѣ своей политической программы».

«Если кто изъ нашихъ легалистовъ-реформаторовъ искрененъ, тотъ убѣдится, что у ихъ партіи нѣтъ будущаго; что она при первомъ серьезномъ столкновеніи съ абсолютизмомъ должна разбиться, и никто, рѣшительно никто ее не поддержитъ».

Основаніемъ для этой безучастности или даже враждебности къ борьбѣ за политическую свободу служитъ предположеніе, что послѣдняя укрѣпитъ положеніе лишь господствующихъ классовъ, т. е. враговъ народа.

Политическую революцію Лавровъ считалъ полезной для Россіи лишь въ тѣсной связи съ переворотомъ соціальнымъ, какъ революцію, опирающуюся на широкое народное движеніе. Политическій же переворотъ, чуждый экономическихъ задачъ, онъ считалъ вреднымъ, какъ образующій почву для такой же классовой эксплоатаціи народа, которая имѣетъ мѣсто на Западѣ подъ формою либеральныхъ учрежденій.

Либералы вздыхаютъ—говорится въ № 27—о конституціи, которая «дала бы спекуляторамъ еще болѣе широкую возможность развить продукты капиталистическаго хозяйства, еще безцеремоннѣе сдѣлать изъ всѣхъ государственныхъ силъ свое оружіе, изъ всѣхъ органовъ прессы свои органы, т. е. быстро подвинуть капиталистическій строй на нѣсколько шаговъ впередъ въ его развитіи. Соціалисты видятъ въ этихъ явленіяхъ лишь фатальный процессъ, который можетъ измѣниться только однимъ путемъ: самое развитіе капиталистическаго строя должно вызвать и подготовить переворотъ, который унесетъ этотъ строй».

Одинъ изъ русскихъ конституціоналистовъ прислалъ въ редакцію письмо, въ которомъ спрашивалъ, «не необходимо ли, что касается Россіи, прежде всего добиваться чего-либо подобнаго хотя германской конституціи, дающей возможность рабочимъ объединяться и итти впередъ при свѣтѣ науки».

И вотъ по этому поводу въ № 21 *Впередъ* былъ напечатанъ отвѣтъ, въ которомъ отрицательное отношеніе къ борьбѣ за конституцію мотивировалось между прочимъ слѣдующимъ образомъ. «Русское самодержавіе невыносимо и ненавистно всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые извлекаютъ личныя выгоды изъ настоящаго порядка вещей. Но массѣ народа невыносимо не *только* оно, а въ еще большей степени экономическій порядокъ, имъ охраняемый и поддерживаемый. Для конституціоналистовъ тяжелѣе первое, такъ какъ большинство ихъ пользуются вторымъ. Намъ, соціалистамъ-революціонерамъ, приходится одновременно стремиться къ разрушенію и политическаго, и экономическаго строя въ нынѣшней Россіи..., приходится и всѣми силами противодѣйствовать той партіи, которая увѣряетъ, будто избавившись отъ императорскаго самодержавія народъ русскій поправитъ свое положеніе»...

Однако и въ этомъ отношеніи *Впередъ* не выдерживаетъ своей позиціи, и въ немъ можно встрѣтить зачатки другого, противоположнаго взгляда. Такъ, высказывая свое безусловно отрицательное отношеніе къ государству, Лавровъ подчеркиваетъ, что онъ говоритъ лишь о государствахъ настоящаго и прошлаго времени, и этимъ намекаетъ на возможность государства иного типа, т. е. не эксплоататорскаго, между тѣмъ какъ Бакунинъ отрицалъ государство на чисто, въ самой идеѣ его, и исключалъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ отъ участія въ Интернаціоналѣ именно за ихъ мечты о Zukunft или Volks-staat. Но въ общемъ «впередовцы» все же продолжали считать себя солидарными съ анархистами, и когда появилась брошюра Ткачева «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи» и сталъ выходить *Набатъ*, гдѣ политическимъ задачамъ отводилось первенствующее мѣсто передъ экономическими и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицались самыя начала анархизма, то Лавровъ выступилъ противъ него съ рѣзкой критикой. Въ брошюрѣ «Русской соціально-революціонной молодежѣ», въ единственномъ выпускѣ т. IV непріодическаго *Впередъ*—«государственный элементъ въ будущемъ обществѣ» и въ нѣсколькихъ передовыхъ статьяхъ,

газеты имъ была развита теорія «необходимаго», но все «уменьшающагося минимума» государственности въ разныя эпохи съ возможностью для него дойти до нуля лишь тогда, когда соціалистическая солидарность общаго труда въ свободныхъ союзахъ охватитъ все общество.

Государственный элементъ «является элементомъ необходимымъ въ теченіе длинныхъ историческихъ періодовъ, необходимымъ въ настоящемъ, необходимымъ въ будущемъ и лишь въ томъ строѣ, который составляетъ цѣль рабочаго соціализма, этотъ элементъ можетъ быть устраненъ... Рабочій соціализмъ стремится развить, помощью общаго труда и свободныхъ союзовъ разныхъ формъ, несравненно высшую степень солидарности для всѣхъ особей, входящихъ въ будущее общество, чѣмъ это можно было сдѣлать какому-либо прежнему строю. По мѣрѣ достиженія этой солидарности, минимумъ государственнаго элемента въ обществѣ можетъ и долженъ уменьшаться, но не должно себя обманывать иллюзіей надежды на его уничтоженіе разомъ или путемъ внезапнаго переворота. Внезапные перевороты не создадутъ солидарности. Она развивается постепенно въ рядѣ поколѣній, а пока она не осуществилась въ обществѣ, до тѣхъ поръ государственый элементъ, элементъ власти и принужденія вполнѣ исчезнуть изъ общества не можетъ. Онъ не можетъ исчезнуть *наканунѣ* соціальной революціи, когда соціально-революціонный союзъ въ Россіи или международный союзъ рабочихъ въ Европѣ и въ Америкѣ будетъ представлять армію, готовящуюся къ бою за новый міръ, но всѣ солдаты которой выросли въ старомъ мірѣ конкуренціи, монополіи и паразитизма. Онъ не можетъ исчезнуть и *на другой день* послѣ соціальной революціи, когда побѣдители будутъ окружены внѣшними и внутренними врагами и сами еще будутъ носить въ себѣ слѣды побѣжденнаго міра. Онъ можетъ исчезнуть лишь въ тотъ періодъ, когда солидарность общаго труда въ свободныхъ союзахъ охватитъ все общество. Никто не въ состояніи вызвать этотъ моментъ къ жизни внезапно и безъ предварительнаго подготовленія, но всякій можетъ приблизить его, вырабатывая въ себѣ и около себя то чувство и ту практику солидарности, которыя составляютъ нравственное требованіе рабочаго соціализма и которыя одни, охватывая всѣ органы и всѣ функціи общества, въ состояніи довести наконецъ все убывающій

минимумъ государственнаго элемента въ будущемъ обществѣ до нуля».

Эта теорія была направлена собственно противъ Ткачева, и якобинская программа *Набата* подвергалась рѣзкой критикѣ именно съ точки зрѣнія требованія о доведеніи до минимума государственнаго элемента въ соціальномъ движеніи. Но не трудно видѣть, что другимъ концомъ эта теорія ударяла— и при томъ гораздо больнѣе—по Бакунину... И дѣйствительно, Лавровъ самъ указывалъ впослѣдствіи, что «въ Россіи признаніе *необходимаго въ каждую данную минуту общественной жизни минимума государственной власти* вызвало неудовольствіе не только въ рядахъ бакунистовъ, но и во многихъ впередовцахъ, остававшихся въ теоріи при принципахъ анархизма, несмотря на свое признаніе требованій организаціи. Это отчасти повело къ измѣненію редакціи *Впередъ*, а затѣмъ къ прекращенію этого изданія» *). Проникаясь вышеуказанными взглядами, нѣкоторые изъ сторонниковъ *Впередъ* стали даже аггрессивно выступать противъ анархизма .А именно, на страницахъ этого органа и въ рѣчахъ передъ судомъ кромѣ призыва къ «организаціи» революціонныхъ силъ начинаютъ еще дѣлаться заявленія о томъ, что борьба ведется не за «подрывъ государствъ» и не за анархію, а за обезпеченіе лучшаго общественнаго строя и за гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Указывалось также, что даже въ рядахъ самихъ бакунистовъ образовалась группа «альянсистовъ» съ политической программой, которые стремились «организовать самую энергичную власть въ средѣ современнаго соціализма», и что самыя крайнія анархическія секціи Швейцаріи и Бельгіи, при формулировкѣ своихъ задачъ, не могли не внести элемента обязывающей и принудительной власти въ построеніе будущаго общества и даже прямо высказывались: рабочіе, государство должно принадлежать намъ!..

Однако эти намеки и зародыши новаго взгляда такъ и остались въ своемъ недоразвитомъ состояніи и не привели къ выработкѣ политической программы. Даже по отношенію къ Западной Европѣ, гдѣ несомнѣнно было легче разобраться въ положеніи дѣлъ, *Впередъ* занялъ позицію, отъ которой Лавровъ долженъ былъ отказаться впослѣдствіи. «Вопросъ объ участіи

*) Народники—пропагандисты 1873—78 годовъ, 1907 г. 277 стр.

рабочихъ въ современномъ политическомъ движеніи Европы и Америки,—говорится въ программѣ журнала,—мы оставимъ спорнымъ... Политическое господство рабочаго сословія въ существующихъ государственныхъ формахъ возможно лишь въ нѣкоторыхъ странахъ, въ другихъ же для нихъ неизбѣжно итти къ своей цѣли путемъ соціальной революціи» (9 и 10 стр.). Хотя вопросъ объявлялся «спорнымъ», но изъ дальнѣйшаго выяснялось, что въ этомъ спорѣ между сторонниками Маркса и Бакунина симпатіи редакціи склонялись на сторону тѣхъ, которые говорили, что слѣдуетъ держаться въ сторонѣ отъ современнаго государства и заниматься организаціей своихъ силъ для подготовки соціальной революціи. Соціалистическій идеалъ Интернаціонала *Впередъ* видѣлъ въ международномъ рабочемъ государствѣ безъ территоріи и потому считалъ отклоненіемъ отъ него, т. е. ошибочнымъ шагомъ, какъ образованіе національныхъ соціалистическихъ партій, стремящихся овладѣть законодательной властью въ существующихъ политическихъ организмахъ, такъ и борьбу соціалистовъ въ союзѣ съ буржуазными радикалами напр. за всеобщее избирательное право, національную независимость и т. п., ибо этимъ отодвигалась, по его мнѣнію, «на второй планъ агитація въ пользу международнаго союза пролетаріата для повсемѣстной борьбы противъ его враговъ соединенными силами» *).

Такимъ образомъ, теоретическая позиція, занятая Лавровымъ, страдала не только внутренней противорѣчивостью по существу, но и логической незаконченностью—по формѣ: отрицая государство, онъ дѣлалъ массу оговорокъ, которые только раздражали бакунистовъ; признавая его, онъ не удовлетворялъ своихъ сторонниковъ, ибо останавливаться на полъ-пути и отступалъ передъ выводами, заключающимися въ положеніи, изъ котораго онъ исходилъ. Это и было одной изъ главныхъ причинъ, почему вліяніе впередовцевъ въ движеніи семидесятыхъ годовъ, бывшее сначала очень значительнымъ, постепенно ослабѣвало и, наконецъ, свелось совсѣмъ на нѣтъ—Лавровъ былъ побитъ Бакунинымъ и Ткачевымъ...

*) См. *Впередъ* т. IV, 2 стр. и «Народники—Пропагандисты 1873—78 годовъ», 280—281 стр., гдѣ Лавровъ признаетъ, что онъ здѣсь ошибся, такъ какъ то, что считалось «отклоненіемъ», сдѣлалось потомъ нормальнымъ явленіемъ.

Остановимся теперь въ заключеніе на тактическихъ взглядахъ «Впередъ». Мы видѣли уже, что онъ выставилъ на своемъ знамени лозунгъ *соціальной революціи*, и эта революція представлялась ему, какъ *народная*. Переворотъ долженъ быть совершенъ не только во имя народа, но и черезъ посредство его самого. «Въ одномъ народѣ есть достаточно силы, достаточно энергіи, достаточно свѣжести, чтобы совершить революцію, которая улучшила бы положеніе Россіи. Но народъ не знаетъ своей силы, не знаетъ *возможности* низвергнуть своихъ экономическихъ и политическихъ враговъ. Надо его поднять. На живомъ элементѣ русской интеллигенціи лежитъ обязанность разбудить его, поднять его, соединить его силы, повести его въ битву. Онъ разрушитъ гнетущій его абсолютизмъ, раздавитъ своихъ эксплоататоровъ и выработаетъ своими свѣжими силами новое, лучшее общество, здѣсь и *только здѣсь*—спасеніе Россіи». «На первомъ мѣстѣ—говорится въ программѣ—мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ *цѣлью* народнаго блага, не только *для* народа, но и посредствомъ народа. Современный русскій дѣятель долженъ, по нашему мнѣнію, оставить устарѣлое мнѣніе, что народу могутъ быть навязаны революціонныя идеи, выработанныя небольшою группою болѣе развитого меньшинства, что соціалисты-революціонеры, свергнувъ удачнымъ порывомъ центральное правительство, могутъ стать на его мѣсто и ввести законодательнымъ путемъ новый строй, облагодѣтельсвовавъ имъ неподготовленную массу»... Итакъ, революцію совершитъ можетъ только самъ народъ; но *Впередъ* не обольщаетъ себя надеждою, что народъ уже готовъ къ ней. Онъ не идеализируетъ разбойниковъ и уголовныхъ арестантовъ въ качествѣ уже *готовой* революціонной силы, какъ это дѣлалъ Бакунинъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ, и тотъ фактъ, что у насъ *были* бунты Стеньки Разина и Пугачева, для него еще не служитъ доказательствомъ, что они могутъ вспыхнуть въ любой моментъ опять. «Мы знаемъ, что разомъ торжество нашихъ цѣлей осуществиться не можетъ, что для него нужна подготовка, ясное пониманіе возможнаго въ данную минуту», и за этимъ-то онъ и обращается съ призывомъ къ интеллигенціи во имя ея *долга* передъ народомъ. «Вы знаете, за что вы боретесь; вы знаете, изъ-за чего вы гибнете. Вы искупаете грѣхи отцовъ и дѣдовъ. Лишь мужественой борьбой, самоотверженными жертвами за народъ вы отплатите то, что должны ему»

(*Впередъ* № 1 за янв. 1875 г.). Интеллигенція должна явиться въ роли иниціатора, пробуждать сознаніе народа и организовывать его силы. Революцію дѣлать будетъ самъ народъ, дѣло революціонеровъ изъ интеллигенціи—подготовлять и только подготовлять ее. Въ какомъ же видѣ представлялъ себѣ *Впередъ* эту подготовку?

«*Первымъ условіемъ* подготовленія соціальной революціи въ Россіи должна быть организація революціоннаго меньшинства, понимающаго задачи рабочаго соціализма, въ *средѣ общинныхъ и артельныхъ центровъ русскаго народа.* Убѣжденные соціалисты интеллигентнаго класса должны найти себѣ товарищей среди рабочаго народа, дѣйствующаго въ общинѣ и артели, и сами должны стать членами общинъ и артелей, чтобы пропаганда, распространяющая число болѣе или менѣе понимающихъ задачи рабочаго соціализма, чтобы агитція, увеличивающая число сочувствующихъ практическимъ требованіямъ соціальной революціи, шла не *извнѣ* привычныхъ центровъ народной солидарности жизни, а *извнутри* ихъ, и чтобы въ ту минуту, когда историческія событія позволятъ сказать: теперь время!—чтобы въ эту минуту народъ, подготовленный страданіями, накипѣвшей злобой, услышалъ призывъ къ революціи не отъ чужихъ людей, которыхъ давно оставили свои общинные и артельные центры, а отъ людей, которыхъ голосъ онъ привыкъ слышать на мірскомъ сходѣ, за артельнымъ столомъ; отъ людей, которые ему *свои* по старой жизненной солидарности. ...*Оттуда*, въ надлежащую минуту, долженъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, грянуть призывъ, который около понимающихъ и сочувствующихъ подниметъ массы, исторически подготовленныя къ перевороту своими бѣдствіями. И подъ вліяніемъ своихъ людей, давно имъ знакомыхъ, давно близкихъ, массы пойдутъ на бой, который будетъ имѣть опредѣленную цѣль, и революція будетъ имѣть возможность совершаться дѣйствительно на началахъ рабочаго соціализма» (№ 28)...

Такимъ образомъ, на первый планъ выдвигается для настоящаго момента осѣдлая, постоянная пропаганда; мѣстные же бунты, которые особенно рекомендовались Бакунинымъ, не могутъ—по мнѣнію *Впередъ*—считаться удобнымъ способомъ подготовленія общаго революціоннаго взрыва и, слѣдовательно, убѣжденный соціалистъ-революціонеръ не имѣетъ права вызы-

вать ихъ, пока соціально-революціонная организація недостаточно сильна для вѣроятной побѣды революціи. Онъ долженъ противодѣйствовать безплодной тратѣ народныхъ силъ въ безнадежныхъ вспышкахъ по пустымъ предлогамъ и безъ всякой вѣроятности побѣды. Но когда въ мѣстности, гдѣ онъ дѣйствуетъ, вспыхнулъ народный бунтъ независимо отъ его воли, вслѣдствіе экономической эксплоатаціи народа или притѣсненій и оскорбленій его представителями правительства и лицами изъ господствующихъ классовъ, то убѣжденный соціалистъ-революціонеръ, истощивъ усилія противодѣйствовать неразумной вспышкѣ, долженъ биться въ рядахъ возставшаго народа и раздѣлять его судьбу.

Когда же соціально-революціонная организація будетъ достаточна сильна, то она воспользуется неизбѣжными волненіями и возстаніями въ народѣ, чтобы обобщить эти бунты, до тѣхъ поръ не имѣющіе значенія, въ революціонный взрывъ, долженствующій охватить большую часть Россіи (№ 48).

Ставя въ центрѣ своей дѣятельности въ народѣ подготовку къ соціальной революціи путемъ систематической пропаганды, *Впередъ* разсчитывалъ, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ такимъ образомъ можетъ сформироваться мощная организація. Предположимъ—говорилъ онъ—что у насъ имѣется сто человѣкъ революціонеровъ и ежегодно интеллигенція выдѣляетъ изъ своей среды по столько же, при чемъ половина этого числа способна посвятить себя хожденію въ народъ. Пусть, далѣе, изъ этой половины три четверти попадутся въ руки полиціи въ теченіе года и пусть каждый пропагандистъ изъ интеллигенціи пріобрѣтетъ себѣ двухъ товарищей изъ народа, а каждый пропагандистъ изъ народа присоединитъ къ себѣ ежегодно по шести человѣкъ, при чемъ ежегодно гибнетъ ихъ восьмая часть. Тогда окажется, что уже черезъ шесть лѣтъ вмѣсто ста человѣкъ образуется революціонная армія въ тридцать слишкомъ тысячъ! Изъ предосторожности Лавровъ согласенъ даже уменьшить эту цифру въ три раза, но все же... «если мы представимъ себѣ послѣ небольшого періода шести лѣтъ 10,000 сознательныхъ руководителей народнаго движенія, которые... окружены *несравненно большимъ* числомъ лицъ, готовыхъ каждую минуту итти за ними, чтобы свалить представителей власти и капитала, то предъ нами такая почтенная революціонная армія, которая въ опре-

дѣленную минуту можетъ дѣйствительно совершить историческое дѣло».

Даже послѣ прекращенія журнала *Впередъ* и кружка, его поддерживавшаго, Лавровъ продолжалъ, насколько позволяло его положеніе, соціалистическую пропаганду лично. Не имѣя возможности, вслѣдствіе долгаго отсутствія изъ Россіи, опровергать все упорнѣе повторяемыя увѣренія революціонныхъ кружковъ, что пропаганда въ народѣ стала невозможной, что необходимы «пропаганда дѣломъ», возбужденіе революціоннаго духа примѣромъ или рѣшительные удары, наносимые правительству,—онъ все же оставался при своемъ мнѣніи, что при искусствѣ и рѣшимости пропаганда была бы возможна, хотя должна бы пойти медленнѣе и требовать не мало жертвъ. Онъ считалъ ее необходимой во всякомъ случаѣ ,рядомъ со всѣми другими пріемами агитаціи противъ правительства или прямого дѣйствія противъ него, такъ какъ не могъ себѣ представить, чтобы какой-нибудь политическій переворотъ, выгодный для большинства и, слѣдовательно, имѣющій въ виду экономическія задачи, могъ имѣть мѣсто безъ поддержки его народнымъ движеніемъ, которое всегда предполагаетъ предварительную пропаганду.

Послѣ всего, что было сказано нами, не трудно видѣть, что органъ Лаврова не представлялъ собою выдержаннаго, цѣльнаго направленія: въ немъ есть черты, сближающія его съ Бакунинымъ и Герценомъ, и есть черты, отражающія вліяніе Маркса, при чемъ къ первымъ онъ стоитъ въ общемъ ближе, чѣмъ къ послѣднему. Отрѣшившись отъ вѣры, что Россія можетъ избѣгнуть капиталистической стадіи, Лавровъ однако же продолжаетъ сохранять въ неприкосновенности тѣ надежды, которыя были связаны съ этой вѣрой. Правда, въ журналѣ его постоянно встрѣчаются выраженія изъ терминологіи Маркса въ родѣ напр. того, что «соціальный переворотъ самъ собою подготовляется у насъ успѣхами капиталистическаго строя» или что «рабочій соціализмъ есть историческій фазисъ, фатально вырабатывающійся изъ капиталистическаго строя общества», но въ дѣйствительности онъ разсчитывалъ не на развитіе капиталистическихъ отношеній, а на то, что остатки натурально-хозяйственнаго строя—община и артель—подъ вліяніемъ критически мыслящихъ личностей непосредственно разовьются въ высшія формы и переведутъ Россію въ свѣтлое царство будущаго. Его взглядъ на роль буржуазіи и отношеніе къ вопросу о политической свободѣ

въ Россіи точно также являются краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что имъ были неправильно поняты или недостаточно оцѣнены тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою развитіе капиталистическихъ отношеній въ странѣ. Такимъ образомъ, подъ новой формой скрывалось въ сущности все то же старое, народническо-утопическое содержаніе. Самая же мысль, заключавшаяся въ этой новой формѣ, была не продумана и не развита до конца. Благодаря этому «научный и рабочій» соціализмъ Лаврова не ушелъ далеко отъ «русскаго соціализма» 50-хъ и 60-хъ годовъ и даже сдѣлалъ шагъ назадъ по сравненію съ тѣмъ разрѣшеніемъ вопросовъ теоріи и практики, къ которому подходилъ Чернышевскій въ послѣдніе годы своего пребыванія на свободѣ. Мысль *Впередъ* о необходимости подготовки народныхъ массъ была, конечно, очень здрава, но практическое значеніе ея ослаблялось тѣмъ, что въ основу пропаганды клалась программа—максимумъ въ убѣжденіи ,что своею общинной и артельной солидарностью народъ уже подготовленъ къ соціалистическому общежитію; имъ первымъ была высказана мысль также о необходимости образованія у насъ самостоятельной рабочей партіи, но и она проскользнула безрезультатно, ибо вообще—то рабочій вопросъ оставался подчиненнымъ крестьянскому. Отсталыя государственныя формы—по его словамъ—«надо стремиться устранить немедленно, не выжидая организаціи въ странѣ рабочей партіи, составляющей необходимое условіе раціональнаго соціальнаго переворота. Но при этомъ, рядомъ съ этимъ, необходимо стремиться къ осуществленію этого необходимаго условія».

Съ начала 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ толчковъ, идущихъ съ Запада—образованіе Интернаціонала, Парижская Коммуна—революціонное броженіе замѣтно усиливается въ Россіи и соціалистическія идеи пріобрѣтаютъ себѣ болѣе широкіе круги сторонниковъ. Вскорѣ послѣ образованія Международнаго общества рабочихъ появилась русская вѣтвь, которая вошла въ 1870 г. въ составъ всемірнаго союза; при этомъ представительство въ Главномъ Совѣтѣ было единодушно предложено Марксу, какъ человѣку «имя котораго слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ тѣмъ изъ русскихъ, которые сколько-нибудь слѣдятъ за соціальнымъ движеніемъ».

Мы должны быть добросовѣстными выразителями и сподвижниками всеобщаго движенія пролетаріата,—говорится въ

заявленіи этой русской вѣтви,—и всѣми силами стремиться къ тому, чтобы Интернаціональная организація успѣшно проникала въ русскій рабочій міръ и охватывала собою всѣ ремесленные, фабричные и земледѣльческіе слои народа. Уже годъ тому назадъ у насъ явилась мысль о необходимости связать прочнымъ образомъ съ соціально-революціоннымъ движеніемъ въ Западной Европѣ движеніе, начинающееся теперь въ Россіи. ...Вынужденный своимъ современнымъ положеніемъ на отчаянную борьбу хотя бы за нищенское существованіе, рабочій народъ все сознательнѣй будетъ сосредоточиваться на ассоціаціонномъ группированіи своихъ производительныхъ силъ, столь привычномъ ему и въ общинномъ земледѣльческомъ, и въ артельномъ ремесленномъ быту, долженствующемъ получить дальнѣйшее раціональное развитіе. Способствовать народу въ его стремленіяхъ и противодѣйствовать вредной игрѣ плантаторовъ и либераловъ *)—будетъ первымъ дѣломъ образованныхъ въ Россіи интернаціональныхъ союзовъ среди земледѣльческаго, фабричнаго и ремесленнаго класса.

Что касается программы Русской секціи, то § 2 ея гласитъ, что народъ русскій во всѣ времена стремился къ осуществленію великихъ началъ, провозглашенныхъ международными рабочими конгрессами: къ общинному владѣнію землею и орудіями труда. Принципъ общности труда (§ 3), какъ принципъ противодѣйствующій эксплоатаціи капиталомъ, находилъ себѣ уже издавна выраженіе въ образованіи рабочихъ союзовъ, извѣстныхъ подъ именемъ артелей. Такъ какъ экономическій гнетъ русскаго народа (§ 1), поддерживаемый всѣмъ общественнымъ и политическимъ устройствомъ, совершенно одинаковъ съ гнетомъ, который душитъ весь европейскій и американскій пролетаріатъ, то тамъ, гдѣ положеніе одинаково, должны быть одинаковы и аналогичны (§ 5) и средства къ уничтоженію его и къ замѣще-

*) Здѣсь разумѣется теченіе въ пользу уничтоженія круговой поруки и введенія подворныхъ налоговъ. «Понятно, что то и другое при *отсутствіи противодѣйствія* могло бы привести къ разрыву *экономической* связи между односельцами, въ которой именно и заключается вся *органическая* сущность нашей общины». См. *Народное Дѣло* № 1 за 1870 г.

До какого ослѣпленія нужно было дойти, чтобы даже въ круговой порукѣ усматривать соціалистическое начало и бороться противъ ея отмѣны!

нію его новымъ строемъ соціальныхъ и индивидуальныхъ отношеній.

Политическая революція совершенно не прельщаетъ членовъ русской секціи, и требованія политической свободы мы не находимъ въ ея программѣ; органъ ея выражалъ даже пожеланіе, чтобы какія нибудь горячія головы не вызвали у насъ революцію раньше, чѣмъ образуется солидная народная партія...

Соціальный переворотъ—вотъ что выдвигается на первый планъ. При этомъ, если въ Западной Европѣ будущій соціалистическій строй явится отрицаніемъ и уничтоженіемъ современно-капиталистическаго, то у насъ въ Россіи онъ будетъ лишь дальнѣйшимъ раціональнымъ развитіемъ существующихъ отношеній. Община въ земледѣліи и артель въ промышленности составляютъ уже въ настоящее время подобіе будущихъ производительныхъ ассоціацій. При такомъ воззрѣніи программа—минимумъ естественно должна отпасть, и открывается путь къ осуществленію программы—максимумъ...

Эта русская вѣтвь Интернаціонала, группировавшаяся около Н. Утина въ Женевѣ, съ органомъ *Народное Дѣло* не пользовалась вліяніемъ въ Россіи, но она интересна въ томъ отношеніи, что въ своей программѣ пыталась слить воедино марксизмъ съ «русскимъ соціализмомъ»—черта, довольно распространенная въ то время среди представителей нашей демократической интеллигенціи. То, что говорилось на Западѣ о пролетаріатѣ, переносилось на наше крестьянство и то, что явилось тамъ результатомъ новѣйшаго развитія экономической и общественной жизни, находилось ими у насъ—даже въ еще лучшемъ видѣ—въ видѣ остатковъ старины. Примыкая къ Интернаціоналу и К. Марксу, *Народное дѣло* объявляетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ ревностнымъ приверженцемъ Чернышевскаго за то, что онъ неопровержимо доказалъ возможность непосредственнаго перехода нашей общины въ высшую форму, и въ своей ревности къ общинѣ и враждѣ къ либерализму доходитъ даже до того, что круговую поруку защищаетъ, какъ принципъ соціалистическій. Что капитализмъ проникъ въ Россію—это не отрицается, но выражается увѣренность, что онъ не можетъ у насъ развиться, и на этомъ-то покоются всѣ разсчеты.

«Одна изъ громадныхъ выгодъ для революціи нашего русскаго положенія заключается въ томъ, что у насъ не сложились еще, не успѣли и не успѣютъ сложиться въ такую системати-

ческую касту, какъ на Западѣ, ни фабричное, ни торговое мѣщанство. Имъ нѣтъ у насъ такого разгула, какъ на Западѣ, въ силу перевѣса земледѣльческихъ интересовъ нашей страны. Мы еще разъ указываемъ на то преимущество, которое выпало на долю русскаго пролетаріата. То, къ чему западный пролетаріатъ приходитъ, наконецъ, путемъ критическаго сознанія и теоретическаго развитія, то уже составляетъ реальное явленіе въ жизни русскаго пролетаріата: онъ вѣками сроднился съ нимъ, оно охватило его нравы и обычаи». У насъ трудна лишь первая ступень—сплоченіе разбросанныхъ сознательныхъ элементовъ, а затѣмъ уже переходъ революціоннаго дѣла изъ этой фазы во вторую, въ фазу осуществленія и развитія соціалистическихъ началъ можетъ совершиться легче и встрѣтить себѣ болѣе уже опредѣленныхъ данныхъ, чѣмъ на Западѣ...» *).

Какъ видно отсюда, *Народное Дѣло* во многомъ является предшественникомъ *Впередъ* Лаврова, и то, что было сказано о послѣднемъ, относится и къ нему.

Какъ ни хорошо выходило на словахъ, что отъ насъ до соціализма—рукой подать, но все же при этомъ неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какимъ же образомъ добраться до указанной цѣли, какъ вызвать народъ изъ состоянія равнодушія и пассивности и что нужно дѣлать демократической интеллигенціи? Въ началѣ 70-хъ годовъ въ спорахъ по этому поводу послѣдняя разбилась на два лагеря: такъ называемыхъ пропагандистовъ—подготовителей и бунтарей—вспышкопускателей; главою первыхъ былъ Лавровъ съ своимъ органомъ *Впередъ*, а главою вторыхъ—Бакунинъ.

Какъ мы уже видѣли, очередной задачей текущаго момента *Впередъ* считалъ прежде всего развитіе самосознанія народныхъ массъ, которыя еще не созрѣли до революціи; поэтому, устраняя совершенно призывъ ихъ къ немедленному воз-

*) См. *Народное Дѣло* № 7, 8, 9, 10 за 1869 г.—«Русское соціально-революціонное движеніе въ его соотношеніи съ Западнымъ рабочимъ движеніемъ».—Первый № журнала вышелъ въ Женевѣ 1-го сент. 1868 г. и былъ составленъ почти исключительно Бакунинымъ; въ № 2—3 журналъ объявилъ себя «органомъ революціонной пропаганды» и связывалъ свое появленіе съ организаціей пропагандистовъ, которая должна была подготовлять «народную организацію вооруженныхъ борцовъ». Съ третьяго выпуска (№ 4—5), который появился въ маѣ 1869 г., устанавливается затѣмъ солидарность издателей съ рабочимъ движеніемъ Интернаціонала.

станію, онъ предлагалъ молодежи ограничиться пока подготовительной работой: подготовлять себя къ роли пропагандиста и народъ—къ сознанію своей силы и необходимости завоеванія своихъ правъ.

Въ противоположность этому Бакунинъ училъ, что народъ собственно всегда готовъ къ революціи. Въ любомъ селѣ ничего не стоитъ поднять бунтъ. Подготовлять и учить народъ—нечего, ибо онъ самъ знаетъ, что ему нужно, и въ своей душѣ носитъ идеалъ новаго коммунистическаго строя. «Всякій народъ, взятый въ своей совокупности, и всякій чернорабочій человѣкъ изъ народа—соціалистъ по своему положенію... Дайте себѣ трудъ поговорить съ нимъ серьезно, помогите ему, сколько надо и не больше, какъ надо, формулировать его собственные глубокіе и насущные инстинкты, запросы и требованія—и вы увидите, что онъ серьезнѣе и глубже соціалистъ, чѣмъ вы сами... Я говорю это положительно не только въ отношеніи къ работникамъ французскимъ, англійскимъ, германскимъ, но безъ исключенія ко всему европейскому чернорабочему люду, и никакъ не исключая умнаго русскаго мужика, этого прирожденнаго соціалиста».

«Не идей недостаетъ народу,—писалъ Лаврову одинъ изъ видныхъ бунтарей Кравчинскій. Всякій, кто много шатался по народу, скажетъ вамъ, что въ его головѣ совершенно зрѣлы основы «элементарнаго» (конечно, не научнаго) соціализма. Все, чего недостаетъ народу, это страсти»...

Дѣло революціонеровъ слѣдовательно—разжигать въ немъ страсти, толкать къ возмущенію, т. е. непосредственно организовывать революцію ,исходя изъ условій, благопріятныхъ для бунта въ той или другой мѣстности. При этомъ заговоръ не долженъ быть организуемъ централистически, какъ напр. Нечаевскій; онъ долженъ состоять изъ самостоятельныхъ группъ, вступающихъ между собою въ добровольныя федеративныя отношенія, что исключало бы возможность господства отдѣльныхъ личностей или какихъ-нибудь мистификацій. Въ дѣйствительности организація почти совершенно отрицалась бунтарями. Какъ сообщаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Дебагорій-Мокріевичъ, «на повиновеніе и дисциплину организаціонную смотрѣли нехорошо; послѣднее доходило у нѣкоторыхъ до такой степени, что они склонны были отрицать какую бы то ни было организаціонную попытку». Лавровцы были болѣе склонны

къ этому дѣлу, и напр. московская организація, давшая впослѣдствіи матеріалъ для «процесса 50», на много обогнала всѣ, предшествовавшія тайныя общества. Различались оба направленія и по вопросу о томъ, какимъ образомъ ближе подойти къ народу. Члены петербургскихъ кружковъ лавровскаго направленія признавали движеніе въ народъ, но лишь въ формѣ занятія извѣстными профессіями, полезными народу: медициной, адвокатурой, учительствомъ и проч. Но большинство революціонно настроенной молодежи исходило изъ принципа, что нужно изучить какое-нибудь ремесло и привыкнуть къ физическому труду; самой почтенной анархистами считалась роль чернорабочаго или въ крайнемъ случаѣ мастерового*)...

Какъ ни отличались эти два направленія своимъ темпераментомъ и склонностями, но въ нихъ было и нѣчто общее, а именно—какъ то, такъ и другое призывало демократическую интеллигенцію въ самую гущу жизни, къ дѣятельности среди народныхъ массъ. И молодежь откликнулась на этотъ призывъ. Съ осени 1873 и въ особенности съ весны 1874 г.—такъ какъ весна признавалась наиболѣе благопріятнымъ временемъ—многія сотни молодыхъ людей обоего пола изъ высшихъ и частью среднихъ учебныхъ заведеній, перемѣнивши интеллигентскую одежду на болѣе соотвѣтственный костюмъ и запасшись фальшивымъ паспортомъ, двинулись *въ народъ*... Наивная вѣра, что народъ вполнѣ пойметъ ихъ идеи и встрѣтитъ ихъ съ распростертыми объятіями, воодушевляла пропагандистовъ и удесятеряла ихъ силы. Какъ признается авторъ оффиціальной *хроники* **), «цѣлый легіонъ соціалистовъ принялся за дѣло съ такой энергіей и самоотверженіемъ, подобныхъ которымъ не знаетъ ни одна исторія тайнаго общества въ Европѣ». Это движеніе, при своей обширности, не могло конечно быть совершенно однороднымъ, и въ немъ принимали участіе самые различные элементы, съ самыми различными цѣлями, но преобладающей чертой было стремленіе — нести въ народъ проповѣдь соціальной революціи.

Какъ свидѣтельствуетъ авторъ упомянутой статьи о Больш. процессѣ (одинъ изъ видныхъ участниковъ движенія),

*) *Былое* №№ 10—12 за 1906 г.—«Движеніе семидесятыхъ годовъ по большому процессу».

**) Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г. Изд. Саблина, 1907 г. 8 стр.

политическій элементъ въ немъ совершенно отсутствовалъ. «Изъ трехчленной формулы, завѣщанной великой французской революціей, liberté отодвинута была на задній планъ и подчеркнуто égalité. Въ случайныхъ и нарочныхъ собраніяхъ интеллигентской молодежи, имѣвшихъ мѣсто до начала движенія, часто дебатировался вопросъ о значеніи конституціи и, большей частью, она признавалась не только не необходимой, но даже вредной; радикалы обыкновенно доказывали, что только соціальныя преобразованія могутъ спасти Россію, политическая же программа ихъ оставалась неясной».—«Исходнымъ пунктомъ революціоннаго движенія въ 1873—74 г.—сообщаетъ другой авторъ, Аксельродъ*) — было стремленіе осуществить свободную федерацію общинъ, пользуясь на коллективныхъ основаніяхъ землею и всѣми орудіями труда. Единственно раціональнымъ путемъ, ведущимъ къ осуществленію такого соціальнаго порядка, признано было возбужденіе народной иниціативы и самодѣятельности, какъ въ борьбѣ съ нынѣшнимъ строемъ, такъ и въ дѣлѣ созданія новаго порядка на развалинахъ стараго. Пропаганда соціалистическихъ идей среди народа и организація его силъ для сознательной и единодушной борьбы съ его угнетателями—вотъ что, поэтому, провозглашено было главнымъ дѣломъ соціалистовъ въ Россіи. Таково было наше знамя въ 1873—74 г.». Въ томъ же духѣ отзывается и Дейчъ **). «Чтобы освободить трудящіяся классы отъ матеріальныхъ и всякихъ другихъ лишеній, пропагандисты находили необходимымъ измѣнить соціальныя условія Россіи; подобно западно-европейскимъ соціалистамъ они считали нужнымъ уничтожить частную собственность на землю и орудія труда, сдѣлавъ ихъ коллективными».

Черпая свои главныя силы изъ университетскихъ городовъ, пропагандисты покрыли въ указанное время своими кружками почти всѣ губерніи Великороссіи и Малороссіи. Большинство ихъ направилось по деревнямъ, главнымъ образомъ въ низовья Волги и берега Днѣпра, такъ какъ предполагалось, что благодаря Разину и Пугачеву тамъ сохранились традиціи революціоннаго движенія. Но не мало было лицъ, которыя обратили свою дѣятельность въ сторону рабочихъ. Еще нѣсколько

*) *Община* № 19 за 1878 г.

**) 16 лѣтъ въ Сибири, 2 изд. 1906 г. 14 стр.

раньше кружкомъ Чайковскаго была начата пропаганда въ Петербургѣ. Лѣтомъ 1874 г. сторонники «Впередъ» дѣлали попытки организовать кружки среди трепачей и пильщиковъ Орловской, Калужской, Тульской и Смоленской губерній, на заводахъ Мальцева и Мельникова, и впервые именно въ это время—на всевозможные мотивы, кромѣ настоящаго—стали раздаваться звуки рабочей марсельезы*).

Члены «всероссійской соціально-революціонной организаціи», извѣстной затѣмъ по процессу 50, точно также вели пропаганду почти исключительно среди рабочихъ — въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Кіевѣ, Тулѣ, Воронежѣ, Орлѣ и др. мѣстахъ. По словамъ обвинительнаго акта, произведенными въ 1875 и 1876 г.г. дознаніями обнаружено «несомнѣнное существованіе тайнаго организованнаго сообщества, задавшагося цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. ...Создалось оно подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся заграницу преимущественно въ Швейцарію и возвратившихся обратно въ отечество съ единственной цѣлью заняться пропагандой революціонныхъ идей среди рабочаго класса Имперіи». Желая охватить пропагандой возможно больше число фабрикъ, нѣкоторые члены женскаго кружка—Каминская, сестры Любатовичъ, Бардина и Фигнеръ сами поступили на фабрику въ Москвѣ... Двухъ-мѣсячный опытъ оказался удачнымъ, и почти на двухъ десяткахъ фабрикъ, не считая мелкихъ мастерскихъ, были устроены рабочіе кружки изъ 4—5 человѣкъ. Организація издавала за-границей свой органъ *Работникъ*, и въ февралѣ 1875 г. члены ея

*) *Былое* № 2 за 1907 г. Авторъ цитированной выше статьи «Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу» сообщаетъ, что лавровцы въ 1873 г., когда лишь начинались приготовленія къ движенію, составляли большинство, но затѣмъ стали быстро стушевываться. Такъ какъ имъ нужно было подготовиться къ учительству, медицинѣ и т. п. профессіямъ и прежде всего окончить университетъ, то «въ дѣйствительности они въ народъ не пошли и въ дальнѣйшей революціонной дѣятельности участія не приняли... Связь лавровцевъ съ анархистами настолько ослабѣла, что ни одинъ изъ первыхъ даже случайно не былъ привлеченъ къ процессу 193».—По отношенію къ цѣлому движенію это утвержденіе не совсѣмъ правильно и нуждается въ поправкахъ.

приступили было уже къ выработкѣ устава и способовъ революціонной дѣятельности, но въ это время послѣдовалъ провалъ. По своему направленію они принадлежали не къ бунтарямъ, а пропагандистамъ — народникамъ. Женскій кружокъ составился изъ бывшихъ цюрихскихъ студентокъ, группировавшихся около *Впередъ*, остальные были члены студенческихъ кружковъ въ Россіи и рабочіе. Организація была построена на принципѣ безусловнаго равенства всѣхъ членовъ и отсутствія всякой власти въ рукахъ центральнаго бюро, которое даже не выбиралось, а отбывалось по очереди. Какъ враги всякаго организованнаго насилія, они были горячими противниками якобинизма и относились враждебно къ идеѣ о захватѣ власти. Относительно крестьянскихъ бунтовъ организація допускала лишь поддержку ихъ въ томъ случаѣ, если они возникали самостоятельно, но уклонялась отъ того, чтобъ вызывать ихъ искусственно *). «Обвиненіе называетъ насъ—говорила на судѣ Бардина—политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвесть политическій coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'état вовсе и не стремимся. Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворить анархію въ обществѣ. Да мы дѣйствительно стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, что это слово... вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія напротивъ стремится водворить гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ».

Какъ мы уже указывали выше, во взглядахъ впередовцевъ или лавристовъ была не малая доля противорѣчивости и спутанности, но все же—какъ замѣчаетъ Плехановъ—ихъ пропаганда, вѣроятно, была разумнѣе нашей (т. е. землевольцевъ). Правда, и они подобно намъ отрицали «буржуазную» политическую свободу, и они—по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ—готовы были трепетать за участь «устоевъ». Въ ихъ взглядахъ было тоже много непослѣдовательности, но ихъ непослѣдовательность имѣла одну счастливую особенность: отрицая политику,

*) См. «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. 2 и *Былое* №№ 8—10 за 1907 г. ст. Джабадари—процессъ 50.

они съ величайшимъ сочувствіемъ относились къ нѣмецкой соціальной демократіи. ...У лавристовъ было хорошо хоть то, что они изображали не въ превратномъ видѣ западно-европейское рабочее движеніе, и подъ вліяніемъ ихъ разсказовъ русскій рабочій могъ лучше выяснить свою собственную задачу»*). И авторъ не безъ основанія полагаетъ, что программа образовавшагося впослѣдствіи сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ, въ которой сильно слышались соціалъ-демократическія ноты, такъ рѣзко поразившія тогдашнюю народническую интеллигенцію, въ значительной мѣрѣ обязана была своимъ содержаніемъ именно вліянію лавристовъ.

Движеніе въ народъ было проникнуто глубокимъ энтузіазмомъ, который проистекалъ съ одной стороны изъ жажды подвиговъ, охватившей въ то время наиболѣе отзывчивую часть молодежи, а съ другой—изъ убѣжденія, что народъ дѣйствительно проникнутъ соціалистическимъ духомъ и ждетъ своихъ избавителей съ распростертыми объятіями. Казалось, что достаточно героическаго самопожертвованія со стороны отплачивающей свой долгъ интеллигенціи, достаточно одного сильнаго натиска, чтобы пробудить народъ отъ сна—и вотъ, вотъ разразится соціальная революція...

«Мы—на самомъ дѣлѣ незначительная горсть молодыхъ людей—ощущали въ себѣ присутствіе необычайной силы и это сознаніе силы покоилось у насъ на вѣрѣ въ народъ: всякій изъ насъ чувствовалъ за собою милліоны крестьянъ,—такъ передаетъ свое настроеніе одинъ изъ видныхъ участниковъ движенія **)... Мы игнорировали общество, признавая только себя, т. е. революціонеровъ, да съ другой стороны мужиковъ, отбрасывая въ сторону, какъ негодное, рѣшительно все, что стояло внѣ насъ и этихъ мужиковъ».

Хотя большинство лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, принадлежало къ бунтарямъ, однако на практикѣ ихъ дѣятельность ничѣмъ не отличалась отъ пропагандистовъ, ибо подготовленной почвы для бунтовъ не оказалось и пришлось

---

*) Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи, изд. Пролетаріатъ, 18—19 стр.

**) Дебагорій—Мокріевичъ. Воспоминанія. 1903 г. 38 стр.

довольствоваться раздачей брошюръ или бесѣдами въ соотвѣтственномъ духѣ. Но недолго продолжалось это хожденіе: осенью 1874 г. уже начались серьезные аресты и къ веснѣ слѣдующаго года движеніе было разгромлено. Изъ процессовъ, относящихся къ этому періоду, наиболѣе извѣстны процессъ 50 и 193. Послѣдній относится къ пропагандѣ въ деревнѣ, а первый—среди рабочихъ, и здѣсь именно огромное впечатлѣніе произвело первое публичное выступленіе простого ткача Петра Алексѣева, явившееся яркимъ показателемъ того факта, что наиболѣе подготовленнымъ элементомъ къ воспріятію соціалистическихъ идей оказался не мужикъ—общинникъ, а фабричный рабочій. «Русскому народу,—такъ закончилъ онъ свою рѣчь на судѣ,—остается только надѣяться на самаго себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ какъ отъ одной нашей интеллигентной молодежи: она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ».

Впечатлѣніе отъ рѣчей, произнесенныхъ на судѣ подсудимыми, было настолько сильно, что присутствовавшій на процессѣ канцлеръ кн. Горчаковъ выразилъ сожаленіе министру юстиціи по поводу допущенной публичности:—Вы думали убѣдить наше общество и Европу, что это дѣло кучки недоучившихся мечтателей, мальчишекъ и дѣвченокъ и съ ними нѣсколькихъ пьяныхъ мужиковъ, а между тѣмъ вы убѣдили всѣхъ, что это не дѣти и не пьяные мужики, а люди вполнѣ зрѣлые умомъ и съ крупнымъ самоотверженнымъ характеромъ, люди, которые знаютъ, за что борются и куда идутъ...

Хожденіе интеллигенціи въ народъ несомнѣнно имѣло большое значеніе въ исторіи нашего революціоннаго движенія въ смыслѣ направленія его отъ утопическихъ цѣлей къ болѣе реалистическимъ задачамъ; да и въ народѣ, т. е. главнымъ образомъ, конечно, среди рабочихъ оно оставило послѣ себя болѣе слѣдовъ, чѣмъ все, что дѣлалось раньше. Но съ точки зрѣнія тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на него участниками, оно было безрезультатнымъ, да и не могло, конечно, не быть таковымъ. Пропагандѣ не удалось обратить крестьянъ въ анархическихъ соціалистовъ и еще менѣе того она успѣла вызвать дѣйствительное возстаніе...

Въ это-то время и выступилъ съ своимъ *Набатомъ* Ткачевъ. П. Н. Ткачевъ принималъ раньше участіе въ кружкахъ Нечаева, затѣмъ эмигрировалъ заграницу съ намѣреніемъ вступить въ ряды группы, издававшей *Впередъ*, но очень скоро между ними началось разногласіе, приведшее къ разрыву, и онъ сталъ во главѣ новаго теченія, получившаго названіе *якобинизма*. Обоснованію его были посвящены—брошюра «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи», вышедшая весною 1874 г., и журналъ *Набатъ*, начавшій выходить съ конца 1875 г.

Въ противоположность журналу *Впередъ*, который подчинялъ политическій элементъ экономическому и ставилъ на своемъ знамени подготовку соціальной революціи путемъ пропаганды, Ткачевъ выдвигалъ на первый планъ политическую борьбу и при томъ непосредственно—путемъ дѣятельности, направленной къ дезорганизаціи и терроризированію правительственной власти. «На знамени партіи дѣйствія, а не партіи резонерства» должны быть написаны только слова: «борьба съ правительствомъ; борьба съ установившимся порядкомъ». Подготовлять революцію—это совсѣмъ не дѣло революціонера. «Ее подготовляютъ: эксплоататоры, капиталисты, помѣщики, попы, полиція, чиновники, консерваторы, либерали, прогресисты и т. п. Революціонеръ же долженъ только пользоваться и извѣстнымъ образомъ комбинировать тѣ, уже готовые, данные революціонные элементы, которые выработала исторія, которые выростила экономическая жизнь народа, которые крѣпнутъ и развиваются благодаря тупости «охранителей», безсмыслію правительствъ съ ихъ жандармами и войсками, благодаря наконецъ трудолюбивымъ воздѣлывателямъ вертограда «мирнаго» прогресса и ихъ буржуазной науки. Революціонеръ не подготовляетъ, а дѣлаетъ революцію... Бить въ набатъ, призывать къ революціи—значитъ, указывать на ея необходимость и возможность именно въ данный моментъ, выяснять практическія средства ея существованія, опредѣлять ея ближайшія цѣли».

Въ томъ, что *дѣлать* революцію—вовсе не такая трудная задача, какъ это представлялъ себѣ *Впередъ*, Ткачевъ вполнѣ сходился съ Бакунинымъ. Революціонеръ всегда считаетъ и всегда долженъ считать себя вправѣ призывать народъ къ возстанію. Онъ признаетъ народъ всегда готовымъ къ революціи. Всякій народъ, задавленный произволомъ и т. д., всегда можетъ,

всегда хочетъ сдѣлать революцію,—онъ всегда готовъ къ ней... Ждать?.. Имѣемъ ли мы право ждать? Мы не допускаемъ никакихъ отсрочекъ, никакого промедленія... Мы не можемъ и не хотимъ ждать! Пусть каждый поскорѣе соберетъ пожитки и спѣшитъ отправиться въ путь».

Эта поспѣшность оправдывалась тѣмъ, что переживаемое Россіей переходное время по пути отъ натурально-хозяйственнаго строя къ капиталистическому представляетъ, по мнѣнію автора, *самый благопріятный* моментъ для революціи.—«Пришло время ударить въ набатъ. Смотрите! Огонь «экономическаго прогресса» уже коснулся коренныхъ основъ нашей народной жизни. Подъ его вліяніемъ уже разрушаются старыя формы нашей общинной жизни, уничтожается самый «принципъ общины», принципъ, долженствующій лечь краеугольнымъ камнемъ того будущаго общественнаго строя, о которомъ всѣ мы мечтаемъ. На развалинахъ перегорающихъ формъ нарождаются новыя формы—формы буржуазной жизни; развивается кулачество, міроѣдство, воцаряется принципъ индивидуализма, экономической анархіи, безсердечнаго, алчнаго эгоизма... Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Сегодня мы сила... Сегодня наши враги слабы, разъѣдены. Противъ насъ одно правительство, съ своими чиновниками и солдатами... Но что будетъ завтра?»—Завтра государство изъ самодержавнаго, которое всѣ ненавидятъ, превратится въ конституціонное, которое всѣ будутъ поддерживать, и тогда благопріятный моментъ будетъ пропущенъ...

Теперь или очень не скоро, можетъ быть, никогда,—такова была центральная мысль *Набата,* и если въ этомъ заключалась своеобразность положенія Россіи, то отсюда слѣдуетъ, по его мнѣнію, и необходимость примѣненія особенныхъ методовъ дѣйствія, отличныхъ отъ тѣхъ, какіе выработаны западной практикой. Смѣшно мечтать,—говоритъ Ткачевъ въ своемъ «Открытомъ письмѣ» къ Фр. Энгельсу, вышедшемъ въ 1875 г.,—о томъ, чтобы пересадить на русскую почву Международный Союзъ Рабочихъ, какъ это дѣлали русская вѣтвь его съ *Народнымъ Дѣломъ* во главѣ и отчасти *Впередъ*. «Мы въ Россіи не располагаемъ ни однимъ изъ тѣхъ средствъ революціонной борьбы, которыя находятся къ вашимъ услугамъ на Западѣ вообще и въ Германіи въ частности. У насъ нѣтъ городского пролетаріата, нѣтъ свободы прессы ,нѣтъ представительнаго со-

бранія, нѣтъ ничего, что давало бы намъ надежду соединить въ одинъ хорошо организованный, дисциплинированный рабочій союзъ... забитую, невѣжественную массу трудящагося люда.— У насъ немыслима рабочая литература, но еслибы созданіе ея и было возможно, то она оказалась бы безполезной, такъ какъ большинство нашего народа не умѣетъ читать». Личное общеніе интеллигенціи съ народомъ тоже невозможно, благодаря полицейскимъ преслѣдованіямъ... Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что «побѣда соціальной революціи болѣе проблематична, менѣе обезпечена въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Ни въ какомъ случаѣ!.. Если у насъ нѣтъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ шансовъ, которые есть у васъ, то мы можемъ указать много такихъ, какихъ не хватаетъ у васъ.—У насъ нѣтъ городского пролетаріата—это, конечно, вѣрно; но зато у насъ совсѣмъ нѣтъ буржуазіи. Между страдающимъ народомъ и угнетающимъ его деспотизмомъ государства у насъ нѣтъ никакого средняго сословія; наши рабочіе должны будутъ бороться лишь съ *политической силой*—сила капитала находится у насъ еще въ зародышѣ... Нашъ народъ невѣжественъ—это также фактъ. Но зато онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ проникнутъ принципами общиннаго владѣнія; онъ, если можно такъ выразиться, коммунистъ по инстинкту, но традиціи... Отсюда ясно, что несмотря на свое невѣжество народъ нашъ стоитъ гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ народы Запада, хотя они и образованнѣе его.

Правда, русскій крестьянинъ привыкъ къ рабству и повиновенію—этого нельзя отрицать, но отсюда не слѣдуетъ заключать, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ протестуетъ и протестуетъ непрерывно—въ формѣ напр. образованія религіозныхъ сектъ, называемыхъ расколомъ, отказа отъ уплаты податей или наконецъ въ видѣ открытаго сопротивленія власти. Конечно, эти протесты узки и разрозненны, но во всякомъ случаѣ они показываютъ, что народу невыносимо его положеніе и что онъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы дать волю накопившемуся въ его груди чувству озлобленія; по этому можно сказать, что русскій народъ не только соціалистъ по традиціи, но и *революціонеръ по инстинкту*, несмотря на его кажущееся отупѣніе и на отсутствіе яснаго сознанія своихъ правъ...

«Наша интеллигентная революціонная партія немного численна,—это также вѣрно. Но зато она не преслѣдуетъ никакихъ другихъ идеаловъ, кромѣ соціалистическихъ, а враги ея

почти еще безсильнѣе ея, и это ихъ безсиліе идетъ ей на пользу. Наши высшія сословія не представляютъ собой никакой силы,— ни экономической (они для этого слишкомъ бѣдны), ни политической (они слишкомъ тупы и слишкомъ привыкли во всемъ полагаться на мудрость полиціи). Наше духовенство не имѣетъ никакого значенія... Наше государство только издали представляется силой. Въ дѣйствительности его сила—кажущаяся, воображаемая. Оно не имѣетъ корней въ экономической жизни народа. Оно не воплощаетъ въ себѣ интересовъ какого-либо сословія. Оно равномѣрно давитъ всѣ классы общества и пользуется равномѣрной ненавистью со стороны ихъ всѣхъ». Пока еще они терпѣливо переносятъ деспотизмъ государства, сдерживаемые иллюзіей о его силѣ и могуществѣ, но стоитъ только возникнуть какимъ нибудь осложненіямъ и все измѣнится: «два-три военныхъ пораженія, одновременное возстаніе крестьянъ во многихъ губерніяхъ, открытое возстаніе въ резиденціи въ мирное время—и вліяніе этой иллюзіи мгновенно разсѣется и правительство увидитъ себя одинокимъ и всѣми покинутымъ».

«Такимъ образомъ, мы и въ этомъ отношеніи имѣемъ болѣе шансовъ, чѣмъ вы,—продолжаетъ авторъ «Открытаго письма» къ Энгельсу. У васъ государство отнюдь не мнимая сила. Оно опирается обѣими ногами на капиталъ; оно воплощаетъ въ себѣ извѣстные экономическіе интересы. Его поддерживаетъ не только солдатчина и полиція, его укрѣпляетъ весь строй буржуазныхъ отношеній... У насъ... наоборотъ—наша общественная форма обязана своимъ существованіемъ государству, государству, такъ сказать, висящему въ воздухѣ, государству, которое не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ соціальнымъ порядкомъ, корни котораго кроются въ прошедшемъ, но не въ настоящемъ».

Но если убѣжденіе, что революцію нужно дѣлать, а не подготовлять, и при томъ дѣлать немедленно—раздѣлявшее Ткачева отъ Лаврова, сближало его съ Бакунинымъ, то и съ послѣднимъ онъ рѣзко расходился во взглядѣ на государство и на способъ осуществленія соціальнаго переворота. «Всѣ наши революціонеры,—говорится въ № 1 *Набата*,—сходятся между собою во взглядахъ на ту конечную цѣль, которую революція должна осуществить. Всѣ они видятъ эту цѣль въ соціальномъ переворотѣ, въ такомъ измѣненіи существующихъ экономическихъ и политическихъ отношеній, которое могло бы обезпечить трудящейся массѣ безпрепятственное пользованіе всѣми

продуктами ея труда и полную свободу въ управленіи своими дѣлами. ...Всѣ наши разногласія сводятся къ весьма второстепенному вопросу, къ вопросу о средствахъ.—Между нашими якобинцами и соціалъ-демократами или анархистами—какъ они себя иногда называютъ—кромѣ пререканій относительно средствъ существуютъ другія, болѣе серьезныя разногласія. Анархисты хотятъ революціи черезъ народъ, якобинцы—черезъ государство».

Требованіе Бакунина о разрушеніи государства Ткачевъ считалъ абсурдомъ, и критикѣ анархической теоріи имъ была посвящена особая брошюра подъ названіемъ «Ораторы бунтовщики передъ русской революціей».

Тамъ указывается ,что слово *анархія* не выражаетъ собою вполнѣ идеала будущаго общественнаго строя: оно указываетъ только на одну его сторону и при томъ не существенную. Никакая революція не можетъ установить братства и равенства... Осуществить эту великую задачу могутъ конечно только люди, понимающіе ее и искренно стремящіеся къ ея разрѣшенію, т. е. люди умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство, въ силу своего болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, всегда имѣетъ и должно имѣть умственную и нравственную власть надъ большинствомъ. Слѣдовательно, революціонеры—люди этого меньшинства, революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственныя и нравственныя силы общества—необходимо обладаютъ и, оставаясь революціонерами, не могутъ не обладать *властью*... Истинная революція—дѣйствительная метаморфоза силы нравственной въ силу матеріальную—можетъ совершиться только при одномъ условіи: при захватѣ революціонерами государственной власти въ свои руки; иными словами, ближайшая, непосредственная цѣль революціи должна заключаться не въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, чтобы овладѣть правительственной властью и превратить данное, консервативное государство въ государство революціонное. Такимъ образомъ, ближайшая цѣль революціи должна заключаться въ *захватѣ политической власти*. Но этотъ захватъ власти, являясь необходимымъ условіемъ революціи—не есть еще революція. Это только ея прелюдія. Революція осуществляется революціоннымъ государствомъ, которое съ одной стороны борется и уничтожаетъ консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняя всѣ тѣ учрежденія, которыя препят-

ствуютъ установленію равенства и братства, а съ другой—вводитъ въ жизнь учрежденія, благопріятствующія ихъ развитію. Такимъ образомъ, дѣятельность революціоннаго государства должна быть двоякая: революціонно-разрушительная и революціонно-устроительная. Сущность первой борьба, а слѣдовательно—насиліе. Дѣятельность же революціонно-устроительная, хотя и должна итти рука объ руку съ дѣятельностью разрушительной, но по своему основному характеру должна опираться на принципы, совершенно ей противоположные. Если первая опирается на силу матеріальную, то вторая—на силу нравственную. Первая осуществляется насиліемъ, а вторая — убѣжденіемъ: ultima ratio одной—побѣда, ultima ratio другой—народная воля, народный разумъ. Обѣ эти функціи революціоннаго государства должны быть строго разграничены. Его конституціонная дѣятельность должна отличаться эластичностью, умѣньемъ приспособляться къ данному уровню народныхъ потребностей и народнаго развитія. Чтобы не удаляться отъ этого уровня, не впадать въ утопію и дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства въ лицѣ ***Народной Думы***, санкціонируя ея волею свою реформаторскую дѣятельность. Въ то же время оно должно постоянно стремиться къ развитію народнаго самосознанія, и тутъ ему открывается широкое поприще для пропаганды, о которой «мечтаютъ наши буржуазные псевдореволюціонеры. Мы признаемъ вмѣстѣ съ ними, что безъ пропаганды соціальная революція не можетъ осуществиться, не можетъ войти въ жизнь .Но мы утверждаемъ, въ противоположность имъ, что пропаганда только тогда и будетъ дѣйствительна, цѣлесообразна, только тогда и принесетъ ожидаемые отъ нея результаты, когда матеріальная власть будетъ находиться въ рукахъ революціонной партіи. Слѣдовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а наоборотъ—насильственный переворотъ долженъ ей предшествовать».

Упрочивъ свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революціонное государство можетъ приступить затѣмъ къ осуществленію соціальной революціи рядомъ реформъ въ области экономическихъ, политическихъ и юридическихъ отношеній общества. Въ общихъ своихъ чертахъ эти реформы должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) постепенное преобразованіе современной крестьянской общины,

основанной на принципахъ *частнаго* владѣнія въ общину-коммуну, основывающуюся на принципѣ общаго совмѣстнаго пользованія орудіями производства и общаго совмѣстнаго труда; 2) постепенная экспропріація орудій производства, находящихся въ частномъ владѣніи, и передача ихъ въ общее пользованіе; 3) постепенное введеніе такихъ общественныхъ учрежденій, которыя устранили бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмѣнѣ продуктовъ; 4) постепенное устраненіе физическаго, умственнаго и нравственнаго неравенства между людьми, при посредствѣ обязательной системы общественнаго, для всѣхъ одинаковаго интегральнаго воспитанія въ духѣ любви, равенства и братства; 5) постепенное уничтоженіе современной семьи, основанной на принципѣ подчиненности женщины, рабства дѣтей и эгоистическаго произвола мужчинъ; 6) развитіе общиннаго самоуправленія и постепенное ослабленіе и упраздненіе центральныхъ функцій государственной власти.

При этомъ, если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ къ перевороту является—по мнѣнію Ткачева—государственный заговоръ на основѣ централистической, сплоченной дисциплинной организаціи революціонныхъ силъ. Необходимость поддержки со стороны народа, конечно, признавалась имъ, но эта поддержка просто разсматривалась, какъ сама собой разумѣющаяся; главное же вниманіе было обращено на пропаганду заговорщической, террористической тактики. «Чтобы превратить народъ,—говорится въ № 2—3 *Набата* за 1876 г.,—изъ *возможной* революціонной силы въ дѣйствительную, изъ возможнаго революціонера въ реальнаго, мы (т. е. революціонное меньшинство) должны первоначально расшатать, ослабить, уничтожить гнетущій его политическій строй, самодержавное государство». Въ воззваніи къ «Студентамъ стараго и новаго свѣта» (*Набатъ* № 9) подчеркивается, что «политическія реформы, постоянно отодвигаемыя на задній планъ, въ наше время болѣе, чѣмъ когда нибудь, необходимы; ...республика должна наконецъ перестать быть пустымъ звукомъ, обманчивымъ обѣщаніемъ;... пришла пора возвратиться къ традиціямъ 89 и 93 г.г., которыя рядъ послѣдовательныхъ узурпацій старался изгладить изъ нашей памяти».

Это сосредоточеніе всѣхъ помысловъ настоящаго на политическомъ моментѣ побудило даже Лаврова смотрѣть на Ткачева не какъ на соціалиста, а только какъ на революціонера, и

онъ отмѣчаетъ, что «появленіе общаго литературнаго врага въ *Набатѣ* не могло не сблизить группы, бывшія одинаково соціалистическими», т. е. пропагандистовъ и бакунистовъ. Такая оцѣнка не была вовсе результатомъ увлеченія въ пылу полемики, а объясняется несомнѣнно глубже — тѣмъ, что признаніе задачъ и цѣлей, выходящихъ за предѣлы программы—максимумъ, рѣзко противорѣчило господствовавшему тогда народническому катехизису. Наоборотъ, Ткачевъ считалъ занятую имъ позицію единственно правильной и смотрѣлъ на нее, какъ на какое-то новое открытіе. Какъ заявлялось въ передовой статьѣ «Итоги» № 1 *Набата*, «намъ кажется,что революціонеры 60-хъ годовъ не имѣли подъ ногами твердой почвы, что они витали въ облакахъ, занимались ребяческими конспираціями, по-пусту тратили свои силы на фантастическія предпріятія. Тогда какъ мы—о, мы совсѣмъ другое дѣло—мы нашли надлежащую опору своей дѣятельности». Но и къ направленію, представляемому журналомъ *Впередъ*, онъ относился столь же пренебрежительно. Конечно, признаніе и отчетливая постановка вопроса о необходимости политической борьбы была шагомъ впередъ въ смыслѣ освобожденія отъ утопическихъ воззрѣній стараго народничества и приближенія къ реалистическому пониманію задачъ демократическаго движенія, но значеніе этого шага совершенно обезцѣнивалось тѣмъ, что политическую борьбу Ткачевъ представлялъ себѣ не какъ длительный процессъ, направленный на развитіе народнаго самосознанія и сплоченности, въ тѣсной связи съ борьбой за повседневные экономическіе интересы, а лишь въ видѣ тайнаго заговора небольшой кучки далеко стоящихъ отъ массы и неизвѣстныхъ ей лицъ, производящихъ время отъ времени набѣги съ цѣлью захвата въ свои руки правительственной власти. Точно также и его критика постепеновской тактики журнала *Впередъ*, хотя производила съ перваго взгляда впечатлѣніе остроумія и строгой логичности, поскольку она ловила послѣдній на противорѣчіи съ самимъ собой и стремилась къ послѣдовательному выводу изъ общепризнанныхъ тогда посылокъ, не переставала быть отъ этого ложной по существу, такъ какъ ложной была его основная мысль, что соціальный переворотъ можетъ быть осуществленъ или т е п е р ь, когда еще не утвердился у насъ капитализмъ, или н и к о г д а—мысль, являющаяся лишь воспроизведеніемъ одного изъ предразсудковъ народничества. Такимъ образомъ, въ общемъ — несмотря на

стремленіе считаться со всѣми особенностями русской дѣйствительности и быть строго реалистичнымъ, русскій якобинизмъ былъ столь же утопиченъ, какъ и другія теченія 60-хъ и 70-хъ годовъ, т. е. былъ если не хуже, то и не лучше ихъ, и естественно долженъ былъ остаться столь же безрезультатнымъ, какъ и они.

О популярности своихъ идей якобинцы были очень преувеличеннаго мнѣнія: какъ говорилъ одинъ изъ сотрудниковъ *Набата* за-границей въ 1876 г., ихъ сторонниковъ «болѣе 100,000 въ Россіи»... Въ дѣйствительности однако пропаганда *Набата* первое время не вызвала почти никакого сочувствія среди радикальной молодежи—какъ потому, что господствующее направленіе, руководимое авторитетами Бакунина и Лаврова, относилось враждебно къ политикѣ, такъ и потому что централистическая организація стояла въ противорѣчіи съ демократическимъ принципомъ «все для народа и черезъ посредство народа», тѣмъ болѣе что планы Ткачева будили мрачныя воспоминанія, связанныя съ дѣломъ Нечаева. Но въ условіяхъ русской жизни было нѣчто, властно толкающее на этотъ путь, и спустя нѣсколько лѣтъ настроеніе круто измѣнилось въ сторону именно якобинскихъ плановъ.

Причины неудачи хожденія въ народъ горячо дебатировались въ теченіе 1876 г. въ кружкахъ молодежи, и результатомъ этихъ споровъ было то ,что мирные лавристы, начавшіе было незадолго передъ тѣмъ пропаганду среди рабочихъ, все болѣе и болѣе отступали на задній планъ, а въ 1877 г. окончательно уже сошли со сцены. Наоборотъ, революціонеры-агитаторы, дѣйствовавшіе до сихъ поръ разрозненно и только на югѣ, стали проникать на сѣверъ и задавать тонъ. Вмѣсто пропаганды стали выдвигать теперь агитацію дѣйствіемъ, бунты, вмѣсто хожденія въ народъ — прочныя поселенія и вмѣсто простого возбужденія—организацію въ боевыя дружины.

Весною 1877 г. дѣйствительно былъ основанъ цѣлый рядъ поселеній, начиная отъ нижней Волги и до Урала, но сколько-нибудь значительнаго успѣха удалось достигнуть только въ одномъ случаѣ—это именно въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ., гдѣ Стефановичъ вмѣстѣ съ Дейчемъ и Бохановскимъ сумѣли сорганизовать довольно значительное число крестьянъ во главѣ съ ихъ старостами, но... только при помощи так. назыв. «золотой грамоты», т. е. подложнаго манифеста, въ которомъ

именемъ царя приказывалось крестьянамъ соединяться въ тайныя дружины, чтобы подготовиться къ возстанію противъ дворянъ, чиновниковъ и всѣхъ высшихъ сословій, мѣшающихъ ему, царю, дать крестьянамъ полную свободу и землю. Каждый дружинникъ обязывался сдѣлать для себя пику или ратище и сохранять его до времени возстанія. На грамотѣ былъ помѣщенъ оттискъ орла, а на печати—изображеніе пики и топора...

Въ началѣ сентября однако заговоръ былъ открытъ, при чемъ кромѣ Стефановича, Дейча, Бохановскаго и еще восьми человѣкъ изъ интеллигентной молодежи было арестовано одновременно около тысячи крестьянъ *). Послѣднихъ однако ни въ коемъ случаѣ нельзя отнести къ сознательнымъ бунтовщикамъ, ибо, узнавъ о подложности манифеста, они покаялись.

Правда, въ первомъ № газеты «Земля и Воля» говорилось, что «дѣлу этому суждено быть однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи русской революціи», однако конецъ его въ сущности уже тогда убѣдилъ революціонныя организаціи, что для поворота исторіи на новый путь такія средства не годятся. Какъ признается самъ Дейчъ, «исходомъ Чигиринскаго заговора никто изъ насъ не былъ доволенъ и погибнуть за это именно дѣло не могло казаться заманчивымъ».

Осенью 1876 г., изъ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома остатковъ прежнихъ кружковъ образовалось наконецъ новое общество подъ названіемъ «Земля и Воля», сосредоточившее въ себѣ весь цвѣтъ тогдашнихъ революціонныхъ силъ. Правда, на югѣ продолжали еще существовать необъединенныя даже между собой группы «бунтарей», но и онѣ находились въ связи съ сѣверной организаціей черезъ посредство выдающагося по энергіи члена его—Валеріана Осинскаго. Иниціатива этого объединенія всѣхъ активныхъ силъ принадлежала Марку Натансону, котораго называли въ шутку «собирателемъ земли русской»—такъ велика была его роль въ тогдашнемъ движеніи.

Въ числѣ членовъ организаціи мы находимъ исключительно пропагандистовъ и бунтарей, ни одного сторонника *Набата* тамъ не было—такъ мало было еще вліяніе послѣдняго!

Этотъ составъ членовъ уже самъ собой опредѣляетъ въ значительной степени тотъ кругъ идей, которыя одушевляли новую организацію—по крайней мѣрѣ при ея возникновеніи, и

*) См. Документы къ Чигиринскому дѣлу. *Былое* № 12 за 1906 г. и Л. Дейчъ—На рубежѣ. *Вѣстникъ Европы* № 7 за 1912 г.

намъ интересно теперь выяснить, въ чемъ же заключается то *новое*, что она внесла съ собой. До сихъ поръ источникомъ, изъ котораго питалось соціалистическое движеніе въ Россіи, являлись органы и лица, находившіеся заграницей. Какъ формулировалъ свою задачу *Колоколъ*, «пропаганда явнымъ образомъ распадается на двое. Съ одной стороны, теорія; съ другой—образованіе круговъ, устройство путей, внутреннихъ и внѣшнихъ сношеній. На первое мы посвящаемъ всю нашу дѣятельность, всю нашу преданность. Второе не можетъ дѣлаться за-границей. Это дѣло ,котораго мы ждемъ въ ближайшемъ будущемъ». Эти ожиданія оправдались, и разнаго рода кружки дѣйствительно стали возникать одинъ за другимъ внутри Россіи; но естественно, конечно, что *теорія*, вырабатываемая за-границей, по необходимости должна была носить общій характеръ и программы въ тѣсномъ смыслѣ слова дать не могла. «Единственной цѣлью всякой заграничной литературной дѣятельности,—говорится въ № 48 *Впередъ*—могло быть всегда лишь развитіе практической дѣятельности въ Россіи; теперь эта дѣятельность становится главной; для нея нужны программы и онѣ могутъ быть выработаны и обсуждены надлежащимъ образомъ лишь мѣстными дѣятелями». «Земля и Воля» и была первой серьезной организаціей, которая распространеннымъ, но расплывчатымъ взглядамъ мѣстныхъ дѣятелей придала форму болѣе или менѣе опредѣленныхъ положеній. Къ ознакомленію съ ней мы и переходимъ теперь.

«Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ,—читаемъ мы въ программной статьѣ новаго органа—онъ требовалъ земли и воли. Земли, какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли, какъ общаго права всѣхъ людей распоряжаться своими дѣлами. Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе и иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли,—такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ. Такова же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа. Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры-народники.

Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ же фабричный мы оставляемъ въ тѣни и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимой, а потому что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само бы вырыло себѣ могилу. Точно также и городское соціалистическое движеніе, еслибы оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось бы съ первыхъ же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграрномъ».

На Воронежскомъ съѣздѣ, происходившемъ въ 1879 г., основныя положенія программы оставлены были безъ измѣненія. Центръ тяжести долженъ былъ по прежнему обязательно лежать въ народѣ, т. е. въ деревнѣ. Экономическая, т. е. аграрная революція—цѣль этой дѣятельности. Попытки Осинскаго внести, нѣсколько раньше—на съѣздѣ въ Петербургѣ—въ программу политическій элементъ были встрѣчены дружными протестами, и его предложеніе отвергнуто огромнымъ большинствомъ.

Вѣря въ соціально-революціонное міровоззрѣніе народа, землевольцы вѣрили также, что онъ самъ постоитъ за себя; роль интеллигенціи заключается въ томъ, чтобы помочь ему формулировать свои требованія, отстаивать же ихъ онъ будетъ самъ. Ничего своего они вносить не хотѣли. «Революція—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ—исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій»...

Сообразно съ этимъ терроръ допускается только какъ средство самозащиты; нѣкоторыми впрочемъ также, какъ месть. «Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ. Поэтому главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа.

Террористы—это не болѣе какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго—оберегать работниковъ среди народа отъ предательскихъ ударовъ врага».

Видя единственную опору для соціалистическаго движенія у насъ въ крестьянскихъ массахъ,—такъ какъ исторія, по ихъ мнѣнію, не выдвинула въ Россіи фабричнаго вопроса совсѣмъ,—землевольцы наибольшее вниманіе естественно обратили конечно въ эту сторону, и большинство ихъ разъѣхалось по деревнямъ. Пропаганда, правда, велась и среди рабочихъ, тѣмъ болѣе что послѣдніе оказались несравненно болѣе развитымъ и воспріимчивымъ элементомъ, но эта работа разсматривалась, какъ подготовительная, и самостоятельнаго значенія не имѣла: вѣнцомъ желаній для пропагандиста было—отправить рабочихъ при первой возможности опять таки въ деревню для использованія ихъ связей съ мѣстнымъ населеніемъ.

Селясь въ деревнѣ, члены организаціи занимали тамъ должности волостныхъ и сельскихъ писарей, фельдшеровъ и учителей. Своимъ участливымъ отношеніемъ къ нуждамъ крестьянскаго населенія они старались пріобрѣсть его расположеніе. Но дѣятельность ихъ была главнымъ образомъ культурная; чтобы не скомпрометировать себя и не разрушить съ большимъ трудомъ устроеннаго положенія, народникъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, да и то только съ отдѣльными крестьянами, могъ дѣлиться своими соціалистическими убѣжденіями. Его роль сводилась въ дѣйствительности къ тому, чтобы дождаться такого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, при которомъ онъ могъ бы воспользоваться пріобрѣтенной имъ въ данной мѣстности популярностью. Возможность приблизить время народной революціи, дать сигналъ къ ней оказалась такимъ образомъ проблематичной; но не всѣмъ было по нутру сидѣть неопредѣленное время у моря и ждать погоды. Результатомъ этого и явилось начавшееся нѣкоторое время спустя бѣгство изъ деревни.

Выставляя положеніе, что «противъ класса можетъ возстать только классъ, разрушить систему можетъ только самъ народъ», землевольцы и слышать не хотѣли о захватѣ власти, проповѣдуемой немногочисленными въ то время сторонниками Ткачева. Но и къ участію вообще въ борьбѣ за политическую свободу они также относились отрицательно. Конституція

дастъ возможность сорганизоваться прежде всего именно владѣльческимъ классамъ, и первымъ дѣломъ ихъ будетъ «провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ. Направивъ всѣ свои силы на борьбу съ правительствомъ ,мы конечно сильно ускоримъ его паденіе .Но тогда, не имѣя никакихъ корней въ народѣ, мы будемъ не въ состояніи воспользоваться своей побѣдой. Это будетъ побѣда Пирра, сказавшаго послѣ битвы при Гераклеѣ: еще одна такая побѣда—и я безъ войска поплыву въ Эпиръ»... Въ другомъ родственномъ имъ журналѣ «Начало» № 4 за 1878 г. точно также прямо указывается, что «при всемъ желаніи политическаго переворота соціалисты должны однако отказаться отъ мысли помогать либераламъ въ борьбѣ за конституцію. Въ этомъ случаѣ они должны держаться политики laisser faire, laisser passer, положиться исключительно на дѣйствіе общихъ, безсознательныхъ стихійныхъ силъ... Соціалисты должны напротивъ, предвидя неизбѣжность политическаго переворота, затратить всѣ свои силы на чисто народное дѣло, воспользоваться предстоящимъ смутнымъ временемъ для своихъ, быть можетъ, отдаленныхъ, а быть можетъ и весьма близкихъ, непосредственныхъ цѣлей соціальной революціи».

По словамъ Дейча, въ нѣкоторыхъ городахъ, преимущественно на югѣ (въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ) представители либеральной части общества не прочь были вступить въ коекакія соглашенія съ революціонерами, для совмѣстной борьбы за политическую свободу. «Если память мнѣ не измѣняетъ, такое соглашеніе не состоялось, главнымъ образомъ, по винѣ южныхъ бунтарей: кажется, мои тогдашніе единомышленники, въ качествѣ рѣшительныхъ отрицателей всякой «государственной власти» и какой бы то ни было «формы правленія», нашли невозможнымъ содѣйствовать тому, чтобы «г.г. либералы получили конституцію, а слѣдовательно заодно съ буржуазіей угнетали бы народъ «усовершенствованнымъ способомъ». В. Осинскій признавалъ въ то время необходимымъ начать систематическую борьбу для завоеванія политической свободы, но онъ оказался буквально въ единственномъ числѣ: внесенное имъ въ этомъ смыслѣ на обсужденіе членовъ Сѣверной организаціи предложеніе въ концѣ лѣта 1878 г. было всѣми отвергнуто самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ общемъ можно сказать, что общество «Земля и Воля» представляло собою синтезъ двухъ предшествовавшихъ направленій, т. е. лавристовъ и бакунистовъ. Несомнѣнно, значительное число его членовъ занималось не чѣмъ инымъ, какъ пропагандой, но вмѣстѣ съ тѣмъ на первый планъ выдвигается задача «какъ можно болѣе расшевелить крестьянина, возбуждать его къ протесту, пріучать къ борьбѣ и дружному дѣйствію». Нужна активная борьба, нужна практическая агитація... Признавая безуспѣшность «хожденія въ народѣ», новое направленіе главную причину этого видѣло въ томъ, что пропагандисты слишкомъ далеко стояли отъ крестьянъ и хотѣло исправить дѣло большей активностью своихъ дѣйствій, придавая имъ агитаціонный характеръ. Оно не допускало мысли, что можетъ быть само содержаніе пропаганды было далеко отъ тѣхъ массъ, для которыхъ она предназначалась, какъ не выяснило себѣ предварительно и другого вопроса,—можно ли собственно ожидать успѣшныхъ результатовъ отъ агитаціи тамъ, гдѣ не нашла себѣ подходящей почвы пропаганда? Но прежде чѣмъ эта ошибка была замѣчена и исправлена, въ настроеніи радикальной интеллигенціи произошелъ поворотъ въ другую сторону. Жестокія репрессіи правительства все болѣе и болѣе толкали наиболѣе пылкихъ членовъ организаціи на путь террористической борьбы, и уже въ 1878 г. произошелъ цѣлый рядъ открытыхъ столкновеній: выстрѣлъ В. Засуличъ въ Трепова, покушеніе на товарища прокурора Котляревскаго, убійство жандармскаго офицера Гейкинга, шефа жандармовъ Мезенцова, вооруженная попытка Войнаральскаго, вооруженное сопротивленіе при арестахъ и т .п. Въ послѣднемъ номерѣ журнала, вышедшемъ въ апрѣлѣ 1879 г., уже ясно видны слѣды этого поворота. «Вся дѣятельность въ народѣ—говорится здѣсь—можетъ или имѣть огромное значеніе, или лишиться всякаго смысла, смотря по тому какъ будетъ обусловлено дѣло боевой организаціи... Всякая пропаганда должна быть поддержана фактами, примѣромъ, дѣломъ, и это особенно имѣетъ значеніе въ такомъ рискованномъ, опасномъ дѣлѣ, какъ возстаніе. Проповѣдуя возстаніе, революціонная партія должна первая поднять его занмя. Организуя вооруженныя банды, мы фактически осуществляемъ революцію, противопоставляемъ силѣ силу и даетъ народу лучшій образчикъ способа дѣйст-

вій.—Возможность сформировать такія банды едва ли можетъ возбуждать сомнѣніе. Мадзини вооружалъ такимъ образомъ по 700 человѣкъ: это цѣлая армія. Нѣтъ также основаній, чтобы силы правительственной организаціи совершенно отняли у насъ возможность дѣйствовать: примѣръ городскихъ террористовъ въ этомъ отношеніи очень поучителенъ. На дѣлѣ мы видимъ, что организація подобной боевой силы въ деревняхъ совершенно необходима».

Не всѣ однако пошли на встрѣчу этому теченію, и въ результатѣ разногласій между старымъ и новымъ направленіемъ «Земля и Воля» распалась осенью 1879 г. на двѣ организаціи: Черный Передѣлъ и Народная Воля.

Чернопередѣльцы или—какъ ихъ еще называли противники—«сонные деревенщики» вышли изъ той части З. и В., которая или вовсе отрицала политику, или ставила ее только на второй планъ и по прежнему хотѣла всѣ силы посвятить соціалистической пропагандѣ и агитаціи среди крестьянства. Какъ говорится въ объявленіи объ изданіи *Чернаго Передѣла*, «его направленіе достаточно опредѣлится, если мы заявимъ полную солидарность со взглядами, выраженными въ передовыхъ статьяхъ 1—5 №№ *Земли и Воли*. Дальнѣйшее развитіе этихъ взглядовъ, опредѣленіе задачъ партіи въ народѣ и предостереженіе ея отъ излишняго увлеченія задачами чисто политическаго характера, могущаго отвлечь партію отъ единственно возможнаго для нея пути—агитаціи на почвѣ требованій народа, выражаемыхъ лозунгомъ «Земля и Воля»—будетъ составлять нашу задачу».

Историческій опытъ учитъ насъ,—указывается далѣе въ № 1 газеты,—что реорганизація общества на болѣе справедливыхъ основаніяхъ возможна лишь при помощи экономической, соціальной революціи, что политическіе перевороты *нигдѣ и никогда* не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалъ политической свободы—верховное право народа, всеобщее избирательное право, во имя которыхъ еще такъ недавно совершались политическіе перевороты, въ настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе.

Въ сущности система Людовика XIV, Робеспьера и Наполеона одинаковы: централизація, авторитетъ и инціатива съ одной стороны, покорность и безмолвіе массъ съ другой. Если пар-

тія «Народной Воли» усвоитъ эти принципы, она станетъ партіей реакціи и застоя и потеряетъ сочувствіе массъ. Это признано въ Западной Европѣ съ 1848 г. Вожди рабочаго движенія оставили тамъ въ сторонѣ политическіе вопросы и требуютъ реорганизаціи экономическихъ и соціальныхъ отношеній, которая должна произойти съ помощью самого народа. Да и что стало бы у насъ, если напр. террористамъ удастся заставить правительство пойти на уступки и оно даруетъ конституцію. Что выйдетъ изъ этого? Буржуазія добьется законодательной защиты своихъ интересовъ и станетъ развиваться быстрѣе, чѣмъ теперь, благодаря покровительственной системѣ, займамъ и субсидіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обрушится на общинное землевладѣніе, служащее теперь препятствіемъ къ переходу крестьянскихъ земель въ частныя руки. Капиталисты, ростовщики, адвокаты, литераторы—вотъ кто извлечетъ пользу изъ конституціи. На избирательную агитацію разсчитывать нечего: будутъ конечно споры, могутъ явиться даже волненія, но ничего положительнаго изъ этого не выйдетъ. Результаты будутъ тѣ же, что и при теперешнихъ городскихъ и земскихъ выборахъ. Города будутъ избирать богатыхъ и сильныхъ купцовъ, деревня зажиточныхъ крестьянъ и даже помѣщиковъ, въ виду того что народъ находится въ экономической зависимости отъ нихъ. Изъ-за такой конституціи народъ не будетъ проливать свою кровь.

Такое отношеніе къ вопросу о борьбѣ за политическую свободу вытекало изъ знакомаго уже намъ взгляда на особый законъ развитія для Россіи. На Западѣ капитализмъ подготовляетъ почву для новаго строя, а у насъ этой подготовки вовсе не требуется: «общинное землевладѣніе и артельная организація народной промышленности составляетъ практически осуществимую часть соціалистической доктрины. Поэтому они и должны быть взяты агитаціоннымъ девизомъ русской соціально-революціонной партіи». Девизъ этотъ во второмъ номерѣ газеты былъ выраженъ въ краткой, но выразительной формулѣ: рабочій бери фабрику, крестьянинъ—землю!

Конечные идеалы обѣихъ фракцій были одинаково окрашены въ цвѣтъ анархическаго аграрнаго соціализма, но онѣ рѣзко отличались другъ отъ друга—по крайней мѣрѣ первое время—своими взглядами на формы организаціи и тактическіе пріемы. Въ то время какъ народовольцы являлись сторонни-

ками централистической организаціи, чернопередѣльцы стояли за образованіе небольшихъ группъ—или совершенно независимыхъ, или связанныхъ между собой на началахъ федераціи. Первые стремились создать боевые партизанскіе отряды революціонеровъ, которые должны были терроризовать органы правительственной власти (главнымъ образомъ въ центрѣ), вторые же хотѣли поднять народныя массы, создать движеніе снизу. Народовольцы на первый планъ выдвигали чисто политическую задачу—созывъ учредительнаго собранія, а чернопередѣльцы мечтали объ аграрной революціи, которая, избавивъ народъ отъ узъ экономической зависимости, тѣмъ самымъ разрѣшила бы и вопросъ политическаго освобожденія.

Однако благопріятной почвы для сколько-нибудь крупныхъ движеній въ деревнѣ по прежнему не оказывалось, и интеллигентская молодежь пошла за другимъ теченіемъ, которое болѣе отвѣчало ея тогдашнему настроенію. Дейчъ, Засуличъ, Плехановъ вскорѣ уѣхали за-границу, Стефановичъ примкнулъ къ террористамъ, а оставшіеся чернопередѣльцы подавали очень мало признаковъ жизни. Послѣ же событія 1 марта они и въ теоретическомъ отношеніи стали утрачивать свою индивидуальность и сближаться съ народовольцами, признавая желательность конституціи и высказывая одобреніе террору.

Крупные террористическіе акты представляются имъ теперь весьма цѣлесообразными, какъ искры, воспламеняющія революціонное движеніе. Неожиданный смѣлый ударъ сверху и рядъ систематическихъ нападеній снизу разрушатъ старое экономическое и политическое зданіе, и на развалинахъ его возникнетъ новый строй. Терроръ восхваляется также за то, что онъ побуждаетъ народъ начать и съ своей стороны активную борьбу. Но такъ какъ прежде всего необходимо организовать въ деревняхъ народную партію, то главныя силы организаціи не слѣдуетъ обращать на борьбу съ центральнымъ правительствомъ; болѣе цѣлесообразнымъ признается поэтому систематическій аграрный и фабричный терроръ (см. № 4). Въ народѣ должны быть устроены особые отряды, которые бы открыли партизанскую войну съ его врагами.

Когда такого рода терроръ привлечетъ къ себѣ симпатіи народа, когда послѣдній увидитъ ,какъ враги его падаютъ отъ таинственной руки его благожелателей,—тогда пульсъ его за-

бьется сильнѣе и въ немъ пробудится самосознаніе и чувство собственнаго достоинства. Въ качествѣ примѣра для подражанія выставлялась при этомъ организованная борьба въ Ирландіи. Другія же формы, какъ напр. стачки и народныя волненія, требуютъ отъ революціонеровъ болѣе выжидательной тактики, онѣ не зависятъ отъ воли партіи и могутъ возникать лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Хотя онѣ и не лишены значенія, все-таки главную роль въ данное время долженъ играть аграрный и фабричный терроръ. Онъ уже практикуется народомъ—напр. въ видѣ поджоговъ или еврейскихъ погромовъ, но будучи неорганизованъ приноситъ мало пользы...

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ взглядовъ другой фракціи.

Пограмма Исполнительнаго Комитета Народной Воли начинается съ заявленія, что «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы—соціалисты и народники». Но при отсутствіи политической свободы широкая пропаганда соціалистическихъ идей въ Россіи невозможна. Государство составляетъ крупнѣйшую въ странѣ капиталистическую силу и оно же составляетъ единственнаго политическаго притѣснителя народа. «Мы видимъ, что этотъ государственно-буржуазный наростъ держится исключительно голымъ насиліемъ: своей военной, полицейской и чиновничьей организаціей, совершенно такъ же, какъ держались у насъ монголы Чингисъ-Хана».

Поэтому мы должны—говорится далѣе—какъ соціалисты и народники, поставить своей ближайшей задачей—снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу. Для достиженія этой цѣли на первый планъ выдвигается систематическая разрушительная, террористическая дѣятельность на основѣ строго централистической организаціи. «Намъ кажется—говорится въ № 1 *Народной Воли*—что однимъ изъ важнѣйшихъ чисто практическихъ вопросовъ настоящаго времени является вопросъ о государственныхъ отношеніяхъ. Анархическія тенденціи долго отвлекали и до сихъ поръ отвлекаютъ вниманіе наше отъ этого важнаго вопроса. А между тѣмъ именно у насъ, въ Россіи, особенно не слѣдовало бы его игнорировать. Наше государство—совсѣмъ не то, что государство европейское. Наше правительство не комиссія уполномоченныхъ отъ господствующихъ классовъ, какъ въ Европѣ,

а есть самостоятельная, для самой себя существующая организація, іерархическая, дисциплинированная ассоціація, которая держала бы народъ въ экономическомъ и политическомъ рабствѣ даже въ томъ случаѣ, если бы у насъ не существовало никакихъ эксплоататорскихъ классовъ». Но въ этомъ заключается и источникъ его слабости. «Русское правительство—желѣзный колоссъ на глиняныхъ ногахъ: оно не опирается ни на чьи интересы въ странѣ, оно живетъ само для себя и потому не имѣетъ поддержки ни въ чемъ, кромѣ грубой силы, дисциплины и пассивнаго повиновенія въ своихъ собственныхъ рядахъ, да еще пожалуй въ политической невыработанности своихъ противниковъ. Наше правительство можетъ быть страшно только до тѣхъ поръ, пока мы не двинемся на него всѣми силами, ибо въ этомъ случаѣ за насъ будетъ все, что есть мыслящаго въ Россіи.

...Возьмемъ ли мы на себя иниціативу противоправительственнаго похода и политическаго переворота,—или будемъ по старому игнорировать политическую дѣятельность, тратя всѣ силы на то, чтобы биться около народа, какъ рыба объ ледъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Въ первомъ случаѣ—мы будемъ несомнѣнно имѣть въ движеніи свою долю вліянія и если не достигнемъ полнаго освобожденія народа, то по крайней мѣрѣ добьемся признанія верховной власти его, дадимъ ему вліяніе на весь существующій порядокъ вещей, санкціонируемъ существованіе доброжелательныхъ народу направленій, добьемся того, что служеніе народу не будетъ синонимомъ государственнаго преступленія... Допустивши совершеніе политическаго переворота безъ своего воздѣйствія, наша партія осудитъ себя, можетъ быть, на цѣлыя столѣтія подготовительной работы».

Въ № 2 вновь подчеркивается, что «ниспроверженіе существующихъ понынѣ государственныхъ формъ и подчиненіе государственной власти народу» составляетъ главнѣйшую задачу настоящаго времени. «Исторія создала у насъ, на Руси, двѣ главныя самостоятельныя силы: народъ и государственную организацію. Другія соціальныя группы и понынѣ имѣютъ у насъ самое второстепенное значеніе». Дворянство не смотря на всѣ правительственныя попеченія оказалось рѣшительно неспособнымъ сложиться въ прочную общественную группу и теперь уже стушевалось, едва просуществовавъ сто лѣтъ. Буржуазія, выдвигаемая всѣми условіями нашей жизни и при

самомъ рожденіи своемъ поступившая подъ крылышко правительства, имѣетъ болѣе шансовъ на продолжительное существованіе и, если общія условія русской жизни не измѣнятся, она конечно скоро составитъ грозную общественную силу и подчинитъ себѣ не только массы народа, но и самое государство. Но это еще вопросъ будущаго. Въ настоящее время наша буржуазія составляетъ не болѣе, какъ ничѣмъ не сплоченную толпу хищниковъ; она не выработала еще ни сословнаго самосознанія, ни сословной солидарности. Скоро однако это положеніе дѣлъ можетъ измѣниться. Пройдетъ еще нѣсколько поколѣній и мы увидимъ у себя настоящаго буржуа, увидимъ хищничество, возведенное въ принципъ, съ теоретической основой, съ прочнымъ міросозерцаніемъ, съ сословной нравственностью. Все это будетъ, конечно, но только въ томъ случаѣ, если буржуазію не подсѣчетъ въ корнѣ общій переворотъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній. Мы думаемъ, что онъ очень возможенъ и если онъ дѣйствительно произойдетъ, то буржуазія наша такъ же сойдетъ со сцены, какъ сошло дворянство, потому что она въ сущности создается тѣмъ же государствомъ.

Передача государственной власти въ руки народа въ настоящее время могла бы дать всей нашей исторіи совершенно новое направленіе и развитіе въ духѣ народнаго общинно-федеративнаго устройства. Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что наше правительство отъ какихъ бы то ни было причинъ принуждено ликвидировать свои дѣла. Составляется самостоятельно или по приглашенію правительства Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей. Въ этомъ собраніи 90% депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью—отъ партіи. Что можетъ постановить такое собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы намъ полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній; мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ всюду, гдѣ онъ былъ свободенъ отъ давленія государства; мы знаемъ принципы, которые развивалъ въ своей жизни народъ на Дону, на Яикѣ, на Кубани, на Терекѣ, въ сибирскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ устраивался свободно, сообразуясь только съ собственными наклонностями; мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній

Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація— вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія. И нѣтъ въ Россіи такой силы, кромѣ государства, которая имѣла бы возможность съ успѣхомъ становиться поперекъ дороги этимъ принципамъ. Устраните государство, и народъ устроится, можетъ быть, лучше, чѣмъ мы даже можетъ надѣяться». Въ заключеніи подчеркивается необходимость выбора какой-нибудь одной системы дѣйствій: или союзъ съ государствомъ и совмѣстное съ нимъ задушеніе буржуазіи въ самомъ зародышѣ, или—такъ какъ этотъ союзъ, очевидно, нелѣпѣйшая изъ нелѣпостей—борьба съ государствомъ, но если такъ, то ужъ борьба осмысленная, съ опредѣленной цѣлью, съ непремѣннымъ результатомъ—возможно скорѣйшей передачей государственной власти въ руки народа, пока еще не поздно, пока есть шансы на то, что власть перейдетъ дѣйствительно къ нему. Теперь или никогда, вотъ наша дилемма».

Внимательный читатель замѣтитъ, конечно, что въ послѣднихъ словахъ содержится почти буквальное повтореніе выраженій Ткачева...

Въ «политическихъ письмахъ соціалиста», помѣщенныхъ въ №№ 2 и 3 *Н. В.*, авторъ—Гроньяръ (псевдонимъ Н. К. Михайловскаго) старается убѣдить бывшихъ единомышленниковъ, оставшихся вѣрными прежнему знамени «Земли и Воли», отказаться отъ принципа невмѣшательства въ политику. «Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собой ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго императора божіей милостью. Наша буржуазія не отлилась въ самостоятельныя политическія формы, она прячется въ складкахъ царской порфиры, но только потому, что ей такъ удобнѣе исполнить свою историческую миссію расхищенія народнаго достоянія и присвоенія народнаго труда. Министру Валуеву нуженъ самодержавный царь, чтобы изъ подъ его руки расхищать государственныя имущества. Деревенскому кулаку нужна эманація самодержавнаго царя— самодержавный исправникъ ,чтобы закрѣпощать голытьбу. Фабриканту нужна такая же эманація—самодержавный полиціймейстеръ, чтобы перепороть стакнувшихся рабочихъ. Европейской буржуазіи самодержавіе помѣха, нашей буржуазіи оно— опора. Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена

уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное, умственно и матеріально сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманаціяхъ. Такая минута наступитъ... Отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что чѣмъ самодержавнѣе исправникъ, тѣмъ легче грабить кулаку. Предразсудокъ противъ политической борьбы силенъ въ Россіи. ...Пора, давно пора выздоровѣть и понять, что политическій деспотизмъ выгоденъ только врагамъ народа. Конституціонный режимъ есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи. Этотъ завтрашній день не принесетъ разрѣшенія соціальнаго вопроса. Но развѣ вы хотите завтра же сложить руки? Развѣ вы устали бороться? Вѣрьте мнѣ, что даже самое единодушное народное возстаніе, если бы оно было возможно, не дастъ вамъ опочить на лаврахъ и потребуетъ новаго напряженія, новой борьбы». Далѣе авторъ доказываетъ непослѣдовательность землевольцевъ, которые, уклоняясь отъ политической борьбы на томъ основаніи, что русская революція должна носить исключительно соціальный характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ допускаютъ однако частичный терроръ, какъ средство самозащиты. «Ваши убійства не заключаютъ въ себѣ ничего соціалистическаго. Это актъ чисто политической борьбы, но только урывками... Не такія ничтожества, какъ Гейкингъ или Треповъ, мѣшаютъ вашей дѣятельности, а весь русскій политическій строй въ цѣломъ.—Союзъ съ либералами тоже не страшенъ, если вы вступите въ него честно и безъ лицемѣрія объявите имъ свой лозунгъ «Земля и Воля».

...Въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ и временныхъ. И признаюсь вамъ: я думаю, что многіе либералы гораздо къ вамъ ближе, чѣмъ вамъ кажется».

Въ настоящее время въ Россіи происходитъ—говорится въ № 6—самый разгаръ борьбы между народнымъ, общинно-соціалистическимъ строемъ и государственно-буржуазнымъ. Мы не касаемся спорнаго вопроса о томъ, возможно ли въ Россіи капиталистическое производство. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что худшая, средняя сторона капитализма, т. е. закрѣпоще-

ніе труда и разообщеніе его отъ владѣнія орудіями труда— у насъ не только возможно, но составляетъ главную тенденцію того строя, который считается офиціальнымъ, законнымъ. Всѣ общія мѣропріятія государства, все законодательство до сихъ поръ были направлены къ подавленію народнаго строя и доставленію торжества строю эксплоататорскому. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній до сихъ поръ еще не укрѣпился въ массахъ народа, до сихъ поръ еще требуетъ постоянной поддержки государства.

Для того чтобы Разуваевъ могъ успѣшно оперировать въ деревнѣ, ему нужно, что за него былъ законъ, т. е. общія мѣры государства. Безъ этой постоянной поддержки Разуваевъ не можетъ побѣдить мужика, не можетъ искоренить общинно-соціалистической основы, на которой держится мужицкая жизнь. Но съ другой стороны, и мужицкій строй безъ поддержки государства съ Разуваевымъ не справится... Обладаніе государственной власти дѣлается у насъ главнымъ условіемъ побѣды для каждой изъ обѣихъ сторонъ. Значеніе государства становится всепоглощающимъ.

«Первое, что у насъ нужно сдѣлать—повторяетъ еще разъ передовая статья № 7—это развязать народу руки, сдѣлать его господиномъ самого себя, хотя бы въ общемъ направленіи его дѣлъ. Безъ этого у насъ и въ экономической жизни возможны не Овены, а развѣ Аракчеевы».

Что касается способовъ къ разрѣшенію этой задачи, то наиболѣе полное представленіе о нихъ даетъ передовая статья въ № 8 и 9, отъ 5 февр. 1882 г. «Совершеніе переворота путемъ заговора—вотъ цѣль партіи Народной Воли, опредѣляемая программой Исполнительнаго Комитета». А успѣшность заговора стоитъ въ прямой зависимости—говорится далѣе—отъ степени централизаціи боевыхъ элементовъ. Строго централистическій типъ организаціи, на весь періодъ борьбы, до первой прочной побѣды революціи, мы считаемъ за наилучшій, единственно ведущій къ цѣли. Это положеніе пріобрѣтаетъ особую важность для Россіи, гдѣ предстоитъ борьба съ громаднымъ централизованнымъ государствомъ, гдѣ кромѣ того приходится считаться съ такими препятствіями, какъ обширность территоріи, разбросанность населенія, отсутствіе самостоятельно сложившихся общенародныхъ группъ. Эта же централизація ведетъ въ свою очередь къ «концентраціи боевыхъ силъ лишь

въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ каждый шагъ приближалъ бы насъ къ цѣли, каждое дѣйствіе имѣло бы назначеніе въ ближайшемъ, а не въ отдаленномъ будущемъ. Поэтому то мы... ведемъ организаціонную работу только среди тѣхъ элементовъ, которые примутъ непосредственное участіе въ самомъ переворотѣ. Необходимость такой постановки дѣла вытекаетъ между прочимъ изъ того, что деревенскія волненія, движенія съ окраинъ, безъ инсуррекціи въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ, всегда немедленно подавляются и проходятъ почти безслѣдно для дѣла народнаго освобожденія... Кромѣ того, организація крестьянскихъ силъ не входитъ въ наши расчеты».— «Въ революціи видимость, форма, фраза хуже, чѣмъ ничего— вновь повторяется въ № 10. Поэтому мы считаемъ прямо вредными несбыточныя мечты о широкой народной организаціи. Не широкая организація нужна, а прочная, рѣшительная, революціонная».

Напечатанный въ календарѣ Н. В. документъ—«подготовительная работа партіи» точно также не рекомендуетъ вести массовой пропаганды среди крестьянства, и редакція календаря по этому поводу замѣчаетъ: «привлеченіе къ организаціи отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянства, способныхъ къ ней примкнуть, всегда признавалось очень желательнымъ. ...Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ»...

Такъ совершился въ высшей степени важный переломъ въ настроеніи и взглядахъ нашей радикальной интеллигенціи: Ткачевъ одержалъ верхъ надъ Бакунинымъ и Лавровымъ. Принципъ невмѣшательства или уклоненія отъ политической борьбы, который держался въ умахъ народниковъ—соціалистовъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ десятилѣтій, начиная съ Герцена, и который оправдывался тѣмъ, что въ Россіи революція должна носить исключительно соціальный характеръ и что политическая свобода можетъ быть на руку у насъ только господствующимъ классамъ,—признанъ былъ теперь отжившимъ, несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ условіямъ жизни. Вѣрѣ въ особый путь развитія Россіи былъ нанесенъ такимъ образомъ тяжелый ударъ! Но—какъ это ни покажется стран-

нымъ съ перваго взгляда, хотя въ сущности такъ и должно было быть—замѣнивъ въ своей системѣ одинъ изъ основныхъ принциповъ другимъ, ему противоположнымъ, утопическій соціализмъ не поправилъ своего положенія, не сталъ отъ этого на болѣе твердую почву, не сдѣлался реалистическимъ міровоззрѣніемъ, ибо дѣло было не въ частностяхъ, какъ бы они важны ни были, а именно въ общемъ духѣ. Само по себѣ признаніе необходимости политической борьбы въ качествѣ очередной задачи демократическаго движенія было правильнымъ шагомъ, но подпавъ подъ дѣйствіе общихъ принциповъ народнической идеологіи оно вылилось въ фантастическія, т. е. не соотвѣтствующія условіямъ дѣйствительности формы. Признавъ необходимость политической борьбы, народовольцы такъ же рѣзко отдѣлили ее отъ борьбы соціальной, какъ прежде слишкомъ далеко отодвигали соціализмъ отъ политики. Политическая борьба мыслилась ими лишь въ видѣ захвата правительственной власти и безъ этого захвата какая бы то ни было соціальная пропаганда и агитація признавалась невозможной. Организованныя выступленія массъ, народъ должны уступить мѣсто единоборству, отважнымъ нападеніемъ отдѣльныхъ лицъ, вооруженныхъ метательнымъ снарядомъ или динамитомъ... Въ воспоминаніяхъ М. Н. Оловенниковой, бывшей съ начала до конца «Народной Воли» дѣятельнѣйшимъ членомъ исполнительнаго комитета, мы находимъ интересное признаніе, какъ этотъ пунктъ, т. е. терроръ, въ атмосферѣ разгоравшейся борьбы вліялъ на направленіе дѣятельности организаціи. Народническій элементъ ослабѣвалъ все болѣе и болѣе и усиливался политиканскій. Т. е. люди все меньше и меньше начинали вѣрить въ способность народа добиться чего-нибудь собственными силами и все большее значеніе придавали иниціативѣ революціонеровъ. Подъ конецъ всѣ члены комитета стали болѣе или менѣе якобинцами. «Всѣ были согласны въ томъ, что чѣмъ больше будетъ рабочихъ, чѣмъ больше будетъ военныхъ, чѣмъ больше будетъ молодежи и связей въ обществѣ, тѣмъ лучше. Всѣ были также одного мнѣнія, что крестьянъ надо пока оставить въ сторонѣ ужъ по одному тому, что на пропаганду среди нихъ не хватило бы силъ. Другое дѣло терроръ. Вначалѣ по этому вопросу разногласій не было, но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что изъ-за террора страдаютъ всѣ остальныя отрасли дѣятельности. Тогда отъ времени до времени

поднимались голоса, требовавшіе удѣленія большихъ силъ на организацію и пропаганду. Въ сущности никто не протестовалъ противъ справедливости этихъ требованій и всякій хотѣлъ бы, чтобы терроръ не поглощалъ столько силъ. Но на практикѣ это оказывалось невозможнымъ. На терроръ шло столько силъ потому, что безъ этого его вовсе не было бы»... *).

Такимъ образомъ, не къ развитію и углубленію движенія, не къ революціонизированію массъ, а къ наилучшему использованію уже имѣющихся силъ—вотъ къ чему сводилась въ сущности дѣятельность новой организаціи. Ею былъ организованъ цѣлый рядъ террористическихъ актовъ, который завершился цареубійствомъ 1 марта 1881 г. Впечатлѣніе, произведенное этимъ актомъ, было дѣйствительно потрясающее, но результатъ оказался совершенно не соотвѣтствующимъ ожиданіямъ. Въ томительные дни наступившаго затѣмъ зловѣщаго и жуткаго затишья не оказалось общественной силы, которая рѣшилась бы выступить открыто и властно поддержать предъявленное Исполнительнымъ комитетомъ требованіе о созывѣ Національнаго Собранія. Убѣдившись изъ этого, что оно имѣетъ дѣло не съ общественнымъ движеніемъ, а съ кучкой заговорщиковъ, правительство Александра III послѣ минутнаго колебанія и растерянности оправилось и еще круче, чѣмъ раньше, взяло курсъ на-право, въ сторону истинно-русскихъ началъ... Неоднократно дѣлавшіяся потомъ попытки возстановить разгромленную послѣ 1-го марта организацію не увѣнчались успѣхомъ, и «Народная Воля» вскорѣ сошла со сцены. Какъ выразился одинъ изъ главныхъ

*) См. «Къ исторіи партіи Н. Воли»— *Былое* № 6 за 1907 г.—Часть народовольцевъ во главѣ съ Морозовымъ и Тарновскимъ смотрѣли на терроръ, какъ на универсальное средство борьбы, долженствующее имѣть общее примѣненіе. Всякій разъ какъ оживаетъ деспотизмъ, долженъ появляться и терроръ, и воспоминаніе о немъ должно жить въ массахъ «Каждый человѣкъ имѣетъ право убить тирана и народъ не можетъ отнять этого права ни у одного изъ согражданъ»—эти слова Сенъ-Жюста должны сдѣлаться лозунгомъ и для теперешнихъ террористовъ... Но большинство членовъ организаціи не сочувствовало этимъ взглядамъ и считало терроръ цѣлесообразнымъ средствомъ борьбы лишь въ виду особыхъ условій русской жизни. По поводу убійства анархистомъ президента Гарфильда Исполнительн. комитетъ выразилъ свое сочувствіе американскому народу, заявивъ, что насиліе можетъ быть обращено только противъ насилія, въ свободныхъ же странахъ должны примѣняться другія средства.

дѣятелей ея, кажется—Желябовъ, «мы жили не на проценты съ капитала, а на самый капиталъ», и когда послѣдній былъ израсходованъ, естественно ничего не оставалось болѣе, какъ только ликвидировать дѣло, еще недавно казавшееся столь прочнымъ.

Прежде чѣмъ покончить съ этимъ періодомъ, намъ нужно еще остановиться на томъ движеніи петербургскихъ рабочихъ, которое выразилось въ основаніи так. назыв. Сѣвернаго Союза.

Мысль о томъ, что въ Россіи можетъ существовать самостоятельное рабочее движеніе, была совершенно чужда господствовавшему въ радикальныхъ кругахъ интеллигенціи народническому міровоззрѣнію. Въ 60-хъ годахъ это выражалось въ томъ, что рабочій вопросъ смѣшивался съ крестьянскимъ, или въ крикахъ: не надо намъ пролетаріата и т. д. Когда въ 1870 г. вспыхнули первыя для пореформеннаго періода стачки, радикальныя *Отечественныя Записки* вмѣсто того чтобы выяснить молодежи всю важность этого событія доказывали наоборотъ, что «настоящее значеніе стачки у насъ неизвѣстно и неподходяще къ характеру русскихъ рабочихъ...» Послѣдовавшее затѣмъ движеніе въ народъ съ цѣлью соціалистической пропаганды и агитаціи было направлено опять таки почти исключительно въ сторону крестьянъ. Отъ вниманія революціонеровъ не ускользнулъ конечно тотъ фактъ, что болѣе воспріимчивыми какъ къ пропагандѣ, такъ и къ активному протесту оказались вовсе не мужики съ ихъ мнимыми соціалистическими инстинктами и традиціями Пугачевскаго или Разинскаго бунта, а городскіе рабочіе, но положеніе дѣла отъ этого существенно не мѣнялось.

«Проникнутые народническими предразсудками,—правильно замѣчаетъ по этому поводу Плехановъ, бывшій въ свое время землевольцемъ, *)—всѣ мы видѣли тогда въ торжествѣ капитализма и въ развитіи пролетаріата величайшее зло для Россіи. Благодаря этому, наше отношеніе къ рабочимъ всегда было двойственнымъ и совершенно непослѣдовательнымъ. Съ одной стороны, въ своихъ программахъ мы не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упованія исключительно на крестьянскіе бунты; а съ

*) Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи, изд. «Пролетаріатъ», 17—18 стр.

другой—мы все таки считали нужнымъ «заниматься съ рабочими» и не могли отказаться отъ этого дѣла ужъ по одному тому, что оно при несравненно меньшей затратѣ силъ оказывалось несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ наши излюбленныя «поселенія въ народѣ». Но, идя къ рабочимъ не то чтобы противъ воли, а такъ сказать *противъ теоріи*, мы разумѣется не могли хорошо выяснить имъ то, что Лассаль называлъ *идеей рабочаго сословія*. Мы проповѣдывали имъ не соціализмъ и даже не либерализмъ (это было бы еще полъ-бѣды), а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать «буржуазныя» политическія права и «буржуазную» политическую свободу и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и «бунтарямъ» духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ коемъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетарія. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ, и... когда рабочіе додумались до этого, то ужаснули всѣхъ правовѣрныхъ интеллигентовъ». Въ томъ же духѣ характеризуетъ взгляды тогдашнихъ революціонеровъ на рабочій вопросъ и Л. Дейчъ. «Несмотря на проявленную рабочими отзывчивость,—говоритъ онъ въ цитированной уже нами статьѣ (*В. Е.* № 7 за 1912 г.),—несмотря даже на то, что весной 1878 г. среди петербургскихъ рабочихъ происходили значительныхъ размѣровъ стачки, сопровождавшіяся конечно арестами, высылками и пр., стачки, въ которыхъ нѣкоторые члены Сѣверной организаціи принимали самое дѣятельное участіе, въ теченіе нашего пребыванія лѣтомъ въ Петербургѣ изъ троглодитовъ *) никто не заглядывалъ въ эту среду. Мало того утверждаю, что во время нашихъ безконечныхъ разговоровъ и толковъ о дѣятельности въ народѣ мы совершенно упускали изъ виду этотъ слой трудящихся—словно его абсолютно не существовало въ Россіи. По крайней мѣрѣ, при всемъ напряженіи памяти, я не могу теперь припомнить, чтобы у насъ когда либо

*) Троглодитами назывались въ шутку—въ виду трудности розыскать ихъ—члены Сѣверной организаціи, получившей затѣмъ названіе З. и В.

шла рѣчь о рабочихъ: они были для насъ тогда въ полномъ смыслѣ слова quantité negligeable".

Сообразно съ указанными выше своими общими взглядами, распропагандировавъ рабочаго, землевольцы старались направить его для работы въ деревню, а народовольцы—пристроить къ своей боевой дѣятельности. Но работать надъ созданіемъ пролетарскаго движенія они не могли, ибо поперекъ дороги къ этому лежало ихъ неизмѣнное убѣжденіе, что въ Россіи нѣтъ и не должно быть ни капитализма, ни пролетаріата.

И тѣмъ не менѣе въ концѣ 1878 г. С. Халтуринымъ и В. Обнорскимъ, при наличности около 200 человѣкъ, былъ основанъ въ Петербургѣ Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ, который открыто заявилъ, что по своимъ задачамъ онъ «тѣсно примыкаетъ къ соціально-демократической партіи Запада» *). Правда, программа Союза, отражающая на себѣ одновременно вліяніе и Маркса, и Лассаля, и Бакунина, въ теоретическомъ отношеніи очень несовершенна и заключаетъ не мало логическихъ промаховъ. Она распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый представляетъ собою на современномъ языкѣ программу—максимумъ, а второй—программу минимумъ. 1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго. 2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права. 3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣна ея общиннымъ землевладѣніемъ. 4) Правильная ассоціаціонная организація труда, предоставляющая въ руки рабочихъ—производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политической свободой—говорится дальше—прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати; право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

---

*) См. о немъ *Былое* № 1 за 1906 г. и Плехановъ, I. с. 66—92 стр.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Какъ видно отсюда, ниспроверженіе существующаго политическаго строя было отнесено къ программѣ—максимумъ, а отдѣльныя политическія права и самая политическая свобода, какъ обезпечивающая рѣшеніе соціальнаго вопроса,—къ числу непосредственныхъ требованій. Какъ будто осуществленіе свободы слова или собраній было возможно или мыслимо безъ ниспроверженія абсолютизма! Но какъ бы то ни было, уже одно то, что эта программа—вопреки господствовавшему взгляду—признавала политическую свободу необходимой для народныхъ массъ и что въ ней вообще содержались требованія программы минимумъ, было явленіемъ новымъ, представляло крупный шагъ впередъ по пути установленія реалистическаго взгляда на задачи демократическаго движенія *). То обстоятельство, что Союзъ объявлялъ себя тѣсно примыкающимъ къ соціалъ-демократической партіи Западной Европы (т. е. вѣрнѣе—Германіи), сильно поразило революціонные круги, ибо въ то время въ Россіи господствовали бакунисты, которые очень косо смотрѣли и на Маркса, и на его сторонниковъ. Программа Союза, выработан-

*) Какая путаница въ этомъ отношеніи господствовала у народниковъ даже въ позднѣйшее время, можно видѣть напр. изъ того, что въ программѣ «рабочихъ членовъ партіи Нар. Воли», выработанной Желябовымъ и Каховскимъ въ 1880 г., содержится—по примѣру Сѣвернаго Союза—требованіе фабричнаго законодательства, но непосредственно *передъ* этимъ стоитъ §, провозглашающій «народной собственностью всѣ фабрики и заводы»!..

ная на первыхъ двухъ общихъ собраніяхъ, отличавшихся рѣзко политическимъ характеромъ, вызвала многочисленныя возраженія со стороны «неполитиковъ». Высказался противъ нея и главный органъ партіи—«Земля и Воля». Въ отвѣтъ на это Союзъ послалъ большое письмо, въ которомъ отстаивалъ необходимость политической борьбы и доказывалось преимущество политической свободы и гражданскихъ правъ. Какъ сильно духъ новой пролетарской организаціи отличался отъ воззрѣній, господствовавшихъ тогда въ радикальныхъ кругахъ интеллигенціи, можно судить ужъ по одному тому, что при всемъ уваженіи и сочувствіи къ нимъ Союзъ твердо рѣшилъ обходиться исключительно своими силами, и членами его могли быть только рабочіе. Когда былъ поставленъ на очередь вопросъ о томъ, чтобы обзавестись своей газетой, непремѣннымъ условіемъ было поставлено, чтобы она составлялась, редактировалась и издавалась самими рабочими; Халтурину удалось поставить типографію и отпечатать одинъ № *Заря рабочаго*, но распространенія онъ не получилъ, такъ какъ послѣдовалъ провалъ. Долго мечталъ Халтуринъ также объ одновременной стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ, что осуществилось только черезъ 25 лѣтъ! «Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ Сѣверный Союзъ надѣется,—такъ говорится въ его программномъ заявленіи,—достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинутъ и у насъ рабочее сословіе и заставятъ его заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга его не останется забытой потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангелической истины, занесется въ лѣтописи исторіи... Итакъ за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго Союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи».

Имя Халтурина дѣйствительно не было забыто потомствомъ, но Союзъ его просуществовалъ недолго; благодаря участію въ немъ супруговъ Рейнштейнъ, оказавшихся агентами III отдѣленія, часть членовъ во главѣ съ Обнорскимъ была арестована, а типографія вскорѣ провалилась.

Раздраженный неудачами, Халтуринъ былъ увлеченъ разгоравшейся въ то время террористической борьбой, которая давала исходъ его бурной энергіи: имъ былъ устроенъ взрывъ

Зимняго дворца, при его участіи убить прокуроръ Стрѣльниковъ; схваченный тогда же, 22 марта 1882 г. онъ былъ повѣшенъ.

Сѣверный Союзъ распался, но дѣло его не умерло: оно было продолжено впослѣдствіи Союзами борьбы за освобожденіе рабочаго класса, превратившимся затѣмъ въ комитеты россійской соціалъ-демократической партіи.

Подведемъ теперь итоги сказанному. Цѣлью движеній, которыя возникали среди радикальной части интеллигенціи въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ, былъ соціальный переворотъ. Община и артель разсматривались при этомъ какъ уже готовые зачатки будущаго строя, а народъ, т. е. крестьянство, объявлялся такъ сказать прирожденнымъ соціалистомъ, соціалистомъ по инстинкту и по традиціямъ.

Что же касается вопроса о томъ, какимъ образомъ совершится этотъ переворотъ, то здѣсь боролись между собою два направленія. Первое, преобладающее, говорило, что революцію можетъ совершить и совершитъ самъ народъ и только онъ одинъ; задача же интеллигенціи заключается лишь въ томъ, чтобы довести, при помощи пропаганды или агитаціи, до сознанія дремлющія въ немъ соціалистическія идеи, оформить ихъ и помочь сорганизоваться,—таковы пропагандисты, бунтари, землевольцы и чернопередѣльцы. Сторонники же другого направленія—сюда принадлежатъ якобинцы и народовольцы—полагали наоборотъ, что въ силу неблагопріятныхъ историческихъ условій народъ самъ себя освободить не въ состояніи и можетъ пробудиться къ новой жизни лишь тогда, когда будутъ разбиты тяготѣющіе на немъ оковы; поэтому главную надежду они возлагали на захватъ государственной власти революціонерами, при помощи заговора, каковой захватъ и долженъ былъ бы стать началомъ соціальнаго переворота. Несмотря на такое крупное различіе во взглядахъ на ближайшія задачи и въ тактическихъ пріемахъ, ни то, ни другое направленіе не пустило сколько-нибудь глубокихъ корней, т. е. оба оказались одинаково безрезультатными, и несомнѣнно главной причиной этого былъ общій имъ обоимъ утопическій характеръ ихъ міровоззрѣнія. Хотя идеи научнаго соціализма, по словамъ письма Исполнительнаго комитета къ Марксу *), были встрѣчены «съ востор-

*) Вотъ отрывокъ этого любопытнаго письма, относящагося къ 25 окт. 1880 г.—«Гражданинъ! Интеллигентный и прогрессивный классъ въ Россіи, всегда внимательный къ развитію идей въ Европѣ и всегда го-

томъ» радикальной интеллигенціей, а *Капиталъ* сталъ ея «ежедневнымъ чтеніемъ»—однако въ дѣйствительности строй мыслей послѣдней былъ проникнутъ гораздо болѣе духомъ барона Гакстгаузена, чѣмъ безсмертнаго творца «Капитала». Увлеченная идеей, что Россіи суждено сразу перескочить въ свѣтлое царство будущаго, она не замѣчала развитія капитализма въ странѣ и проглядѣла зачатки нарождающагося у насъ рабочаго движенія; вѣря въ народный характеръ нашей промышленности, не хотѣла видѣть, что кустарные промыслы были лишь мелкой формой товарнаго производства, т. е. худшимъ видомъ капитализма, и что принципъ ассоціаціи тамъ мѣста не имѣлъ, существуя лишь въ воображеніи: идеализируя общину и народъ, не могла правильно намѣтить очередныхъ задачъ деревенской жизни.

«И чего-чего мы только не идеализировали въ то время,— говоритъ Н. Русановъ о серединѣ 70-хъ годовъ: деревенскіе сходы, на которыхъ, молъ, нѣтъ ни подавляющаго большинства, ни подавляемаго меньшинства, а царитъ трогательное единодушіе, до котораго какъ до звѣзды небесной далеко всякимъ буржуазнымъ парламентамъ; вольные казацкіе круги, которые въ нашемъ воображеніи охватывали истинно-демократическіе принципы прошедшаго, настоящаго и будущаго и затыкали за поясъ даже «анархію» Прудона; русскій расколъ, приверженцевъ котораго мы цѣликомъ перекрашивали въ нашихъ братьевъ по раціонализму и свободной критикѣ, насчитывая 13 милліоновъ независимыхъ мыслителей; «трудовое начало», которое,

---

товый откликнуться на нихъ, принялъ съ восторгомъ появленіе вашихъ научныхъ трудовъ. Въ нихъ именемъ науки признаны лучшіе принципы русской жизни. «Капиталъ» сталъ ежедневнымъ чтеніемъ интеллигентныхъ людей. Но въ царствѣ византійскаго мрака и азіатскаго деспотизма всякій прогрессъ соціальныхъ идей разсматривается какъ революціонное движеніе. Само собой разумѣется, что ваше имя связано съ внутренней политической борьбой въ Россіи. Ваши сочиненія были запрещены, и самый фактъ ихъ изученія разсматривается теперь какъ признакъ политической неблагонадежности.

...Предыдущая революціонная борьба закалила борцевъ и не только установила для революціонеровъ ихъ теоретическую программу, но въ то же время и вывела ихъ практическую борьбу на вѣрную дорогу для ея осуществленія... Мы считаемъ себя счастливыми, выражая вамъ чувства глубокаго уваженія всей русской соціально-революціонной партіи».

молъ, проникаетъ всю психологію народа. Словомъ, всѣ явленія народной жизни были для насъ предметомъ упоительной фантасмагоріи, заволакивавшей своимъ радужнымъ туманомъ различія между нашими идеалами и народными идолами»... *). На такой почвѣ конечно вырости реалистическое движеніе не могло.

Крестьянскія массы еще не могли выработать себѣ цѣлесообразныхъ формъ борьбы за свои простѣйшія права и интересы, а имъ предлагалось вести борьбу за соціализмъ; онѣ еще не знали, что такое есть революціонеръ, и не умѣли отличать ихъ отъ своихъ враговъ, а отъ нихъ ожидали сочувствія и поддержки захвату власти какими-то таинственными лицами... Неудивительно поэтому, что ни пропаганда соціализма, ни проповѣдь захвата власти не встрѣтили себѣ того активнаго сочувствія, которое ожидалось, и не дала того притока силъ изъ среды самого крестьянства, безъ котораго движеніе не могло выдержать жестокихъ ударовъ абсолютизма. Между тѣмъ въ сущности вовсе нельзя было сказать, что въ общественной жизни Россіи не было тогда элементовъ для демократическаго движенія. Часть общества несомнѣнно сочувствовала отважнымъ борцамъ, но прежде всего именно какъ протесту противъ самодержавія, т. е. имѣя въ виду главнымъ образомъ политическій характеръ движенія. Точно также было бы большой ошибкой сказать, что пропаганда среди крестьянъ и рабочихъ не находила себѣ никакого отклика. Откликъ былъ, но только онъ не былъ похожъ на тотъ, какой ожидался, а ожидалось то, для чего не было мѣста въ тогдашнихъ условіяхъ дѣйствительности...

Глубокое, безнадежное уныніе охватило демократическую интеллигенцію къ началу 80-хъ годовъ, когда раздавлена была «Народная Воля». Ей казалось, что всѣ программы и пріемы борьбы были исчерпаны, сдѣлано было все, что могло придумать человѣческое воображеніе и чего можно требовать отъ ограниченныхъ человѣческихъ силъ—и тѣмъ не менѣе всѣ усилія оказались тщетными, цѣль осталась совершенно недостигнутой. А между тѣмъ въ дѣйствительности былъ путь, который остался незамѣченнымъ, была еще возможность, которая осталась неиспользованной ни однимъ изъ многочисленныхъ подраздѣленій, на которыя дѣлились направленія 60-хъ и 70-хъ годовъ:

*) Соціалисты Запада и Россіи. 1908 г. 358 стр.

а именно, не было сдѣлано попытки,—путемъ планомѣрной и систематической работы, приспособленной къ условіямъ нашей деревни, переживавшей въ то время тяжелый кризисъ,—создать у насъ сколько-нибудь широкое крестьянское движеніе, подобное тому, какое было создано напр. въ земледѣльческой Ирландіи или Италіи, или тому, какое позднѣе—въ 90-хъ и 900-хъ годахъ—удалось вызвать, наперекоръ всѣмъ увѣреніямъ о совершенной невозможности этого, русской соціалъ-демократіи среди рабочаго класса. И трагизмъ движеній семидесятыхъ годовъ заключается не въ томъ, что подъ ударами правительственныхъ репрессій они изнемогли въ неравной борьбѣ и даже не въ томъ, что они кончились, не оставивъ себѣ наслѣдниковъ для продолженія начатаго ими дѣла, а въ томъ, что они умерли, не давъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ: было ли возможно или нѣтъ такое аграрное движеніе въ Россіи, въ моментъ разложенія основъ натурально-хозяйственнаго строя?

Литература: А. Тунъ—Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи, 1906 г. L. Kulczycki—Geschichte der russischen Revolution, B. II. Gotha 1911. Куклинъ—Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за 40 лѣтъ. 1903 г. Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ, подъ ред. Базилевскаго, т. II. Его же—Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ (второе прилож. къ предшеств. сборнику). Изд. „Донская Рѣчь". Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи. 1878—1887 г. Изд. Саблина 1907 г.

М. А. Бакунинъ—Народное Дѣло. 1862 г.; его же—Государственность и Анархія. 1873 г.; его же—Рѣчи и воззванія. 1906 г. (Изд. Балашева); его же—Письма къ Герцену и Огареву, 1906 г. (Изд. Врублевскаго); его же—Письмо къ Ч. Черетти. См. Историческій сборникъ 1907 г. *Колоколъ* №№ 119 и 120. Дебагорій Мокріевичъ—Воспоминанія. 1903 г. Л. Кульчицкій—Бакунинъ. Его идеи и дѣятельность. 1910 г. А. Корниловъ—Семейство Бакунинныхъ. *Русская Мысль* № 10 за 1911 г. и слѣд. П. Л. Лавровъ—Историческія письма, 1870 г.; его же—Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ, изд. 1907 г. Журналъ *Впередъ* т. т. I—IV и газета того же названія №№ 1—48. С. Ан-скій—Памяти Лаврова. *Русское Богатство* № 8 за 1905 г. Русановъ—Лавровъ (очеркъ его жизни и дѣятельности). *Былое* № 2 за 1907 г.; его же—Лавровъ, человѣкъ и мыслитель. *Русское Богатство* № 2

за 1910 г. Лавровъ о себѣ самомъ.—Съ пред. Колубовскаго. *Вѣстникъ Европы* № 10—11 за 1910 г. Журналъ *Народное Дѣло* за 1868, 1869 и 1870 г. Процессъ 193. Изд. Саблина 1907 г. Старикъ—Движенія семидесятыхъ годовъ по Большому процессу. *Былое* №№ 10—12 за 1906 г. С. Чудновскій—Отрывки изъ воспоминаній 1872—1873 г.г. См. Историческій сборникъ 1907 г. Джабадари—Процессъ 50. *Былое* №№ 8—10 за 1907 г. Л. Дейчъ—Какъ мы въ народъ ходили. *Вѣстникъ Европы* № 10 за 1910 г.; его же—На рубежѣ. *Вѣстникъ Европы* № 7 за 1912 г.; его же—За рубежомъ. *Вѣстникъ Европы* № 9 за 1912 г. П. Ткачевъ—Задачи революціонной пропаганды въ Россіи, 1874 г. *Набатъ* №№ 1—9. Матеріалы для біографіи Ткачева,—*Былое* № 8 за 1907 г. Земля и Воля №№ 1—5. Е. Серебряковъ—Очеркъ по исторіи „З. и В.“, 1906 г. М. Попокъ—„Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда. *Былое* № 8 за 1906 г. Н. Морозовъ—Возникновеніе „Народной Воли“. *Былое* № 12 за 1906 г. *Народная Воля* №№ 1—12 Подготовительная работа партіи; программа рабочихъ членовъ ея и др. документы см. Третье приложеніе къ сборн. „Государств. преступленія въ Россіи“. М. Н. Оловенникова—Къ исторіи партіи „Н. В.“ *Былое* № 6 за 1907 г. Н. Русановъ—Идейныя основы „Н. В.“ *Былое* № 9 за 1907 г. В. Богучарскій—Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 г.г. XIX вѣка. Изд. 1912 г. В. Бурцевъ—Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ. *Былое* № 1 за 1906 г. Г. Плехановъ—Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи 1902 г.

ГЛАВА V.

Народничество въ 80-ые и 90-ые годы.

Послѣ того бурнаго подъема, какимъ были отмѣчены семидесятые годы вплоть до событія 1 марта 1881 г.. слѣдующее десятилѣтіе представляетъ собой печальное зрѣлище упадка и растерянности.

«Русская интеллигенція переживаетъ въ настоящую минуту небывалое критическое состояніе—читаемъ мы въ № 11—12 *Народной Воли* отъ 1 окт. 1885 г. Политическая реакція, начавшаяся съ конца 60-хъ годовъ, достигла съ воцареніемъ Александра III ужасающихъ размѣровъ и трудно предсказать, до какихъ предѣловъ она дойдетъ... И въ такую эпоху, когда критическая мысль должна бы вдвое сильнѣе работать, когда пламя негодованія должно было бы рваться изъ каждой груди съ неудержимой силой, въ такую эпоху царствуетъ полнѣйшій умственный разбродъ, хаосъ самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній въ элементарнѣйшихъ вопросахъ общественной жизни. Пессимизмъ личный и общественный—съ одной стороны, религіозно-соціальный мистицизмъ—съ другой, замѣнили сознательность и вѣру какъ въ обществѣ, такъ и въ молодежи. Даже въ революціонной мысли замѣчается какое-то метаніе изъ стороны въ сторону: тенденціи германскихъ соціалъ-демократовъ и сентиментальныя вожделѣнія сліянія съ народомъ въ то время, когда на цѣлой странѣ лежитъ печать оцѣпенѣнія. Очевидно, мы переживаемъ одинъ изъ тѣхъ переходныхъ моментовъ, которые завершаются кризисами, круто поворачивающими русло народной жизни и на долго предрѣшающими судьбы народа. Въ такія эпохи теоретическая мысль, не находя исхода и осуществленія, бросается отъ одной доктрины къ другой, отъ идеала къ идеалу..., до тѣхъ поръ, пока не остановится на истинномъ требованіи разума и историческаго процесса жизни».

Ближайшее будущее показало, что 80-ые годы явились дѣйствительно такимъ переходнымъ временемъ, о которомъ говорила вышеприведенная статья. Хотя общественная жизнь, скованная тяжелой рукой реакціи, замерла, но въ литературѣ и тайныхъ кружкахъ продолжалась усиленная критическая работа мысли. Народничество почувствовало настоятельную потребность пересмотрѣть основы своего міросозерцанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ расти и укрѣпляться то реалистическое направленіе, слабые ростки котораго мы отмѣчали еще раньше и которое подъ именемъ марксизма къ концу разсматриваемаго періода усилилось на столько, что могло уже вытѣснить народничество съ занимаемой имъ позиціи.

Во всякомъ случаѣ именно въ 80-ые годы произошло окончательное раздѣленіе русской соціалистической мысли на два враждебныхъ лагеря. Въ настоящей главѣ мы познакомимся пока съ тѣмъ, что происходило за это время въ первомъ изъ нихъ. Переходъ отъ семидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ очень хорошо можно прослѣдить по произведеніямъ Н. К. Михайловскаго, который тогда занималъ уже видное мѣсто на литературномъ поприщѣ, въ качествѣ талантливаго публициста наиболѣе вліятельнаго народническаго журнала. Въ то время какъ Бакунинъ, Нечаевъ, Ткачевъ проповѣдывали отрицательное отношеніе къ наукѣ и интеллигенціи, Михайловскій примкнулъ къ тому направленію, которое вело свое начало отъ Герцена и наиболѣе полно было развито Лавровымъ. Его разсчеты на особый путь развитія для Россіи основывались не только на фактѣ распространенія у насъ первобытно-коммунистическихъ учрежденій и обычаевъ, но и на вѣрѣ въ силу критически-мыслящихъ личностей, въ то, что *мы*, т. е. радикальная интеллигенція, пользуясь уроками Запада, сумѣемъ избавить Россію отъ ужасовъ и несчастій переходного буржуазнаго строя.

«Современный экономическій порядокъ въ Европѣ началъ складываться еще тогда—говорится во второмъ изъ его литературныхъ обозрѣній*)—когда наука, завѣдующая этимъ кругомъ явленій, не существовала и когда нравственныя идеи были крайне грубаго свойства. Вслѣдствіе этого европейская жизнь складывалась почти такъ же безсмысленно и безнравственно, какъ

*) *Отечественныя Записки* № 8 за 1872 г.

въ природѣ течетъ рѣка или растетъ дерево. Рѣка течетъ по направленію наименьшаго сопротивленія, смываетъ то, что сможетъ смыть, будь это алмазная копь, огибаетъ то, что смыть не можетъ, будь это навозная кучка. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по иниціативѣ человѣческаго разума и чувства. Этотъ разумъ и это чувство, можно сказать, не присутствовали при возникновеніи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ. Они были въ зачаточномъ состояніи и воздѣйствіе ихъ на естественный, стихійный ходъ вещей было ничтожно. Конечно, люди всегда старались такъ или иначе повліять на ходъ вещей. Но они руководствовались при этомъ указаніями самаго скуднаго опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только въ высшей степени рѣдко эти руководители могли случайно натолкнуться на путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями». Но мы—другое дѣло, «мы только что начинаемъ жить теперь, когда наука уже обладаетъ и нѣкоторыми истинами, и нѣкоторымъ авторитетомъ», и это обстоятельство открываетъ намъ благопріятнѣйшія перспективы. Какія именно — объ этомъ можно судить изъ отзыва Михайловскаго о сборникѣ *Недѣли*, вышедшемъ въ 1872 г. подъ названіемъ «Русскіе общественные вопросы». Какъ говорится здѣсь въ статьѣ Яковлева, «освобожденіе крестьянъ съ землею сдѣлало Россію въ соціальномъ смыслѣ tabula rasa на которой еще открыта возможность написать ту или иную будущность. Эта возможность начать съ начала, положить зародышъ будущаго развитія возлагаетъ на представителей умственной жизни въ Россіи широкую задачу: руководствуясь опытомъ другихъ странъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, исправленіе которыхъ теперь составляетъ тамъ заботу всѣхъ передовыхъ дѣятелей». Средствомъ для этого является, по мнѣнію автора, развитіе артелей, широкое примѣненіе принципа ассоціаціи. Въ другой статьѣ, принадлежащей кн. Васильчикову, пропагандирующему ссудо-сберегательныя товарищества, указывается, что «пролетаріатъ, къ сожаленію, дѣйствительно зарождается въ Россіи; можно сказать даже, что онъ растетъ довольно быстро... Требуется предотвратить язву пролетаріата, свирѣпствующую въ Западной Европѣ и угрожающую въ будущемъ Россіи. Излеченіе этой язвы мнѣ всегда казалось такою тяжелой задачей, которая по крайней мѣрѣ моему уму, моимъ понятіямъ не по силамъ. Но въ то же время я убѣжденъ, что

предупрежденіе ея возможно, если только мѣры будутъ приняты во время».

Разбирая этотъ сборникъ, Михайловскій отмѣчаетъ въ немъ «задатки трезваго пониманія требованій нашей общественной жизни» и «отъ души» привѣтствуетъ «энергическія слова Яковлева и тревожныя сомнѣнія Васильева». Для облегченія положенія трудящихся классовъ прежде всего необходимо устраненіе нужнаго человѣка. «Представляя элементъ труда въ обществѣ, народъ не имѣетъ въ своихъ рукахъ орудій производства, ихъ предлагаетъ ему нужный человѣкъ и за это получаетъ львиную долю продукта. Дѣло значитъ только въ томъ, чтобы сосредоточить орудія производства въ рукахъ представителей труда. Все, становящееся поперегъ дороги къ этой цѣли, будь это свобода, промышленность, желѣзная дорога, грандіозный финансовый планъ ,самоуправленіе,—подлежитъ уничтоженію, которое будетъ и выгодно, и справедливо.

Истинная свобода, правильно организованная и полезная промышленность, нужная желѣзная дорога, истинное самоуправленіе не могутъ стоять въ противорѣчіи съ интересами народа или, что тоже, труда».

Какъ же разрѣшить теперь эту задачу сосредоточенія орудій производства въ рукахъ народа, т. е. какъ справиться съ нужнымъ человѣкомъ (посредникомъ)? Вышеупомянутые авторы сборника предлагаютъ различныя мѣры: ссудосберегательныя кассы и др .ассоціаціи, сосредоточеніе предпринимательской дѣятельности въ земствѣ съ передачей ему изъ рукъ скупщиковъ и капиталистовъ хлѣбной торговли, рыбныхъ ловель, эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ, пароходства, желѣзныхъ дорогъ, страхованія и пр. — и Михайловскій вполнѣ раздѣляютъ ихъ точку зрѣнія. Въ другой статьѣ, относящейся къ январю 1873 г., мы находимъ слѣдующія любопытныя разсужденія по поводу новѣйшихъ тенденцій въ области экономическаго развитія Россіи. «Кредитъ, промышленность, эксплоатація природныхъ силъ страны,—все это вещи сами по себѣ прекрасныя... Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти прекраснѣйшія сами по себѣ вещи, если онѣ направлены не ко благу непосредственно трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго цѣлаго, даютъ печальнѣйшіе результаты... Развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ. Всякому извѣстно, что когда акціонер-

ная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она разоряетъ въ районѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету... По этому всякому понятно, что вся публицистика, ратующая за развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитіе отечественной промышленности—ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа».

Выше, говоря о Герценѣ, мы уже указывали, что народничество представляетъ собою не что иное, какъ идеализацію нѣкоторыхъ сторонъ натурально-хозяйственнаго строя; теперь—въ лицѣ Михайловскаго—оно пошло далѣе и объявило себя открытымъ врагомъ экономическаго прогресса, усматривая въ немъ гибель и нищету русскаго народа. Эта упрощенно-радикальная точка зрѣнія упускала изъ виду, что «формы патріархальнаго быта несовмѣстимы съ высокой степенью цивилизаціи», какъ говорилъ Чернышевскій, и что ослабить или уничтожить бѣдствія, причиняемыя капитализмомъ, можно лишь съ помощью тѣхъ силъ и средствъ, которыя приноситъ этотъ послѣдній въ своемъ развитіи, а не тѣхъ, которыя въ состояніи выставить натурально-хозяйственный строй. Въ согласіи съ установившимися традиціями трактуетъ Михайловскій и рабочій вопросъ. Сочувственно цитируя слова одного изъ участниковъ незадолго происходившаго передъ тѣмъ торгово-промышленнаго съѣзда, что «слово рабочій нельзя понимать у насъ въ томъ смыслѣ, какъ за-границей» и что «у насъ нѣтъ или очень мало такихъ рабочихъ, которые бы родились на заводѣ», онъ замѣчаетъ по этому поводу: «указанный г. Губинымъ общеизвѣстный фактъ громадной важности долженъ бы былъ лечь въ основаніе всѣхъ преній о русскомъ рабочемъ вопросѣ... Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ *передачи* условій труда въ руки работника, экспропріаціи теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только *сохраненіе* условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности. У насъ подъ самымъ Петербургомъ существуютъ деревни, жители которыхъ живутъ на *своей* землѣ, жгутъ *свой* лѣсъ, ѣдятъ *свой* хлѣбъ, одѣваются въ армяки и тулупы *своей* работы, изъ шерсти *своихъ* овецъ. Гарантируйте имъ прочно это свое, и русскій рабочій вопросъ рѣшенъ. А ради этой цѣли можно все отдать, если

какъ слѣдуетъ понимать значеніе прочной гарантіи. Скажутъ: нельзя же вѣчно оставаться при сохѣ и трехпольномъ хозяйствѣ. Нельзя. Но изъ этого затрудненія существуетъ два выхода. Одинъ, одобряемый практической точкой зрѣнія, очень простъ и удобенъ: поднимите тарифъ, распустите общину, да пожалуй и довольно—промышленность, на подобіе англійской, какъ грибъ выростетъ. Но она съѣстъ работника, экспропріируетъ его. Есть и другой путь, конечно гораздо труднѣе, но легкое разрѣшеніе вопроса не значитъ еще правильное. Другой путь состоитъ въ развитіи тѣхъ отношеній труда и собственности, которыя уже существуютъ въ наличности, но въ крайне грубомъ первобытномъ видѣ. Понятно, что цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе поземельной общины».

Возлагая свои упованія на государственную власть, Михайловскій далеко не обнаруживаетъ такого же довѣрія къ самодѣятельности русскихъ рабочихъ, и ихъ силамъ. «У насъ существуетъ мнѣніе, что нашъ фабричный рабочій гораздо развитѣе, гораздо выше, если не въ нравственномъ, то по крайней мѣрѣ въ умственномъ отношеніи, нежели крестьянинъ. Это мнѣніе рѣшительно ни на чемъ не основано. Оно держится едва ли не потому только, что нѣчто подобное дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ Западной Европѣ. Но, если на Западѣ до нѣкоторой степени дѣйствительно существуетъ указанное отношеніе между крестьяниномъ и фабричнымъ рабочимъ, то оно обязано своимъ происхожденіемъ отнюдь не фабричному режиму, а вліяніямъ совершенно иного свойства, какихъ у насъ и въ поминѣ нѣтъ, именно—вліянію широкой политической жизни, которая, естественно, концентрируется, въ городахъ и едва достигаетъ деревень».

Теперь, конечно, всѣмъ извѣстно, что «рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ» оказалось именно мнѣніе самого критика, а не противоположное, но мы думаемъ, что и для того времени его нужно считать тенденціознымъ. Въ 1870 г. печатью была зарегистрирована первая стачка, за нею скоро послѣдовали другія, и это было не случайное или мѣстное явленіе, а начало цѣлаго движенія, которое росло и крѣпло все сильнѣе и сильнѣе. И сами народники, при первыхъ же попыткахъ перейти отъ словъ къ дѣлу должны были съ удивленіемъ констатировать,

что наиболѣе развитыми и подготовленными къ воспріятію новыхъ идей оказались городскіе рабочіе, а не мужики-земледѣльцы, которые считались ими за «прирожденныхъ соціалистовъ». Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что народническая публицистика, распространяя съ одной стороны иллюзіи о поддержкѣ соціализма со стороны государственной власти и убѣждая своихъ читателей—съ другой—въ консервативномъ характерѣ русскаго рабочаго вопроса, имѣла въ сущности реакціонный характеръ, несмотря на всю прогрессивность стремленій своихъ авторовъ, — ибо препятствовала выработкѣ научно-реалистической программы, которая могла бы объединить вокругъ себя живыя силы страны.

Кто же возьметъ на себя великій трудъ предотвращенія историческихъ путей родины отъ повторенія европейской борьбы?—спрашиваетъ Михайловскій на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ* (окт .1880 г.) и отвѣчаетъ: очевидно, правительство. Оно обладаетъ и нужными для этого средствами, и не менѣе нужнымъ безпристрастіемъ, незаинтересованностью въ торжествѣ неправды». Такія ожиданія кажутся автору вполнѣ отвѣчающими «всему складу русской жизни. Разсказываютъ, что одинъ изъ такъ называемыхъ петрашевцевъ, донынѣ здравствующій, глубоко поразилъ своими показаніями императора Николая; глубоко и въ совершенно благопріятномъ смыслѣ, ибо въ показаніяхъ этихъ развивалась та мысль, что правительству, и только правительству, предстоитъ въ Россіи роль водворителя всеобщаго міра и счастія, какъ ихъ понималъ обвиняемый».

Наиболѣе крупные представители соціалистической литературы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ—Чернышевскій, Бакунинъ, Лавровъ—установили въ качествѣ основного положенія отрицательное отношеніе къ мысли о коренной реформѣ сверху. Надежды на соціальный переворотъ въ Россіи связывались у нихъ съ представленіемъ о близкой народной революціи. Михайловскій открываетъ собой новую полосу оптимистическихъ ожиданій, упованій на то, что власть въ рѣшительную минуту испытанія при выборѣ двухъ путей соціально-экономическаго развитія страны станетъ на сторону народа противъ нарождающейся буржуазіи. Въ этомъ отношеніи онъ близко подходитъ къ В. В. и Николаю—ону. Но съ пятидесятыхъ годовъ, когда эта точка зрѣнія была впервые развита Герценомъ

и отчасти Чернышевскимъ, утекло уже много воды. Въ то время, когда ставили свои вопросы Михайловскій, В. В. и Николай—онъ, вопросъ былъ уже рѣшенъ и путь развитія Россіи опредѣлился вполнѣ. Формулированная лишь Столыпинымъ въ 3-ей Государственной Думѣ «ставки на сильныхъ» была сдѣлана еще въ шестидесятыхъ годахъ... Но вернемся къ характеристикѣ взглядовъ Михайловскаго. Какъ видно изъ вышеприведеннаго, онъ былъ народникомъ—государственникомъ и притомъ мирнымъ. Въ своихъ письмахъ къ Лаврову по поводу предложенія сотрудничать въ журналѣ *Впередъ*, онъ заявляетъ объ этомъ категорически: «я не революціонеръ, всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта и паденіе ихъ дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже. Смотря такъ на дѣло, я могу до извѣстной степени быть въ дружбѣ со старыми богами и слѣдовательно писать и въ Россіи» *). Признавая, что молодежь очень ждетъ появленія *Впередъ*, онъ тутъ же однако выражаетъ свое сомнѣніе въ возможности у насъ революціоннаго движенія и совѣтуетъ, съ своей стороны, «сидѣть смирно и готовиться».—«Другого (пути) я не знаю, другого, по моему, русскій соціалистъ теперь имѣть не можетъ. Никакой радикально-соціалистической оппозиціи въ Россіи нѣтъ, ее надо воспитать. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать. Само оно безсильно его вызвать и будетъ только задаромъ гибнуть въ этихъ попыткахъ. А что моментъ настанетъ и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это, по моему, несомнѣнно. Японія, Турція имѣютъ конституцію, долженъ же прійти и нашъ чередъ. Я впрочемъ не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что теперь его нѣтъ и что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молешоттомъ на устахъ и не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи. Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи. Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію, какъ слѣ-

*) См. *Минувшіе Годы* № 1 за 1908 г.—Два письма Н. К. Михайловскаго къ П. Л. Лаврову (1873 г.).

дуетъ, можно и слѣдовательно должно. Въ тотъ часъ, когда это станетъ невозможнымъ,—я вашъ, несмотря ни на что, до тѣхъ поръ—нѣтъ».

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе неожиданное сочувствіе автора конституціи, на введеніе которой въ Россіи онъ возлагаетъ большія надежды. Правда, этому какъ будто бы противорѣчатъ вышеприведенныя слова о томъ, что борьба со старыми богами т. е. съ абсолютизмомъ) его не занимаетъ; однако это противорѣчіе только кажущееся. Борьба со «старыми богами» не интересуетъ Михайловскаго лишь потому, что «ихъ пѣсня спѣта» и онъ увѣренъ, что «нашъ чередъ» придетъ. Т. е. другими словами, авторъ не хочетъ смѣшивать себя съ либералами и отказывается признать главной задачей момента борьбу за политическую свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и этимъ онъ рѣзко отличается отъ большинства народниковъ своего времени—онъ сочувственно относится къ введенію у насъ конституціи, если она будетъ дарована свыше или завоевана буржуазіей. Скоро однако Михайловскій убѣждается въ непослѣдовательности этой точки зрѣнія и приходитъ къ признанію активнаго участія въ освободительномъ движеніи.

«Предразсудокъ противъ политической борьбы—говорится въ политическихъ письмахъ соціалиста (№№ 2 и 3 *Н. В.*)—силенъ въ Россіи. Имъ заражены люди самые достойные. Между ними есть и люди мирнаго прогресса, и люди революціи. Люди мирнаго прогресса думаютъ, что самодержавіе только тогда завершитъ свою миссію, когда крестьянинъ достаточно оперится умственно и матеріально, чтобы не дать себя поглотить буржуазіи. Это было бы основательное разсужденіе, если бы самодержавіе не давало простора приватному хищничеству... Гдѣ заботы его объ умственномъ и матеріальномъ развитіи народа? На чемъ держится надежда на самодержавіе, когда оно до костей исклевало крестьянина своимъ желѣзнымъ клювомъ?»—Обращаясь затѣмъ къ радикаламъ, которые видятъ въ конституціи новое ярмо для народа, авторъ продолжаетъ: «отстраняясь отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что чѣмъ самодержавнѣй исправникъ, тѣмъ легче кулаку грабить. Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собой ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей... Давно, давно пора выздоровѣть и понять, что поли-

тическій деспотизмъ выгоденъ только врагамъ народа. Конституціонный режимъ есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи». Какъ видно изъ этихъ писемъ, авторъ признаетъ, что буржуазія уже внѣдрилась у насъ и на первый планъ выдвигаетъ вопросъ о завоеваніи политической свободы хотя бы въ союзѣ съ либеральной буржазіей. Однако эта мысль не получила у него значенія послѣдняго, окончательнаго вывода.

Когда И. Петрункевичъ отъ имени либеральной земской группы предложилъ ему принять участіе въ выступленіяхъ конституціоннаго характера, Михайловскій отказался и заявилъ, что не вѣрить въ успѣхъ этого дѣла и не можетъ сочувствовать ему, такъ какъ «теперь—по его словамъ—народу нужна не конституція, а земля, тѣмъ болѣе не конституція, добытая дворянствомъ и, слѣдовательно, съ дворянскими интересами на первомъ мѣстѣ, а дворянскіе интересы всегда противоположны крестьянскимъ; обезпеченный землею народъ въ свое время самъ создастъ политическія формы, отвѣчающія его дѣйствительнымъ интересамъ, и во всякомъ случаѣ такія формы, въ которыхъ привиллегіямъ не будетъ мѣста». Не довольствуясь этимъ, онъ сталъ даже горячо доказывать, что политической реформой воспользуются «только привиллегированные классы и притомъ во вредъ народной массѣ»*)...

Михайловскій былъ государственникомъ и регулирующему воздѣйствію правительственной власти отводилъ рѣшающую роль въ дѣлѣ соціальнаго преобразованія Россіи на народныхъ началахъ: это была основная, коренная черта его міросозерцанія, рѣзко отдѣлявшая его отъ Бакунинскаго анархизма. Но какое именно государство и какая правительственная власть на этотъ вопросъ у него не было о д н о г о отвѣта. На страницахъ *Народной Воли* онъ доказывалъ, что абсолютизмъ не способенъ разрѣшить эту задачу, а въ *Отечественныхъ Запискахъ* внушалъ читателямъ противоположную мысль... И если даже такой сильный умъ, какъ Михайловскій, безнадежно путался и увязалъ въ противорѣчіяхъ и старыхъ, имъ же отвергнутыхъ предразсудкахъ, то не доказываетъ ли это лишній разъ, что значитъ, оставаясь народникомъ, нельзя было выбраться на твердую почву реалистической политики?

Подобная же двойственность замѣчается у него и по отношенію къ вопросу объ особомъ пути развитія для Россіи. «Мы

*) Сборникъ—Памяти В. А. Гольцева, 1910 г.

вѣрили, говорится въ литературныхъ замѣткахъ за сент. 1880 г., что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго. Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своей многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. ...Это была возможность. Теоретической возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства».

Даже самоувѣренная промолинейность В. В. не могла поднять упавшую вѣру, и помѣщая его «Судьбы капитализма» на страницахъ своего журнала редакція *Отечественныхъ Записокъ* подчеркиваетъ однако, что она «никогда не брала на себя отвѣтственность за всѣ мысли г. В. В. въ ихъ полномъ объемѣ». Правда, въ ихъ взглядахъ есть много общаго, и это общее заключается—по мнѣнію Михайловскаго*)—въ признаніи основного положенія, что «мы можемъ и должны черпать изъ богатой сокровищницы европейской цивилизаціи все пригодное и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать ошибокъ, сдѣланныхъ старой Европой въ ея блестящемъ историческомъ шествіи. Между прочимъ мы можемъ и должны избѣжать того отлученія производителя отъ силъ природы и орудій производства, которое совершилось въ Европѣ, что называется, зря, безъ участія направляющаго разума, а единственно роковой силой сцѣпленія событій. Для этого мы должны встать на почву народной политики, т. е. пробнымъ камнемъ мѣропріятій, плановъ, всей внутренней и внѣшней политики сдѣлать интересы непосредственныхъ производителей, представителей труда».

Но — и здѣсь начинается разногласіе—для правильнаго пониманія вопроса «надо имѣть въ виду, что капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, какъ обыкновенно думаютъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ. Безъ сомнѣнія нашъ капитализмъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и въ данный историческій моментъ мы можемъ съ сравнительно большимъ

*) *Отечественныя Записки* № 7 за 1883 г.—Письма посторонняго.

удобствомъ выбирать характеръ своей экономической политики. Но... невозможность у насъ капитализма далеко не абсолютная и, можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью.—При этомъ не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы мы должны были желать водворенія у насъ европейскихъ экономическихъ порядковъ, т. е. расцвѣта того ,что у насъ находится въ зачаткѣ. Отнюдь нѣтъ. Уже потому этого не слѣдуетъ, что сама Европа давнымъ давно подумываетъ о неладности своихъ экономическихъ отношеній. Такъ давно, что мы, по случаю своей самобытности, успѣли даже забыть, что истинныя основанія критики этихъ отношеній совсѣмъ не мы выдумали, а заимствовали у европейцевъ же. ...Изъ *не* невозможности у насъ европейскихъ порядковъ слѣдуетъ напротивъ, что съ водвореніемъ ихъ надо бороться».

Однако хотя Михайловскій и былъ затронутъ сомнѣніями, которыхъ не зналъ В. В., рѣшающаго значенія это не имѣло, взглядъ на основныя задачи экономической политики былъ у нихъ одинаковъ, какъ одинаково было и ихъ враждебное отношеніе къ русскому марксизму.

Реакція 80-хъ годовъ, вызвавъ разстройство и пессимизмъ въ рядахъ лѣваго крыла народничества, очень оживила однако его правое крыло, которое занялось пересмотромъ основъ народничества въ духѣ стараго соціализма 50-хъ годовъ. Наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ его явился В. В. въ своей извѣстной книгѣ «Судьбы капитализма въ Россіи», вышедшей въ 1882 г. Эта книга имѣла въ виду придать цѣлостность міросозерцанію, которое подъ напоромъ жизненныхъ фактовъ стало какъ бы расползаться и утрачивать свою власть надъ умами. «Народная партія много бы выиграла въ практическомъ отношеніи,—говорится въ предисловіи,—если бы двойственность, раздирающая ея міросозерцаніе, была уничтожена, если бы къ ея вѣрѣ въ живучесть народныхъ устоевъ присоединилось убѣжденіе въ исторической невозможности развитія капиталистическаго прозводства въ Россіи. Такое убѣжденіе способны дать наши обобщенія (если они только истинны). Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро по особенностямъ современнаго историческаго момента Россіи невозможно достичь высшей ступени промышленнаго развитія капиталистическимъ путемъ, если всѣ мѣры въ пользу этого послѣдняго способны только разрушить благосостояніе народа, но не привести къ организаціи производства,

если поэтому замѣченныя явленія разрушенія исконныхъ формъ народной жизни происходятъ не въ силу экономической борьбы мелкаго производства съ крупнымъ и побѣды послѣдняго, а суть результатъ неудачнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа правящихъ классовъ, слѣдовательно произведены политическими мѣрами, то лица, желающія добра народу и имѣющія возможность помочь ему, смѣлѣе выступятъ на борьбу съ угнетающими его вліяніями, такъ какъ они могутъ не опасаться, что всѣ ихъ успѣхи въ общественно-политической сферѣ будутъ разбиты неумолимыми и не поддающимися никакой политикѣ законами промышленнаго прогресса».

Что община, артель и др. устои русской жизни сохраняютъ свою живучесть, это продолжаетъ по прежнему оставаться общимъ убѣжденіемъ, поколебалась только вѣра въ будущее, такъ какъ все болѣе накапливалось фактовъ, которые показывали, что капитализмъ успѣшно развивается въ Россіи. В. В. и взялъ на себя задачу доказать, что всѣ эти успѣхи мнимые, что никакихъ видовъ на будущее у русскаго капитализма нѣтъ и потому путь развитія нашего народнаго хозяйства можетъ лежать только черезъ народное производство. «Есть много признаковъ,—сознается авторъ,—не только указывающихъ, что мы находимся на пути развитія капитализма, но даже способныхъ обмануть невнимательнаго наблюдателя, заставить его думать, что мы довольно быстро подвигаемся по разъ избранному пути. Такъ, за послѣднія 20 лѣтъ мы построили 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, а это—первое условіе для развитія капитализма, и въ глазахъ его поклонниковъ можетъ служить яснымъ доказательствомъ прочности, съ какою онъ у насъ водворился: построить и поддержать такую сѣть нуженъ и капиталъ, и предпріимчивость, и оживленные торговые обороты. Нѣтъ у насъ недостатка и въ мѣрахъ, направленныхъ къ концентраціи мелкихъ капиталовъ въ крупные, къ развитію кредита не только для крупнаго промышленнаго, но и земельнаго производства въ видѣ различныхъ акціонерныхъ обществъ и банковъ. Существуетъ много учрежденій, задавшихся спеціальной цѣлью способствовать развитію нашего производства и главнымъ образомъ крупнаго. Учрежденія эти наряжаютъ коммиссіи для изслѣдованія торговли тѣмъ или другимъ продуктомъ не только внутри Россіи, но и за-границей; они—по пословицѣ, куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней—повидимому серьезно тол-

куютъ, тратятъ время и деньги напр. хотя бы для принятія мѣръ къ прекращенію конкуренціи Америки нашей хлѣбной торговлѣ въ Европѣ или для вытѣсненія Англіи съ азіатскихъ рынковъ и т. д. Среди народа мы видимъ какое-то броженіе, объясняемое обыкновенно борьбой отживающаго мелкаго производства съ возникающимъ крупнымъ, и объ исходѣ этой борьбы якобы свидѣтельствуетъ не по днямъ, а по часамъ увеличивающаяся масса безземельныхъ крестьянъ. Наиболѣе рѣшительные «западники» въ новомъ духѣ прямо заявляютъ о неизбѣжномъ исходѣ этой борьбы въ пользу крупнаго производства (и разумѣется, капиталистическаго), пророчествуютъ гибель кустарнаго промысла и настаиваютъ на необходимости помочь водворенію новаго порядка вещей, между прочимъ уничтоженіемъ общины. Среди народа размножается масса піявокъ и эксплотаторовъ всякаго рода, обирающихъ его, какъ липку, и эти піявки тоже считаются однимъ изъ элементовъ возникающаго на почвѣ капитализма третьяго сословія, однимъ изъ признаковъ развитія крупнаго производства. Въ пользу послѣдняго говоритъ и привлеченіе къ промыслу женщинъ и дѣтей... Въ дополненіе сходства нашихъ промышленныхъ порядковъ съ западно-европейскими можно указать еще на развивающееся у насъ такъ-называемое рабочее движеніе «(21—23 стр.).—Всѣ эти признаки не убѣждаютъ однако автора въ необходимости «помириться съ методомъ, выработаннымъ Западомъ, и пойти по проторенной нѣмцемъ и англичаниномъ дорожкѣ». Все это «болѣе игра въ капитализмъ, чѣмъ проявленіе его дѣйствительныхъ отношеній». Какія же—спрашивается—причины мѣшаютъ ему развернуться во-всю? Причинъ этихъ много: огромныя пространства въ связи съ недостаткомъ путей сообщенія, суровый климатъ, удорожающій производство, отсутствіе достаточнаго контигента спеціализированныхъ рабочихъ и т. п.; но самой главной и при томъ неустранимой причиной является, по мнѣнію В. В., *отсутствіе внѣшнихъ рынковъ*. Вслѣдствіе своего поздняго выступленія на путь промышленнаго развитія Россія лишилась возможности завладѣть чужими рынками, ибо они были уже захвачены другими странами, соперничать съ которыми ей технически и экономически не подъ силу. Такимъ образомъ сфера распространенія русскаго капитализма по неволѣ должна ограничиться очень узкими предѣлами, а именно—внутреннимъ рынкомъ. Далѣе, благодаря тому что Россія

прямо примѣняетъ у себя послѣднее слово техническихъ изобрѣтеній «наше крупное производство будетъ расширяться не столько въ ширину, сколько такъ сказать въ глубь, т. е. не столько охватывая все большее число рабочихъ, сколько увеличивая производительность труда уже занятыхъ». Разъ одинъ напр. рабочій можетъ удовлетворить потребности 5 — 10 человѣкъ и потребителями его продуктовъ будутъ лишь мѣстные жители, то «очевидно, что лишь $^1/_5$ — $^1/_{10}$ всего населенія можетъ быть занята капиталомъ и слѣдовательно получитъ средства покупать его продукты, остальные принуждены будутъ бѣжать съ своей родины. А въ такомъ случаѣ они не станутъ и потреблять продуктовъ капиталистическаго производства; послѣднее слѣдовательно будетъ производить въ пустую. Иначе говоря, русскій капиталъ не охватитъ не только всѣхъ областей производства, но и значительной ихъ доли; обобществитъ онъ трудъ лишь небольшой части рабочихъ, слѣдовательно не совершитъ у насъ своей специфической миссіи, а въ такомъ случаѣ какой-смыслъ стараться всячески насадить его» (26 с.). На основаніи цѣлаго ряда—мало провѣренныхъ однако критически—цифръ В. В. доказываетъ, что развитіе русской фабрично-заводской промышленности дѣйствительно слѣдуетъ этому закону: обороты растутъ, производительность труда повышается, число же рабочихъ то увеличивается, то—съ улучшеніемъ техники—падаетъ, такъ что въ конечномъ итогѣ крупное производство, какъ бы топчется на одномъ мѣстѣ. «Въ 1877 г. наши фабрики требуютъ для своего существованія не больше рабочей силы, чѣмъ онѣ занимали ее въ 1842 г.», а по сравненію съ 1861 г. послѣдовало даже сокращеніе на 150,000 человѣкъ: въ 1861 г., было занято 560 тыс. рабочихъ, а въ 1877 г. уже всего 417 тыс. Такимъ образомъ въ области крупнаго производства констатируется абсолютный упадокъ*)... Въ общемъ—по мнѣнію В. В.—большая часть отраслей русской промышленности не способны къ развитію на капиталистическихъ началахъ; только въ нѣкоторыхъ производствахъ капиталъ найдетъ себѣ болѣе или менѣе удобное мѣстечко. Сюда относятся напр. тѣ изъ нихъ, которыя приготовляютъ продукты общаго употребленія, такъ

*) По болѣе точнымъ даннымъ Туганъ-Барановскаго число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, не обложенныхъ акцизомъ—о каковыхъ выше говорилъ и В. В.—наоборотъ непрерывно возрастало и съ 358 тыс. въ 1863 г. дошло до 500 тыс. въ 1877 г. См. Русская фабрика, 1898 г. 307 с.

что одного внутренняго рынка достаточно для болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ производства; при этомъ требуется еще, чтобы уровень техническаго развитія данной промышленной отрасли былъ слишкомъ высокъ для кустарной организаціи. Затѣмъ благопріятными для захвата капиталовъ являются еще тѣ отрасли производства, которыя по размѣрамъ основного и оборотнаго капитала недоступны мелкому производителю, но которыя въ тоже время и не очень сложны, слабо подчинены регулирующему вліянію науки, гдѣ по этому измѣненіе способовъ производства совершается медленно, такъ что слѣдить за ними въ состояніи и нашъ тяжелый на подъемъ капитализмъ. Но совершенно непосильными русскому капиталу оказываются тѣ промыслы, которые распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ производствъ, въ сильной степени подчиненныхъ воздѣйствію науки и потому достигшихъ высокой технической сложности, какъ напр. механическая промышленность. Такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ недоступны въ настоящее время для организаціи на кооперативныхъ началахъ, то В. В. высказывается за то, чтобы передать ихъ въ руки «учрежденія, нестолько заинтересованнаго въ минутныхъ матеріальныхъ успѣхахъ производства, сколько заботящагося о прочной постановкѣ дѣла и относящагося къ вопросу съ точки зрѣнія общественной пользы. Такимъ учрежденіемъ является правительство»; къ нему и должны перейти указанныя производства. ...«Раньше, чѣмъ артельная организація охватитъ механическую отрасль промышленности, послѣдняя вѣроятно перейдетъ въ казенное завѣдованіе. На этотъ путь дѣло постоянно стремится стать само собой, а мы съ своей близорукостью гнемъ его въ противоположномъ направленіи»... (64—66 стр.).

Итакъ, крупное капиталистическое производство, насаждаемое сверху и по иностраннымъ образцамъ, обречено у насъ на жалкое прозябаніе; число рабочихъ въ немъ не только относительно, т. е. въ % ко всему населенію, не увеличивается, но и абсолютно падаетъ. Поэтому тѣ надежды, которыя связывались съ развитіемъ капитализма на Западѣ, въ Россіи неумѣстны, съ ними нужно обращаться совсѣмъ въ иную сторону... Бокъ о бокъ съ крупнымъ производствомъ и подъ нимъ существуетъ еще и развивается мелкое, продолжается національный процессъ развитія общественной формы труда, тихое, естественное теченіе котораго было лишь слегка взволновано вмѣшатель-

ствомъ крупнаго капитала. Процессъ этотъ—продолжаетъ далѣе В. В. — поскольку онъ совершается капиталистическимъ путемъ, долженъ происходить у насъ крайне медленно, ибо отсутствіе внѣшняго рынка мѣшаетъ ему развернуть всѣ свои силы; весь запасъ опыта и все громадное развитіе техники, какіе онъ можетъ получить даромъ съ Запада—все это отразится на немъ очень мало въ силу той же самой причины. Для будущихъ же судебъ Россіи эта медленность развитія является очень благопріятной, такъ какъ тѣмъ временемъ наша интеллигенція можетъ *одуматься*... «Если капитализація туземнаго производства пойдетъ такимъ черепашьимъ шагомъ, то есть надежда повернуть весь процессъ развитія общественной формы труда на народный путь, на путь артели», гдѣ рабочіе трудятся не для возрастанія капитала, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей, гдѣ стремленіемъ производства сдѣлается не безграничное его расширеніе, а сокращеніе труда работающихъ» (73 с.).— Какъ же обстоитъ въ дѣйствительности дѣло съ этимъ туземнымъ производствомъ, т. е. кустарной промышленностью, какой опасности подвергается здѣсь мелкое самостоятельное хозяйство? Слѣдуетъ ли пропѣть ему вѣчную память или оно можетъ спокойно смотрѣть въ глаза своему будущему? На основаніи анализа матеріаловъ, собранныхъ московскимъ земствомъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что «организація общественной формы труда въ кустарномъ промыслѣ совершается крайне медленно. Обогащеніе отдѣльныхъ промышленниковъ ведетъ лишь къ механическому расширенію ихъ производства, но не къ дальнѣйшему развитію мануфактуры, вслѣдствіе чего такая концентрація производства не нарушаетъ возможности существованія рядомъ мелкихъ мастерскихъ. Ещё больше, въ исторіи кустарнаго промысла за послѣднія десятилѣтія гораздо яснѣе проявляется его декапитализація, чѣмъ сосредоточеніе производства въ меньшемъ числѣ болѣе крупныхъ мастерскихъ; и сплошь да рядомъ развитіе промысла въ мѣстности начинается образованіемъ крупныхъ заведеній, которыя потомъ распадаются на болѣе мелкія. Въ основѣ такого направленія нашего кустарнаго промысла лежатъ, во первыхъ, общія международныя неблагопріятныя условія для развитія въ Россіи капитализма и, во вторыхъ, не порванная еще связь рабочаго населенія съ землей. И обратно, укрѣпляя послѣднюю, мы отнимаемъ у туземнаго русскаго капитализма и теперешніе его устои, создаемъ

возможность для совершенія развитія общественной формы труда на артельныхъ началахъ. ...Покаместъ мы вовсе не замѣчаемъ технической трудности мелкому промышленнику соперничать съ крупнымъ, и интеллигенція имѣетъ время повліять на производителей такимъ образомъ, чтобы обобществленіе труда, когда придетъ тому время, произошло не капиталистическимъ путемъ. ...Весьма вѣроятно, что процессъ обобществленія труда артельнымъ путемъ пойдетъ быстрѣе, чѣмъ онъ шелъ подъ руководствомъ *нашего* капитализма: по крайней мѣрѣ послѣдній показалъ очень мало стремленія воспользоваться выгодами улучшенныхъ способовъ производства и раздѣленія труда, а неблагопріятныя условія сбыта и дешевизна ручного труда объясняютъ такую инертность русскаго капиталиста. Артель же, помимо стремленія къ обогащенію, побуждается къ развитію производительности труда и другимъ мотивомъ—весьма естественнымъ желаніемъ сократить и облегчить свою работу; поэтому и при неизмѣнномъ сбытѣ продукта она можетъ все-таки заботиться о введеніи различныхъ техническихъ усовершенствованій» (79, 116 и 117 стр.).

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, В. В. уже не видитъ въ кустарной промышленности нашей національной, истинно-русской особенности и не считаетъ мелкое производство, какъ таковое, свободнымъ отъ капиталистическаго вліянія. Въ этомъ сказалось какъ знакомство его съ трудами Маркса, такъ и вѣроятно вліяніе книги Корсака «О формахъ промышленности и о значеніи домашняго производства въ Западной Европѣ и Россіи». Книга Корсака, вышедшая еще въ 1861 г., по трезвости своего анализа представляла выдающееся для того времени явленіе. Въ ней впервые точно устанавливается истинная природа кустарныхъ промысловъ, чѣмъ и доказана была вся несообразность идиллическаго взгляда на нихъ, какъ на какія-то сенъ-симонистскія организаціи, высказаннаго барономъ Гакстаузеномъ и усвоеннаго нашимъ народничествомъ. «Домашняя форма производства не есть исключительное достояніе Россіи, она была вездѣ, въ извѣстную эпоху экономическаго развитія, и даже по настоящее время сохранилась во многихъ странахъ Европы почти въ томъ же видѣ, въ какомъ и въ Россіи. Она всегда была свойственна нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, которыя по этому труднѣе поддавались фабричному производству. Но въ ней нужно различать два вида: домашнюю

промышленность и домашнюю систему производства, соотвѣтствующую нашей «кустарной» промышленности, изъ коихъ первая, подъ вліяніемъ большого производства, переходитъ во вторую, а послѣдняя въ новую форму—мануфактурную или фабричную». Кустари работаютъ на неопредѣленный рынокъ, зависятъ отъ посредниковъ-капиталистовъ и ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться самостоятельными производителями. «Нельзя отрицать, что эта система, представляющая собою смѣсь чисто домашней промышленности и домашняго рукодѣлія съ замкнутой фабрикаціей въ большихъ размѣрахъ, скорѣе соединяетъ въ себѣ вредныя, чѣмъ выгодныя стороны обѣихъ формъ.

Вездѣ, гдѣ эта форма существуетъ, на Западѣ и у насъ, жалуются на ея невыгоды и особенно на неаккуратное исполненіе заказовъ; въ Америкѣ разнокалиберные товары называютъ обыкновенно саксонскими,—такъ извѣстно это главное свойство домашней системы! То же самое мы видимъ и у насъ въ кустарной промышленности. Домашняя система, подобно фабрикѣ, работаетъ одинъ и тотъ же товаръ въ тысячи экземплярахъ, но въ то же время она не теряетъ и характера домашней промышленности, работаетъ разрозненно-неодинаково. Кромѣ того, въ домашней системѣ не достаетъ тѣхъ побужденій, которыя въ фабрикѣ ведутъ къ совершенству издѣлій; не достаетъ именно того интереса, который руководитъ однимъ фабрикантомъ, принимающимъ на себя исключительную отвѣтственность передъ... покупателемъ за доброкачественность товара, заинтересованнаго лично въ славѣ издѣлій извѣстнаго промышленнаго округа, ибо вмѣсто одного или немногихъ фабрикантовъ и оптовыхъ торговцевъ является множество непроизводительныхъ посредниковъ, заботящихся не столько о качествѣ товара, сколько о быстрой наживѣ чужимъ трудомъ. При томъ домашняя система не оживляется тѣмъ промышленнымъ геніемъ и той усовершенствованной техникой, которые сообщаются каждому отдѣльному шагу въ производствѣ фабричномъ. Товаръ не можетъ выйти изъ нѣдръ домашней системы такимъ, какимъ онъ выходитъ изъ фабрикъ, а между тѣмъ онъ предназначается для большого сбыта вмѣстѣ съ фабричными издѣліями. Отсюда неизбѣжно паденіе промышленности, основанной на домашнемъ трудѣ. Низшее качество ея произведеній предприниматели стараются вознаградить пониженіемъ заработной платы до наивозможно

низкой величины. Этотъ упадокъ заработной платы составляетъ дѣйствительно постоянное зло домашней системы производства. ...Въ домашней системѣ благопріятный оборотъ торговли обращается не въ пользу работника, но въ пользу мелкихъ посредниковъ; если бы даже работникъ и могъ зарабатывать лишнее, то раздробленность производства препятствуетъ образованію товариществъ для сбереженій, для заботъ о своихъ семействахъ, ...Такимъ образомъ, лишенная тѣхъ средствъ, которыми обладаютъ фабрики, домашняя система производства несетъ на себѣ всѣ потрясенія, которымъ подвергаются первыя; разрушительные удары ихъ падаютъ здѣсь не на большой капиталъ, но на отдѣльныхъ работниковъ, а выгодныя для промышленности обстоятельства обращаются въ пользу мелкихъ барышниковъ» (304, 295—297 стр.). До сихъ поръ домашняя форма производства является господствующей въ Россіи, но все же время для нея проходитъ и здѣсь. Правда, она существуетъ еще у насъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ на Западѣ, но только потому, что для фабрикъ нѣтъ еще благопріятныхъ условій; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя отрасли, основанныя на этой системѣ, такъ низко упали, какъ не падали и на Западѣ (льняная), другія даютъ уже самые ничтожные заработки. ...Разсматривая кустарную промышленность съ технической ея стороны и относительно тѣхъ способовъ и средствъ, которыми она располагаетъ, мы находимъ, что въ фабричныхъ отрасляхъ она несравненно хуже фабричной системы и въ настоящее время даже у насъ фабрики могутъ производить почти столь же дешево; въ ремеслахъ издѣлія ея не лучше, но зато дешевле городского ремесла, которое въ Россіи при томъ развито чрезвычайно слабо. Кромѣ общихъ условій этой дешевизнѣ особенно способствуетъ раздѣленіе труда во многихъ отрасляхъ промышленности, какъ между отдѣльными членами семействъ и мастерскихъ, такъ и между отдѣльными селами. Тѣмъ не менѣе все производство основано вообще на рутинѣ; орудія и способы его первобытные; техническія знанія—это рутинныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя по наслѣдству. Въ заключеніе всего, примѣры ассоціаціи для оптовой покупки матеріала и для сбыта произведеній, особенно же для пріобрѣтенія улучшенныхъ орудій и машинъ и для устройства общественныхъ мастерскихъ, какъ это видимъ напр. въ Англіи, у насъ чрезвычайно рѣдки.

...Вообще духъ ассоціаціи не такъ общъ нашему сельскому народонаселенію въ дѣлѣ промышленности, какъ объ этомъ иногда думаютъ. Товарищества встрѣчаются только въ отходныхъ промыслахъ, въ такъ назыв. артеляхъ, въ которой члены— не предприниматели, но простые работники, состоящіе на жалованіи одного предпринимателя. Роль артели ограничивается только общими расходами на содержаніе, которые покрываются складчиной работниковъ изъ ихъ заработныхъ платъ. Артель— это не есть союзъ труда и капитала, общими силами участвующихъ въ производствѣ и раздѣляющихъ между собою рискъ и выгоды предпріятія. Въ производствѣ нѣкоторые примѣры ассоціаціи мы видимъ въ немногихъ только случаяхъ закупки матеріаловъ посредствомъ складчины, а именно такихъ, которые трудно покупать по мелочамъ. Такъ нѣкоторые корзинщики скупаютъ маленькія ивовыя рощи или цѣлыя партіи лѣса; но это исключенія.

Несмотря на такую вполнѣ реалистическую оцѣнку существующихъ промышленныхъ отношеній Корсакъ не выдерживаетъ своей позиціи до конца, когда ему приходится обсуждать вопросъ о прошломъ или будущемъ направленіи нашего экономическаго развитія. Необходимость — при данныхъ историческихъ условіяхъ—капиталистической системы въ Россіи не была для него вполнѣ ясна и онъ думаетъ, что какъ въ прошломъ фабричное производство появилось у насъ лишь благодаря ошибочной политикѣ Петра, такъ и въ настоящее время домашняя система, т. е. кустарная промышленность, при помощи кредита и ассоціаціи можетъ очиститься отъ проникающаго ее капиталистическаго духа и преобразиться въ Луи—блановскія «общественныя мастерскія»...

Это слабое мѣсто въ книгѣ Корсака воспринялъ и развилъ еще дальше В. В., не замѣчая, что то, что было умѣстно къ началу 60-хъ годовъ, переставало уже быть таковымъ въ 80-ые...

Русскій капитализмъ—рѣшительно заявляетъ онъ—«незаконное дитя исторіи», почвы для его развитія нѣтъ и потому «всѣ усилія насадить его у насъ пропадутъ даромъ». ...«Не имѣя возможности развиваться такъ, какъ этого требуетъ природа капитала, послѣдній какъ появился, такъ и останется гостемъ, привлеченнымъ почти насильно, чувствующимъ себя не дома и потому не могущимъ оказать здѣсь того громаднаго вліянія на всѣ сферы жизни, какое онъ имѣлъ въ странѣ своего ес-

ственнаго зарожденія и процвѣтанія». Такимъ образомъ, намъ остается только одинъ путь—народнаго производства, тѣмъ болѣе что послѣднее поднимаетъ голову не въ одной Россіи, а и на Западѣ, за исключеніемъ развѣ одной Англіи. «Во Франціи капиталистическое производство достигло повидимому наивысшей степени, доступной ему по условіямъ мѣста и времени, и отнынѣ ему предстоитъ развиваться, быть можетъ, только интенсивно, увеличивая производительность труда, но не привлеченіемъ на фабрики новыхъ рабочихъ». Далѣе авторъ «напоминаетъ, какъ удивились нѣмецкіе ученые, когда статистическими изслѣдованіями было обнаружено, что крупная промышленность въ Пруссіи вовсе не такъ развита, а мелкая не въ такомъ упадкѣ, какъ это привыкли обыкновенно считать, основываясь на положеніяхъ буржуазной политической экономіи. И намъ теперь до нѣкоторой степени ясно, отчего это происходитъ, ясно, что въ будущемъ процессъ капитализаціи промышленности долженъ итти еще съ большими затрудненіями» (186—187 стр.). Въ виду этого не Западная Европа указъ намъ, а скорѣе мы—ей; Россія идетъ не только особымъ, но и кратчайшимъ путемъ. «Будемъ надѣяться, что Россія и есть та страна, которая послужитъ (западному) рабочему образцомъ при его реорганизаціонной работѣ, что ея историческая миссія заключается въ осуществленіи равенства и братства, если ужъ ей не суждено бороться за свободу»(124 с.). Но гдѣ же находятся тѣ силы, которыя могли бы взять на себя выполненіе этой миссіи? На Западѣ съ паденіемъ роли поземельнаго дворянства первенство перешло къ буржуазіи; за нею виднѣется, въ качествѣ ея вѣроятнаго преемника, фабрично-заводскій пролетаріатъ. Не то въ Россіи: здѣсь нѣтъ господствующаго капиталистическаго производства, а слѣдовательно нѣтъ и класса подобнаго европейской либеральной буржуазіи, нѣтъ естественной опоры политической свободѣ. Родоначальникомъ взгляда о невозможности развитія въ Россіи буржуазіи—какъ вѣроятно помнитъ читатель—былъ Герценъ. «Намъ нечего заимствовать у мѣщанской Европы—писалъ онъ въ *Полярной Звѣздѣ*, кн. 2 за 1856 г. Мы не мѣщане, мы мужики. ...Мы бѣдны городами и богаты селами. Всѣ усилія создать у насъ городское мѣщанство въ Западномъ смыслѣ приводитъ до сихъ поръ къ тощимъ и нелѣпымъ послѣдствіямъ. Настоящіе горожане наши одни чиновники; купечество ближе къ крестьянамъ, чѣмъ къ намъ. Помѣщики естественно болѣе

сельскіе жители, нежели городскіе. Итакъ, городъ у насъ почти одно правительство, Россія государственная, а село—вся Россія, Россія народная». Десять лѣтъ спустя однако онъ сталъ уже склоняться къ мысли, что и намъ предстоитъ пройти полосою мѣщанства; но В. В. оказался прямолинейнѣй его—ему нужно было уничтожить «двойственность», раздирающую народничество, и вотъ онъ ничтоже сумняшеся въ 80-хъ годахъ выставляетъ положеніе, которое казалось сомнительнымъ Герцену уже во второй половинѣ 60-хъ... И какъ у Герцена со взглядомъ объ отсутствіи у насъ почвы для буржуазіи связывалась идеализація самодержавія, представленіе о немъ, какъ о соціальной республикѣ, накрытой мономаховой шапкой, такъ и В. В. не нашелъ иного выхода, какъ послѣдовать тому же примѣру. Стоитъ де обращать вниманіе на шапку, когда намъ суждено осуществить начала равенства и братства!... «Не имѣя солиднаго противника въ обществѣ, наша власть можетъ не опасаться тѣхъ факторовъ прогресса, съ которыми вели непрестанную войну западно-европейскія правительства. Мы укажемъ лишь на одинъ изъ нихъ—свободу печати. Она опасна для правительства въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обществѣ есть элементы, способные организоваться въ партію сильную экономически (ибо безъ матеріальной силы нѣтъ и политической). А такъ какъ въ русскомъ обществѣ—кромѣ утрачивающаго свое значеніе дворянства и пріобрѣтающаго экономическое вліяніе невѣжественнаго кулачества существуетъ только народъ, активная политическая роль котораго еще очень далеко впереди, то наша власть можетъ безъ всякаго опасенія пользоваться свободой слова, — единственнымъ орудіемъ дѣйствительнаго контроля надъ своими подчиненными и единственнымъ средствомъ знать истинное положеніе дѣлъ при существующемъ и еще надолго исключительно возможномъ государственномъ устройствѣ Россіи. Итакъ, намъ кажется, что благодаря невозможности развитія въ Россіи капиталистическаго производства, европейскій конституціонный либерализмъ теряетъ у насъ свое значеніе и что прогрессивные дѣятели, выставляющіе на своемъ знамени принципы послѣдняго, явились у насъ вслѣдствіе невыработанности экономическаго міросозерцанія, вслѣдствіе того что требующій своего отысканія законъ экономическаго развитія нашей родины былъ a priori принятъ тождественнымъ съ закономъ развитія западныхъ обществъ» (6—7 стр)...

Какъ видно отсюда, пересмотръ народническихъ идей, предпринятый В. В. съ цѣлью сообщенія имъ единства и цѣльности, привелъ не чему иному, какъ къ реставраціи стараго народничества. Капитализмъ объявляется—за отсутствіемъ внѣшнихъ рынковъ—мертворожденнымъ въ Россіи, а народное производство—способнымъ при помощи артельной организаціи къ возрожденію на новыхъ, соціалистическихъ началахъ. Догматъ объ особомъ пути развитія былъ возстановленъ во всей неприкосновенности, и здѣсь именно пожалуй съ наибольшей рѣзкостью выразилось противорѣчіе его со взглядами автора «Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины». Согласно аргументаціи Чернышевскаго, примитивныя учрежденія нашего быта—община, артель, кустарничество могли бы, минуя переходную, капиталистическую стадію, перейти сразу на высшую только въ томъ случаѣ, если бы эта послѣдняя была уже осуществлена фактически гдѣ нибудь на Западѣ. Не трудно видѣть, что подобная точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ утвержденіемъ В. В., что наоборотъ наши учрежденія послужатъ образцомъ для Европы при утвержденіи тамъ соціалистическаго строя и что мы раньше ея, собственными усиліями, можемъ совершить указанный скачекъ... Вновь возстановлялся также аполитическій характеръ народничества, какимъ оно вышло еще изъ рукъ Герцена въ 50-хъ годахъ, Россія объявлялась созданной не для политической свободы, а для осуществленія идей равенства и братства, и въ этихъ видахъ провозглашалась возможность союза между исторической государственной властью, т. е. самодержавіемъ, и интеллигенціей, какъ представительницей народа*). Такимъ образомъ заглушались всѣ тѣ ростки реалистическаго направленія мысли, которыя стали пробиваться въ теченіе второй половины 70-хъ годовъ, и утопическій элементъ вновь распускался пышнымъ цвѣтомъ. Однако эти попытки реставраціи оказались не въ состояніи произвести то дѣйствіе, какое ожидалось—сообщить направленію общественной мысли, призывающей на борьбу съ капитализмомъ, цѣльность способную совершенно увлечь человѣка; цѣльность

*) Самъ народъ отодвигался при этомъ на задній планъ. «Народничество, какъ направленіе мысли культурнаго общества, присуще лишь такимъ странамъ, въ которыхъ народная масса удалена отъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ и активными дѣятелями въ общественной жизни являются лица культурнаго слоя».—В. В. «Наши направленія» 1893 г.

можетъ быть и была достигнута, но только цѣною разлада съ дѣйствительностью. Мы частью уже видѣли, частью еще увидимъ впослѣдствіи, что направленіе экономическаго и общественнаго развитія Россіи чѣмъ дальше, тѣмъ больше, расходилось съ прогнозомъ народничества. Теперь же остановимся на утвержденіи В. В., что народное производство и на Западѣ начинаетъ поднимать за послѣднее время голову, тогда какъ крупно-капиталистическое достигло повидимому уже высшей точки развитія. Какъ мало это утвержденіе соотвѣтствовало дѣйствительному ходу вещей, показываетъ слѣдующая таблица, взятая изъ промышленныхъ переписей Германіи*).

Число производствъ:	1882 г.	1895 г.	1907 г.
мелкихъ (до 5 челов.). .	2,175,857	1,989,572	1,870,261
среднихъ (отъ 6 до 50 челов.).	85,001	169,459	187,074
крупныхъ (отъ 51 и выше).	9,481	17,941	29,033

Какъ видно отсюда, процессъ концентраціи капитала совершается въ столь рѣзко опредѣленной формѣ, которая не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ: число мелкихъ производствъ неизмѣнно отъ переписи къ переписи падаетъ и за промежутокъ въ 25 лѣтъ сократилось на 13%; наоборотъ, число среднихъ производствъ увеличилось за это время на 122%, а крупныхъ на 207%. Нѣсколько иначе выражается тотъ же процессъ въ торговлѣ и транспортѣ: здѣсь число производствъ растетъ во всѣхъ трехъ группахъ, но только первая изъ нихъ (т. е. мелкія производства) увеличивается гораздо слабѣе, чѣмъ вторая и въ особенности третья.

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
Мелкія. .	676,238	905,238	1,204,737
Среднія. .	26,531	49,271	76,386
Крупныя.	463	960	2,826

При этомъ нужно замѣтить еще, что нѣмецкая перепись, имѣющая дѣло не съ предпріятіемъ, а съ производствомъ (Betrieb), заноситъ въ число мелкихъ *лавокъ* много такихъ,

*) См. Gewerbestatistik въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften и Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich, 1912.

которыя въ дѣйствительности не обладаютъ вовсе самостоятельностью и являются лишь филіальными отдѣленіями крупныхъ. Число лицъ, занятыхъ въ мелкой промышленности и торговлѣ, увеличилось съ 4,284,385 человѣкъ въ 1882 г. до 5,257,198 въ 1907 г., т. е. всего на 23%, а въ средней—съ 1,380,298 человѣкъ до 3,604,595 или на 161% и въ крупной—съ 1,608,688 человѣкъ до 5,333,108 или на 232%. По абсолютной цифрѣ занятого населенія мелкая промышленность до сихъ поръ еще составляетъ солидную величину, но доля ея участія въ національномъ производствѣ гораздо менѣе значительна. Нѣмецкая статистика не учитываетъ этой стороны явленія, по даннымъ же сѣверо-американскихъ цензовъ оказывается напр., что на мелкія заведенія приходилось въ 1890 г. только 12,9% общей суммы производства, а въ 1900 г.—даже 9,1%...

Перейдемъ теперь къ другому видному экономисту того времени Николаю—ону, который былъ переводчикомъ «Капитала» на русскій языкъ и состоялъ въ перепискѣ какъ съ К. Марксомъ, такъ и съ Ф. Энгельсомъ, благодаря чему считался въ литературныхъ кругахъ «настоящимъ марксистомъ», хотя и народническаго направленія. Его главный трудъ—«Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства» вышелъ въ 1893 г., но первая часть его, касающаяся *капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ*, была напечатана еще въ 1880 г. (*Слово*, № 10). Здѣсь авторъ указываетъ, что манифестъ 19 февраля 1861 г., надѣляя крестьянъ землею и узаконивая издавно существовавшія общинныя отношенія, видѣлъ залогъ общественнаго преуспѣянія и частнаго благополучія въ развитіи такой формы производства, при которой орудія труда принадлежатъ самимъ производителямъ. Казалось, что для капиталистической формы у насъ и мѣста нѣтъ. Но это только такъ казалось. Въ дѣйствительности она тотчасъ же по провозглашеніи законодателемъ первой, народной формы вступила съ ней въ борьбу. Средствомъ для этого послужили кредитъ и желѣзныя дороги. Благодаря имъ наша внѣшняя торговля сильно увеличилась, русскій хлѣбъ сталъ въ огромномъ количествѣ поступать на международный рынокъ, но такъ какъ въ нашемъ вывозѣ сырые продукты играютъ преобладающую роль, то это развитіе торговлю содѣйствуетъ не обогащенію, а обнищанію народныхъ массъ, ибо съ одной стороны новые колоссальные долги, сдѣланные правительствомъ за счетъ желѣзныхъ дорогъ, увеличили

тяжесть налоговъ, падающихъ на нихъ, а съ другой—проложеніе рельсовыхъ путей, повышая цѣны на предметъ первой необходимости и обращая ихъ въ товаръ, повлекло за собой ухудшеніе народнаго потребленія. На Западѣ усовершенствованные пути сообщенія и банки явились слѣдствіемъ развитія производства, которое опередило мѣстныя потребности и вынуждено было отправиться на поиски за потребителями. Въ Россіи же они примѣняются къ производству, которое находится если не въ упадкѣ, то въ застоѣ. Въ то время какъ въ главномъ источникѣ богатства страны—земледѣліи употребляются еще орудія каменнаго вѣка, для отдѣленія продукта отъ производителя примѣняются послѣднія усовершенствованія техники. Если при такихъ условіяхъ желѣзныя дороги можно сравнить съ каналами, уносящими производительныя силы страны, то кредитъ и учрежденія, которымъ онъ служитъ основаніемъ, стремятся къ сосредоточенію силъ, спеціальное назначеніе которыхъ—отдѣленіе продукта отъ производителя. Желѣзныя дороги у насъ «живутъ мужикомъ»,—такъ какъ все движеніе обусловлено почти исключительно перевозкой земледѣльческихъ грузовъ и земледѣльческаго населенія,—однако по своему существу онѣ являются злѣйшимъ врагомъ мужицкаго народнаго производства. Кредитъ и желѣзныя дороги ускоряютъ переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное. Денежное же хозяйство—хозяйство товарное—есть хозяйство капиталистическое; слѣдовательно, и кредитъ, и желѣзныя дороги ускоряютъ превращеніе хозяйственныхъ условій производства, при которыхъ производители являются собственниками орудій производства, въ такія условія, гдѣ производители становятся наемными рабочими. Приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической миссіи, у насъ мѣшаетъ «Положеніе» 19 февраля, надѣлившее производителей орудіями труда. Капиталистическому же хозяйству наоборотъ способствуетъ вся пореформенная государственно-экономическая дѣятельность. Эти два взаимно уничтожающія направленія и составляютъ источникъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій, съ которыми приходится встрѣчаться при изученіи русской дѣйствительности. «Теченіе капиталистическое, однако, видимо пересиливаетъ. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что все большая и большая часть производителей экспропріируется: уменьшеніе доли производителя въ продуктѣ и увеличеніе доли капиталиста, происходящее на нашихъ глазахъ, за-

ставляетъ все большую и большую часть первыхъ бросать землю, не «обряжать» ее. При этомъ и въ самой общинѣ происходитъ весьма любопытное явленіе: нехозяйственнымъ членамъ общество начинаетъ отводить худшую землю (все равно не обрабатываютъ ее), сроки же передѣловъ земли хозяйственныхъ домовъ все увеличиваются и увеливаются, такъ что мы присутствуемъ при актѣ превращенія общиннаго пользованія въ индивидуальное» (71 стр.). Но существованіе общины и вообще народнаго производства подтачивается еще и съ другой стороны, выясненію которой посвящена вторая часть книги, говорящая о *капитализаціи промысловъ*. Въ прежнее время крестьянинъ обыкновенно соединялъ свою земледѣльческую работу съ работой по изготовленію одежды, обуви и другихъ предметовъ, необходимыхъ для его хозяйственнаго или домашняго обихода. Эта домашняя промышленность—все равно, занимались ли участники ея изготовленіемъ предметовъ для собственнаго употребленія или на рынокъ — служила очень важнымъ подспорьемъ для крестьянскаго хозяйства. Но съ теченіемъ времени крупный капиталъ при благосклонной поддержкѣ со стороны государства все болѣе и болѣе проникалъ сюда, безжалостно разрушая освященные вѣками устои. Народные промыслы капитализировались, т. е. переходили изъ крестьянскихъ избъ на фабрики и заводы, изъ рукъ непосредственныхъ производителей и потребителей въ руки ничтожнаго числа лицъ, которыя въ состояніи теперь удовлетворить потребность въ промышленныхъ продуктахъ всего населенія при помощи труда одного лишь процента его. Этотъ переходъ съ своей стороны вызвалъ необходимость для крестьянъ отчуждать значительную долю продуктовъ сельскохозяйственнаго труда для покупки того, что раньше изготовлялось ими самими; масса рабочаго времени, которое раньше затрачивалось производительно, теперь освобождалась и пропадала напрасно, что конечно должно было еще болѣе ослабить и безъ того уже подорванное земледѣльческее хозяйство. «Голодъ 1891 показалъ, что въ хозяйственныхъ условіяхъ существованія всего общества дѣйствительно совершился такой глубокій переворотъ,—и совершился въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ десятковъ лѣтъ,—подобія которому мы напрасно стали бы искать на протяженіи всего тысячелѣтія, прожитаго нами. Ни удѣльныя безурядицы, ни татарщина не касались формъ нашей хозяйственной жизни; по-

этому по минованіи всякихъ невзгодъ формы эти не только сохранялись, но благодаря исключительно имъ и основываясь на нихъ колонизовалась и населилась вся южная Россія, колонизовалась Сибирь: благодаря этимъ формамъ мы видимъ русское государство такимъ, какимъ оно есть въ настоящее время. И все это, несмотря на гнетъ крѣпостного права со всѣми его послѣдствіями во всѣхъ областяхъ общественной жизни и только благодаря тому, что основныя формы народнаго производства оставались незатронутыми: непосредственные производители и средства производства не были разобщены. То, чего не могли сдѣлать никакія невзгоды, произвело такое разъединеніе. Въ самый короткій срокъ произошла коренная ломка всего промышленнаго строя: домашнее производство крестьянства было убито; въ области обрабатывающей промышленности произошло полнѣйшее отдѣленіе средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей. Крестьянство въ этой области было экспропріировано...» (284 стр.).—Тѣснимая съ двухъ сторонъ, наша община должна или прекратить свое существованіе, или получить достаточныя средства для того чтобы подняться на высшую ступень. Въ своемъ теперешнемъ, первобытномъ видѣ она несовмѣстима съ тѣми усложняющимися отношеніями общественно-хозяйственнаго существованія, которыя соединяютъ всѣ народы земного шара въ одно общественно-хозяйственное цѣлое. Предѣлы компетенціи ея слишкомъ узки; они должны быть расширены въ смыслѣ пріобрѣтенія ею возможности приспособлять свое существованіе къ усложняющимся условіямъ общественности. Или развитіе, или упадокъ—иного выхода нѣтъ. «При тѣхъ же условіяхъ, въ которыя ставится современная община,—что бы кто ни говорилъ, какъ бы это ни было желательно или нежелательно, — гибель ея есть вопросъ времени: хозяйственное теченіе, враждебное ей, лишая ее возможности приспособиться къ усложняющимся условіямъ общественности, не принося той доли объединяющаго значенія, которое такъ характерно для Западной Европы и съ особенной силой начинаетъ проявляться въ сѣв. Америкѣ, помощью капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ и промысловъ, раздѣленія самихъ членовъ общины на богатѣевъ и бѣдноту медленно, но неуклонно разрушаетъ самыя основы ея существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не создавая ничего прочнаго, способнаго при существую-

щихъ условіяхъ къ развитію, разрушаетъ самыя основы народнаго благосостоянія, а слѣдовательно и всей страны»*).

Благодаря близкому знакомству съ экономическимъ ученіемъ Маркса Николаю—ону удалось несомнѣнно яснѣе, чѣмъ это сдѣлалъ кто-либо изъ его предшественниковъ, изобразить характеръ перемѣнъ, происшедшихъ въ народно-хозяйственной жизни Россіи за новѣйшее время, и выяснить всю безнадежность положенія старыхъ устоевъ въ борьбѣ съ новыми тенденціями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—и въ этомъ сказалась его народническая закваска—онъ раздѣлялъ прежній взглядъ о невозможности развитія у насъ капитализма. Капитализація земледѣльческихъ доходовъ и промысловъ разрушаетъ общину и крестьянское хозяйство, но этимъ самымъ на извѣстной стадіи развитія сокращается внутренній рынокъ, а внѣшнихъ у насъ нѣтъ. Вмѣстѣ съ В. В. Николай—онъ полагалъ, что капитализмъ уже достигъ своей высшей точки и не можетъ выполнить своей исторической миссіи. «Число рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ не только стало въ 1890 г. относительно менѣе того, какимъ оно было въ 1865 г., но кромѣ того оно имѣетъ стремленіе къ еще большему пониженію» (ibid). Благодаря позднему выступленію Россіи, развитіе капитализма сопровождалось такими болѣзненными разстройствами въ области народнаго хозяйств, какихъ не было на Западѣ, проявленія же положительныхъ сторонъ не наблюдается. Такимъ образомъ мы попали въ тупикъ, изъ котораго есть только два выхода: или окончательное банкротство и застой, или же... прыжокъ въ царство соціализма.

Общество, т. е. высшіе классы, и государство должны взять на себя задачу обобществленія производства... «Капиталистическая форма производства и обращенія перестала соотвѣтствовать самымъ насущнымъ народно-хозяйственнымъ потребностямъ. ...Это несоотвѣтствіе формъ производства съ потребностями большинства угрожаетъ такими губительными послѣдствіями и населенію и всему государству, что не остается иного средства, какъ, опираясь на матеріальныя условія производства, унаслѣдованныя нами отъ нашего историческаго прошлаго, прекратить ломку нашей вѣками сложившейся формы производства, основанной на владѣніи орудіями производ-

*) См. *Русское Богатство*. № 4—6 за 1894 г.—Нѣчто объ условіяхъ нашего хозяйственнаго развитія.

ства непосредственными производителями, ...и направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обрабатывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей, но объединеніе не на почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ,—что было бы равносильно «увѣковѣченію всеобщей посредственности»,—а на почвѣ созданія крупнаго общественнаго, обмірществленнаго производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники и имѣющаго въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей и благосостояніе всего населенія» *).

Такое причудливое сочетаніе крайняго пессимизма съ рѣдкимъ довѣріемъ къ существующимъ общественнымъ силамъ, конечно, мало соотвѣтствовало реалистическому духу той новой школы, подъ знаменемъ которой Николай—онъ выступалъ, и изъ недавно опубликованной переписки **) видно, что Ф. Энгельсъ совершенно не раздѣлялъ его выводовъ относительно прошлаго, настоящаго и будущаго Россіи. «Мнѣ кажется,—читаемъ мы въ письмахъ отъ 17 октября 1893 г.—что вы смотрите на дѣло мрачнѣе, чѣмъ можетъ быть оправдано фактами. Несомнѣнно, что переходъ отъ первобытнаго земельнаго коммунизма къ капиталистическому индустріализму не можетъ произойти безъ ужаснаго перелома внутри общества, безъ исчезновенія цѣлыхъ классовъ и ихъ превращенія въ другіе классы; а какія громадныя страданія, какая растрата человѣческихъ жизней и производительныхъ силъ необходимо предполагается такими перемѣнами, это мы видѣли уже—хотя и въ меньшемъ масштабѣ—въ исторіи Западной Европы. Но отъ этого еще очень далеко до полной гибели великаго и высоко одареннаго народа. Быстрое возрастаніе населенія, къ которому вы такъ привыкли, можетъ пріостановиться; беззаботное обезлѣсеніе, въ соединеніи съ экспропріаціей старыхъ помѣщиковъ такъ же, какъ и крестьянъ, можетъ причинить колоссальную растрату производительныхъ силъ; и все же послѣ всего этого населеніе болѣе чѣмъ въ сто милліоновъ душъ доставитъ въ концѣ концовъ очень значительный отечественный рынокъ для

*) Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. 346 стр.

**) Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону 1908 г.

очень почтенной *крупной промышленности;* и у васъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, дѣло кончится тѣмъ, что вещи придутъ понемногу въ равновѣсіе,—конечно, если капитализмъ продержится достаточно долго въ самой Западной Европѣ».—«То, что вы говорите относительно необходимыхъ спутниковъ такихъ громадныхъ экономическихъ переворотовъ—пишетъ Энгельсъ въ другомъ мѣстѣ—совершенно вѣрно, но оно прилагается въ большей или меньшей мѣрѣ ко всѣмъ странамъ, которыя прошли или проходятъ черезъ тотъ же самый процессъ. Истощеніе почвы—смотри Америку; обезлѣсеніе страны—смотри Англію, Францію, а въ настоящій моментъ также Германію и Америку; измѣненіе климата, обмеленіе и усыханіе рѣкъ вѣроятно сильнѣе въ Россіи, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, по причинѣ равниннаго характера страны, снабжающей водой эти громадныя рѣки, и вслѣдствіе отсутствія альпійскихъ запасовъ снѣга и льда, вродѣ тѣхъ, что питаютъ Рейнъ, Дунай, Рону и пр. Разрушеніе старыхъ условій земледѣлія, постепенный переходъ къ капиталистической обработкѣ обширныхъ арендныхъ участковъ, все это—процессы, которые завершились уже въ Англіи и въ Восточной Германіи и происходятъ въ настоящее время повсюду. И мнѣ кажется совершенно очевиднымъ, что крупная промышленность въ Россіи убьетъ земельную общину, если только не произойдетъ раньше иныя великія перемѣны, которыя помогутъ сохранить эту вашу «общину»... (72 стр.)—«Я рѣшительно не вижу, чтобы результаты промышленной революціи, совершающейся на нашихъ глазахъ въ Россіи, отличались въ чемъ-нибудь отъ того, что мы видимъ или видѣли въ Англіи, Германіи и Америкѣ.—Вы сѣтуете на медленность возрастанія числа рабочихъ въ текстильной промышленности, по сравненію съ возрастаніемъ количества произведенныхъ продуктовъ. Но то же самое имѣетъ мѣсто повсюду. Иначе откуда бы бралось чрезмѣрное изобиліе «промышленнаго резерва»? («Капиталъ», гл. 23, отд. 3 и 4).—Вы доказываете постепенное вытѣсненіе мужскаго труда трудомъ женщинъ и дѣтей. Но это и слѣдовало ожидать заранѣе («Капиталъ», гл. 13, отд. 3, а).—Вы сѣтуете, что товары машиннаго производства вытѣсняютъ продукты домашней промышленности и такимъ образомъ губятъ дополнительное, вспомогательное производство, безъ котораго крестьянинъ не можетъ жить. Но мы имѣемъ въ этомъ безусловно необходимое послѣдствіе капиталистической крупной промышлен-

ности: созданіе внутренняго рынка («Капиталъ», гл. 24, отд. 5), т. е. то, что происходило въ Германіи уже въ мое время и на моихъ глазахъ. Даже то, что вы говорите далѣе относительно того, что вторженіе хлопчатобумажныхъ товаровъ губитъ не только домашнее пряденье и тканье крестьянъ, но также и крестьянскую *культуру льна*, даже это имѣло мѣсто и въ Германіи между 1820 г. и нынѣшнимъ временемъ. И вообще, что касается до этой стороны дѣла, т. е. до уничтоженія домашней промышленности и тѣхъ вѣтвей земледѣлія, на которыя она опирается, то мнѣ кажется, что истинный вопросъ стоитъ здѣсь такъ: русскіе должны рѣшить—будутъ ли ихъ домашнія производства уничтожены *ихъ собственной* крупной промышленностью, или же это дѣло будетъ выполнено путемъ *ввоза англійскихъ товаровъ*. При участіи покровительственныхъ пошлинъ задача эта будетъ исполнена самими русскими; при отсутствіи покровительства—англичанами» (78 стр.)...—Столь же отрицательно относились заграничные участники переписки и къ центральной идеѣ Николая—она, проходящей красной нитью черезъ все его произведеніе—о возможности иной, не капиталистической эволюціи нашего народнаго хозяйства.

Какъ мы уже видѣли, появленіе «Капитала» было встрѣчено очень сочувственно радикальной народнической интеллигенціей, но при этомъ конечно очень скоро долженъ былъ возникнуть вопросъ, въ какой мѣрѣ теорія Маркса можетъ быть примѣнима къ Россіи.

Въ своей замѣткѣ по поводу русскаго изданія «Капитала» (*Отечеств. Записки* № 4 за 1872 г.) Михайловскій спѣшитъ удостовѣрить, что «книга Маркса является какъ нельзя болѣе кстати. ...Намъ остается сдѣлать всего нѣсколько шаговъ до окончательнаго опредѣленія своего будущаго. Отъ нихъ будетъ зависить, пойдетъ ли наша жизнь тѣмъ же путемъ, какимъ шла до сихъ поръ жизнь европейская, со всѣмъ ея величіемъ и блескомъ, но и со всѣми ея пятнами, тусклыми и кровавыми; или же мы выработаемъ себѣ нѣкоторыя сочетанія соціальныхъ силъ, болѣе или менѣе отличныя отъ господствующихъ на Западѣ.—Марксъ, какъ извѣстно, соціалистъ, глава международнаго общества рабочихъ, одинъ изъ недовольныхъ европейской цивилизаціей. Но, во первыхъ, именно по своему недовольству онъ для насъ гораздо интереснѣе всѣхъ переводимыхъ у насъ довольныхъ Гарнье и Молинари. Во вторыхъ, онъ не утопистъ,

а строгій, мѣстами очень сухой ученый. Въ третьихъ, наконецъ, являясь революціоннымъ элементомъ на Западѣ, у насъ онъ никакого нарушенія общественнаго спокойствія произвести не можетъ. Идеи интересы, съ которыми онъ борется, слишкомъ еще слабы у насъ, чтобы отъ ихъ распространенія могла воспослѣдовать какая-нибудь опасность. Но они уже достаточно сильны для того, чтобы для насъ было обязательно призадуматься надъ результатами ихъ дальнѣйшаго развитія».

Внутренняя противорѣчивость позиціи народничества очень хорошо илюстрируется здѣсь стремленіемъ съ одной стороны привлечь Маркса на свою сторону, а съ другой—обезвредить его, указаніемъ на консервативный характеръ рабочаго вопроса въ Россіи...

Въ другой своей статьѣ «Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго», помѣщенной въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1877 г., Михайловскій, изложивъ въ сжатомъ видѣ философско-историческій взглядъ автора «Капитала», продолжаетъ слѣдующимъ образомъ. «Представимъ себѣ теперь русскаго человѣка, который увѣровалъ бы въ истинность этой исторической теоріи. Случай очень возможный, такъ какъ Марксъ и общей своей научной физіономіей способенъ внушить безграничное довѣріе, и въ частности приведенная его историческая теорія обставлена въ фактическомъ отношеніи съ большой роскошью, а въ отношеніи логическомъ представляетъ во всякомъ случаѣ нѣчто стройное, цѣльное, а потому соблазнительное. Такой русскій человѣкъ, если только онъ живетъ не исключительно головой, не относится безучастно къ практикѣ жизни, окажется въ чрезвычайно странномъ и трудномъ положеніи. Тотъ обоюдоострый, страшный и вмѣстѣ благодѣтельный, непреоборимый процессъ «обобществленія» труда или вѣрнѣе та форма обобществленія, которую излагаетъ Марксъ, у насъ на святой Руси очень мало подвинулась впередъ. Крестьянинъ нашъ далеко не въ такой мѣрѣ «свободенъ» отъ земли и орудій производства, въ какой это необходимо для пышнаго развитія капиталистическаго производства. Напротивъ, несмотря на его печальное положеніе, какъ земледѣльца, многія обстоятельства даже помимо его собственныхъ инстинктовъ держатъ его у земли. Съ другой стороны, капиталы наши представляютъ въ сравненіи съ европейскими нѣчто крайне мизерное. Слѣдовательно намъ предстоитъ еще пройти вслѣдъ за Европой весь тотъ процессъ,

который описалъ и возвелъ на степень философско-исторической теоріи Марксъ. Разница однако въ томъ, что намъ придется повторить процессъ, т. е. совершить его сознательно. По крайней мѣрѣ его долженъ сознавать тотъ русскій человѣкъ, который увѣровалъ въ непреложность исторической теоріи Маркса. ...Въ Европѣ значительная и тягчайшая часть этого процесса уже совершилась, но вѣдь мы совсѣмъ въ иномъ положеніи. Всѣ эти «калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ» и проч. намъ еще предстоятъ, и мы, съ точки зрѣнія исторической теоріи Маркса, не только не должны протестовать противъ этихъ калѣченій, что значило бы прать противъ рожна, но даже радоваться имъ, какъ необходимымъ, хотя и крутымъ ступенямъ, ведущимъ въ Храмъ счастья. Трудно вмѣстить въ себѣ такое противорѣчіе, которое бы терзало душу русскаго ученика Маркса на каждомъ шагу въ томъ или другомъ частномъ приложеніи. Ему предстоитъ развѣ роль наблюдателя, съ безстрастіемъ Пимена заносящаго въ лѣтопись факты обоюдоострого прогресса. Принимать же въ немъ активное участіе онъ не можетъ. Для мерзостной стороны процесса онъ совсѣмъ не годится, а всякая дѣятельность, соотвѣтствующая его нравственнымъ требованіямъ, только задержитъ, затянетъ процессъ. Идеалъ его, если онъ—ученикъ Маркса, состоитъ между прочимъ въ совпаденіи труда и собственности, въ принадлежности рабочему земли и орудій и средствъ производства. Но въ то же время, если онъ—ученикъ Маркса, со стороны философско-историческаго взгляда послѣдняго онъ долженъ радоваться разлученію труда и собственности, расторженію связи между работникомъ и условіями производства, какъ первымъ шагамъ необходимаго и въ концѣ концовъ благодѣтельнаго процесса. Онъ долженъ, слѣдовательно, привѣтствовать ниспроверженіе зачатковъ собственнаго идеала».—Какъ мы увидимъ ниже, то противорѣчіе, о которомъ говоритъ Михайловскій, оказалось вовсе не такимъ страшнымъ, какъ онъ предполагалъ, и «русскіе ученики» Маркса вышли не похожими ни на лѣтописцевъ, спокойно зрящихъ на правыхъ и виновныхъ, ни на пособниковъ «мерзостной» стороны процесса... Теперь же отмѣтимъ, что Михайловскій рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что намъ, русскимъ, необходимо «изысканіе путей для болѣе непосредственнаго обхода среднихъ стадій описаннаго Марксомъ процесса», т. е. значитъ что схема его къ Россіи въ общемъ не примѣнима.

Еще рѣшительнѣй высказывается въ томъ же духѣ В. В. По его мнѣнію, и общая философско-историческая теорія Маркса не приложима къ Россіи, и въ частности даже тамъ, куда уже проникло капиталистическое вліяніе, не находятъ себѣ подтвержденія установленныя имъ тенденціи развитія. «Попытка найти въ русской жизни подтвержденіе эмпирическихъ законовъ промышленнаго прогресса по западно-европейскому образцу, которымъ мы придавали значеніе научныхъ законовъ общечеловѣческаго развитія»—несбыточна. «Несмотря на бѣглость нашего обзора все-таки выяснилось съ достаточной очевидностью, что кустарная промышленность падаетъ *относительно*, между тѣмъ какъ капиталистическая сокращается *абсолютно:* въ первомъ случаѣ мы имѣемъ, какъ общее правило, такое быстрое расширеніе производства по числу занятыхъ рукъ и по количеству поставляемыхъ на рынокъ товаровъ, что оно перерастаетъ спросъ и потому ведетъ къ пониженію доходовъ кустарей, становится недостаточнымъ сравнительно съ нуждой народа въ заработкѣ; въ области же капиталистической промышленности мы видимъ сокращеніе какъ въ числѣ рабочихъ, такъ и въ количествѣ произведенныхъ товаровъ. Т. е. тогда какъ мелкое производство черезчуръ быстро распространяется впередъ, крупное клонится къ упадку»...

Было ли необходимымъ то направленіе, которое приняло народно-хозяйственное развитіе Россіи и въ частности экономическая политика правительства со времени Крымской войны, или же оно могло пойти по иному руслу,—вотъ вопросъ, который глубоко волновалъ передовую интеллигенцію пореформеннаго времени и на которомъ произошло раздѣленіе ея на два непримиримыхъ лагеря—народническій и марксистскій. Какъ спрашивалъ Николай—онъ въ своихъ письмахъ къ Энгельсу, «была ли та экономическая перемѣна, которая съ 1854 г. стала совершенно неизбѣжной, перемѣной такого рода, что она неизбѣжно должна была не содѣйствовать дальнѣйшему развитію историческихъ учрежденій Россіи, а наоборотъ подрывать ихъ въ самомъ ихъ корнѣ? Или, говоря иными словами, не могла ли русская сельская община быть взятой за основу новаго экономическаго развитія Россіи?—...Крупная промышленность сдѣлалась необходимостью для Россіи, но было ли неизбѣжнымъ, чтобы она развивалась непремѣнно въ капиталистической формѣ» (81 стр.)? Народники отвѣчали на этотъ

вопросъ отрицательно. И какъ въ свое время Гакстгаузенъ или Корсакъ, признавая все преимущество крупнаго производства, считали распространеніе капиталистическихъ фабрикъ результатомъ ошибочной политики Петра, такъ и позднѣйшіе народники—Михайловскій, В. В., Николай—онъ и др.—продолжали думать, что все наше пореформенное развитіе было не необходимостью, а *ошибкой* со стороны правительства и интеллигенціи, ошибкой, которую вполнѣ можно было избѣжать. Возможность *иного* пути была, даже пожалуй нѣсколько возможностей. Какъ доказывалъ напр. В. В., «общественная формація труда, въ тѣхъ случаяхъ, когда она необходима, можетъ быть достигнута какъ артельнымъ или правительственнымъ путемъ, такъ и при посредствѣ капитала» *), т. е. другими словами—крупная промышленность вмѣсто того чтобы вылиться въ ту форму, какая существуетъ теперь, могла быть успѣшно насаждаема у насъ въ видѣ казенной монополіи или на соціалистическихъ началахъ...

Марксъ, который былъ очень чутокъ ко всякой добросовѣстной критикѣ, не замедлилъ написать письмо въ отвѣтъ на статью Михайловскаго, но благодаря увѣреніямъ кажется М. Ковалевскаго, что оно не *можетъ* появиться въ русскомъ журналѣ, письмо это осталось не отправленнымъ и было напечатано уже только въ 1888 г. (*Юридическій Вѣстникъ*, № 10). Здѣсь онъ протестуетъ противъ того, что его очеркъ генезиса капитализма превращается въ «историко-философскую теорію общаго хода экономическаго развитія,—теорію, которой фатально должны подчиняться всѣ народы (каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся), чтобы прійти въ концѣ концовъ къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ имъ наибольшій размахъ производительныхъ силъ общественнаго труда и наибольшее всестороннее развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка. ...Это значило бы заразъ и дѣлать мнѣ слишкомъ много чести, и приписывать мнѣ ошибочное мнѣніе, въ которомъ я ничуть не повиненъ. Покажемъ это на примѣрѣ. Въ различныхъ мѣстахъ «Капитала» я дѣлаю намекъ на судьбу плебеевъ древняго Рима. Вначалѣ это были свободные крестьяне, обрабатывавшіе за свой счетъ собственные участки земли. Въ продолженіе римской исторіи они были постепенно экспропріированы, причемъ то же самое движеніе, которое оторвало

*) См. Судьбы капитализма въ Россіи. 1882 г. 274 стр.

ихъ отъ средствъ производствъ и пропитанія, повлекло за собой не только образованіе крупной поземельной собственности, но также и крупныхъ денежныхъ капиталовъ. Итакъ, въ одно прекрасное утро появились здѣсь съ одной стороны свободные люди, лишенные всего, кромѣ способности къ труду, а съ другой—для эксплоатаціи этого труда—владѣльцы всѣхъ пріобрѣтенныхъ богатствъ. Что же произошло?

Римскіе пролетаріи стали не наемными рабочими, а праздношатающейся чернью, «mob.», стоявшей на болѣе низкомъ нравственномъ уровнѣ, чѣмъ даже «бѣлые бѣдняки» южныхъ штатовъ С.-Америки, а вмѣстѣ съ тѣмъ сложился и расцвѣлъ не капиталистическій способъ производства, а рабскій. Такимъ образомъ событія поразительно аналогическія между собою, но происходившія въ исторически различной средѣ, приводятъ къ совершенно различнымъ между собою результатамъ. Изучая каждую изъ этихъ эволюцій въ отдѣльности и затѣмъ сравнивая ихъ между собою, легко найти ключъ къ уразумѣнію этихъ явленій, но никогда нельзя прійти къ ихъ пониманію, пуская въ ходъ повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теоріи, самое высшее достоинство которой заключается въ ея надъ—историчности.—...Спрашивается теперь, какое же приложеніе къ Россіи могъ извлечь мой критикъ изъ моего краткаго историческаго очерка.

Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй — а въ послѣдніе годы она не мало потрудилась въ этомъ направленіи—ей не удастся достигнуть этой цѣли, не превративъ сначала доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ, а затѣмъ, очутившись однажды на лонѣ капиталистическаго строя, она неизбѣжно подпадетъ подъ власть его неумолимыхъ законовъ, какъ и всѣ прочіе грѣшные народы.—...Чтобы имѣть возможность судить со знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи Россіи, я выучился по русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ данному предмету. Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать итти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 г., то она лишится самаго прекраснаго случая, какой когда либо представляла исторія какому-либо народу для избѣжанія всѣхъ злоключеній капиталистическаго строя».

Какъ видно отсюда, Марксъ совершенно категорически указываетъ условія и послѣдствія вступленія Россіи на путь капитализма, но заключательную фразу нельзя не признать довольно двусмысленной, такъ какъ она оставляетъ открытымъ наиболѣе интересующій русскихъ читателей вопросъ—былъ ли возможенъ или нѣтъ для Россіи иной ходъ развитія? Въ этомъ отношеніи письмо Маркса должно быть поставлено ниже той формулы, которая заключается въ «Критикѣ философскихъ предубѣжденій противъ общины» Чернышевскаго... Впослѣдствіи, въ своемъ предисловіи ко 2-му изданію «Коммунистическаго манифеста» Марксъ выразилъ свою мысль уже гораздо яснѣе, а Энгельсъ въ письмѣ къ Николаю—ону отъ 24 февраля 1893 г. поставилъ окончательно точку надъ і.—«Если вы примите во вниманіе все состояніе вашей страны, какимъ оно было въ этомъ періодѣ (т. е. около половины 50-хъ годовъ), видите ли вы тамъ хоть какую-нибудь возможность привить крупную промышленность къ крестьянской общинѣ и при томъ въ такой формѣ, которая съ одной стороны дѣлала бы возможнымъ развитіе крупной промышленности, а съ другой—подняла бы эту первобытную общину до уровня соціальнаго учрежденія, далеко превосходящаго все то, что міръ видѣлъ до сихъ поръ по этой части? Что касается меня, то мнѣ кажется яснымъ до очевидности, что такая эволюція, превосходящая все, что намъ извѣстно изъ предыдущей исторіи, требовала для своего осуществленія совсѣмъ иныхъ экономическихъ, политическихъ и интеллектуальныхъ условій, чѣмъ тѣ, какія имѣлись въ то время въ Россіи. Несомнѣнно, что земельная община и до нѣкоторой степени артель заключала въ себѣ нѣкоторые зародыши, которые при извѣстныхъ условіяхъ могли бы развиться и спасти Россію отъ необходимости пройти черезъ муки капиталистическаго режима. Я вполнѣ подписываюсь подъ письмомъ нашего автора (т. е. Маркса) по поводу статьи Жуковскаго. Но и по его мнѣнію, и по моему первое условіе, требовавшееся для этого, заключалось въ наличности нѣкотораго *толчка извнѣ*,—въ измѣненіи экономической системы Европейскаго Запада, въ уничтоженіи капиталистической системы въ тѣхъ странахъ, гдѣ она получила свое начало. Нашъ авторъ въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ извѣстному старому манифесту, въ 1882 году, отвѣчая на вопросъ о томъ—не могла ли бы русская община послужить отправнымъ пунктомъ для новаго, болѣе высокаго соціальнаго

развитія—выразился такъ: «если измѣненіе экономической системы въ Россіи совпадетъ съ измѣненіемъ экономической системы на Западѣ, такъ чтобы онѣ пополняли другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ новаго общественнаго развитія». Если бы мы, люди Запада, двигались поживѣе въ дѣлѣ нашего собственнаго экономическаго развитія; если бы мы оказались способными опрокинуть капиталистическій режимъ лѣтъ десять или двадцать тому назадъ, ну тогда Россія имѣла бы передъ собой время, чтобы сократить путь прогресса и остановить стремленіе ея собственной эволюціи въ направленіи къ капитализму» (83 стр.).—«Вы сами признаете—говорится въ слѣдующемъ письмѣ—что «соціальныя условія въ Россіи послѣ крымской войны не были благопріятны для развитія той формы производства, которую мы унаслѣдовали изъ нашей прошлой исторіи». Я пошелъ бы еще дальше и сказалъ бы, что ни въ Россіи и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ невозможно развить изъ первобытнаго земельнаго коммунизма какую-либо болѣе высокую соціальную форму, если эта болѣе высокая форма *не существуетъ уже* въ дѣйствительности въ какой-либо другой странѣ и не служитъ такимъ образомъ какъ бы образцомъ для подражанія. Такъ какъ эта болѣе высокая форма—всюду, гдѣ она исторически возможна—является необходимыхъ слѣдствіемъ капиталистической формы производства и создаваемаго имъ соціальнаго антагонизма, то она никакъ не можетъ развиться прямо изъ первобытной земельной общины, иначе чѣмъ въ видѣ подражанія примѣру, уже существующему въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Если бы Западъ Европы былъ достаточно зрѣлъ въ 1860—1870 годахъ для такого преобразованія, если бы это преобразованіе было предпринято тогда Англіей, Франціей и пр.,—ну тогда русскіе дѣйствительно были бы призваны показать, что можетъ быть сдѣлано изъ ихъ общины, которая въ то время оставалась еще болѣе или менѣе нетронутой. Но Западъ пребывалъ въ застоѣ и даже не пытался произвести такого преобразованія, а капитализмъ напротивъ того развивался все быстрѣе и быстрѣе. Итакъ, Россіи не оставалось никакого иного выбора, кромѣ слѣдующаго: или развить свою общину въ такую форму производства, отъ которой ее отдѣляло еще много промежуточныхъ историческихъ ступеней и условія осуществленія которой не созрѣли еще тогда даже на Западѣ,—задача очевидно невозмож-

ная—или же развиваться въ направленіи капитализма. Спрашивается: какой путь могла избрать она, кромѣ послѣдняго? Что касается до общины, то она остается возможной только до тѣхъ поръ, пока ея члены отличаются другъ отъ друга богатствомъ лишь въ ничтожной степени. Какъ только эти различія станутъ большими; какъ только нѣкоторые ея члены станутъ должниками-рабами другихъ, болѣе богатыхъ членовъ — такъ община не можетъ болѣе жить. Аѳинскіе кулаки и міроѣды передъ появленіемъ Солона разрушили аѳинскій *родъ* (gens) съ такою же неумолимостью и безпощадностью, съ какой кулаки и міроѣды вашей страны разрушаютъ вашу общину. Я боюсь, что это учрежденіе уже осуждено на гибель. Но съ другой стороны капитализмъ открываетъ новыя перспективы и новыя надежды. Посмотрите на то, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ на Западѣ. Великая нація, подобная вашей, переживетъ всякій кризисъ. Не существуетъ ни одного великаго историческаго бѣдствія, которое не уравновѣшивалось и не вознаграждалось бы какимъ-либо историческимъ прогрессомъ. Только modus operandi (способъ дѣйствія) постепенно измѣняется. Que les destinées s'accomplissent (пусть предопредѣленный жребій совершится)»...

Ошибочнымъ нужно признать также и взглядъ народнической интеллигенціи на артель. Прежде всего, послѣдняя вовсе не представляетъ собою чего-либо специфически русскаго. Будучи по существу своему простѣйшимъ видомъ кооперації, она выростаетъ естественнымъ путемъ всюду, гдѣ есть подходящія условія. Такъ, мы видимъ ихъ въ Швейцаріи—въ тамошнихъ молочныхъ, въ Англіи—у рыбаковъ, въ Германіи—у землекоповъ. Нѣмецкіе, преимущественно шлезвигскіе землекопы, которые въ 40-хъ годахъ выстроили желѣзныя дороги въ Германіи, были организованы въ настоящія артели. Не мало такихъ естественно сложившихся товариществъ между землекопами Бернштейнъ*) встрѣчалъ здѣсь уже значительно позже. Въ Италіи они существуютъ съ очень давняго времени. Еще въ средніе вѣка каменьщики, въ особенности ломбардскіе, объединившись въ артели, исколесили всю Европу, строя храмы и ратуши...**).

---

*) *Минувшіе Годы*, ноябрь за 1908 г.—Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры.

**) *Вѣстникъ кооперации*, № 1 за 1910 г.

И у насъ артели чаще всего встрѣчаются именно среди строительныхъ рабочихъ. Неоднократно предпринимавшіяся попытки насажденія ихъ въ области обрабатывающей промышленности не имѣли успѣха и, подобно производительнымъ ассоціаціямъ на Западѣ, онѣ или оказывались нежизнеспособными и распадались, или же утрачивали свой трудовой характеръ и превращались въ капиталистическія предпріятія. Какъ показываетъ практика современнаго кооперативнаго движенія, производительныя артели могутъ имѣть успѣхъ только въ видѣ производительныхъ отдѣленій потребительныхъ обществъ, послѣднія же, хотя и играютъ очень важную роль въ современной экономической жизни, но разрѣшить соціальный вопросъ сами по себѣ не въ состояніи.

Литература: Корсакъ—О формахъ промышленности и о значеніи домашняго производства въ Западной Европѣ и Россіи. 1861 г. В. В.—Судьбы капитализма въ Россіи. 1882 г.; его же—Наши направленія. 1893 г.; его же—Очерки теоретической экономіи. 1895 г.; его же—Отъ семидесятыхъ годовъ къ девятисотымъ. 1907 г. І. Кабдицъ (Юзовъ)—Основы народничества. Ч. І—ІІ. 1888—93 г. А. Волгинъ—Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.). 1896 г. Николай—онъ—Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. 1893 г.; его же—Нѣчто объ условіяхъ нашего хозяйственнаго развитія. *Русское Богатство*, № 4—6 за 1894 г. Н. К. Михайловскій—Собраніе сочиненій. 1896 г; его же—По поводу русскаго изданія книги Карла Маркса. *Отечественныя записки*, № 4 за 1872 г. Письмо К. Маркса къ Михайловскому. *Юридическій Вѣстникъ*, № 10 за 1888 г.

В. Засуличъ—Михайловскій. *Искра* 1904 г. № 60. Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону. 1908 г. Бернштейнъ—Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры. *Минувшіе Годы* № 11 за 1908 г.

ГЛАВА VI.

Возникновеніе марксизма; группа „Освобожденіе Труда".

Неудача всѣхъ программъ и движеній семидесятыхъ годовъ и реакція, усилившаяся послѣ разгрома «Народной Воли», вызвали глубокое уныніе въ радикальныхъ кругахъ нашего общества. Этотъ разгромъ игралъ въ русской жизни приблизительно такую же роль, какую на Западѣ играло пораженіе революціи 1848 года. И какъ тамъ Л. Рейбо, излагая исторію соціализма, выразилъ убѣжденіе, что «соціализмъ умеръ, говорить о немъ—значитъ произнести надгробную рѣчь», такъ и русское правительство, добивая послѣдніе остатки революціонныхъ организацій, разсчитывало вѣроятно покончить съ ними навсегда.

Какъ говорится въ заключеніи оффиціальнаго отчета о ходѣ соціалистическаго движенія въ Россіи*), «быть можетъ засіяетъ день, когда изъ всѣхъ государствъ и народовъ Европы одна Россія въ состояніи будетъ бросить громовое „Quos ego" разрушительнымъ принципамъ соціализма и революціи. ...Во всякомъ случаѣ русскій народъ можетъ видѣть въ своемъ будущемъ ясные, спокойные и счастливые горизонты, безъ боязни соціальныхъ кризисовъ и переворотовъ».

Но и тамъ, и тутъ этотъ приговоръ оказался преждевременнымъ,—движеніе, которое казалось столь прочно похороненнымъ, скоро ожило и стало распространяться съ невиданной ранѣе силой.

Этотъ подъемъ является тѣсно связаннымъ у насъ съ возникновеніемъ новаго умственнаго теченія, извѣстнаго подъ именемъ *марксизма*.

*) Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи. 357 стр.—Авторомъ ея былъ генер. Шебеко, товарищъ министра вн. дѣлъ.

«Русскій соціализмъ» насчитывалъ въ своихъ рядахъ не мало блестящихъ именъ, но нельзя отрицать, что воздвигнутое ихъ трудами зданіе, хотя и отличалось стройностью и своеобразіемъ стиля, не имѣло надлежащаго, прочно — углубленнаго фундамента, было слишкомъ легко и воздушно. Герценъ былъ великимъ мастеромъ слова и пользовался европейской извѣстностью, но слава эта покоилась всецѣло на талантѣ его, какъ публициста и обличителя. Имя Бакунина также было достаточно громко какъ въ Россіи, такъ и за-границей, но онъ былъ на своемъ мѣстѣ лишь въ качествѣ агитатора, научныя же познанія его не отличались глубиной и разносторонностью. Лавровъ обладалъ огромной эрудиціей и выдающимися способностями, но его главный интересъ сосредоточивался на философіи, въ области же соціально-экономическихъ и политическихъ вопросовъ онъ былъ не самостоятельнымъ изслѣдователемъ, а эклектикомъ, построенія котораго не удовлетворяли ни ту, ни другую сторону. Чернышевскій обладалъ всѣми необходимыми данными для того, чтобы подвести теоретическій фундаментъ подъ развивавшееся въ Россіи демократическое движеніе, но дѣятельность его въ этомъ направленіи была насильственно прервана въ самомъ началѣ. Такимъ образомъ, выработка научно-реалистической программы оставалась не законченной. Теорія Маркса давала въ руки русскимъ соціалистамъ и усовершенствованный методъ изслѣдованія, и основныя исходныя точки зрѣнія для выполненія этой работы. Въ этомъ заключалась причина ея широкаго и побѣдоноснаго распространенія въ Россіи съ восьмидесятыхъ годовъ. Имя Маркса и его взгляды были извѣстны въ Россіи и раньше. Его «Критика политической экономіи» обратила вниманіе на себя уже вскорѣ послѣ своего появленія. «Вашъ успѣхъ колоссаленъ среди мыслящихъ людей—писалъ Марксу въ 1860 г. русскій эмигрантъ Сазоновъ—и если вамъ пріятно будетъ узнать, какое впечатлѣніе произвели ваши доктрины въ Россіи, то я скажу вамъ, что въ началѣ этого года профессоръ ...читалъ въ Москвѣ публичный курсъ по политической экономіи, и первая лекція его была перифразомъ вашего послѣдняго труда». Самъ Сазоновъ уже раньше подпалъ подъ вліяніе Маркса и заявилъ себя его ученикомъ, но скорая смерть помѣшала ему принять участіе въ пропагандѣ марксизма.

Русскій переводъ «Капитала», появившійся весною 1872 г., былъ встрѣченъ критикой очень сочувственно и разошелся почти за одинъ годъ въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Въ началѣ же семидесятыхъ годовъ Н. Зиберъ началъ популяризировать ученіе Маркса съ профессорской каѳедры—сначала въ своей книгѣ «Теорія стоимости и капитала Д. Рикардо» и въ университетскихъ лекціяхъ, а затѣмъ въ журнальныхъ статьяхъ. Женевскій журналъ *Народное Дѣло* и лавристы также охотно заявляли себя сторонниками или даже учениками Маркса. Однако въ отношеніи практическаго примѣненія новыхъ идей между первыми русскими марксистами существовали крупныя разногласія.

Будучи ярымъ марксистомъ, проф. Зиберъ въ то же время рѣшительно отвергалъ примѣненіе воззрѣній основателя научнаго соціализма на практикѣ. По его мнѣнію, капиталистическій процессъ самъ собой, безъ посторонняго воздѣйствія, долженъ прійти къ гибели и замѣнѣ существующаго строя коллективистскимъ. Поэтому онъ не придавалъ значенія ни классовой борьбѣ пролетаріата вообще, ни дѣятельности рабочихъ партій въ частности. Къ попыткамъ же нашей передовой молодежи «распропагандировать народъ» Зиберъ относился — по свидѣтельству Дейча — болѣе чѣмъ отрицательно... Но и для тѣхъ, кому необходимость практической борьбы представлялась несомнѣнной, особенности марксистскаго способа мышленія оставались незамѣченными. Какъ сторонники *Народнаго Дѣла*, такъ и большая часть лавристовъ просто на просто переносили на крестьянство все то, что на Западѣ относилось къ пролетаріату: вполнѣ естественно поэтому, что такой упрощенный методъ не могъ вывести ихъ за предѣлы тѣхъ рѣшеній, которыя уже были найдены бакунистами и народниками.

Нѣкоторые же изъ первыхъ марксистовъ шли еще дальше и возлагали свои надежды на религіозно преслѣдуемыя части народа. Сюда относится напр. Ив. Фесенко, который обладалъ большой начитанностью, пользовался значительнымъ вліяніемъ и основалъ въ Кіевѣ свой особый кружокъ. Будучи самъ выходцемъ изъ деревни и хорошо зная ея забитость и темноту, онъ считалъ явной нелѣпостью теорію Бакунина о повсемѣстной готовности русскаго мужика къ революціи; нужно было поэтому искать союзниковъ въ другомъ мѣстѣ. Главная его мысль была та, что «при умѣніи подойти къ сектантамъ мож-

но было бы перевести присущій имъ чрезмѣрный интересъ къ религіознымъ вопросамъ на почву соціализма.—Такъ какъ сектантовъ въ Россіи считалось около двѣнадцати милліоновъ, то успѣхъ нашей пропаганды среди нихъ, по мнѣнію этого марксиста, въ значительной мѣрѣ приблизилъ бы насъ къ побѣдѣ». *До* своей встрѣчи съ Фесенко—разсказываетъ Дейчъ—я пытался завязать сношенія съ рабочими и вести среди нихъ пропаганду. Сошедшись съ этимъ марксистомъ, я долженъ былъ отказаться отъ всякихъ такихъ намѣреній. Будучи въ теоріи послѣдователемъ Маркса, Фесенко на практикѣ отдавалъ сектантамъ преимущество передъ фабричными и заводскими рабочими. Причиной такой его непослѣдовательности было то, что онъ, при всемъ отрицательномъ своемъ отношеніи ко взглядамъ Лаврова и Бакунина, въ концѣ концовъ все же подчинялся господствовавшему тогда въ Россіи мнѣнію, что преобладающую роль въ долженствовавшей будто бы вскорѣ произойти революціи будутъ играть не рабочіе, а крестьяне. Рабочихъ же тогда одни считали слоемъ, въ значительно степени «испорченнымъ городской жизнью», а другіе не придавали имъ самостоятельнаго значенія, въ виду незначительнаго тогда количества ихъ въ Россіи, въ лучшемъ случаѣ допуская, что рабочіе могутъ служить связующимъ звеномъ между интеллигенціей и крестьянами для распространенія среди послѣднихъ соціалистическихъ идей. Въ этомъ отношеніи Фесенко не составлялъ исключенія: знакомство съ «Капиталомъ» не имѣло рѣшительно никакого вліянія на сдѣланный имъ выборъ плана практической дѣятельности»*).

Въ качествѣ самостоятельнаго и при томъ рѣзко враждебнаго народничеству теченія русскій марксизмъ сталъ выдѣляться лишь съ начала восьмидесятыхъ годовъ, когда пораженіе народовольческаго движенія особенно остро выдвинуло вопросъ о томъ, куда итти.

Въ 1883 г. пять русскихъ эмигрантовъ основали въ Швейцаріи группу, которая уже однимъ своимъ названіемъ—Освобожденіе Труда — рѣзко выдѣлялась изъ предшествовавшихъ

*) Л. Дейчъ—Какъ мы въ народъ ходили. *Вѣстникъ Европы* № 10 за 1910 г.; его же—Одинъ изъ первыхъ нашихъ марксистовъ. *В. Европы* № 12 за 1911 г.—Впрочемъ послѣ неудачи своей первой попытки вести пропаганду среди сектантовъ Фесенко болѣе уже не собирался итти въ народъ, а принялся за занятія съ рабочими, что болѣе соотвѣтствовало его взглядамъ.

теченій, ставившихъ во главу угла земельный вопросъ. Организаторомъ ея былъ Левъ Дейчъ, а главнымъ теоретикомъ — Г. Плехановъ, бывшій раньше однимъ изъ редакторовъ *Земли и Воли* и *Чернаго Передѣла;* кромѣ нихъ въ составъ группы входили П. Аксельродъ, В. Засуличъ и В. Игнатовъ. Въ этомъ же году члены группы выпустили объявленіе объ изданіи Библіотеки Современнаго соціализма, въ которомъ — подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства съ формами западно-европейскаго рабочаго движенія и болѣе тщательнаго изученія трудовъ основателей научнаго соціализма Маркса и Энгельса—отказывались отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и разрывали со старыми традиціями «русскаго соціализма». Какъ показалъ опытъ, несмотря на существованіе общины и артелей соціалистическія идеи плохо прививались въ Россіи, и на этой почвѣ не удалось создать мощнаго народнаго движенія. Были подвиги со стороны отдѣльныхъ лицъ, были героическія усилія интеллигенціи разбудить народъ во имя соціальнаго переворота, была масса драматическихъ моментовъ, свидѣтельствующихъ о поразительномъ самоотверженіи, величій и энергіи революціонеровъ, были организаторы и вожди, но арміи для нихъ, стихійнаго выступленія народныхъ силъ—не было. Тяжелый туманъ реакціи окутываетъ всю русскую жизнь. Въ это именно время складывается новое направленіе, острымъ клиномъ врѣзавшееся въ господствовавшее тогда міросозерцаніе. Среди удушливой атмосферы 80-хъ годовъ, на далекой чужбинѣ, зарождалась русская соціалъ-демократія; двадцать лѣтъ спустя ей уже суждено было сыграть рѣшающую роль въ томъ переворотѣ, который по своему вліянію на дальнѣйшій ходъ развитія страны принадлежитъ къ числу величайшихъ въ исторіи Россіи. Намъ и предстоитъ теперь отмѣтить главнѣйшіе этапы на этомъ пути ея послѣдовательнаго развитія.

Народниковъ разныхъ видовъ и разновидностей объединяла одна общая мысль: это убѣжденіе, что для Россіи не обязателенъ путь развитія, проходимый Западной Европой. Минуя капиталистическую стадію, она можетъ достигнуть прямымъ путемъ царства соціализма, развивая тѣ начала, которыя на Западѣ давно пришли въ ветхость, но которыя у насъ сохраняютъ полную силу и значеніе: общину и артель. Не пролетаріатъ, но крестьянство—надежда Россіи. Противъ этого и выступило прежде всего новое направленіе со своей критической работой.

Путь развитія для насъ одинъ и тотъ же: это путь съ Востока на Западъ. Не въ сохраненіи остатковъ натуральнаго строя, патріархальныхъ отношеній, а въ развитіи капитализма лежитъ залогъ освободительнаго движенія. Капитализмъ неизбѣженъ въ Россіи; да онъ уже развивается быстрыми шагами въ ея нѣдрахъ и только поверхностный или ослѣпленный предубѣжденіями взглядъ не замѣчаетъ этого процесса. Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ наростаетъ та новая сила, которой предстоитъ стать во главѣ движенія. Пролетарій и мужичекъ—это настоящіе политическіе антиподы.

Историческая роль пролетаріата настолько же революціонна, насколько консервативна роль «мужичка». На мужичкѣ цѣлыя тысячелѣтія непоколебимо держались восточныя деспотіи, а пролетаріатъ въ сравнительно очень короткое время распаталъ «основы» западно-европейскаго общества. Въ Россіи же его развитіе и политическое воспитаніе идетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ у сказочнаго богатыря. Въ какія-нибудь 10—12 лѣтъ онъ измѣнился до неузнаваемости. Русскій пролетаріатъ особенно окрѣпъ и развился въ царствованіе Александра III, т. е. въ эпоху самой свирѣпой реакціи и самаго безотраднаго застоя, въ такую эпоху, когда интеллигенція безнадежно опускала руки, теряла вѣру въ себя и свои идеалы...

Такова въ общихъ чертахъ сущность того міросозерцанія, которое новое направленіе противопоставило народничеству и которое было развито въ произведеніяхъ Плеханова.

Наиболѣе жгучимъ вопросомъ для русскихъ соціалистовъ того времени являлся вопросъ объ отношеніи къ политикѣ, и ему была посвящена первая, изданная группой Освобожденія Труда, брошюра—«Соціализмъ и политическая борьба», вышедшая осенью 1883 г. Разъясняя здѣсь основныя положенія научнаго соціализма, авторъ критикуетъ попутно анархическія идеи Бакунина и Прудона, проповѣдовавшихъ отрицаніе государства и политической борьбы. Когда землевольцы порицали «Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» за то, что выставилъ въ своей программѣ политическія требованія—это было съ ихъ стороны несомнѣнной ошибкой. Ту же ошибку повторило «Зерно», которое рекомендовало рабочимъ вести борьбу на экономической почвѣ, добиваться сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы, даже убивая шпіоновъ или особенно нелюбимыхъ

мастеровъ и т. д., но ничего не говорило о политическихъ задачахъ русскихъ рабочихъ. «Это отсутствіе синтеза въ революціонныхъ взглядахъ и программахъ нашихъ соціалистовъ не могло не оказать самаго вреднаго вліянія на результаты ихъ дѣятельности. Охраняя политическій индифферентизмъ, какъ важнѣйшій признакъ радикализма ихъ экономическихъ требованій, мы тѣмъ самымъ оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кромѣ того, обрывая наши программы именно на томъ пунктѣ, гдѣ нужно было подвести итогъ соціальнымъ требованіямъ рабочаго класса, мы уменьшали практическое значеніе этихъ программъ въ глазахъ рабочихъ, лучше насъ понимавшихъ, до какой степени безплодна разрозненная борьба противъ отдѣльныхъ эксплоататоровъ. Къ счастью, наше рабочее движеніе очень рано переросло эту первую фазу своего развитія. Отвѣтъ «Сѣверно-русскаго Рабочаго Союза» редакціи *Земли и Воли* показалъ, что по крайней мѣрѣ члены этого союза раньше нашей интеллигенціи поняли всю неумѣстность «политическаго невмѣшательства» рабочаго класса» (41 стр.). Признаніе политики со стороны «Народной Воли» было началомъ поворота на правильный путь, но оно не было свободнымъ отъ многихъ иллюзій, мѣшавшихъ успѣху дѣла. Партія Н. В.—дитя переходнаго времени. «Ея программа есть послѣдняя программа, родившаяся при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлали нашу односторонность неизбѣжнымъ и потому законнымъ явленіемъ. Расширяя политическій горизонтъ русскихъ соціалистовъ, программа эта сама не свободна еще отъ односторонности. Въ ней также замѣтно отсутствіе политическаго глазомѣра, способности сообразовать ближайшія цѣли партіи съ ея дѣйствительными или возможными силами. Партія Народной Воли напоминаетъ человѣка, идущаго по настоящей дорогѣ, но еще не имѣющаго понятія о разстояніяхъ и потому увѣреннаго въ томъ, что онъ тотчасъ же можетъ «верстъ сто тысячъ отмахать и нигдѣ не отдыхать». Практика разрушитъ, разумѣется, его иллюзію, но это разрушеніе можетъ стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежатъ ли семимильные сапоги къ области фантазіи. Подъ хожденіемъ семимильными сапогами мы разумѣемъ... фантастическій элементъ въ интересующей насъ программѣ, который во второмъ № *Н. В.* выразился въ увѣренности относительно соціально-революціоннаго большинства въ

будущемъ русскомъ учредительномъ Собраніи *), и въ № 8—9 проявилъ себя въ разсужденіяхъ о «захватѣ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ». Мы глубоко убѣждены, что этотъ фантастическій элементъ въ высшей степени вреденъ для самой партіи Народной Воли. Какъ партіи соціалистической, онъ вреденъ ей тѣмъ, что отвлекаетъ ее отъ непосредственныхъ задачъ въ средѣ рабочаго класса въ Россіи; какъ партіи, взявшей на себя иниціативу нашего освободительнаго движенія,—онъ вреденъ ей тѣмъ, что всегда будетъ отталкивать отъ нея много средствъ и силъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, притекать къ ней изъ среды такъ называемаго общества» (56—57). Дѣйствительно въ своей подготовительной дѣятельности народовольцы большія надежды возлагали на поддержку либеральной части общества, затѣмъ офицерства и наконецъ на сочувствіе Европы. Но если это такъ, то какой смыслъ пугать ихъ соціальной революціей? «Развѣ экономическій переворотъ входитъ въ интересы русскаго либерализма? Развѣ наше либеральное общество сочувствуетъ аграрной революціи, которой по словамъ *Народной Воли* будутъ добиваться крестьянскіе депутаты? Западно-европейская исторія говоритъ намъ весьма убѣдительно, что тамъ, гдѣ «красный призракъ» принималъ хоть сколько-нибудь грозныя формы, либералы готовы были искать защиты въ объятіяхъ самой безцеремонной военной диктатуры. Думалъ ли террористическій органъ, что наши русскіе либералы составятъ исключеніе изъ этого общаго правила? Если такъ, то на чемъ основывалъ онъ свое убѣжденіе. Думалъ ли онъ также, что современное «общественное мнѣніе Европы» до такой степени проникнуто соціалистическими идеями, что будетъ сочувствовать созыву соціально-революціоннаго Учредительнаго Собранія? Или онъ думалъ, что трепеща краснаго призрака у себя дома, европейская буржуазія будетъ апплодировать появленію его въ Россіи? Само собой разумѣется, что ничего подобнаго онъ не думалъ и ничего подобнаго не забывалъ. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было дѣлать это рискованное заявленіе?» По мнѣнію автора, оно должно было примирить правовѣрныхъ народниковъ съ уклоненіемъ въ

*) Вотъ подлинное выраженіе—«90% депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью—отъ партіи».

сторону политики. «Эта увѣренность (въ соціалистическомъ большинствѣ будущаго учредительнаго собранія) была не болѣе какъ фикціей, придуманной для соглашенія несогласимыхъ между собою элементовъ народовольческой программы»... Далѣе Плехановъ подвергаетъ рѣшительному осужденію мысль о захватѣ власти, который долженъ былъ бы доставить партіи возможность совершить экономическій переворотъ... «Мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собой послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достигшій политическаго господства революціонный классъ только тогда и сохранитъ за собой это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! говоритъ Фаустъ. Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности можно сказать о диктатурѣ рабочаго класса, задачей котораго является въ настоящее время не только разрушеніе политическаго господства непроизводительныхъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функцій соціально-экономической жизни. Одно *пониманіе* этой задачи предполагаетъ развитой рабочій классъ, обладающій политическимъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предразсудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. *Рѣшеніе* же ея предполагаетъ, кромѣ всего сказаннаго, еще и распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. Но *такой* пролетаріатъ и *не позволитъ* захватить власть даже самымъ искреннимъ благожелателямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходитъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на арену исторической жизни, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы излишней, такъ какъ онъ и самъ могъ бы тогда рѣшить задачу соціалисти-

ческой революціи; не позволитъ, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей не замѣнитъ никакая конспиративная сноровка, никакая отвага и самоотверженіе заговорщиковъ. ...До тѣхъ же поръ, пока рабочій классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи соціальныхъ экспериментовъ и вивисекцій, исходъ которыхъ всегда болѣе чѣмъ сомнителенъ. Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ соціалистической революціи. Примѣняя эту точку зрѣнія къ русской дѣйствительности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность соціалистическаго правительства въ Россіи» (61—63 с.).

Но будучи по существу своему совершенно утопической — ибо народовольцы не вѣрили въ возможность сознательнаго и организованнаго выступленія ни со стороны крестьянства, ни со стороны рабочаго класса — мысль о захватѣ власти въ руки соціалистовъ естественно должна была лишь отталкивать какъ русскихъ либераловъ, такъ и буржуазную Европу отъ всякаго сближенія съ подобнымъ революціоннымъ движеніемъ. «Какъ ни забито, какъ ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохраненія и ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ добровольно на встрѣчу «красному призраку»; указывать ему на такую постановку задачъ партіи— значитъ лишать себя его поддержки и разсчитывать лишь на свои собственныя силы.—...Въ виду всего сказаннаго, мы думаемъ, что единственною не фантастическою цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій съ одной стороны и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей соціалистической партіи* Россіи—съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая вмѣстѣ съ «правами человѣка» обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракомъ», такая политическая программа вызывала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ

противникамъ демократіи: вмѣстѣ съ соціалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма. ...Связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого.* Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента» *).

Какъ выше уже было отмѣчено нами въ первой главѣ, мысль о томъ, что укрѣпленіе началъ политической свободы въ Россіи находится въ зависимости отъ развитія у насъ буржуазіи, была высказана еще Бѣлинскимъ. Къ той же мысли, но гораздо позже, пришелъ затѣмъ и Чернышевскій. «Будемъ теперь глядѣть на купца—говорилъ онъ въ серединѣ 80-хъ годовъ.—Когда купецъ не только тарифовъ, но и правъ потребуетъ, и не съ благодарностью за прошлое, а грозя будущимъ, тогда наступитъ конецъ старымъ порядкамъ» **).

Эта мысль была, конечно, совершенно не народнической, ибо народники или вообще не допускали возможности появленія сильной буржуазіи въ Россіи, или смотрѣли на конституцію, исходящую отъ либераловъ, какъ на новое ярмо, накладываемое на шею народа. Но она не была—употребляя позднѣйшій терминъ — и соціалъ-демократической, ибо оставалась слишкомъ неразвитой и туманной, и въ отношеніи къ вопросу объ организаціи рабочаго класса въ самостоятельную партію изъ этой мысли можно сдѣлать два совершенно противоположныхъ вывода. А именно, можно было во первыхъ вести разсужденіе далѣе слѣдующимъ образомъ: такъ какъ Россія вступила на путь капиталистическаго развитія и у насъ неизбѣжно образованіе буржуазіи, которая и должна завоевать политическую свободу, то рабочему классу нѣтъ надобности пока тратить свои силы на организацію самостоятельной партіи; таковъ былъ ходъ мыслей

*) Соціализмъ и политическая борьба, изд. „*Пролетаріатъ*“ 1906 г.—61, 68—69, 72—73 стр.

**) *Русское Богатство* № 3 за 1905 г.—Даже Герценъ со свойственной ему непослѣдовательностью склонялся иногда къ подобному же выводу. Такъ въ письмѣ изъ Неаполя, относящемся къ осени 1863 г., мы встрѣчаемъ слѣдующія характерныя строки: «Глядя на то, какъ здѣсь при отсутствіи сильной буржуазіи столичная чернь остается лаццарони, по неволѣ приходитъ въ голову, что народъ, по тяжелому закону selection, только и поднимается черезъ буржуазію къ болѣе развитой жизни».

значительной части впередовцевъ въ семидесятыхъ годахъ, такъ разсуждали затѣмъ въ девяностыхъ годахъ представители такъ наз. экономическаго направленія и авторы Credo. Но можно было также аргументировать иначе и, выводя необходимость образованія у насъ самостоятельной рабочей партіи изъ общихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ современнымъ рабочимъ движеніемъ, фактъ заинтересованности буржуазіи въ измѣненіи государственнаго строя въ Россіи класть лишь въ основу соображеній о тактикѣ партіи, заключая изъ него о возможности и желательности соглашеній и совмѣстныхъ дѣйствій съ либеральными элементами страны; эту точку зрѣнія въ законченномъ видѣ развила впервые группа Освобожденія Труда.

Другой очередной проблемой былъ вопросъ объ отношеніи къ крестьянскому движенію. «Годы пребыванія за-границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія въ родѣ бунта Ст. Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи не можетъ удовлетворить соціально-политическихъ нуждъ современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія и что онѣ не могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* соціалистической партіи»,—такъ говорится въ предисловіи къ брошюрѣ *Соціализмъ и политическая борьба*, а въ концѣ ея авторъ снова возвращается къ тому же вопросу. «Мы не держимся того взгляда, — скорѣе навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существующаго въ дѣйствительности, — по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что въ общемъ русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую «націонализацію земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитаціи въ его средѣ оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода мѣръ въ свою программу. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ соціалистовъ и не игнорируемъ тѣхъ препятствій, того сопротивленія среды, съ которыми имъ неизбѣжно придется считаться въ своей дѣятельно-

сти. Поэтому, и *только поэтому*, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ на первое время сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ. Современное сельское населеніе, живущее при отсталыхъ соціальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической *иниціативѣ*, но и менѣе ихъ *воспріимчиво* къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціи. Ему труднѣе усвоить соціалистическія ученія, потому что условія его жизни слишкомъ непохожи на условія, породившія эти ученія. Къ тому же крестьянство переживаетъ теперь тяжелый, критическій періодъ. Прежніе «старо-дѣдовскіе устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется въ его глазахъ», по признанію даже такихъ «стародѣдовски» народническихъ органовъ, какъ *Недѣля*, новыя же формы труда и жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ. Какъ вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образуетъ въ другихъ мѣстахъ новые осадки и отложенія, такъ процессъ русскаго соціальнаго развитія образуетъ новыя общественныя формаціи, разрушая вѣковыя формы отношенія крестьянъ къ землѣ и другъ къ другу. Эти новыя общественныя формаціи носятъ въ себѣ зародыши новаго общественнаго движенія, которое одно только и можетъ положить конецъ эксплоатаціи трудящагося населенія Россіи. Промышленные рабочіе, обладающіе большимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, примкнутъ къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ и затѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую соціалистическую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду соціализма въ средѣ крестьянства. Говоримъ о *систематической пропагандѣ* потому, что отдѣльные случаи пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ, конечно, не должны быть упускаемы и въ настоящее время. Едва ли нужно прибавлять, что наши соціалисты должны были бы измѣнить распредѣленіе своихъ силъ въ народѣ, если бы въ средѣ крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движеніе». Точно также въ первомъ проектѣ программы русскихъ соціалъ-демократовъ, составленномъ въ 1884 г., указывается, что группа «Освобожденія Труда» ни мало не игнорируетъ крестьянства, составляющаго огромный-

шую часть трудящагося населенія Россіи, но только при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы работа интеллигенціи должна быть направлена на болѣе развитой слой, именно—на промышленныхъ рабочихъ. Лишь черезъ нихъ, заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціалистическая интеллигенція можетъ съ гораздо большей, чѣмъ до сихъ поръ, надеждой на успѣхъ распространить свое воздѣйствіе и на крестьянство. Само собой, впрочемъ, разумѣется, что распредѣленіе силъ нашихъ соціалистовъ должно будетъ измѣниться, если въ крестьянствѣ обнаружится самостоятельное революціонное движеніе. Но во второмъ, окончательномъ проектѣ, относящемся къ слѣдующему году, эта послѣдняя фраза была уже выкинута и замѣнена другой, гораздо болѣе сдержанной. «Само собой, впрочемъ, разумѣется—говорится здѣсь въ примѣчаніи—что въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Соціалъ-демократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и пріемахъ своей дѣятельности». Какъ видитъ читатель, здѣсь уже не высказывается надежды на возможность самостоятельнаго и сильнаго крестьянскаго движенія въ Россіи, но самая необходимость и важность работы въ деревнѣ вполнѣ признается. Въ книгѣ «Наши разногласія», вышедшей въ 1884 г., Плехановъ подробнѣе развиваетъ свой взглядъ на эту сторону дѣла. Начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, т. е. со времени раздѣленія общества «Земля и Воля»—говорится тамъ—революціонная дѣятельность въ крестьянской средѣ не только не расширялась, но суживалась все болѣе и болѣе. Въ настоящее время ее безъ большой ошибки можно приравнять къ нулю. А между тѣмъ за все это время не было недостатка въ людяхъ, полагающихъ, что центръ тяжести всего нашего революціоннаго движенія немедленно долженъ быть перенесенъ въ крестьянскую среду. Откуда это противорѣчіе? Несправедливо было бы подозрѣвать народниковъ въ бездѣятельности, трусости и нерѣшительности. Остается думать, что они постановили себѣ задачу, неисполнимую при настоящихъ условіяхъ, что не съ крестьянства должна начинать наше интеллигенція свое революціонное сліяніе съ народомъ. И мы дѣйствительно такъ

думаемъ. Связующимъ звеномъ между нею и крестьянствомъ должны послужить силы нарождающагося пролетаріата; онѣ и только онѣ могутъ заполнить историческую пропасть, отдѣляющую «народъ» отъ «образованной» части общества. Черезъ нихъ и съ ихъ помощью соціалистическая пропаганда проникнетъ во всѣ закоулки деревенской Россіи. Пока у насъ нѣтъ рабочей партіи, выступающіе въ городахъ революціонеры по неволѣ обращаются «къ обществу», такъ что фактически они являются его революціонными представителями. Народъ отодвигается на задній планъ, а этимъ не только замедляется установленіе связи между нимъ и интеллигенціей, но нарушается и существовавшая прежде связь между «сельскими» и «городскими» революціонерами изъ самой интеллигенціи. Отсюда—взаимное непониманіе, разногласія, расхожденія. «Не то было бы, если бы политическая борьба въ городахъ приняла главнымъ образомъ рабочій характеръ. Тогда городскіе и сельскіе революціонеры различались бы между собой лишь по *мѣсту*, а вовсе не по *сущности* своей дѣятельности, и тѣ, и другіе были бы представителями *народнаго* движенія въ различныхъ его видахъ»... Революціонныя силы тогда распредѣлялись бы слѣдующимъ, весьма простымъ способомъ: «въ деревню пойдутъ всѣ тѣ, кого вынуждаютъ къ этому профессіональныя обязанности. Само собой разумѣется, что такихъ будетъ не мало. Въ то же время люди, имѣющіе возможность поселиться въ городахъ или промышленныхъ центрахъ, направятъ свои усилія на рабочую среду и постараются сдѣлать изъ нея авангардъ русской соціалъ-демократической арміи. Такова наша программа. Она не жертвуетъ деревней въ интересахъ города, не игнорируетъ крестьянства ради промышленныхъ рабочихъ. Она ставитъ своей задачей организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія»*). Но такъ какъ деревня по прежнему пребывала въ состояніи подавленности и какого-то оцѣпенѣнія, а народничество—съ другой стороны, продолжало занимать непримиримую позицію, отталкивая протянутую соціалъ-демократами руку, то новое направленіе естественно стало все болѣе и болѣе подчеркивать свой пролетарскій характеръ, и выбранный делегатомъ на международной соціалистическій конгресъ въ Парижѣ (1889 г.) Плехановъ рѣшительно и безъ всякихъ оговорокъ заявилъ, что

*) Цит. по 2 изд. 1906 г. 304—305 стр.

«задача нашей революціонной интеллигенціи сводится, по мнѣнію русскихъ соціалъ-демократовъ, къ слѣдующему: она должна усвоить взгляды современнаго научнаго соціализма, распространить ихъ въ рабочей средѣ и съ помощью рабочихъ приступомъ взять твердыню самодержавія. *Революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ.* Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ»...

Общій взглядъ сторонниковъ марксистскаго направленія на ходъ экономическаго развитія, т. е. главнымъ образомъ на судьбы капитализма въ Россіи, былъ развитъ впервые наиболѣе подробно Плехановымъ въ упомянутой уже нами книгѣ «Наши разногласія», посвященной спеціально полемикѣ съ возродившимся народовольческимъ теченіемъ въ лицѣ незадолго основаннаго передъ тѣмъ за-границей журнала *Вѣстникъ Народной Воли*. Возражая Тихомірову на его утвержденіе о хилости и безнадежности русскаго капитализма, авторъ изъ анализа того матеріала, который въ большомъ количествѣ накопился уже въ литературѣ, выводитъ совершенно противоположное заключеніе. «Ясно, внятно, убѣдительно говорятъ цифры, что—по крайней мѣрѣ по отношенію къ промышленности обрабатывающей намъ пора уже перестать закрывать глаза передъ дѣйствительностью, пора уже убѣдиться, что дѣйствительность эта имѣетъ очень мало общаго съ тѣми наивными иллюзіями, которыя характеризовали народническій періодъ нашего движенія. Пора имѣть мужество сказать себѣ, что въ названной сферѣ не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежитъ у насъ капитализму» (153 с.). Конечно, указанія на медленный—сравнительно съ Западомъ — ходъ его развитія имѣютъ подъ собой почву, но «не обусловливается ли «тугое развитіе» русской промышленности вліяніемъ современнаго политическаго гнета? Что свободныя учрежденія составляютъ необходимое условіе капитализма на извѣстной стадіи его развитія—это давно уже извѣстно каждому какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, гдѣ еще въ пятидесятыхъ годахъ раздавались голоса, требовавшіе свободы ради успѣховъ промышленности. Г. Тихомировъ могъ бы съ большою для себя пользой прочитать рѣчь покойнаго И. Бабста «о нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала», произнесенную въ іюнѣ 1856 г., въ торжественномъ собраніи казанскаго университета. Эта рѣчь по-

могла бы ему понять, какимъ образомъ тотъ же самый капитализмъ, который прячется сначала подъ «мантіей самодержца», приходитъ мало по малу въ противорѣчіе съ интересами абсолютной монархіи и начинаетъ фрондировать, разумѣется, по своему, умѣренно и аккуратно. «Трудно себѣ представить, до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ гибельно на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала—говоритъ названный экономистъ. Междоусобныя войны, борьба политическихъ партій, нашествія, моръ, голодъ не могутъ имѣть того гибельнаго вліянія на народное богатство, какъ деспотическое и произвольное управленіе. ...Капиталы и накопленіе ихъ только тогда исполнятъ свое настоящее назначеніе, когда открыта полная и свободная стезя для ихъ дѣятельности». ...Что интересы русской буржуазіи приходятъ теперь въ непримиримое противорѣчіе съ интересами абсолютизма—это знаетъ всякій, слѣдившій хотъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ за ходомъ русской жизни въ послѣднее десятилѣтіе. ...Наша буржуазія переживаетъ теперь важную метаморфозу: у нея развились легкія, которыя требуютъ уже чистаго воздуха политическаго самоуправленія, но въ то же время у нея не атрофировались еще и жабры, съ помощью которыхъ она продолжаетъ дышать въ мутной водѣ разлагающагося абсолютизма. Корни ея сидятъ еще въ почвѣ стараго режима, но верхушка ея достигла уже развитія, указывающаго на необходимость и неизбѣжность пересадки» (116—117, 120—121 стр.). Мнѣніе о невозможности развитія капитализма въ Россіи вслѣдствіе отсутствія внѣшнихъ рынковъ опровергалось въ свою очередь указаніемъ на важное значеніе и широкіе размѣры нашего внутренняго рынка и на неправильное истолкованіе фактовъ изъ исторіи Запада. Сначала Англія одна господствовала на международномъ рынкѣ, потомъ конкурентами выступили Франція и Германія, затѣмъ Америка и т. д. «В. В. думаетъ—писалъ нѣсколько позже Плехановъ—что разъ добившись господства на всемірномъ рынкѣ болѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи страны окончательно закрываютъ доступъ къ нему менѣе развитымъ странымъ и тѣмъ толкаютъ эти послѣднія на путь соціальной реформы, каковая реформа и должна быть предпринята будто бы стоящимъ выше классовыхъ интересовъ провительствомъ, напримѣръ правительствомъ

...самодержца всероссійскаго. Факты же показываютъ совсѣмъ обратное. Они говорятъ намъ, что менѣе развитыя страны не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а постепенно расчищаютъ себѣ путь на всемірный рынокъ и своею конкуренціей толкаютъ болѣе развитыя страны на путь соціальной революціи, которая будетъ совершена сознавшимъ свою классовую задачу пролетаріатомъ, опирающимся на свои собственныя силы и захватившимъ политическую власть въ свои собственныя руки».

Но если область обрабатывающей промышленности захватывалась капиталомъ все болѣе и болѣе и торжество его здѣсь становилось очевиднымъ даже для многихъ народниковъ, то какъ обстоитъ дѣло въ земледѣліи, гдѣ находитъ себѣ занятіе подавляющая часть населенія—не является ли община непреодолимымъ препятствіемъ для проникновенія сюда новыхъ, чуждыхъ ей началъ? На это марксисты отвѣчали отрицательно, ибо считали, что независимо отъ того, крупное или мелкое производство возьметъ верхъ въ области земледѣлія, дни общины во всякомъ случаѣ сочтены. Въ противовѣсъ указаніямъ на необыкновенную прочность русской общины, которая пережила и междоусобія удѣльнаго времени, и монгольское иго, и реформы Петра*), Плехановъ подчеркиваетъ, что эта прочность объясняется лишь недавнимъ развитіемъ въ Россіи денежнаго хозяйства.«До уничтоженія крѣпостного права почти все общество, а въ значительной степени и государственное хозяйство Россіи было хозяйствомъ натуральнымъ, въ высшей степени благопріятнымъ сохраненію поземельной общины. ...Въ основѣ московскаго деспотизма лежали именно тѣ вѣковые устои народной жизни, которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и реакціонный бар. Гакстаузенъ, и революціонный агитаторъ Бакунинъ. Будь Россія изолирована отъ экономическихъ и политическихъ вліяній Западо-европейской жизни,—трудно было бы и предвидѣть, когда исторія подко-

*) Б. Чичеринъ высказалъ въ 1856 г. взглядъ, что русская община вовсе не такого древняго происхожденія, какъ это обыкновенно думаютъ, и явилась результатомъ реорганизаціи податной системы Московскаго государства; въ настоящее время это мнѣніе можно считать пожалуй господствующимъ. См. напр. Туганъ-Барановскій—Основы политической экономіи. 1909 г. «Въ центральной Россіи уравнительно-передѣльная община вложилась, вѣроятно, не ранѣе конца 17 вѣка» (271 с.).

паетъ наконецъ экономическій фундаментъ ея политическаго устройства. Но вліяніе международныхъ отношеній ускорило естественный, хотя и медленный, процессъ развитія денежнаго хозяйства и товарнаго производства. Реформа 19-го февраля была необходимо уступкой новому экономическому теченію и въ свою очередь придала ему новую силу. Община не сумѣла, да и не могла приспособиться къ новымъ условіямъ. Ея организмъ надломился, и только ослѣпленые люди не замѣчаютъ теперь признаковъ ея разложенія» (164 с.). Развитіе мѣновыхъ отношеній мало по малу расшатало сельскую домашнюю промышленность, отдѣливъ ее отъ земледѣлія и тѣмъ лишивъ мелкое хозяйство одной изъ важнѣйшихъ опоръ его замкнутаго существованія. Чтобы покрыть образовавшійся отсюда дефицитъ и занять освободившееся такимъ образомъ время, значительная часть сельскаго населенія должна была обратиться къ продажѣ своего труда. Съ другой стороны, тяжесть налоговъ, лежащихъ на землѣ, непрерывно увеличивается и при современныхъ историческихъ условіяхъ не можетъ не увеличиваться, и это обстоятельство въ связи съ ростомъ населенія дѣлаетъ неотложной интенсификацію земледѣлія, которая въ свою очередь требуетъ значительныхъ затратъ капитала и свободы въ выборѣ системъ полеводства. Не спасая деревню отъ пролетріата, община вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняетъ процессъ приспособленія ея къ новымъ условіямъ жизни, и вытекающая отсюда задержка въ развитіи производительныхъ силъ является главной причиной нашей экономической и культурной отсталости и нищеты. Въ то время какъ народники въ разореніи деревни, неурожаяхъ, уменьшеніи потребленія массъ, тяжелыхъ кризисахъ и т. п. винили капитализмъ вообще, марксисты наоборотъ главное зло видѣли въ недостаточности его развитія, въ сохраненіи у насъ многихъ остатковъ натурально-хозяйственнаго строя — каковы напр. общинное землевладѣніе въ области экономической и абсолютизмъ—въ области политической. Выше мы уже видѣли, что съ конца семидесятыхъ годовъ въ народничествѣ появляется такъ сказать пессимистическое теченіе, представители котораго уже отчаиваются въ возможности для общины успѣшно противостоять разрушительному вліянію денежно-мѣновыхъ отношеній, при чемъ одни изъ нихъ (Николай—онъ) всѣ надежды— въ смыслѣ переустройства какъ земледѣлія, такъ и промышленности на соціалистическихъ началахъ возлагали на правитель-

ство и образованную часть общества, другіе же (народовольцы) на захватъ власти революціонерами.

Марксисты относились одинаково отрицательно какъ къ тому, такъ и къ другому способу рѣшенія вопроса, считая, что переустройство общества на новыхъ началахъ можетъ осуществить только самъ народъ, но не тотъ народъ вообще—какъ думали старые народники 60-хъ и 70-хъ годовъ, а именно городской и сельскій пролетаріатъ, подготовленный и воспитанный къ выполненію своей исторической миссіи тяжелымъ процессомъ классовой борьбы, развертывающейся въ нѣдрахъ капиталистическаго строя. Нужно замѣтить однако, что, ведя энергичную борьбу противъ утопическихъ воззрѣній народничества, Плехановъ дѣлаетъ имъ кое-какія уступки, которыя плохо вяжутся съ реалистическимъ духомъ марксизма. Говоря напр. о неизбѣжности у насъ капитализма, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ своихъ противниковъ соображеніемъ, что это торжество будетъ непродолжительнымъ и что первый же политическій переворотъ послужитъ началомъ его конца.

«Современное положеніе буржуазныхъ обществъ и вліяніе международныхъ отношеній на соціальное развитіе каждой цивилизованной страны даютъ право надѣяться, что соціальное освобожденіе русскаго рабочаго класса послѣдуетъ очень скоро за паденіемъ абсолютизма. Если нѣмецкая буржуазія «пришла слишкомъ поздно», то русская запоздала еще болѣе, и господство ея не можетъ быть продолжительнымъ» *).—«Нашъ капитализмъ отцвѣтетъ, неуспѣвши *окончательно* расцвѣсть, за это ручается намъ могучее вліяніе международныхъ отношеній», и тогда подъ вліяніемъ рабочей партіи «сохранившіяся сельскія общины дѣйствительно начнутъ переходить въ высшую коммунистическую форму. Тогда выгоды, представляемыя общиннымъ землевладѣніемъ, станутъ дѣйствительными, а не только возможными, и народническія мечты о самобытномъ развитіи нашего крестьянства осуществятся по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой его части. Такимъ образомъ силы, освобождающіяся при разложеніи общины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, могутъ предохранить ее отъ полнаго разложенія въ другихъ мѣстностяхъ»... **).

*) Соціализмъ и политическая борьба. 73 стр.

**) Наши разногласія. 286 и 300 стр.

Едва ли нужно доказывать въ настоящее время, какъ далеко оказалось у насъ паденіе абсолютизма отъ начала полнаго соціальнаго освобожденія рабочаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ и шансы общины на переходъ въ высшую коммунистическую форму, хотя бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, отъ этого нисколько не поднялись, совершенно даже наоборотъ—то, передъ чѣмъ въ нерѣшительности отступало самодержавное правительство, стало одной изъ первыхъ задачъ «конституціоннаго» кабинета П. А. Столыпина: указъ 9 ноября 1906 г.—нынѣ законъ 14 іюня 1910 г.—провозгласилъ государственной необходимостью форсированное разрушеніе общиннаго землевладѣнія и образованіе на его развалинахъ частной собственности. Если съ народнической точки зрѣнія, разсчитывавшей на законодательное закрѣпленіе общины, такой способъ ликвидаціи вопроса, въ теченіе многихъ десятилѣтій раскалывавшаго нашу интеллигенцію на два противоположныхъ лагеря, представляется совершенно неожиданнымъ, *) то для марксистскаго направленія онъ долженъ былъ представляться предопредѣленнымъ уже давно.

Подводя итогъ взглядамъ группы «Освобожденія труда» на характеръ экономической эволюціи Россіи, мы можемъ выразить его слѣдующими словами Плеханова: «Всѣ наиболѣе новыя, а потому и наиболѣе вліятельныя теченія нашей общественной жизни, всѣ наиболѣе знаменательные факты въ области производства и обмѣна—имѣютъ одинъ несомнѣнный и безспорный смыслъ; они не только расчищаютъ дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и въ высшей степени важными моментами его развитія. *За капитализмъ* вся динамика нашей общественной жизни, всѣ тѣ силы, которыя развиваются при движеніи соціальнаго механизма и въ свою очередь опредѣляютъ направленіе и скорость его движенія. *Противъ капитализма* лишь болѣе или менѣе сомнительные интересы нѣкоторой части крестьянства, да та сила инерціи, которая по временамъ такъ больно даетъ себя чувствовать развитымъ людямъ всякой отсталой, земледѣльческой страны. Но крестьяне не до-

*) Какъ говоритъ въ своемъ письмѣ въ редакцію *Современника* (№ 1 за 1911 г.) М. Антоновичъ, «прежній національный устой, при существованіи котораго мечталось о возможности для Россіи, минуя капиталистическую фазу экономическаго развитія, прямо шагнуть въ научный соціализмъ... теперь убитъ однимъ взмахомъ».

статочны сильны, чтобы защищать свои дѣйствительные интересы; съ другой стороны, они часто не достаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общежитія. Главный потокъ русскаго капитализма пока еще не великъ; еще не много такихъ мѣстъ въ Россіи, гдѣ отношенія нанимателя къ работнику совершенно соотвѣтствовали бы общераспространенному представленію объ отношеніяхъ труда къ капиталу въ капиталистическомъ обществѣ; но въ этотъ потокъ со всѣхъ сторонъ направляется такое множество мелкихъ и крупныхъ ручейковъ, ручьевъ и рѣчекъ, что общая масса направляющейся къ нему воды огромна, и быстрый сильный ростъ потока не подлежитъ сомнѣнію. Его уже нельзя остановить, еще менѣе его можно высушить; остается лишь регулировать его теченіе, если мы не хотимъ, чтобы онъ принесъ намъ одинъ только вредъ, если мы не отказываемся отъ надежды хотя отчасти подчинить стихійную силу природы разумной дѣятельности человѣка» (l. c. 203 стр.).

Каковъ же долженъ быть характеръ дѣятельности демократической интеллигенціи, которая усвоила бы себѣ вышеуказанные взгляды и пожелала заняться урегулированіемъ капиталистическаго потока экономической жизни въ интересахъ народа? На этотъ вопросъ долженъ былъ дать отвѣтъ проектъ программы «русскихъ соціалъ-демократовъ», напечатанный въ окончательномъ видѣ группой Освобожденія труда въ 1885 г.

Русскіе соціалъ-демократы, подобно соціалъ-демократамъ другихъ странъ,—говорится въ немъ,—стремятся къ полному освобожденію труда отъ гнета капитала. Такое освобожденіе можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ средствъ и предметовъ производства, который повлечетъ за собою: а) устраненіе современнаго товарнаго производства и б) замѣну его новой системой общественнаго производства по заранѣе составленному плану въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время. Отмѣчая далѣе международный характеръ движенія и необходимость захвата рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣтствующихъ странъ, проектъ подчеркиваетъ, что практическія задачи, а слѣдовательно и программы соціалдемократовъ должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ка-

питалистическое производство, какъ напр. въ Россіи, только стремится еще стать господствующимъ и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ соціалъ-демократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ... Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежнымъ, если бы развитіе капитализма не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспріимчивый, подвижной и развитой, онъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи русскіе соціалъ-демократы считаютъ первой и главнѣйшей своей обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ однако въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе. Поэтому борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой задачей, и главнымъ средствомъ политической борьбы противъ абсолютизма русскіе соціалдемократы считаютъ агитацію въ средѣ рабочаго класса и дальнѣйшее распространеніе въ ней соціалистическихъ идей и революціонныхъ организацій.

Тѣсно связанныя между собой въ одно стройное цѣлое, организаціи эти, не довольствуясь частными столкновеніями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти въ удобный моментъ къ общему на него нападенію, при чемъ не остановятся и передъ такъ называемыми террористическими дѣйствіями, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы.

Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ является завоеваніе демократической конституціи на основѣ всеобщаго избирательнаго права какъ при выборахъ въ законодательное собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія. Далѣе слѣдуютъ: всеобщее свѣтское даровое и обязательное образованіе, неприкосновенность личности и жилищъ, свобода совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій, свобода передвиженій и занятій, полная равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племенного происхожденія, замѣна постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа и пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, въ цѣляхъ отмѣны сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ человѣка.

Опираясь на эти основныя политическія требованія, рабочая партія выдвигаетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.: 1) Радикальный пересмотръ нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленіе ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ и т. п. 2) Устраненіе современной податной системы и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога. 3) Законодательное урегулированіе отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организація соотвѣтствующей инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ. 4) Государственная помощь производительныхъ ассоціаціямъ, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требованія—говорится въ заключеніи—настолько же благопріятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный ихъ деревни

въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, пролетарій вернется въ нее соціаль-демократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такой силой явится рабочая партія и увлеченная ею бѣднѣйшая часть крестьянства.

Всматриваясь внимательнѣй въ этотъ проектъ, мы видимъ, что онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе программы, выработанной Сѣвернымъ Союзомъ русскихъ рабочихъ. Раздѣленіе программы на двѣ части—одну, устанавливающую конечную цѣль движенія, и другую, въ которой намѣчаются требованія, могущія быть реализованными въ рамкахъ капиталистическаго строя и служащія подготовленіемъ для осуществленія этой конечной цѣли—введенное впервые Союзомъ, проведено и здѣсь, но уже съ гораздо большей логической законченностью. Вмѣсто запутанныхъ и внутренне противорѣчивыхъ построеній, въ которыхъ требованія, составляющія въ своей совокупности то, что называется политической свободой, уживались съ абсолютизмомъ, мы находимъ теперь вполнѣ опредѣленную и точную формулировку ближайшихъ задачъ рабочей партіи: ниспроверженіе абсолютизма и завоеваніе демократической конституціи. Затѣмъ мы не встрѣчаемъ уже болѣе пункта о свободной федераціи общинъ, который сохранился въ программѣ Сѣвернаго Союза какъ остатокъ вліянія Бакунинскаго анархизма, но зато такой анти-марксистскій пунктъ, какъ требованіе государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ, т. е. артелямъ, образуемыхъ крестьянами и рабочими, остался попрежнему. Нельзя не видѣть здѣсь нѣкоторой уступки народническимъ взглядамъ со стороны группы Освобожденія Труда, точно такъ же какъ признаніе ею террористической борьбы было уступкой народовольческой тактикѣ. Впрочемъ признаніе это было чисто платоническаго характера, ибо изъ числа средствъ обычной, повседневной борьбы терроръ исключался и группой Освобожденія Труда; въ самой же Россіи соціалдемократы заняли по отношенію къ нему съ самаго начала совершенно опредѣленную отрицательную позицію *). При наличности мас-

*) М. Лядовъ—Исторія россійск. соц. демокр. рабочей партіи. Ч. 1-ая, 1906 г. 95—96 стр.

сваго движенія—говорили они—терроръ излишенъ, при отсутствіи же его онъ безполезенъ или даже прямо вреденъ; безполезенъ—потому, что путемъ террористическихъ актовъ совершенно расшатать правительственный механизмъ нельзя и на мѣсто одного лица явится другое, и вреденъ—тѣмъ, что лучшія силы и средства партіи такимъ образомъ отвлекаются отъ организаціи и пропагандистской работы. Интересно отмѣтить, что и Лавровъ, состоявшій однимъ изъ редакторовъ *Вѣстника Народной Воли*, относился несочувственно къ нему. «Дозволительны ли формы террора?—спрашиваетъ онъ въ «Письмѣ товарищамъ въ Россіи» (1888 г.) и отвѣчаетъ отрицательно. «Мнѣ приходилось слишкомъ часто въ 1880 и 1881 годахъ, когда вся молодая эмиграція была на сторонѣ этихъ пріемовъ, публично предупреждать слушателей объ ихъ опасностяхъ, чтобы меня даже добросовѣстные противники сочли террористомъ. Я указывалъ тогда на возможное возмущеніе общества противъ террористовъ, но въ этомъ отношеніи мои опасенія были излишни: правительство воспитало въ русскомъ обществѣ слишкомъ много неуваженія къ законнымъ мѣрамъ и жизни личности, чтобы это возмущеніе могло развиться, а русскіе террористы были болѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ можно было ожидать. Я указывалъ на опасность истощенія силъ партіи въ продолжительной террористической борьбѣ съ болѣе многочисленнымъ противникомъ, и мои опасенія къ сожалѣнію оправдались. Я указывалъ еще на одну опасность: на возможность появленія въ ряду довѣренныхъ лицъ и даже руководителей людей, которые не только не оправдаютъ довѣрія, но вполнѣ обманутъ его. Примѣры Гольденберга и Дегаева были уже печальнымъ подтвержденіемъ моего опасенія; къ нашему общему горю, пришлось мнѣ увидѣть еще новый, болѣе тяжелый примѣръ (раскаяніе Тихомірова). Терроръ есть оружіе крайне опасное и остается крайне опаснымъ въ Россіи; тяжелую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые къ нему прибѣгаютъ; но не эмигрантамъ, давно уже оставившимъ отечество, можно произнести приговоръ о его цѣлесообразности въ томъ или другомъ случаѣ. Комитетъ Народной Воли взялъ на себя эту отвѣтственность и былъ поддержанъ долго общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, привлекъ къ себѣ значительное число живыхъ силъ ея. Ошибался онъ или нѣтъ,—я судить не рѣшаюсь, такъ какъ окончательная неудача не есть доказательство ошибки въ теоріи». Въ

виду этого, сдержанно-отрицательнаго отношенія Лаврова къ террору, принципіальная защита его была возложена на другого редактора, не задолго передъ тѣмъ прибывшаго изъ Россіи—Л. Тихомірова, который и выполнялъ эту задачу съ большимъ жаромъ. По странной ироніи судьбы однако, вскорѣ послѣ прекращенія журнала, Тихоміровъ также пришелъ къ заключенію объ ошибочности своего взгляда на этотъ предметъ.

Съ точки зрѣнія политической выгоды—писалъ онъ въ предисловіи ко второму изданію своей книги „La Russie politique et Sociale", помѣченномъ 20 февр. 1888 г., т. е. приблизительно за полгода до своего ренегатства, «я нахожу террористическій принципъ совершенно ложнымъ. Одно изъ двухъ: или имѣется достаточно силъ для измѣненія режима, путемъ ниспроверженія правительства, которое противится этой перемѣнѣ,—или ихъ нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой нужды въ политическихъ убійствахъ; во второмъ—эти убійства не приведутъ ни къ чему. ...Безполезный или безсильный, терроризмъ не есть система политической борьбы» (Цит. по книгѣ Шебеко—Хроника соц. движ.).

Несмотря на осторожную и примирительную политику группы Освобожденія Труда (самое названіе ея было избрано для того, чтобы не слишкомъ раздражать народниковъ, въ которыхъ она видѣла возможныхъ товарищей) *), новое направленіе встрѣтило со стороны народничества крайне враждебное отношеніе. Хотя имя Маркса было очень популярно среди русской радикальной интеллигенціи, но приложеніе его идей въ указанномъ видѣ къ русской дѣйствительности въ теченіе долгаго времени казалось ей еретическимъ. Нужно было время, для того чтобы рѣзче могли обнаружиться тѣ экономическія и общественно-политическія измѣненія и тенденціи, на которыя указывало и отъ которыхъ исходило новое направленіе, и потому только по прошествіи полтора десятка лѣтъ, т. е. уже во второй половинѣ 90-хъ годовъ, было дано имъ рѣшительное сраженіе «русскому соціализму», гдѣ послѣдній и былъ разбитъ...

*) Первоначально предполагалось назвать ее просто группой русскихъ соціалъ-демократовъ, но—по словамъ Плеханова—«это уже слишкомъ рѣзало бы ухо нашихъ возможныхъ товарищей, въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкшихъ къ анархической хулѣ на международную соціалъ-демократію».

Литература: Г. Плехановъ—Соціализмъ и политическая борьба. 1883 г.; его же—Наши разногласія. 1884 г.; его же—О задачахъ русскихъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ. 1891 г.; его же—Проектъ программы россійск. соціал.-дем. партіи. См. *Заря* № 4 за 1902 г.; его же—На два фронта. 1905 г. Н. Батуринъ—Очеркъ исторіи соціальдемократіи въ Россіи. 1906 г. Левъ Дейчъ—Одинъ изъ нашихъ первыхъ марксистовъ. *Вѣстникъ Европы* № 12 за 1911 г. А. Ельницкій—Г. В. Плехановъ. *Образованіе* № 1 за 1906 г. В. Засуличъ—Сборникъ статей. Т. 2 1906 г. Д. Кольцовъ—Конецъ „Народной Воли" и начало соціальдемократіи. См. приложеніе I къ исторіи рев. движ. въ Россіи А. Туна. М. Лядовъ—Исторіи россійской соціальдемократической рабочей партіи. Ч. 1, 1906 г. Л. Мартовъ—Пролетарская борьба въ Россіи. 1906 г. А. Мартыновъ—Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма. См. Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. 1910 г. т. II. Ч. вторая. А. Потресовъ—Этюды о русской интеллигенціи. 1906 г. Н. Рязановъ—Группа „Освобожденіе труда". 1906.; его же—Двѣ правды. Народничество и марксизмъ. 1906 г.; его же—Къ критикѣ программы россійской соціалдемократіи. 1906 г.; его же—Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ. *Современный Міръ* №№ 8 и 9 за 1912 г.

БИБЛИ
АКА

Замѣченныя опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
III	19 сн.	всупленія	вступленія
9	4 сн.	поразитъ	поразить
33	9 св.	навѣрно	не вѣрно
38	3 сн.	1902 г.	1909 г.
43	15 св.	затѣмъ	зачѣмъ
65	5 св.	вся строка	излишня
68	3 сн.	обусжденіи	обсужденіи
»	16 сн.	полку	палку
86	6 сн.	эмбріологія	эмбріологіи
101	13 св.	отличаетъ	отмѣчаетъ
102	19 сн.	кода	когда
136	6 св.	провѣрки	провѣркѣ
181	9 св.	народѣ	народъ
»	3 сн.	занмя	знамя
»	1 сн.	даетъ	даемъ
183	17 сн.	кровь.	кровь».
190	11 св.	что	чтобы
207	6 св.	Васильева	Васильчикова
228	19 св.	осталяетъ	оставляетъ
233	18 сн.	хзояйств	хозяйства
235	18 сн.	произойдетъ	произойдутъ
237	4 св.	идеи интересы	идеи и интересы
272	5 сн.	соціалимзу	соціализму

Того же автора:

Законъ убывающаго плодородія почвы и его значеніе для политической экономіи.
Москва. 1903 г. Цѣна 75 к.

Рабочее движеніе въ Россіи.
С.-Петербургъ. 1906 г. Цѣна 20 к.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи. (2-е изданіе).
С.-Петербургъ. 1908 г. Цѣна 1 р.

Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи.
С.-Петербургъ. 1910 г. Цѣна 75 к.

Современная дороговизна на Западѣ и въ Россіи.
Харьковъ. 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Цѣна 2 р.